

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Социологический институт

Власть и элиты

Power and elites

Том 2

Санкт-Петербург
2015

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

А.В. Дука, к.пол.н., главный редактор
А.В. Быстрова, к.э.н.
И.И. Елисеева, д.э.н., чл.-корр. РАН
В.В. Козловский, д.филос.н.
Д.Б. Тев, к.с.н.

EDITOR

A. Duka, Dr., St. Petersburg
EXECUTIVE BOARD
A. Bystrova, Dr., St. Petersburg
I. Eliseeva, Dr., Prof., St. Petersburg
V. Kozlovskiy, Dr., Prof., St. Petersburg
D.Tev, Dr., St. Petersburg

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

В.А. Ачкасов (С.-Петербург, Россия)
О.В. Гаман-Голутвина (Москва, Россия)
В.А. Гуторов (С.-Петербург, Россия)
А.А. Зоткин (Киев, Украина)
Н.Ю. Лапина (Москва, Россия)
В.Г. Ледяев (Москва, Россия)
О.Ю. Малинова (Москва, Россия)
В.П. Мохов (Пермь, Россия)
П.В. Панов (Пермь, Россия)
И. Панькув (Краков, Польша)
У. Хоффманн-Ланге (Бамберг, Германия)
А.Е. Чирикова (Москва, Россия)

EDITORIAL BOARD

V. Achkasov (St. Petersburg, Russia)
A. Chirikova (Moscow, Russia)
O. Gaman-Golutvina (Moscow, Russia)
V. Gutorov (St. Petersburg, Russia)
U. Hoffmann-Lange (Bamberg, Germany)
N. Lapina (Moscow, Russia)
V. Ledyayev (Moscow, Russia)
O. Malinova (Moscow, Russia)
V. Mohov (Perm, Russia)
I. Pańków (Warszawa, Poland)
P. Panov (Perm, Russia)
A. Zotkin (Kiev, Ukraine)

Власть и элиты / Гл. ред. А.В. Дука. Т. 2. СПб.: Интерсоцис, 2015.

Power and Elites / Ed. by A. Bystrova, A. Duka, D. Tev. Vol. 2. St. Petersburg: Intersotsis, 2015.

Альманах посвящен теоретическим и методологическим проблемам изучения власти и элит, вопросам эволюции и функционирования властных групп в России и других странах, трансформации российского общества, структур власти и практик групп доминирования. Особое внимание уделено сравнительным исследованиям элит, а также взаимовлиянию элитных групп и гражданского общества.

Издание представляет интерес для широкого круга обществоведов, исследующих проблемы власти и властных групп, преподавателей социологии, политологии и истории, а также политических практиков – экспертов, консультантов и действующих политиков.

Утверждено к печати Ученым советом
Социологического института РАН

*Издание осуществлено при поддержке
Фонда имени Фридриха Эберта (Германия)*

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Дука А.В.</i> Предисловие	5
Теоретические проблемы исследования элит и властных отношений	
<i>Дука А.В.</i> Основания функционирования властных элит	14
<i>Зоткин А.А.</i> Информационное господство элит в условиях ослабления национальных государств	73
Политические элиты в международной перспективе	
<i>Латина Н.Ю.</i> К вопросу об особенностях французской политической элиты	93
<i>Малинова О.Ю.</i> К вопросу об использовании Другого в символической политике: на примере ссылок на США и КНР в риторике президентов РФ (2000-2015)	136
Механизмы и практики власти	
<i>Соловьев А.И.</i> Правящая элита России: к вопросу о механизмах и технологиях политического господства	152
<i>Подвицнев О.Б.</i> Попытка формирования новых политических элит в регионах РФ: цели, механизмы, результаты (2012-2014 гг.)	171
<i>Сунгуров А.Ю.</i> Власть и экспертное сообщество: институты и практики взаимодействия в российских регионах	190
Этнополитические конфликты	
<i>Ачкасов В.А.</i> Роль элит в провоцировании и эскалации этнополитических конфликтов	209
<i>Магомедов А.К.</i> Кремль и постсоветские «окопные герои»: история инструментального использования политической харизмы от Шаманова до Стрелкова	234
Административные элиты	
<i>Тев Д.Б.</i> Элитное образование: главные кузницы высших административных кадров за рубежом и в России	250
<i>Быстрова А.С.</i> Собственность и власть: декларации высших региональных бюрократов	278
Власть и элиты в городских сообществах	
<i>Ледяев В.Г.</i> Опыт изучения власти в городских сообществах: русская проекция	301
<i>Чирикова А.Е.</i> Невидимая власть в проекции малых российских городов	326
Abstracts	345
Сведения об авторах	353
Contributors	355

CONTENTS

<i>A. Duka</i> . Preface	5
Problems of the Elite Studies	
<i>A. Duka</i> . Reasons for Power Elites' Functioning	14
<i>A. Zotkin</i> . The Information Dominance of Elites in the Conditions of the Weakening of National States.	73
Political Elites in the International Context	
<i>N. Lapina</i> . The Peculiarities of the French Political Elite	93
<i>O. Malinova</i> . Making use of the Foreign 'Others': comparative analysis of representations of the USA and the PRC in the rhetoric of the Russian presidents (2000-2015)	136
The Mechanisms and Practices of Power	
<i>A. Soloviev</i> . Russian Ruling Elite: the mechanisms and the technologies of political domination	152
<i>O. Podvintsev</i> . Attempt of the Formation of New Political Elites in Russia's Regions: goals, mechanisms, outcomes (2012-2014)	171
<i>A. Sungurov</i> . Authorities and Expert Community: the institutions and practices of cooperation in the Russian regions.	190
Ethno-political Conflicts	
<i>V. Achkasov</i> . The Role of Elites in Provoking and Escalating Ethno-political Conflicts.	209
<i>A. Magomedov</i> . The Kremlin and the Post-Soviet "Trench Heroes": The history of the instrumental use of political charisma from Shamanov to Strelkov	234
Administrative Elites	
<i>D. Tev</i> . Elite Higher Education: The main "forges" of senior administrators abroad and in Russia.	250
<i>A. Bystrova</i> . Ownership and Power: declarations of regional upper bureaucrats	278
Power and Elites in Urban Communities	
<i>V. Ledyayev</i> . The Study of Power in Urban Communities: the Russian perspective	301
<i>A. Chirikova</i> . Invisible Power in the Russian Small Towns	326
Abstracts	345
Сведения об авторах	353
Contributors	355

ПРЕДИСЛОВИЕ

Второй ежегодный альманах «Власть и элиты» в значительной мере следует уже сложившейся традиции. Он знакомит читателей с дискуссиями, прошедшими на нашем ежегодном семинаре по проблемам социологии власти. Но не только. Семинар — событие, дающее пищу для размышления. Споры и обмен мнениями, которые проходят не только в связи, по поводу и во время сессий семинара, но и в кулуарах, и уже после этого события часто бывают очень плодотворными. Однако статьи, опубликованные в данном томе — это не только результат собственно ученых разговоров, но также научных исследований за столом и «в поле». Поэтому часть текстов может быть и «не высказана» на наших собраниях, но, безусловно, именно контекст нашего общения ответственен за их появление. В этом отношении цель сборника — продолжение обсуждения увлекающих наш разум и сердце сюжетов. Про сердце не просто «красное словцо». Эмоциональная насыщенность ряда текстов очевидна. Более того, проскальзывают и ценностные суждения, которые по классическому мнению противопоставлены науке. Между тем, исследователь зачастую погружен в социальные отношения, и ему очень трудно — если не невозможно — быть бесстрастным свидетелем. Он *здесь и сейчас* живет. Он частично (как проживающий конкретную жизнь человек) повседневен и обыден. Тем более, что наша отечественная современность не дает возможности быть полностью нейтральным. Помимо этого, мы как ученые, социетально и институционально зависимы. Об этом весьма эмоционально писал Пол Фейерабенд: «Современные догматики, живущие в демократических странах, в которых распространена либеральная и плюралистическая риторика, стремятся утвердить свою власть обходными путями. Проводя различие между «простой верой» и «объективной информацией», защитники научного рационализма терпимо относятся к первой, однако прибегают к законам, используют финансы, систему образования, сред-

ства массовой информации для того, чтобы обеспечить второй привилегированное положение. Им удалось достигнуть огромных успехов в этом отношении. Отделение Церкви от государства, введение законов, запрещающих применять все медицинские методы, кроме официально признанных, жесткая политика в области образования, соединение науки с программами развития обороноспособности страны — все это направлено на укрепление того, что властные элиты считают истиной, и на подрыв того, что рассматривается ими лишь как мнение» (*Фейерабенд 2010: 110*). Но прорыв из этой зависимости необходим. И в том числе он в социальных науках возможен через экспрессивность «Я». Именно поэтому редколлегия стремилась не вторгаться в эту авторскую интимную сферу.

В противоположность описанию, анализу и интерпретации эмпирической социальной реальности, где трудно успокоить страсти, теоретическое исследование несколько отлично. Альфред Шютц делает существенное различие: «Нужно только подчеркнуть, что социальный ученый как теоретик должен использовать систему релевантностей, совершенно отличную от той, которая определяет его поведение как актора на социальной сцене. Научная ситуация, то есть контекст научных проблем, замещает его ситуацию человека, находящегося среди ближних в социальном мире. Проблемы теоретика возникают в сфере его теоретических интересов, многие элементы социального мира, релевантные с научной точки зрения, иррелевантны с точки зрения актора на социальной сцене, и *наоборот*. Более того, типические конструкты, формулируемые социальным ученым для решения своей проблемы, являются, так сказать, конструктами второй степени, а именно конструктами конструктов здравого смысла, в терминах которых повседневное мышление интерпретирует социальный мир» (*Шютц 2003: 284*). Конечно, эмпирическое исследование обязано, чтобы быть научным, опираться на конструкты второй степени. Они могут быть непосредственно не эксплицированы, и может создаться впечатление определенной необоснованности. В Альманахе это ощущение минимально ввиду уже давнишней укорененности определенных теоретических элитологических построений в исследовательские практики наших авторов. Но именно эта данность разграничивает политический анализ, с одной стороны, и политологический и социолого-политологический, с другой. Если первый — предмет активности политиков, журналистов, консультантов и политических экспертов, работающих в политических и по-

литизированных институтах и структурах и для различных политических акторов, то второй — предмет профессионального научного сообщества. Однако было бы неправдой разделять эти два мира непродолимой стеной. Это, скорее, сообщающиеся по многим поводам и основаниям сообщества. И часто вторые выполняют функции первых. Вместе с тем, различие ролей требует и жанровых различий, проявляющихся в текстах. И здесь существует важный нюанс, о котором говорил Теодор Адорно. Ученый (он говорил о социологах, но это касается и представителей других дисциплин) имеет право быть неправым и должен рисковать. Это залог движения в науке (*Адорно 2010: 158*). Для эксперта и политика — это залог неверных решений, чреватых непредсказуемыми последствиями. Нечто похожее высказывал и Б.М. Теплов, сравнивая научный и практический ум (*Теплов 1985*). Сказанное не означает, что тексты ученых не могут быть восприняты и быть полезными для политиков и более широкой публики. Они в том числе и для этой аудитории.

К сожалению, по ряду причин авторский коллектив в этом томе не выходит за пределы нашего сообщества, да и не все его члены смогли поучаствовать в данном мероприятии. Однако есть надежда на расширение нашего круга.

Объектом нашей профессиональной деятельности является власть, властные отношения и властные группы. Нынешний Альманах охватывает достаточно широкую проблематику исследований. Первый раздел посвящён теоретическим проблемам. Несмотря на уже долгую историю изучения элит, каждое новое поколение ученых обнаруживает, что можно и нужно еще что-то сказать, и по-новому взглянуть не только на проблему, но и на классические тексты. Здесь размещены две статьи — А.В. Дуки и А.А. Зоткина. Следует сказать, что это не означает, что другие авторы лишены «теоретичности». Указанные авторы пытаются исследовать проблему элит несколько шире, чем локальные и функциональные границы рассмотрения властных групп, что предлагается в других статьях. Текст Дуки касается элементов социетальной реальности, задающих самые базовые характеристики элит, они выступают одновременно условиями и контекстом существования властных групп. Автор выделяет три группы оснований — структурные, институциональные и культурные. Статья Зоткина посвящена проблеме трансформации в современных условиях «смыслотворящей функции» правящих элит. Происходящая информатизация и технологизация социальной

жизни существенно влияет на механизмы властвования. Как утверждает автор, влияние на убеждения посредством информационных технологий, коррекция ценностно-символического мира индивидуума становятся более эффективными механизмами управления.

Внешний мир является важным референтом, показывающим, что мы такое, и ориентирующим нас в политическом и символическом пространстве. Н.Ю. Лапина на основании глубинных интервью с политиками и экспертами, проведенных автором во Франции (что уже для отечественной элитологии является значимым фактом), анализирует состав французской политической элиты, карьерные пути членов элитного сообщества, формальные и неформальные признаки принадлежности к элитному слою. Достаточно убедительно показывается трансформация французской элиты за последние десятилетия. При этом определенные базовые характеристики сохраняются. О.Ю. Малинова обращается к текстам отечественных первых лиц. Поиск фреймов репрезентации Американского и Китайского Другого показывает, с одной стороны, часть набора символических ресурсов, используемых верховной властью для объяснения и легитимации политического курса внутри и вне страны. С другой стороны, демонстрируется необходимость Другого. Хотя автор и пишет, что в китайском случае этот образ почти не несет «экзистенциальной» нагрузки, в отличие от американского случая, представляется, что сам факт наличия Другого (Других) и обращение к нему (к ним) экзистенциально необходимы. Властные группы должны и вынуждены обозначать линии демаркации и основания идентификации. Эта культурная функция как раз и понуждает обращаться к чужакам, крайним проявлением которых в политическом пространстве выступает Враг (Оппонент, в более «корректном» дискурсе). Автор касается этой стороны проблемы, но в несколько смягченном варианте.

Механизмы и практики российской власти на национальном и региональном уровнях рассмотрены в статьях А.И. Соловьева, О.Б. Подвинцева и А.Ю. Сунгурова. В статье Соловьева анализируются политико-управленческие функции элиты в связи с ее положением в системе государственной власти и управления. Автор показывает существующие тенденции эволюции властных групп, характеризующиеся усилением перераспределения общественных ресурсов в их пользу. Речь фактически идет о социальном эгоизме, росте социальной несправедливости и утрате элитой республиканских гражданских доблестей, как сказали бы классики прошлого. Возможность не только сохранения, но и усугуб-

ления такого положения, связываются автором с используемыми группами доминирования политико-правовыми и информационными технологиями, которые Соловьев анализирует в своем тексте. Внимание Подвинцева обращено к попыткам формирования новых политических элит в регионах федеральным центром. Задачей последнего было, по мысли автора, создание себе дополнительной опоры в регионах. Выбранный метод — рекрутирование знаменитостей, авторитетных фигур, представителей «народа» посредством корпуса «доверенных лиц» президента и ОНФ — не принес успеха организаторам этой кампании. Фактически речь идет об усилиях по созданию непосредственной, не контролируемой региональной властной элитой, социальной и политической поддержки, могущей в дальнейшем стать основой плебисцитарного режима. Описываемый процесс заслуживает особого внимания ввиду демонстрации ограниченности возможностей центральных элит в отношении влияния на процессы в регионах и воздействия на региональные властные группы. Весьма важному аспекту современного политического процесса — формам и методам участия экспертного сообщества в подготовке, принятии и реализации политико-управленческих решений — посвящен текст Сунгурова. Публичная политика в России и попытки влияния на нее экспертов значительно эволюционировали за последние четверть века. Автор рассматривает три основные модели появления и развития в 1990-х годах отечественных «фабрик мысли» и иных форм самоорганизации экспертных сообществ в регионах. В настоящее время речь идет о выживании или даже об угасании подобных практик и структур. В зависимости от регионального контекста, Сунгуров выделяет семь вариантов этого процесса.

Достаточно критически наши авторы подошли к анализу этнополитических конфликтов в России. В.А. Ачкасов и А.К. Магомедов исследовали с разных сторон перспективы развития конфликтов. Для Ачкасова ключевыми акторами выступают «этнические предприниматели». Именно они ответственны за эскалацию этнических конфликтов. В основе их деятельности находится борьба за власть и доступ к ресурсам. Средством выступает систематическая этнизация политических и социальных проблем. Отсутствие государственного вмешательства в данный процесс и слабость гражданского общества ведет к риску обострения конфликтов и росту сепаратизма. Автор отмечает, что этнический национализм «глубоко пророс в ткань республиканских политических режимов, укреп интеллектуально и организационно». Вследствие этого

угроза распада страны сохраняется. Магомедов также видит в нагнетании в информационном пространстве этнической и исламской угрозы манипулятивный инструмент властных структур. Однако акцент в его тексте делается на двойственном результате такого рода идеологических и организационных усилий. Основной пафос статьи — угроза центральной власти со стороны альтернативных харизматических лидеров, возникших на волне вооруженных конфликтов в России и прилегающих территориях. В этом отношении проблематичной становится не только харизма героя, но и его возможная интеграция в режим. Но в меньшей степени угроза властным элитам произрастает и в связи с предлагаемой героем иной социально-политической программой.

Административные элиты стали объектом изучения А.С. Быстровой и Д.Б. Тева. Статья Тева посвящена учреждениям высшего образования, в которых готовятся будущие элитные административные кадры. Эмпирическое исследование, на результатах которого базируется представленный текст, ориентировалось на изучении образовательных характеристик федеральной административной элиты. Существенно, что Тевом дается сравнительная перспектива исследования этого вопроса. Значительная часть статьи посвящена зарубежным работам по данной проблематике. Помимо этого, автор рассматривает пространственные и поселенческие особенности бассейна рекрутирования высших чиновников. Исследование Быстровой концентрировалось на сопряжении важнейших сторон общественных отношений — собственности и власти. В статье анализируется институт деклараций о доходах и имуществе региональных чиновников, который, по мысли автора, является важным инструментом общественного контроля и одним из средств борьбы с коррупцией и ее предупреждения. Помимо этого, автор демонстрирует существующие социальные дистанции и неравенства по доходам между административной региональной элитой и населением, а также значимую дифференциацию в чиновном «сословии».

Заключительный раздел Альманаха освещает бытование власти в городских сообществах. Статьи В.Г. Ледяева и А.Е. Чириковой не просто дополняют друг друга. Авторы были участниками одного исследовательского проекта. Поэтому в текстах столько созвучного. Статья В.Г. Ледяева повествует об исследованиях власти в городских сообществах. Автор рассказывает и показывает, кто, как и что делает в исследовательском пространстве, занимаясь этой темой. Но этот текст выходит за рамки обозначенной проблемы. Он хорошо демонстрирует,

во-первых, «обычность», «нормальность» России и соответствие ее социально-политического развития мировым трендам. Во-вторых, возможность писать, говорить и исследовать на научном языке зарубежных коллег, что связано с тем, что их теории работают и у нас *in principe*. Конечно, необходима адаптация, настройка на российские условия. Но можно объяснять. И второй текст раздела — статья Чириковой — как раз это и демонстрирует. И это не всё. Автор показывает, что городские сообщества, процессы, протекающие в них, могут выступать в качестве модели власти во всем социуме. Власть в городе образует системообразующее ядро городской политики. И естественно, что она в значительной степени определяет характер и особенности жизнедеятельности города. А.Е. Чирикова показывает роль и значение криминальных структур и криминальных отношений в современном малом городе. Соединение ресурсов исполнительной власти и криминалитета оказывает системообразующее воздействие на городскую жизнь. Автор подчеркивает, что такая экспансия криминала во власть не является уникальной — «скорее это достаточно развитые практики». Тем более, что то, что Чирикова называет «посткриминалитетом», фактически действует в логике и рамках бизнес-активности.

В целом, положение в России и ситуация с властными элитами, представленная нашими авторами, не очень обнадеживающая. Но диагноз является необходимой ступенью к определению лечения (если, конечно, будет на то желание властных элит и способность гражданского общества оказать необходимое давление), а потом и выздоровления. Подчеркну еще раз, авторы Альманаха дают *научное* описание существования властных элит, их функционирования и взаимодействия с обществом, а также возможные следствия данного положения дел. Это может существенно расходиться с желательным или пропагандируемым образом. Но, как заметил еще в конце XIX века наш выдающийся отечественный историк: «Игра в свои собственные конституционные мечты — политический онанизм» (*Ключевский 1990: 386*). Возникает вопрос: а есть ли перспективы улучшения? Если не предаваться излишним фантазиям, то ответ лежит в плоскости, во-первых, развития гражданственности и самоорганизации населения; во-вторых, готовности властных элит открыть политические возможности. Все элиты лишены внутренних демократических интенций. Но некоторые из них допускают в силу собственных интересов и видения перспектив (своих и общества) возможность, кроме своей, и иной активности, предполагающей

также некоторые ограничения для властных групп. Именно это и обеспечивает динамичное равновесие в современном мире и общественное развитие. И именно поэтому эти элиты считаются демократичными, а общественный порядок — демократией.

Редколлегия Альманаха и авторы выражают благодарность за возможность издания этой книги Фонду имени Фридриха Эберта, руководителю Филиала в России доктору Рудольфу Траубу, руководителю Бюро Фонда в Санкт-Петербурге Наталье Павловне Смирновой и референту регионального Бюро в Санкт-Петербурге Юлии Евгеньевне Тарасовой.

Александр Дука

ЛИТЕРАТУРА

Адорно Т.В. Введение в социологию / Пер. с нем. Б.М. Скуратова под ред. О.В. Кильдюшова. М.: Практис, 2010.

Ключевский В.О. Афоризмы и мысли об истории // Ключевский В.О. Сочинения. В 9 т. Т.9. Материалы разных лет. М.: Мысль, 1990. С. 363-446.

Теплов Б.М. Ум полководца (опыт психологического исследования мышления полководца по военно-историческим материалам) // Теплов Б.М. Избр. труды. В 2-х т. Т.1. М.: Педагогика, 1985. С. 223-305.

Фейерабенд П. Прощай, разум / пер. с англ. А.Л. Никифорова. М.: АСТ: Астрель, 2010.

Шютц А. Равенство и смысловая структура социального мира // Шютц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / Сост. А.Я. Алхасов; Пер. с англ. А.Я. Алхасова, Н.Я. Мазлумяновой; Научн. ред. перевода Г.С. Батыгин. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2003. С. 260-310.

REFERENCES

Adorno T.V. Vvedenie v sotsiologiyu [*Adorno T.* Introduction to Sociology] Transl. from German to Russian by B.M. Skuratov, with ed. by O.V. Kildyashov. Moscow: Praxis, 2010 (In Russian).

Feyerabend P. Proschay, razum [*Feyerabend P.* Farewell to Reason] Transl. from English to Russian by A.L. Nikiforov. Moscow: AST: Astrel, 2010 (In Russian).

Klyuchevskiy V.O. Aforizmy i mysli ob istorii [*Klyuchevskiy V.O.* Aphorisms and reflections about history] in: *Klyuchevskiy V.O. Collected Works* in 9 vols. Vol.9. Moscow: Mysl, 1990. P. 363-446. (In Russian).

Schutz A. Ravenstvo i smyislovaya struktura sotsialnogo mira // Shyutts A. Smyislovaya struktura povsednevnogo mira: ocherki po fenomenologicheskoy

sotsiologii [*Schutz A.* Equality and the Meaning Structure of the Social World, in: Schutz A. Meaning Structure of the Everyday World] compiler A.Ya. Alhasov, transl. from English to Russian by A.Ya. Alhasov and N.Ya. Mazlumyanova; sc. ed. by G.S. Batygin. Moscow: Institut Fonda “Obschestvennoe mnenie”, 2003. P. 260-310.

Teplov B.M. Um polkovodtsa (opyit psihologicheskogo issledovaniya myishleniya polkovodtsa po voenno-istoricheskim materialam) [*Teplov B.M.* The intelligence of the military leader (the experience of psychological research of thinking of the commander according to military history)]in: Teplov B.M. Selected Works in 2 vols. Vol. 1. Moscow: Pedagogika, 1985. P. 223-305] (In Russian).

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭЛИТ И ВЛАСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Дука А.В.

ОСНОВАНИЯ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ВЛАСТНЫХ ЭЛИТ

В данной статье предлагается концептуальный «каркас» объяснения оснований функционирования властных элит. Основания - это элементы социетальной реальности, вне качественной определенности которых или без этих элементов, существование и функционирование элит невозможно. Таких оснований можно выделить три: структурные, институциональные и культурные. Структурные основания связаны с тем, что элиты являются частью социальной структуры общества. Сложные общества нуждаются в стратифицированном иерархическом управлении, являющимся следствием разделения труда. Попадание конкретных индивидов в данную группу связано с многофакторным и многоуровневым процессом социальной дифференциации. Однако, сложившись как определенная целостность, элита стремится закрепить свое положение, стать устойчивой во времени именно как группа. Воспроизводимость во времени, включение в социальные отношения и выполнение функций в социальной системе в своем деперсонифицированном виде связано с институциональными характеристиками элиты. Элиты дольше и больше, чем их составляющие персоны. В силу своего положения в обществе, властные группы стремятся задавать характеристики всему обществу и рамки существования индивидам и социальным группам, играя в отношении всего общества и групп институционализирующую функцию. Вместе с тем, они сами подвержены нормированию со стороны общества. Однако существенным институциональным различием остается асимметрия норм как принцип иерархического распределения возможностей и подчинения, закрепленный в нормативных актах. Культурные основания существования элит определяют их смысл и значение в социальном простран-

стве и во времени. (Само)идентификация, проведение границ с другими группами и выстраивание социальной дистанции – важная часть элитного самоопределения. Помимо внутренней культурной определенности, элиты презентуют себя в рамках единого культурного пространства как часть народа, этноса, нации. Это является одним из оснований легитимации их общественного положения. Но элиты одновременно стремятся определять в основном общественный дискурс, они определяют и переопределяют значения публичных символов, обеспечивая себе доминирующее положение.

Ключевые слова: *властные элиты, идентичность, идентификация, иерархии, социальные диспропорции, институты, социальные порядки, институциональные порядки.*

При всем существующем многообразии исследовательских подходов, ученые редко обходятся без обращения к базовым структурам, отношениям, устойчивым формам проявления и функционирования элитных групп, а также к проблемам их идентификации и идентичности, пространственно-временной и исторической определенности. Эти базовые для существования любой социальной группы социальные характеристики, параметры общества и фон социальной жизни определяют рамки бытования персон и сообществ, находящихся на вершине иерархий. В этом отношении я определяю их как основания существования и функционирования элит. Основания — это те элементы социальной реальности, вне качественной определенности которых или без них, существование и функционирование элит невозможно. Таких оснований можно выделить три: структурные, институциональные и культурные. В известной степени эти основания являются продуктом аналитических построений. Вместе с тем, вполне определенно можно утверждать, что общество дифференцированно и структурировано. Кроме этого, оно устойчиво во времени, воспроизводится и нормировано. И еще оно отлично от других обществ и осознает себя таковым, а внутри отдельные группы и общности, осознавая себя и действуя совместно, также проводят смысловые границы между собой и определяют себя как особые образования.

СТРУКТУРНЫЕ ОСНОВАНИЯ

Элиты являются частью социальной структуры общества. Существующие иерархии и социальные дифференциации непосредственно влияют на существование, воспроизводство, функционирование групп

доминирования. Диспропорции, возникающие при рекрутировании элит (Р. Патнэм), определяют властные отношения, но одновременно, они определяются структурно-функциональными характеристиками социальной системы, уровнем социально-экономического развития и профессиональной структурой общества.

Но почему эти диспропорции возникают? В элитологической литературе предлагается несколько ответов на этот вопрос. В классическом определении элиты Вильфредо Парето указывается на реализованные способности (Парето 2008: 307-309), которые распределены неравномерно в человеческом обществе (Парето 2008: 306-307). В сфере управления необходимы и проявляются специфические способности и психологические черты (инстинкты) (Парето 2008: 309). Вместе с тем, он указывает на закрепление определенных, функциональных в конкретном контексте свойств («прирост остатков»), которые со временем становятся дисфункциональными, так как они начинают превышать некоторый баланс психологических свойств, необходимых для господства и управления. Это приводит к приходу нового правящего класса, инстинкты которого являются адекватными складывающейся ситуации (Парето 2008: 347-350). Таким образом, диспропорции в способностях оказываются существенными с точки зрения управления и обеспечения равновесия в обществе; они же обеспечивают циркуляцию властных групп и являются фундаментом социального структурирования. Существенным является замечание В. Парето о том, что при всех попытках изменить распределение способностей, «форма пика сохраняет стабильность и при всех возмущениях тяготеет к самовосстановлению» (Парето 2011: 176). Это важно не только с точки зрения возможных эгалитарных устремлений. Принципиально, что в социуме воспроизводится определенное соотношение индивидов, имеющих неодинаковые таланты, способности, потенции. Именно это стабилизирует общество и одновременно дает возможность ему развиваться.

Изменение распределения способностей может носить не только реформаторский и революционный характер, но и эволюционный, в связи с общественной социально-экономической динамикой. И «скорректированный Парето» у Карла Мангейма приобретает вполне современный социологический дух и вид: «Место индивидов и их способностей в социальной структуре определяет каждый раз разделение функций и труда, создавая различные по своему типу шансы для об-

разования элиты в области знания и формирования воли. Структура общества ставит определенные в этом смысле группы в привилегированное положение, принуждая одновременно другие группы к пассивности» (Мангейм 1994: 287)¹.

Об интеллектуальном превосходстве высших социальных классов пишет Питирим Сорокин. Опираясь на исследования, проводившиеся во многих странах, он показывает статистически значимые расхождения в интеллектуальном развитии между различными статусными группами (Сорокин 2005: гл. X, XII; см. также: Лапуж 2014: 342-344)². Тило Саррацин показывает, что в современном обществе, характеризующемся проницаемостью социальных границ и меритократическим принципом вертикальной мобильности, действует тенденция концентрации талантов и управленческих способностей в верхних слоях общества (Саррацин 2012: 201-203)³. Автор ссылается на работы Ричарда Линна, показывающего, что одаренность и интеллект частично наследуются (Линн 2010). Как следствие, элита (более широко — верхние социальные страты) со временем значительно дистанцируются. Причем, тенденция к превращению ее в касту вполне очевидна. Именно демократический порядок, основанный на меритократической справедливости, будет максимально этому способствовать. Он оказывается внутренне ориентирован на естественную дифференциацию, выражающуюся в том числе в иерархии управления, где разные иерархические позиции занимают индивиды, имеющие разные природные характеристики.

Однако, как показывает Роберт Патнэм, как раз снижение демократичности способствует усилению социальной диспропорции: «Степень отклонения элиты от независимой модели статистического представительства тесно связана с ее идеологическими ориентациями. Чем более консервативен партийный режим, тем больше сверхпредставленности социальных групп с высшим статусом внутри ее руководства» (Putnam 1976: 37). Иерархия определенных групп поддерживается искусственно, и она не связана со способностями индивидов.

¹ Хотя надо отметить, что Мангейм на Парето не ссылается. Но здесь важен первичный посыл.

² У Лапужа биологические и психофизиологические свойства лежат в основе иерархий. См. также: (Lapouge 1897: 91 (особ); Гюнтер 2005: 530-538).

³ Разбор книги Сарацина (см.: Ян 2014).

Но проблема не только в недопущении определенных социальных групп и индивидов на элитные позиции¹. Сами эти элитные позиции возникают в силу необходимого и неизбежного структурирования социума. Система сложных обществ нуждается в стратифицированном иерархическом управлении. И она нуждается также в равновесной стабилизации. Элиты представляют собой именно эту функцию общества, выполняемую определенной группой. Собственно, именно таким образом и рассматривают элиты в большинстве своем элитологи, но несколько в иных терминах.

Но функциональная необходимость элит не проясняет вопрос о том, почему именно эти группы являются элитами. Помимо ответа в духе Парето, можно предположить, что контроль над ресурсами дает возможность одним группам доминировать в обществе. Но почему возникает этот контроль?

Роберт Михельс отвечает: организационные потребности и технические особенности управления, социально-психологические свойства организованных масс и психология толпы, а также психология вождей (Michels 1927, 1959). Такой ответ связывает вместе особенности человеческих коллективов (сообществ), социально-психологические особенности коллективного поведения людей и индивидуальные особенности (потенциальных) лидеров. То есть появление особой группы доминирования представляет собой естественный процесс самоорганизации человеческого сообщества. Р. Михельс демонстрирует открытые им закономерности на примере политических партий.

Современные организационные исследования также выявляют существенную динамику внутренней организации коллектива. Джеральд Марс, наблюдая в течение 18 лет группу консультантов по подбору кадров в большой мультинациональной корпорации, показал, как эта группа эволюционирует от сегментированных индивидов через группо-центрированный идеалистический эгалитаризм («анклавный режим») к различным стадиям бюрократического контроля и иерархического распределения власти, заканчивая тираническим управлением (Mars 2008).

Но вот пример другого рода. Раннее достаточно большое, идейно ориентированное на эгалитаризм общество создает иерархию. «В эти

¹ Сорокин пишет о важнейшей функции «отборочной роли социальных институтов» и ссылается при этом на «Социальный отбор» Лапужа (см.: Сорокин 2005: 182).

дни, когда умножились ученики, произошел у Елинистов ропот на Евреев за то, что вдовицы их пренебрегаемы были в ежедневном раздаянии потребностей. Тогда двенадцать *Апостолов*, созвавши множество учеников, сказали: не хорошо нам, оставивши слово Божие, пещись о столах. Итак, братия, выберите из среды себя семь человек изведанных, исполненных Святого Духа и мудрости; их поставим на эту службу; А мы постоянно пребудем в молитве и служении слова. И угодно было это предложение всему собранию» (Деяния 6: 1-5). Это очень важное свидетельство того, как общество добровольно отдает свой суверенитет. При всей возможной поздней литературной обработке, здесь показывается реализация социетальной потребности. Идея равенства уступает необходимости функциональной дифференциации.

А раз выделившись, эта группа стремится стабилизировать свое положение. Но и сам социум нуждается в стабилизации функционального разграничения. Гаетано Моска так описывает логику процесса: «<...> в достаточно многочисленных обществах, достигших определенного уровня цивилизации, правящие классы не подтверждают свою власть исключительно фактическим обладанием ею, но стараются найти ей моральное и правовое обоснование, представляющее ее как логическое и необходимое следствие общепринятых и признанных доктрин и убеждений <...> Это правовое и моральное основание или принцип, на котором покоится власть политического класса, что мы уже называли и будем продолжать здесь называть «политической формулой». (Философы права обобщенно называют это «принципом суверенитета»)» (Mosca 1939: 70).

Логически вроде так. Но стараются найти обоснование не только доминирующие: подвластные не в меньшей мере нуждаются в оправдании существующего порядка. Порядок нужен всем. Социальный порядок сам включает в себя необходимую легитимацию. Иначе он не состоялся бы именно как порядок, существующий во времени, воспроизводящийся и обеспечивающий выживание социуму.

Социальный порядок и стабилизация

«Многие социальные порядки могут быть поняты как примеры адаптивных систем — комплексы активных компонентов, чьи взаимодействия приводят в действие устойчивую во времени, но изменяющуюся сетеподобную структуру, чувствительную к окружающей среде и адаптивную к ее характеристикам» (McQuade, Butos 2009: 76). Здесь

необходимо добавить, что указанная структура также реактивна в отношении самой себя. Изменяющаяся внутренняя среда также является предметом соадаптации ее элементов. В связи с этим возникает вопрос о наличии или отсутствии неких инстанций, задающих направленность адаптации.

Совершенно справедливо указывается в литературе: «Начало социального порядка происходит из социальных структур, которые приспособливают порядок к действию посредством воспроизводства значения» (Haugaard 2003: 90). Но что или кто поддерживает необходимость тех или иных значений? Возможный ответ — структуры и персоны, имеющие интерес, намерение и максимальные возможности именно так действовать. Но возможно ли произвольное действие на основе собственного группового или индивидуального воления? Ответ зависит от наших представлений о функционировании социальных структур и в целом всей социетальной системы. Большинство элитистских подходов отвечает на этот вопрос положительно.

Д. Норт с коллегами, описывая социальные порядки, пишут: «Социальные порядки характеризуются тем, как общества создают институты, поддерживающие существование специфических форм человеческой организации, способ, которым общества ограничивают или открывают доступ к этим организациям при помощи стимулов, формируемых моделью организации. Эти характеристики социальных порядков также тесно связаны с тем, как общества ограничивают и контролируют насилие. Поскольку социальные порядки порождают различные модели поведения, индивиды в различных социальных порядках формируют различные представления о том, как ведут себя люди вокруг них» (Норт, Уоллис, Вайнгаст 2011: 40). Но за словом «общества» скрываются определенные инстанции, всё общество целиком не является непосредственным агентом действия, даже длительного. Оно, безусловно, задает границы активности социальным субъектам, так как констелляция структурных характеристик определяет возможные способы структурных взаимодействий, направления и возможности акторов.

В устойчивых системах одним из существенных элементов являются персонифицированные функции взаимосвязанных структур. «Роль — это такой организованный сектор ориентаций актора, который конституирует и определяет его участие в процессе взаимодействия. Она включает набор взаимно соотнесенных ожиданий, касающихся действий как самого актора, так и тех, с кем он взаимодействует» (Пар-

сонс, Шилз 2000: 448). Именно благодаря ролям структуры оживают и очеловечиваются. Одновременно групповой или единичный актор в определенной степени деиндивидуализируется. Важным обстоятельством является институционализированность, укорененность и устойчивость иерархических структур и отношений. Чем в большей мере процесс институционализации совершился (не обязательно завершился, что маловероятно), тем в меньшей степени индивид может проявить себя как субъект *своих* действий¹. Это связано с тем, что роль «принадлежит» системе, структуре, которые ее определяют, а также встроенным в эту систему и структуру определенным образованиям, выполняющим институционализирующие, структурирующие, стабилизирующие, регулирующие и командные функции. Этими образованиями являются элиты. Но надо учитывать, что сами структуры подвержены случайным и направленным изменениям. И структурная стабилизация, в конечном счете, может привести к существенным изменениям социального порядка. Тем более что институционализация и длительность выполнения ролей порождает латентные функции и латентные роли.

Существует еще один важный механизм стабилизации, основанный на внутренних интенциях властной группы — наследование позиций и власти. Эмпирическим фактом является стремление любой доминирующей группы, правящего класса превратить себя в наследственную страту по факту или по закону (Mosca 1939: 61). Причем для членов элитной страты это является само собой разумеющимся делом. В воспоминаниях Генри Адамса, внука шестого президента и правнука второго президента США, содержится любопытный сюжет, где он, мальчиком, вдруг поразился возможностью усомниться (высказанной ирландцем-садовником), что он сам не станет президентом страны (Адамс 1988: 24). Конечно, решение стать президентом или сенатором не возникает произвольно. Роберт Лэйн указывал на кардинальную роль родителей в ориентации детей на политическую карьеру (Lane 1959: 216). Модернизационные процессы сокращают семейственность в политических институтах, но не снимают проблему с повестки дня (Clubok, Wilensky, Berghorn 1969). Следствием этого является и малочисленность этой группы, и сужение бассейна рекрутирования по мере

¹ Это можно соотнести с автоматическими действиями, на которые уже не в силах повлиять какой-либо актор. (см.: Арендт 2014: 254-255).

продвижения вверх. Сформулированный Р. Патнэмом закон возрастающей диспропорции — «чем выше уровень политической власти, тем большее представительство высокостатусных социальных групп» (Putnam 1976: 33) — как раз и фиксирует эту тенденцию. Стабилизированные (институционализированные) элитные группы имеют тенденцию к сужению бассейна рекрутирования. Следует отметить, что Моска указывал на негативный аспект закрытости элит, их кристаллизацию, приводящую, в конечном счете, к закату правящего класса (Mosca 1939: 66-69). Современное общество в силу значительной социально-экономической динамики значимо снижает эту опасность.

Одним из аспектов стабилизации социума, связанным с местом групп доминирования в общей структуре, является вопрос о численности и пропорции членов властных групп. П.А. Сорокин утверждал о существовании оптимальной пропорции верхних слоев по отношению ко всему населению. «Значительное отклонение от этого оптимума, — пишет он, — вероятно, будет иметь катастрофические последствия для общества» (Сорокин 2005: 183). В отношении степных империй принцип оптимума властных групп, связанный с законом Ибн-Хальдуна, действует достаточно определенно. Чрезмерное увеличение членов высших групп просто уничтожает политическое образование (Элита 2015: 34-36).

Однако социально-экономическое усложнение обществ модерна и постмодерна приводит к диверсификации социальной и экономической сфер общества. Это, в свою очередь, ведет к увеличению количества иерархий и иерархических рангов. Происходит горизонтальная и вертикальная мультипликация элит. Помимо этого, в связи с «фундаментальной демократизацией общества» — активизацией все большего числа социальных групп — в публичную сферу проникает большое количество представителей прежде неэлитных слоев (Мангейм 1994). Число субэлитных групп растет.

В условиях значительных социальных перемен, подвижности социальных границ и нарушения функционирования институционализированных социальных лифтов (см., напр.: Медведев 1997: 202) усиливается значение случая, то есть влияние независимых от устойчивых структурных и институциональных связей переменных. В частности, формирование элитных слоев частично могло происходить хаотично. А.В. Коржаков по этому поводу вспоминает: «В 91-м и позднее люди с легкостью попадали во власть и еще легче из нее выпадали. И даже не личные пристрастия Ельцина или Горбачева определяли выбор кон-

кретного кандидата. Все определял случай. А в кадровой лотерее тех лет было много выигрышных билетов» (Коржаков 2012: 89). В.С. Новоселов, заместитель председателя Законодательного Собрания Санкт-Петербурга с 1995 по 1999 г. (когда его убили) в интервью прямо говорил: «Я абсолютно случайно попал в политику». Отсюда и весьма показательное суждение: «Если говорить о чертах сегодняшнего политика, то, прежде всего, надо сказать, что в Петербурге, собственно, нет особой политики и быть не может» (Виктор Новоселов 1999: 3). Естественно, что случайность работала и на не вхождение в элитную группу персон, вполне подготовленных и готовых выполнять функциональную элитную роль (см. напр.: Полторанин 2010: 15-16).

Выход из «абстрактности»

В связи с этим возникает один принципиальный вопрос, касающийся качественного состояния элиты, находящейся у власти в переходных обществах: что это за элита? Представляется, что ответ надо искать в том, насколько и в какой степени элита институционализировалась. С точки зрения функционирования в обществе и выполнения ролевых функций, члены элитного сообщества и элита в целом могут вполне отвечать стандартному определению властных элит. Проблема заключается в том, насколько данное сообщество воспроизводит себя во всех своих определенностях. Схожая проблема существует с поисками и идентификацией так называемого среднего класса в нынешней России. Статистически он есть, а по сути — маловероятно.

Здесь важно различие, которое дал Ральф Дарендорф относительно элит: «Есть элиты, социальный тип которых характеризуется тесной сплоченностью. Их члены объединены не только сходными позициями в руководстве, но также, например, способами рекрутирования, конечно, их социальной биографией, важным общим опытом и другими вещами, которые мы имеем в виду, когда говорим, что люди говорят на одном языке. <...> Если уровень сплоченности высок, мы можем называть данную элиту *устоявшейся* (концепт, в который английское понятие «Истеблишмент» входит). С другой стороны, существуют элиты, которые не являются «реальными феноменами» в каком бы то ни было смысле, но, скорее, «феноменами порядка», объединения, сконструированные социологами, и чьи члены не имеют ни сильного чувства сопринадлежности, ни большого общего опыта, биографии или тем для разговора. Здесь элита — не группа или страта (в строгом смысле), но,

в лучшем случае, категория или квазигруппа. В этом случае мы назовем эту элиту *абстрактной*» (Dahrendorf 1969: 219). Схожие представления можно найти и у Энтони Гидденса. Для него «абстрактная элита» характеризуется относительно открытым рекрутированием и низкой внутриэлитной интеграцией (Giddens 1974: 6). Дарендорф, в отличие от Гидденса, в большей степени делает упор на повседневных практиках или, лучше сказать, ткани отношений. Поэтому, может быть, более релевантным было бы говорить не о групповой сплоченности, а о групповой синтальности (Рэймонд Кэттелл). Достаточно долго состояние «абстрактности» элиты продолжаться не может. Оно становится дисфункциональным. У отечественного социального психолога А.И. Донцова есть важное в этом контексте понятие «предметно-ценностное единство», которое обозначает специфическую интеграцию «индивидуальных деятельностей, при которой каждая из них, даже будучи направлена на преобразование различных конкретных объектов, опосредована единым ценностным содержанием предмета совместной деятельности» (Донцов 1979: 72-73.). Как представляется, у властных элит предметно-ценностное единство функционально определено, и именно оно выступает основанием устойчивости совместной деятельности.

Но как быть с реально существующим феноменом разъединенных (разобщенных, дезинтегрированных) элит? (Field, Higley 1980; Burton, Higley 1987; Higley, Burton 2006 и др.) Представляется, что «абстрактность» фиксирует состояние, не предполагающее оформление даже субэлитных групп, которые могли бы конфликтовать, не соглашаться, сражаться. Из состояния абстрактности уже кристаллизуются возможные противники и союзники на основании политико-идеологической и социальной саморефлексии. Но это возможно, когда совместность существования обкатана временем и стала фактом не только единого функционального действия и времяпрепровождения, но также и осознаваемого и ощущаемого социального единства даже при существенных политических разногласиях. Понятно, что это довольно длительное дело, связанное в том числе с проблемой воспроизводства элитного сообщества, а также стабилизацией социальной структуры общества. В России уже можно наблюдать начало этого процесса. Ярким примером является свадьба депутатов VI созыва Госдумы, представляющих полярные фракции — Д.Н. Вороненкова (КПРФ) и М.П. Максаковой-Игенбергс («Единая Россия») в марте 2015 г. Официальная привержен-

ность противоположным политико-идеологическим взглядам не явилась препятствием (Стрельцова, Хуртин, Новгородский 2015; Маेतная 2015). Это как раз то, о чем пишут Джон Хигли и его соавторы, характеризуя консенсусно-единые элиты.

Приведенный выше пример отличается от просто солидарности со «своими», что может носить как политико-идеологические основания, так и групповые, связанные с существованием нескольких властных клик, как например, в высказывании Л.Б. Нарусовой: «Мы <...> собираемся поддерживать нашего лидера [В.С. Черномырдина], плох он или хорош, на парламентских и президентских выборах» (Петербургская организация 1998: 3).

Существенным является и представления граждан о легитимности социального неравенства. Как справедливо писал Т. Парсонс: «В нашем обыденном понимании социального ранга содержится огромная доля моральной оценки» (Парсонс 2000: 356). Иерархия и группы, находящиеся на ее вершине, необходимо должны быть в той или иной степени легитимированы. Легитимация существования элит важна для поддержки и легитимации социального порядка и наоборот. Пропаганда естественности социального неравенства (либеральная идеология) в современных государствах осуществляется, в том числе, и через обоснование естественности социальной дифференциации, а также ее опривычиванием. *«Стратификационные системы представляют собой попытки снизить открытый конфликт по поводу распределения ценных в обществе товаров и услуг. Если система социальной стратификации установилась, способ, которым ценные товары и услуги распределяются, меньше нуждается в конфликте и агрессии, по крайней мере, на время»* (Kerbo 2006: 141).

Исследования показывают, что в России при признании несправедливой существующей большой дифференциации по доходам, вполне правомочным и естественным около половины считают само социальное неравенство в обществе (49% в опросе 2013 г.). Неравенство по доходам, основанное на разнице образования, квалификации и эффективности работы является правомочным почти для двух третей опрошенных (Мареева 2015: 113). Такого рода представления являются важным основанием для утверждения благоприятного ценностно-психологического фона, характерного для обществ со стабильными, в меру конфликтующими элитами (см.: Field, Higley 1980). В результате опривычивания и того, что можно условно назвать «буржуазной пропаган-

дой», среди молодых когорт легитимация социального неравенства более выражена¹.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ

Во многих современных определениях элиты, которые можно отнести к элитологическому мейнстриму, одной из существенных характеристик является регулярность и существенность их влияния и воздействия (Field, Higley 1980: 20; Burton, Gunther, Higley 1992: 8). Указывается также устойчивость (Higley, Moor, 2001: 176; Higley, Burton 2006: 7). Эти атрибуты напрямую соотносятся с функциями и следствиями бытования и действия институтов. Как указывает большинство исследователей, институты фиксируют устойчивость, рутинность, повторяемость, структурирование, нормирование. Более того, это свойство находится в самой природе институтов. Причем, здесь не столь важно, как они определяются — или как верования, поведение (Дюркгейм 1990: 405), методы мышления (Дюркгейм 1996: 6), устойчивые модели социального поведения или как система норм (Nee 2001: 19), системы устоявшихся правил (Ходжсон 2003: 11-12), публичная система правил, проявляющаяся в устойчивых взаимодействиях, учреждениях и отношениях (Ролз 1995: 61-62), рационально организованные сообщества (Вебер 1990: 537; Feibleman 1968: 20-21), совокупность индивидов, действующих в соответствии с общими для них правилами (Jones, Sulkin, Larsen 2003: 153-154) и т.д. В этом отношении элиты являются продуктом институциональных действий, но и сами они оказывают институционализирующее воздействие императивностью и монотонностью своей направляющей и управляющей деятельности.

Институционально-структурный аспект

Элиты существуют и функционируют в рамках исторически определенных устойчивых форм социальных отношений. Часть исследователей использует понятие институциональной матрицы для обозначения этого институционально-генетического аспекта функционирования власти, политики, отношений доминирования. Она задает базовые формы структурирования социетального, и с ней связаны дифференциации иногда обозначаемые как цивилизационные (см. напр. Кирдина 2004).

¹ Исследования в Литве это отчетливо показывают (см.: Алишаускене 2012).

Помимо такого макроанализа, возможно рассмотрение элит в связи с институтами, функционирующими внутри социальной структуры. Институты образуют определенные функционально связанные совокупности. Х. Герт и Ч.Р. Миллс определяли их как институциональные порядки (Gerth, Mills 1964: 25). Структура властных элит и их возможности в обществе связаны с контролируемыми ими порядками, соотношение и значимость которых во времени изменяется. Изменения, естественно, касаются также контролирующих групп, поскольку они в силу своего положения и функционирования непосредственно связаны с порядками, являясь их частью. Джеймс Фейблмэн отмечает: «Институт — это реально существующий объект, включающий социальную группу как свою неотъемлемую и необходимую часть» (Feibleman 1968: 20). Вместе с тем, необходимо отметить, что элита существует как группа в своем конкретном эмпирическом проявлении. Но как устоявшаяся форма, «организованная вокруг центральной цели» и «разбросанная во времени и пространстве» она существует как институт (см. там же).

Значимо также то, что формальное существование и реальное существование институтов смещено друг относительно друга. Формальное установление института еще не означает существование его. Отмена предшествует отмиранию. Укорененность институциональных форм определяет зависимый путь функционирования элит. В этом отношении контролирование и структурирование институциональных порядков может быть дисфункциональным. Кроме того, «однажды установленный институт начинает автономизироваться, обретает инертность и свою собственную логику. В своем развитии и в результате своего воздействия на общество он выходит за пределы своей функции, своих целей и «смысла своего бытия». Очевидно и обратное: то, что представляется «вначале» как единство институтов на службе общества, оборачивается служением общества институтам» (Касториadis 2003: 125). Элиты начинают разрушать основания своей деятельности, что приводит к их упадку.

Нормативно-институциональный аспект

Всякая социальная группа стремится к регулированию отношений внутри себя. Выработка внутригрупповых правил служит консолидации группы. Однако, как было сказано выше, преодоление стадии «абстрактности» элит в процессе их институционализации, для некоторых властных групп может оказаться серьезной проблемой.

Вопрос функционального единства элиты для внешнего наблюдателя часто нравственно окрашен. Возможность и способность решать общие проблемы страны вполне естественно толкуется как, во-первых, наличие определенных нравственных начал, связанных с ориентацией, прежде всего, на общее благо, а, во-вторых, как моральное единство. Последнее связано с существованием общих правил и норм, основанных на определенных позитивных идеях и воспринимаемых как основание взаимоотношений в данном сообществе, члены которого солидарно осуществляют общее дело. Представление о сбое в единстве или нравственных основаниях ведет к квалификации элиты как дисфункциональной. Вот, например, как характеризует украинскую элиту украинский социолог: «Во властную элиту прорвались некомпетентные, безответственные, циничные, завистливые, корыстолюбивые, нахрапистые и беспринципные люди. В ее среде происходили постоянные сговоры, подсиживания, измены, предательства. Вчерашние друзья, кумовья, соратники сегодня превращались в заклятых врагов» (Шульга 2011: 63)¹. Как видно, предлагаемый набор качеств, очевидно, не позволяет воспринимать данные властные группы как способные и легитимные.

Здесь, как представляется, существует три проблемы. Во-первых, становление властных групп не завершилось. Они не стали органической частью данного социума (стадия абстрактного существования), процесс их институционализации не закончился. Во-вторых, внутри общества существуют непримиримые противоречия, и элитные группы лишь эксплицируют их в своем поведении. Данная стадия развития общества и элит продуцирует крайне конфликтные внутриэлитные отношения (разъединенные, разобщенные, дезинтегрированные элиты). В-третьих, само общество именно так устроено ввиду нахождения его на переходной стадии к капиталистическому укладу. В связи с этим Макс Вебер писал: «Повсеместное господство *абсолютной* беззащитности и своекорыстия в деле добывания денег было специфической характерной чертой именно тех стран, которые по своему буржуазно-капиталистическому развитию являются «отсталыми» по западноевропейским масштабам» (Вебер 1990: 78). Возможны сочетания указанных факторов.

¹ За десять лет до этого о неспособности украинской элиты выполнять свои функции украинские исследователи писали неоднократно (см., напр.: Качковский 2000; Ципко 2003; Тиравский 2003).

Трудности выработки единых норм существуют в любом случае. Но одновременно, это укрепляет демаркации и определенное отчуждение властных групп от остальной части населения. Другими словами, данное состояние групп доминирования оказывается важным для становления элит как обособленных групп, что стимулирует возникновение внутренних норм, работает на создание, закрепление и воспроизводство границ существования.

Асимметрия норм

Во всех политических системах существует асимметрия норм, понимаемая как принцип иерархического распределения возможностей и подчинения, закреплённый в нормативных актах. В этом смысле равноправия нет. Это связано с контролем над институтами, осуществляющими монополию на конечные решения, прежде всего, государства. В предельном случае речь идет о суверене. «Правовые системы изначально возникают для обеспечения защиты уникальных и частных привилегий элиты, в том числе привилегий учреждать организации. Организации, сформированные элитами, нередко содержат элементы как публичных, так и частных организаций» (Норт, Уоллис, Вайнгаст 2011: 111-112). Со временем данная функция не исчезает, и в настоящее время также это возможно, что связано в том числе с принципиальным авторитаризмом высшего класса (Form, Rytina 1969: 30).

Сторонний (и находящийся внутри системы) наблюдатель может расценить поведение членов элиты как произвол, нарушающий закон. Так, например, депутат Госдумы РФ второго созыва давал следующую характеристику ельцинской элите: «Что делать, если в стране такая элита. Узколобая и близорукая. Люди, обязанные своим положением нести ответственность за судьбу своего народа, имеют психологию и мышление рыночных воров» (Никифоров 1999: 2).

Действительно, что касается общепризнанных и общеобязательных норм элиты довольно часто могут их нарушать. Особенно, если мы рассматриваем становящиеся общественные системы и элиты. Например, по данным исследования 2007 г. «Восприятие россиянами европейских ценностей» 60% опрошенных считают, что представители власти ощущают себя выше закона¹. Между тем, для членов властных групп проб-

¹ Опрос проведен Левада-центром среди 1600 жителей России в феврале 2007 г. (см.: Восприятие россиянами европейских ценностей 2007).

лема формулируется иначе: отклонение от заявленных легальных норм регулируется негласными корпоративными нормами («операциональный код» — Майкл Рейсмен) (Рейсмен 1988: гл.1) и в этом отношении индивидуальное своеволие невозможно. Базовые же общегражданские нормы могут игнорироваться. Частичная делигитимация общей нормативной системы, тем самым легитимирует частные, партикулярные нормы¹. Но не полностью. В современных условиях общественное мнение может не учитывать это «право» элиты. Показательно в этой связи «дело» бывшего министра обороны А.Э. Сердюкова. Его «неподсудность», увод от ответственности, связано не столько с рациональным решением спасти своего, сколько с действующими внутригрупповыми нормами. Он их не нарушал, поэтому с «элитной точки зрения» не заслуживал наказания. Публика же «проглотила», но не согласилась с безнаказанностью министра и его ближайшей сотрудницы Е.Н. Васильевой (см., напр.: Россияне о деле 2014; Россияне не верят 2014; Евгения Васильева 2015; УДО 2015).

Заявления, «легитимирующие» скепсис и сомнение в отношении существующей правовой системы, могут опираться на различные основания. Так, Сильвио Берлускони апеллировал к эффективности правительственной деятельности: «Если смотреть на ситуацию изнутри, то это — настоящий ад. Проблема не в том, что не хватает добрых намерений и хороших проектов. Но конституционная архитектура сильно затрудняет процесс превращения этих проектов в законы» (цит. по: Итальянская оппозиция возмущена 2010). Для дискурса Б.Н. Ельцина характерна была популистская отсылка к народу: «Я давал клятву НАРОДУ служить. Народу, а не кому-то еще...» (Ельцин 1994: 193). Джордж Вашингтон Планкитт², сенатор штата Нью-Йорк, непосредственно отсылал к интимности «внутреннего круга» властвующей группы: «Какая может быть конституция между друзьями?» (цит. по: Рейсмен, 1988: 51). Майкл Рейсмен отмечал, что отличительной чертой элиты является уверенность «в том, что лежащее на ней особое бремя ответственности позволяет ей, а иногда просто побуждает вести себя ничем не ограничивая» (Рейсмен 1988: 51). В этом контексте машина Путина во время инаугурации без номерного знака выглядит совсем уж

¹ Но и корпоративные нормы могут иногда нарушаться высшими официальными корпорациями. О традиционном обществе см.: (Котов 2009).

² George Washington Plunkitt (1842–1924).

мелочью (Кортеж Путина 2012; Ростарчук 2012). Вместе с тем, для внешнего пользования формально признанные законы являются непре-рекаемыми. Показательна в этом отношении клятва на конституции, легитимирующая действия верховного принципала.

Достаточно отчетливым проявлением асимметрии права является исключение на основании закона представителей высших властных ин-станций из сферы действия норм общего законодательства. В традици-онном обществе это было обычным делом. «В римском праве импера-тор был источником закона и находился выше закона. Император был над законом и как частное лицо, и как социальная личность» (Норт, Уоллис, Вайнгаст 2011: 132). В современной России в определенной мере схожий статус у президента. Прежде всего, это иммунитет в соот-ветствии с Указом В.В. Путина от 31 декабря 1999 г. (Указ Президента 1999). Помимо этого существует, как указывалось выше, практика вы-вода от ответственности при соблюдении процессуальных норм.

Регулирование порядков

Как элиты выстраивают институциональное регулирование поряд-ков? Прежде всего, через контроль над основным институтом, который в силу своего относительного отчуждения, то есть будучи независимым и стоящим над основной массой населения, но использующим его силу и волю, может автономно принимать решения, одновременно используя ресурсы всего общества. Этим институтом является государство. Эли-ты институционализируют себя в государстве. Собственно говоря, это разные стороны одного доминирующего и контролирующего институ-та. Для большей части наблюдателей и исследователей они выступают как разные сущности, имеющие разную природу и основания. Для дан-ного анализа эти дифференциации не столь важны, тем более, что раз-личные научные подходы и (суб)дисциплины могут фиксировать раз-ные стороны и объемы понятий «государство» и «элиты». Основным здесь является регулирование пространственно-временных характери-стик индивидуального, группового и социального существования. Собственно, здесь элиты максимально проявляют свои властные воз-можности, задавая границы физического и социального существо-вания. Существенно, что эта деятельность институциональная и ин-ституционализированная, другими словами, структурированная, формализованная, повторяющаяся, имеющая и задающая рамки дея-тельности социальным субъектам. Конечно, имеет смысл, скорее всего,

говорить о компетенции, иногда исключительной, а не о действии, имеющем абсолютный конечный результат. В социальном пространстве помимо государства и контролирующих его элит действуют и иные социальные акторы. В демократических обществах неэлитная активность может существенно корректировать интенции и саму деятельность элит. Однако, опираясь на легальность и легитимность своего статуса, элиты сохраняют свою фактическую позицию и роль суверена, в особенности относительно существенных для них сторон социума.

Основная *временная проблема* касается жизни и смерти. Определение институционализированной и отчужденной физической смерти максимально осуществляется в политике. Власть над жизнью, возможность положить предел существованию — выражение мощи института и институции, освоения ею публичного и частного пространства. «Суверен здесь осуществляет свое право на жизнь, лишь приводя в действие свое право убивать или воздерживаясь от того; свою власть над жизнью он маркирует лишь смертью, которую он в состоянии потребовать. Право, которое формулируется как право «на жизнь и на смерть», в действительности является правом *заставить* умереть или *сохранить* жизнь» (Фуко 1996: 239). Но смерть не является в данном случае результатом убийства. Процедура и ритуал превращают его в акт, скорее, бюрократический. Поэтому и название у него официальное — казнь. А должностное лицо, ее осуществляющее, — палач («казнодей» у В.С. Высоцкого). Деинституционализация казни не просто превращает ее в заурядное убийство, но и вторгается в прерогативу государственной и, поэтому, элитной сферы деятельности. Поэтому это может быть рассмотрено почти всегда как преступление.

Кроме физической смерти, возможно признание индивида или социальной группы более не существующими в публичном пространстве, лишение или существенное ограничение их прав — публичная смерть и публичная казнь. В частной индивидуальной или групповой жизни аналогией является бойкот, который, однако, приводит к другим последствиям.

Помимо этого, властные элиты имеют право создавать рамки повседневной частной и публичной деятельности. Это связано с возможностью упорядочивания временной размеренности жизни, такими как изменение календаря (в связи с революцией, изменением исчисления астрономического времени, религиозными или иными резонами), определение будней, праздников и т.п. (например, введение в 1930-е гг.

в СССР «непрерывной рабочей недели» («непрерывки»), которая была не семидневная, а пятидневная, что рассматривалось как одно из средств повышения производительности труда в промышленности) (см., напр.: Резолюция XVI съезда 1930: 728; Сталин 1949: 119-120). К этому же относится и регулирование продолжительности рабочего дня (см., напр.: Резолюция Пленума 1928).

Весьма актуальным в последние несколько лет в России оказалось определение времени на конкретных территориях, разбиение пространства на часовые пояса и перевод на зимнее/летнее время. Причем, рациональное обоснование происходит примерно такое же, что и при регулировании времени работы. Так, Д.А. Медведев так объяснил свою инициативу по отмене перехода на зимнее время с осени 2011 г.: «Мы не будем переходить на зимнее (время), мы один раз еще испытаем неприятность, потому что как раз переход на летнее время всегда — это уменьшение сна на один час, но после этого неприятности закончатся. В то же время у нас будет пролонгированный светлый день. Мне кажется, что это было бы интересно и для нашей страны, в общем и целом скорее полезно. Меня, во всяком случае, люди об этом неоднократно просили» (Троицкий 2011). Но оказалось, что это не стало «интересным» для страны, и через несколько лет эксперимент почти закончился. Этот пример весьма характерен с точки зрения автономии элит в своей институциональной деятельности. Мнение экспертного сообщества и простых граждан в момент принятия решения не учитывалось.

Официальные инстанции имеют прерогативу определения социального возраста: взрослые, дети, молодежь, престарелые, пенсионеры и т.п. Такая категоризация связана, в том числе, с определением функциональности индивида в рамках социетальной системы. Но эта функциональность задается не самим индивидом, а извне, в соответствии с деятельностью социальных институтов и интересами и логикой их регуляторов. Дискуссии последних двух лет в нашей стране относительно определения пенсионного возраста хорошо это демонстрируют.

Важным аспектом регулирования социального времени, его содержательности является определение прошлого, истории. Время истории также может быть предметом деятельности элит. Содержанием этой активности выступает определение исторических событий, прошлого бытия, формулирование бывшего: того, что было, и того, что не было. Причем, данная деятельность своим адресатом имеет не только граждан своей страны. Весьма иронично в связи с этим пишет А.В. Перцев:

«Уже в XX веке появилась целая государственная политика — содержать институты зарубежной истории, которые умело навьючивают на народы других стран все больший и больший исторический груз, постоянно напоминая об их неудачах, поражениях, поддерживая в них ощущение вины за содеянное в прошлом предками. Так подрывается дух других народов, их готовность к состязанию на мировой арене, их воля к борьбе» (Перцев 2015: 173).

Регулирование пространства и пространственных отношений элитой также многообразно. Прежде всего, это касается физико-географического и топографического пространства, включенного в социальные взаимодействия. Только официальные власти имеют право и возможность определять пределы своего и чужого. Это связано с функцией идентификации и демаркации: во-первых, своя земля и сопредельные страны. Во-вторых, это структурирование и определение своей территории (например, административное деление, наименование населенных пунктов и географических объектов и т.п.). В-третьих, ландшафтные изменения — повороты рек, создание водохранилищ («морей») и пр.

Помимо этого, государство осуществляет контроль над пространственным перемещением своего населения. Управляемая и направляемая миграция может быть важным инструментом решения экономических и социальных проблем, возникающих перед государством и элитами. Соответствующие институты — прописка, регистрация — и удостоверяющие документы (паспорт) являются инструментами такого контроля.

Одной из сущностных характеристик института и, соответственно, институциональных порядков является регулирование социальных взаимодействий. Создание принципиальных демаркаций в этой сфере идентифицирует не только участников взаимодействия, но и само взаимодействие. В этом отношении отграничение своих и чужих, друзей и врагов становится конституирующим актом. Враг может быть как внешний, так и внутренний. Для политической элиты эта функция оказывается ключевой¹.

Фиксация и определение социального состояния для властных групп относится к такой категоризации населения, которая позволяет

¹ Поскольку это является центральным отношением политической жизни (см.: Шмитт 1992; Рикёр 2002: 300).

достаточно эффективно осуществлять не только контроль и учет демографических ресурсов, но и проводить различного рода мобилизации. *В социальной сфере* — акты гражданского состояния (живой, мертвый, замужний, женатый и т.п.); определение форм семейного (моногамный или полигамный брак) и иного социального взаимодействия (социально-структурное, классовое, сословное положение индивида и групп). *Внутриполитически* — это обозначение социально-политических позиций и границ между ними. Современное государство фиксирует гражданские состояния не столь всеобъемлюще и жестко как в сословном обществе, но не менее определенно (также см. Бурдые 1999: 151). Номинация или сертификат (идентичность гражданина или налогоплательщика) выступают инструментальными субинститутами, обеспечивающими контроль в этой сфере. *Во внешней политике* — право прекращать мир и объявлять войну.

Поддержание стабильности общества в целом в немалой степени связано с *моральным порядком*, несмотря на то, что, как пишет Ричард Шварц, в современном западном обществе моральный порядок всегда проблематичен (Schwartz 1978: 577). Это связано с тем, что традиции и обычаи, в которых моральные нормы существуют в «растворенном» виде, уже не являются основными регуляторами взаимоотношений в обществе, и само общество в значительной степени плюрально. Моральные основания поведения, связанные с базовыми представлениями об индивидуальной ответственности и взаимных обязательствах, тем не менее, существуют. Элита несет персональную, групповую и институциональную ответственность. В отношении государственной службы и, соответственно, административной элиты важным регулятором выступают различного рода этические кодексы. В ряде стран они приняты в качестве обязательных норм (см. напр.: Колдушко 2015: гл.1). Возникает вопрос, касающийся обязательности норм: являются ли они нормами права, поскольку этические нормы, будучи законодательно закрепленными, уже становятся законом. В разных странах эта проблема решается по-разному. Вместе с тем, даже не являясь нормой права, фиксированные этические нормы задают пространство приемлемого с точки зрения общественной морали. Кроме того, они ориентированы на нормирование поведения тех категорий граждан и элиты, которые выполняют функции управления в рамках государственных структур, имеющих особое значение для всего общества. Поэтому эта сфера является весьма чувствительной для общественного мнения. Здесь не

только стоит вопрос о наиболее благоприятной презентации элит для публики, но и о функциональности элит в общей системе управления обществом, а также об упорядочении внутриэлитных взаимоотношений, их нормировании. Но есть еще сфера частной жизни, трудно поддающаяся непосредственному нормированию, или вообще не регулируемая. Однако она также находится в сфере внимания общества, поскольку «правила приличия» всеобщи, а претендующая на выразителя общих интересов и презентующая само общество группа должна символически демонстрировать общественную нравственность. Это очень важная сторона легитимации политического порядка и властных групп. Многочисленные скандалы и разоблачения не должны поколебать принципиальное доверие граждан к системе. Очень показательны в этом отношении сексуальные скандалы в США со своими ритуалами покаяния, восстановления общественной морали и т.п. Один лишь пример. После добровольной отставки губернатора штата Нью-Йорк Элиота Спитцера в марте 2008 г. в результате скандала с высокооплачиваемыми проститутками (выявленный случай — \$4300 за ночь), вступающий в должность губернатора его бывший заместитель Дэвид Пэтерсон, при приведении его к присяге сказал: «Эта сегодняшняя смена является историческим посланием миру о том, что мы живем в соответствии с теми ценностям, которые мы заявляем, и что мы являемся правлением законов, а не индивидов» (Paterson 2008: 4). Восторжествовали не только мораль и право, но и «политическая формула» («формула управления»). В более скрытых от общественности практиках, как отмечают ученые, члены высокостатусных групп в большей степени склонны нарушать моральные нормы, чем другие граждане (Чем выше социальный статус 2012).

В условиях национального кризиса может наступить тотальная ответственность. Элиты отвечают за всё, что происходит. Альберт Шпеер, повествуя о Нюрнбергском процессе, прямо говорит, что «осуждение властной элиты позволяло не возлагать всю вину на немецкий народ» (Шпеер 1997: 680). Конечно, актуализация такой ответственности возможна в случае поражения элиты. Суть ее в том числе — в минимизации коллективной травмы.

Поскольку поддержание существующего порядка невозможно без обеспечения стабильного положения основного регулятора, то контроль и обеспечение действия институтов собственного воспроизводства находятся в центре внимания властных групп. Содержательно —

это деятельность, направленная на себя, на свое собственное структурирование и опривычивание. Важное значение в этом ряду имеет элитное образование.

Ресурсные основания институциональной деятельности

Властные элиты контролируют общественные ресурсы и монопольно решают, кто и как их может использовать (потреблять). Вместе с тем, они зависят от существующих в обществе разнообразных ресурсов, используемых ими для своего функционирования. Роберт Престус в самом определении элит показывает их существенную и даже конституирующую роль: «Элиты могут быть определены как меньшинство, пользующееся большей частью таких дефицитных и высоко ценимых ресурсов, как безопасность, престиж, доход и власть» (Presthus, 1974: 332). Но помимо такой «эгоистической» самонаправленности в использовании ресурсов, важным является системное свойство ресурсов. Э. Гидденс указывает, что ресурсы выступают средством осуществления власти как рутинной составляющей поведения в процессе социального воспроизводства (Гидденс, 2003: 57.). Однако, ресурсы могут быть рассмотрены не только как инструменты групп доминирования¹. Они выступают средством и способом связи между элитами и остальной частью граждан. Ч. Тилли в связи с этим пишет, что политические ресурсы привязывают гражданина к государству и провоцируют людей на участие в политике. Состоят же они из принуждения, капитала и обязательств (Тилли 2007: 110). Таким образом, ресурсы задают существенные институциональные связи, поддерживая существующие институциональные порядки. Элиты выступают здесь главными их потребителями. Одновременно они задают ресурсам определенную структуру и форму.

КУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВАНИЯ

Культура предполагает пространственно-временную индивидуализацию властных групп, возникающую в процессе исторической эволюции конкретного социума, связанной с приспособлением к окружающей

¹ Следует добавить, что они являются также важным ограничителем численности элиты (ранее об этом упоминалось в связи со структурным оптимумом). Помимо этого, необходимо различать инструментальные и инфра-ресурсы (см.: Rogers 1974).

социальной и природной среде. Элиты в этом отношении неотделимы от основной массы населения. Базовые ценностные ориентации являются экспликациями адаптивного опыта, рамками социальной активности и маркерами индивидуализации. Именно они определяют как внутри-элитные взаимоотношения, так и тип социальности — отношение различных групп населения к власти и отношение их между собой в отношении политической власти (Ф. Фюре). В этом отношении вокруг этих ориентаций центрируются смысловые универсумы (П. Бергер и Т. Лукман). Способы, которыми властные группы себя идентифицируют и задают демаркации, варьируются во времени и пространстве. Однако, можно выделить определенные культурные константы, характерные для тех или иных обществ. Собственно, это они создают специфику политической культуры и политики — российской, китайской, французской и т.п.

Прежде всего, элиты должны быть культурно определены, то есть внешне, публично эксплицированы. «Культура публична, потому что публичны коммуникация и значение» (Гирц 2004: 19). Данная определенность имеет два измерения: внутреннее и внешнее. Первое связано с самоидентификацией членов элитного сообщества и созданием культурных демаркаций с иными социальными группами, воспитанием ощущения и осознания «своего круга». Второе связано с восприятием элитой общей культуры страны, данной нации, этноса как своей и проявлением ее в своей повседневной практике.

Эмпирическим фактом является многомерность индивидов, в том числе и элитных персон. «Роль, которую индивид имеет право занимать, должна быть совместима со всеми остальными социальными позициями (ролями), в которые он вовлечен частью своей личности» (Шютц 200: 309). Это проблема не только внутренней согласованности в рамках данных структур. Позиции и роли индивидов должны быть культурно непротиворечивы. Например, если в одном обществе допускается занятие элитных позиций индивидом с «нетрадиционной» сексуальной ориентацией или адепту чужестранных религиозных культов, то в других — нет.

Внутренняя культурная определенность

В многосоставных мультикультуральных обществах элитная культурная идентичность в наибольшей степени становится очевидной. Исследуя американскую элиту, Дигби Балтзел отмечал, что класс становится независимой переменной в социальных отношениях на высших

уровнях общества, замещая религию, этничность и расу. И это различие между элитой и остальным обществом в большей степени проявляется в третьем, чем в первом или втором поколении элиты (Baltzell 1987: 63). И, в определенном смысле, элитные персоны — выходцы из социальных меньшинств становятся маргиналами (см. там же: 64-70). Здесь важно, что в отношении элит действует механизм плавильного котла, создавая более или менее единую элиту. Причем в устойчивых во времени системах действует механизм абсорбции, способствующий созданию гомогенности. Внутреннее давление и «укрошение» индивидов, которые проявляют «фронду», заканчивается победой группы. Великий князь Александр Михайлович, дядя Николая II описывает постепенное подчинение требованиям, предъявляемым членам властного сообщества: «В той внутренней борьбе, которая происходила в моей душе, человеческое заметно слабело перед великокняжеским» (Великий князь 2014: 91). В этом отношении внутренние нормативно-культурные механизмы действуют на создание общего социального пространства, в рамках которого только и возможно консолидированное существование сообщества. Как отмечал Т. Веблен: «Можно примириться с изменой вере, но с нарушением этикета — нельзя. “Манеры делают человека”» (Веблен 1984: 93). Но они и создают внутренний круг, обладающий данными манерами. Важное значение имеют специальные культурные практики, создающие своих. Например, приемы, балы и т.п. (Ежегодный рождественский бал 2015).

Однако вышесказанное можно отнести к обществам, в которых, по словам Уолтера Розенбаума, наличествует интегрированная политическая культура (Rosenbaum 1975). Фрагментированные общества демонстрируют политическую культуру элит, в основе которой базовые ценности могут быть разнонаправленными.

Замечание М.М. Пришвина — «Интеллигентный человек от простого и простой от животного отличаются разными отношениями в представлении себя во времени» (Пришвин 1995: 33) — верно и в отношении элит. Элиты в силу своей роли в социуме имеют более широкий временной горизонт, как ретроспективно, так и перспективно. Собственно, это относится к любым группам доминирования. С одной стороны, они стремятся обозначить свою укорененность, ссылаясь на длительность своей встроенности в общество, «общественного служения». Причем, данный дискурс относится как к индивидуальному, так и групповому существованию. В наибольшей степени это проявляется

в традиционном обществе, что естественно связано с традиционной легитимацией власти и властных групп¹. А также и нормам, регулирующим публичное пространство. Ставшая общим местом в рассуждениях XIX века, эта направленность правовой мысли обнаруживается в практически одновременно написанных суждениях в разных странах. Мысли Франсуа Гизо — «Политическая законность есть право, основанное на давности, продолжительности; первенство во времени признается источником права, доказательством законности власти», (Гизо 1905: 47) — вторит П.Я. Чаадаев: «Нет иного права, кроме права *давности*» (Чаадаев 1991: 444). Но и в современном обществе отсылка к прошлому имеет существенное значение. Она приобретает зачастую иные формы (см.: Манхейм 2000: 204-205). Но в отношении самопрезентации элиты многое сохраняется (см. напр.: Уорнер 2000). Часть исследователей вполне соглашается с тем, что «освящение временем обладания властью и деньгами», а также подчеркивание семейного происхождения существенным образом характеризует элиту старого образца (Goldschmidt 1950: 494).

Вместе с тем, также существует и привязка к современному культурно-временному контексту: «Сейчас так принято, надо и т.п.», что связано с традиционным обоснованием деятельности и целеполагания. Элита вынуждена обращаться к легитимирующей традиционности. В этом заключается очевидный парадокс, поскольку логика традиционного общества противоречит современному по своим основаниям, принципам. Современность рассматривается как прошлое, вот-вот ставшее настоящим. Время необходимо для того, чтобы стать «принятым сейчас». В этом отношении «сейчас» двойственно, что позволяет подвергнуть его критике и отрицанию с разных позиций.

В высоко конкурентном обществе, а также в период социального перехода связь с прошлым может быть использована группами, стремящимися к власти, для диффамации действующих, актуальных элит. Контр-элиты выстраивают свою символическую политику через отрицание прошлого. Это их важный ресурс. Тем более, что, как справедливо указывает Т. Веблен, «существующие в наши дни институты — при-

¹ Например, поиск легитимирующих предков. Так, Иван Грозный вел свою родословную от брата Августа кесаря Пруса (Иван Грозный 1567, 1573, 1577). Нарышкины вели свое происхождение от упоминаемого Тацитом германского племени наристов (см.: Унбегаун 1989: 3).

нятая в настоящее время система общественной жизни — не совсем подходят к сегодняшней ситуации» (Веблен 1984: 202). Это естественное «запаздывание» выступает сильнейшим аргументом «младозэлит», демонстрирующими себя носителями прогресса, инноваций, и тем самым релевантным требованиям времени, чувствующим его динамику.

Социальная дистанция.

Ощущение элиты себя в социальном пространстве является частью субъективного смысла группового членства. Действующая система типизации и релевантностей позволяет ощущать гомогенность группы, но и отличность ее от других (см.: Щютц 2003: 287-290). Механизм дистанцирования позволяет иерархические взаимоотношения оформить в культурно релевантные для данного общества формы. Как утверждал Карл Мангейм, «вертикальная дистанция является главным механизмом, посредством которого правящие круги удерживают в своих руках власть» (Манхейм, 2000: 198)¹. Они стремятся создать символическое доминирование, используя целый набор способов, с помощью которых элиты развивают и распространяют категоризации ценимых в данном обществе благ, ролей и действий (McDonogh 1991: 323-345). К этому относятся места поселения. И пока не завершен процесс пространственной сегрегации, говорить об устойчивости элит преждевременно. Символическая дистанция подтверждается пространственной. Но также удерживается иерархия внутри элиты. Чувство дистанции у элитных персон бывает достаточно сильным. Так, например, А.В. Коржаков вспоминает, как Б.Н. Ельцин прореагировал на приглашение Р.И. Хасбулатовым своего массажиста в совместную баню: «Борис Николаевич присутствие массажиста вытерпел, но я уже знал — самого Хасбулатова он дольше терпеть не станет» (Коржаков 2012: 127). Сам Ельцин дистанцию не только держал, но и отчетливо артикулировал ее наличие (Ельцин 2000: 349). Хотя в ранний период борьбы за власть он всячески публично выступал за ее сокращение. Например, поездки на общественном транспорте, походы в магазины и т.п.

Президент США Линдон Джонсон после вступления в должность сразу же «почувствовал» дистанцию между собой и всеми остальными:

¹ Данное высказывание относится к додемократическим культурам. Но как писал автор, в демократических обществах дистанция не устраняется. Она становится меньше и приобретает иные формы.

«Именно в этот момент я понял, что ничто уже не будет прежним. Теперь нас разделяла стена — высокая, внушительная, исторически сложившаяся стена, обусловленная должностью президента Соединенных Штатов. Никто, кроме членов моей семьи, никогда не проникнет через нее, пока я занимаю этот пост. Для старых друзей, которые никогда не называли меня иначе, как Линдон, я теперь буду «г-ном президентом». Пугающая, тревожная перспектива» (Джонсон 1972: 100). Здесь примечательно и то, что Джонсон прочувствовал также необходимость поддержания дистанции, он принял правила игры, включающие ролевое поведение. Роль предполагает «взаимно соотнесенные ожидания» (Парсонс, Шилз 2000: 448). Все остальные акторы, включенные в процесс взаимодействия, ожидают выстраивания дистанции и участвуют в этом процессе. Такая в известной мере деперсонификация функциональна и до некоторой степени комфортна для всех, поскольку существует предсказуемость поведения и поступков.

Попытка выйти за пределы статусного круга, сократить дистанцию может пресекаться даже у достаточно авторитарных персон. Альберт Шпеер в своих мемуарах приводит достаточно красноречивый пример: «В 1934 году в дни партийного съезда в присутствии Гитлера был продемонстрирован поединок на шпагах. В тот же вечер Гитлер впервые посетил солдатский бивак. Как бывший ефрейтор, он словно окунулся в родную стихию: у лагерных костров он смешался с толпой солдат, его обступили со всех сторон, посыпались шуточки. После этой встречи Гитлер вернулся как бы раскрепощенный и за торопливой трапезой вспоминал отдельные примечательные детали.

Однако армейское командование никоим образом не пришло в восторг. Адьютант Хосбах говорил «об отсутствии дисциплины» среди солдат, которые при встрече с главой государства забыли про должную парадную выправку. И поэтому он настоял, чтобы на следующий год подобным фамильярностям не было места, ибо это не согласуется с достоинством главы государства. В узком кругу Гитлер — хотя и с готовностью повиноваться — выразил неудовольствие по поводу критики. Я был очень удивлен, можно сказать, беспомощной покорностью Гитлера, когда он вплотную столкнулся с этими требованиями. Возможно, он из тактических соображений проявлял известную осторожность по отношению к армии, а возможно, из еще недостаточно окрепшей веры в себя как в главу государства» (Шпеер 1997: 103-104). Но глава государства не произволен в своих действиях, особенно в публичной сфере.

В традиционном обществе ролевое поведение властных персон определялось и контролировалось более жестко. Например, византийский император обязан был на публике демонстрировать свое величие и благосклонность, благочестие и великодушие, благосклонность, проявлять отзывчивость к просителям. «Но идея, столь популярная в наше время, что правитель должен непринужденно болтать с «человеком улицы», возмутила бы религиозные чувства византийцев и их представления о приличиях. Император, который подобно Михаилу III, стал бы снисходить до фамильярности со своими подданными, вызвал бы у них только недоумение и не мог рассчитывать на любовь. <...> Почтение к божественной власти императора и патриарха не мешало, однако, византийцам бунтовать против всякого, кто им казался недостойным этого места. Даже тогда они восставали против конкретной личности, а не против его священной функции. Они восставали в конечном счете ради сохранения своих идеалов» (Рансимен 1998: 199). Снижение дистанции разрушает представление о должном социальном порядке. И тем самым подрывает основание существования всех в данном социуме. Понятно, что каждый социум вырабатывал свои допустимые границы ролевого поведения и дистанции.

Если мы вспомним реакцию публики на «не статусное» публичное поведение жен Николая II и М.С. Горбачева, то увидим, что основная проблема в том, что они тем самым покушались на *тотальность роли Первого лица*, что шло вразрез с ожидаемым распределением ролей в рамках отечественной политической культуры. Отсюда и восприятие этих Первых лиц как слабых правителей. Конечно, неприятие активности первых жён не было всеобщим. Но у значительной части населения оно определенно присутствовало.

Достаточно универсальным средством дистанцирования является демонстративное поведение, о чем красноречиво писал Т. Веблен. Оно весьма эффективно в силу своей визуальности. У. Уорнер добавляет важную деталь: «Эффективность демонстративного потребления для повышения статуса определяется его формой и стилем» (Уорнер 2000: 52). Это очень существенно для персон, стремящихся войти в прежде закрытый для них элитный круг. Однако развитое буржуазное общество демонстрирует возможность разностилевого поведения. Помимо этого, уже находясь наверху и не будучи там новичком, можно не обращать внимания на нюансы и некоторые несоответствия. Здесь иной приоритет. Как сказал специалист по люксовой недвижимости Мики Конлон

из крупнейшей в Нью-Йорке риэлтерской компании «Даглас Эллиман»: «Это такая ментальность — “Я собираюсь купить самый большой дом, и каждый будет говорить об этом, и каждый будет знать об этом. Я — король мира”» (Kussin 2015). Современные российские элиты демонстрируют свою инакость с помощью демонстративного потребления и поведения, где роскошь является важным элементом. Это несколько диссонирует с современными тенденциями в развитых странах, но, как отмечает А.А. Васильев, сегодняшнее изобилие напоказ — реакция на социалистические годы (Васильев 2009: 103). И как писал Вернер Зомбарт, капитализм коммунизирует образ жизни и коллективизирует роскошь. Она становится публичной (Зомбарт 2008: 151). И мы видим создаваемую дворцовую обстановку в органах власти (см., напр.: Петлянова 2009: 19-20), блистательные корпоративы, коллективные праздники жизни (см., напр.: Кремль разочаровался 2015) и т.п. В этом же ряду находится и стремление демонстрировать корпоративную (и, тем самым, свою) мощь и доминирование. Примером может служить попытка «Газпрома» в 2006-2010 гг. построить в историческом центре Санкт-Петербурга небоскрёб высотой 396 метров¹.

Самоидентификация элит в кризисных обществах

В обществах после большой социетальной катастрофы (к которым можно отнести поражение в войне, утрату независимости, революцию) самоидентификация социальных групп и отдельных индивидов может быть серьезно искажена. Любопытное исследование, проведенное Моррисом Яновитцем в середине 1950-х годов в ФРГ дало неожиданные результаты. Граждан (выборка репрезентативная) просили дать самооценку по шкале социальной стратификации. Указавших, что они принадлежат к «высшему классу» оказалось 1,9% — 64 человека. При проверке выяснилось, что 10 было крестьянами, 5 — рабочими, 18 — конторскими служащими или служащими промежуточного ранга (Dahrendorf 1969: 253-254). Такая социальная дезориентация приводит к ощущению в обществе, что место наверху пусто (там же: 254).

Отечественные исследования 1990-х гг. фиксировали, что самоидентификация элитных персон не всегда соответствовала их статусу. В частности, исследование, проведенное в 1998 г. Санкт-Петербургским филиалом Института социологии РАН (сейчас — Социологический

¹ О конфликте вокруг этого проекта см.: (Вишневский 2011).

институт РАН) при поддержке фонда имени Фридриха Эберта «Элита Санкт-Петербурга и Ленинградской области: политические и экономические ориентации»¹ показало, что только 5 % респондентов отнесли себя к элите. Основная масса опрошенных заявила о своей принадлежности к среднему классу (93 %), меньшинство (2 %) — к низшему слою общества. Существенные расхождения в позициях различных групп элит (элиты Санкт-Петербурга и Ленинградской области; политической, административной, экономической, профсоюзной) отсутствовало. Такая ситуация не была исключительной для элиты нашего региона. Она же выступала одним из факторов снижения значения и роли элит в социальной структуре и социетальном функционировании в представлении публики и части исследователей. Отсюда несколько дискуссий в российском обществоведении относительно наличия и качества элиты в России².

Помимо этого, в кризисных (трансформирующихся) обществах существовавшие базовые легитимации также проблематизируются. Элиты могут функционировать, поскольку они культурно оправданы и признаются населением как естественные доминирующие лица (группы), а их культура как «высокая». Легитимация в данном случае связана, прежде всего, с базовыми ориентациями в отношении иерархических структур в обществе (см.: Field, Higley 1980: 25-32). Что показательно, в стабильных социумах низшие страты в большей степени, чем высшие воспринимают нормативные представления о системе власти и доми-

¹ В ходе исследования было опрошено 155 человек. Для анализа взято 129 анкет. 98 опрошенных являлись представителями элитных групп Санкт-Петербурга, 31 — Ленинградской области (76 % и 24 % соответственно). Региональная политическая элита была представлена 33 респондентами, административная элита — 25 опрошенными, экономическая элита — 58. 13 человек — профсоюзные лидеры. Сбор данных осуществлялся методом анкетного опроса (апрель-июнь 1998 г.). Основные результаты были опубликованы в монографии (Региональные элиты 2001). Однако данные по самоидентификации в книгу не вошли.

² Начало дискуссии было положено статьей Ж.Т. Тощенко (Тощенко 1999). В 2007 г. в журнале «Общество и экономика» появились статья Т. Койчуева (Койчуев 2007). В рамках данной дискуссии там же в 2008 году были опубликованы ответные статьи О.В. Гаман-Голутвиной, А.В. Дуки, В.Г. Ледяева, В.П. Мохова, А.Е. Чириковой. На Украине о такого же рода проблеме см.: (Полищук 2007).

нирования в обществе как реально существующие. В этом отношении власть может не восприниматься как власть, что обеспечивает большую легитимность элитам (Form, Rytina 1969).

Ситуация кризиса провоцирует общее ощущение нестабильности. Возвращение к «истокам» часто представляется спасительным якорем. В этих условиях традиционализация и архаизация, социетальный регресс, наблюдаемый в ряде обществ, охватывает все слои. Элиты «возглавляют» этот процесс. В постсоветских обществах это особенно очевидно на Северном Кавказе, в Средней Азии и ряде других регионов. В этом ряду стоит и усиливающаяся роль религиозных объединений, и повышенная религиозность членов элитного сообщества.

Чужие свои

Второе измерение фиксирует воспринимаемую неэлитами одновременную включенность элиты в общий контекст культуры данного социума, то есть, восприятие элитных персон как «своих», и инаковость элиты, имеющую свою культуру. В этом отношении определение Георга Зиммеля «чужака» очень релевантно: «единство близости и удаленности» (Зиммель 2008: 7). Власть и элиты должны быть необходимо отчуждены от остального населения. Именно это обеспечивает их автономность при принятии решений и возможность использовать отчужденную институциональную силу. Это замечено было давно. В этой связи представления об этнической «чужести» элиты, связанной с завоевателями данной территории вполне соотносятся с фиксируемой культурной инаковостью (Гумплович 1899: 184-185).

Но «чужесть» не должна быть чрезмерной, иначе невозможно ориентироваться низшим категориям населения на элиту, что является необходимой частью доминирования — через гегемонию. У Льва Толстого в «Войне и мире» танец Наташи Ростовской у дядюшки культурно снимает повседневное противопоставление культуры дворянства и народа. Они оказываются в одном культурном пространстве. Вот как описывает это писатель: «Где, как, когда всосала в себя из того русского воздуха, которым она дышала, — эта графинечка, воспитанная эмигранткой-французенкой, — этот дух, откуда она взяла эти приемы, которые *pas de châte* давно бы должны были вытеснить? Но дух и приемы были те самые, неподражаемые, неизучаемые, русские, которых и ждал от нее дядюшка» (Толстой 1938: 267). Действительность, конечно, сложнее. Сын Льва Николаевича в своих воспоминаниях дает Примеча-

тельную характеристику своему отцу: «По своему рождению, по воспитанию и по манерам отец был настоящий аристократ. Несмотря на его рабочую блузу, которую он неизменно носил, несмотря на его полное пренебрежение ко всем предрассудкам барства, он барином был и барином он остался до самого конца своих дней» (Толстой 2000: 87). Манеры поведения, дающие окружающим понять социальное положение, являются важным маркером: «Власть князя проявляется не столько в конкретных действиях, сколько в его облике и стиле жизни» (Юнгер 2000:92). Причем, проникая в художественную литературу, описываемые особенности становятся определенным ориентиром не только для сочинителей, но и для живых носителей культурных образцов. Гораций Уолпол в середине восемнадцатого века пишет: «Какими бы глубокими, сильными или даже мучительными ни были душевные переживания монархов и героев, они не вызывают сходных чувств у слуг; по крайней мере, слуги никогда не выражают их с таким достоинством как господа, и потому навязывать им такую манеру недопустимо. Позволю себе высказать суждение, что контраст между возвышенностью одних и naïveté [наивности] других лишь резче оттеняет патетический характер первых» (Уолпол 2011: 51). Представления о биологической обусловленности особенности достаточно широко были распространены и становились едва ли не общим местом: «Невозможно отрицать значение выдающихся родов, породы, и если люди избранной породы оказываются безобразными и не представительными, тут уж поверьте мне — дело неспроста» (Башкирцева 2014: 351¹). Суждения Марии Константиновны Башкирцевой примечательны, поскольку это взгляд художницы, родом из провинциального полтавского дворянства (хотя и увлекавшейся европейскими аристократами). Такое стереотипное приписывание замечательных характеристик высшим группам весьма распространено и типично и не только для традиционных обществ. Почти в то же время кардинал Ньюмэн описывал черты джентльмена в исключительно положительных словах и утверждал, что найти такое «чудо» возможно только в высшем обществе. Не без некоторого ехидства Абнер Коэн назвал это «мистикой элитности», указывая, что это не какая-то идеологическая формула, а образ жизни, проявляющийся в символическом поведении (Cohen 1981: 2-3). Стремление «быть джентльменом» возможно, конечно, и без принадлежности к английско-

¹ Запись в дневнике от 11.05.1878.

му высшему обществу. Спрэг де Камп в биографии американского писателя Говарда Лавкрафта пишет, что он «являл собой пример викторианского идеала джентльмена: вежливый, благородный, уравновешенный, невозмутимый, обладающий хорошим вкусом, утонченный, любезный, почтенный, правдивый, скромный, рыцарственный, прямой и осознающий свое классовое превосходство» (де Камп 2008: 73). И это в начале двадцатого века в Новой Англии¹. Конечно, предрассудки, то есть «рационализации и институционализации основополагающего «главного мифа», на котором основывается самоинтерпретация группы» (Щютц 2003:298) в такого рода социальных дифференциациях играют чуть ли не главную роль. В данном случае «главный миф» связан с непреходящим превосходством.

Здесь есть одна существенная деталь, которой Вильфредо Парето уделяет особое внимание. Описывая чувства иерархии, без которых невозможно общество, и которые присущи всем и наблюдаются у животных и людей, он показывает дифференциацию этих чувств, разделяющих элиту и низшие группы. «*Чувства высших*. Это чувства покровительства и благосклонности; часто к ним добавляются чувства господства, превосходства и надменности» (Парето 2008: 164). В противоположность им — «*Чувства низших*. Это чувства зависимости, привязанности, уважения, почтения и страха. <...> Авторитет признают в том, кто обладает некоторыми реальными или мнимыми чертами превосходства» (Там же). Культивирование, развитие «культы элитности» (Абнер Коэн) происходит с двух сторон. Легитимация господства и легитимация подчинения находят согласие в превосходстве элиты, которая, тем не менее, своя. Показательны в этом отношении воспоминания Д.Т. Шепилова: «В ту пору [в 1949 г.] я в высшей степени идеалистически (в самом прекрасном значении этого слова) воспринимал все, что относилось к руководству партии, ее Центральному Комитету и аппарату ЦК. Каждый член Политбюро в моих глазах был тогда олицетворением самых благородных и возвышенных черт и морально-политических качеств. Каждое решение ЦК и даже указание аппарата ЦК воспринимались мной как святыня» (Шепилов 2001: 148-149). описы-

¹ В начале XXI века использование дискурса «джентльменства» для подчеркивания своего превосходящего иные профессии статуса, и связанного с ним морального и интеллектуального превосходства также практикуется (см.: Phillips 2007).

ваемые чувства принадлежат автору, бывшему в то время заведующим Отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС. Сакральность аппарата власти и его указаний в высшей степени индоктринированных режимах является общим местом. Портреты и другие изображения «вождей» являлись в такой же степени священными, как и в любом традиционном обществе. В воспоминаниях одного из участников китайской «культурной революции» содержится эпизод случайного разбития бюста Мао. Событие относится к 1969 году. «Разбить бюст председателя Мао — это тягчайшее преступление, заслуживающее смертной казни!». В результате несколько сот человек по своему почину, внутреннему зову, без приказа, вдали от населенных пунктов, на проселочной дороге встали на колени и в течение нескольких часов просили прощение у председателя Мао (Фэн Цзицай 2015: 156-157). Подобное дистанцирование на основании фанатичной преданности¹ можно было наблюдать и в европейских обществах двадцатого века, при том, что формально легитимизирующим власть и властные практики был «народ».

Преодоление неопределенности

В условиях социальных переворотов образцы и критерии «элитности» могут быть кардинально пересмотрены в виду их связанности с доминирующей культурой. Меняется и легитимность. Однако в процессе борьбы различные группы, рвущиеся к власти, могут выработать, усвоить, ориентироваться на различные культурные комплексы, ценностные ориентации и образцы поведения, отвергая при этом старую культуру. Показательной в этом контексте является оценка Н. Осинским (В.В. Оболенским) культурной дифференциации среди большевистского руководства в 1920 году: «То, что происходит сейчас на съезде, есть столкновение нескольких культур, ибо наше строительство породило различные культуры. Мы создали военно-советскую культуру, гражданскую советскую культуру, и, наконец, профессиональное движение создало свою сферу культуры. Каждая из этих форм нашего движения имеет свой подход к вещам, создала свои навыки. Тов. Троцкий ставил вопрос с точки зрения человека, вышедшего из сферы военной культуры; мы подходим к нему с точки зрения гражданской сферы и, наконец, своеобразно поставили его товарищи профессионалисты, и поставили

¹ Показательно, что в нацистской Германии эпитет «фанатичный» приобрел позитивный смысл (см.: Клемперер 1998: 79; также см.: Гюнтер 2013: 41-42).

его хуже всего, поскольку рассуждали долгое время только о том, что надо рабочий класс уберечь от милитаризации, что нужен вольный труд и т.д.» (Осинский 1960: 115). Соответственно, роль лидера, вождя в этих культурах была различной. Политико-культурная связь с населением предполагалась разная. Побеждала группа и культура, в наибольшей степени релевантная данной исторической и политической ситуации, имеющая большие ресурсы и максимальную поддержку. «Ночь длинных ножей» в Германии (1934 г.), когда были ликвидированы руководители штурмовиков во главе с Эрнстом Рёмом, а заодно и Георг Штрассер (один из лидеров социалистического крыла партии), помимо чисто властной борьбы, имела и значительный культурный аспект, о чем не раз писалось. «Великая пролетарская культурная революция» в Китае (1966-1976) одним из своих программных пунктов имела «уничтожение четырех старых» — старую культуру, идеологию, нравы и обычаи. И вместе с тем, уничтожалась ориентация на некоторые культурные основания власти. Весьма показательна в этом плане компания «Критики Линь Бяо и Конфуция».

Конечно, как отмечают исследователи, обладая преимущественным доступом к инструментам общественной культуры, элиты определяют в основном общественный дискурс, определяют и переопределяют значения публичных символов (Hunter 1991: 59). Вместе с тем, возможны и тенденции к отторжению элиты вследствие культурного диссонанса. Так, элита части обществ запаздывающего модерна (в большинстве это постколониальные общества) может культурно ориентироваться на образцы, не принимаемые основной частью населения. Она скорее хочет быть элитой интернациональной, чтобы ее принимали в международных центрах принятия решений. Данный эффект усиливается и глобализационными процессами. Например, Ариф Хасан, анализируя политическую культуру пакистанской элиты, отмечает ее отчужденность от культуры традиционной для страны. Как он пишет, новое поколение элиты англоязычно, ориентируется на западное образование, не имеет связи с литературой собственной страны, ее историей, географией, и даже физически она локализована в иные пространства, чем основное население. Всё это создает культурную поляризацию с негативными политическими следствиями (Hasan 2002). Похожую ситуацию можно было видеть в Иране в конце шахского режима во время так называемой «Белой революции» (Капушицкий 2007: 236-237). В российских условиях не идентичную, но схожую картину можно было наблюдать

в 1990-е годы, что позволило ряду аналитиков говорить о компрадорском характере ельцинского режима.

В этом контексте следует сказать о разных ожиданиях и ориентациях внешних наблюдателей (и заинтересованных групп) и населения страны. Немецкие журналисты так описывают эту противоречивую ситуацию: «Но немцам придется столкнуться с некоторыми неудобными истинами тоже. Например, что на по-настоящему честных выборах в России не обязательно победят прозападные политики, но с большей вероятностью — националистические шовинисты. Или то, что большинство россиян считают судебный приговор на двухлетнее тюремное заключение, вынесенный членам феминистской группы Pussy Riot, слишком мягким. Или то, что большинство россиян предпочли бы вновь ввести смертную казнь, и сделать это как можно раньше, чем позже. Другими словами, что большинство россиян, вероятно, хотят совсем другой России, чем ту, о которой мы мечтаем у себя на Западе» (Spiegel 2012). Отсюда возникает проблема выбора поведения и проведения конкретной политики национальной элитой. Здесь дилемма не только культурных ориентаций, но и необходимости демонстрации принадлежности элиты к общей культуре своей страны. И мы видим, что в современной России властные группы и население сильно не расходятся в публично провозглашаемых ценностях. Для стороннего наблюдателя это может восприниматься как некоторый отход от провозглашенных ранее ориентиров и доминирование иной элиты (см., напр.: Россия боится 2006: 7). Но как верно было отмечено исследователями, деление российской элиты на «либералов» и сторонников авторитарного пути очень условно (Kryshtanovskaya, White 2005: 1071). С начала 2000-х годов стало вполне очевидно, что в мировой клуб глобальной элиты по-настоящему наши лидеры не будут допущены. Выстраивание собственной ценностной рамки в этом отношении оказывается релевантным базовым ожиданиям и историческому пути.

Элита не только может ориентироваться на общий национальный миф, который она усиленно культивирует. Она и сама им «пленена». Вера в единство часто искренняя, и она имеет основания. Слова Хилари Клинтон об этом вполне отвечают положению вещей: «Все то, чем я занималась и с чем встречалась, убедило меня в том, что Америка остается «незаменимой нацией». Наряду с этим я убеждена в том, что наше лидерство в мире не является нашим правом по рождению. Каждое поколение американцев должно отстаивать это право. И так будет продол-

жаться до тех пор, пока мы будем оставаться верными нашим ценностям и помнить, что мы, прежде всего, не республиканцы или демократы, либералы или консерваторы (все эти и любые другие ярлыки не столько обозначают нас, сколько разделяют), а американцы, каждый из нас — частичка своей страны» (Родэм Клинтон 2016: 10). Об этом же пишет и Барак Обама: «Не важно, насколько неверным мне представляется их [администрации Джорджа Буша] политический курс, не важно, что я упорно настаиваю на их ответственности за то, куда этот курс заведет, — говоря с этими людьми, я всегда стараюсь понять мотивы, которые их побуждают, и не забывать, что ценности у нас в любом случае одни и те же» (Обама 2008: 57). Конечно, такая степень консолидации, как у американской элиты, встречается далеко не во всех странах. В литературе показаны исторические корни такого единства (Дай, Зиглер 1984: 69). Тем не менее, можно говорить о принципиальном культурном единстве элит и основной части населения в длительно устойчивых политиях.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотренные основания существования и функционирования элит позволяют утверждать, что элиты естественны в современном обществе. Общество их создает как необходимый элемент своего внутреннего строения. Это строение определяется уровнем социально-экономического развития, существующим разделением труда и системными требованиями, связанными с необходимостью обеспечения стабильности и воспроизводства социума. Содержательно оно включает вертикальную дифференциацию, на вершине которой находятся элиты. В силу множественности функциональных сторон и общества, и находящихся в нем индивидов возможны несколько иерархий. Индивидуальное попадание на вершину связано с разнообразными факторами, производными от уровня развития общества и его историко-культурных особенностей. Вместе с тем, персоны, находящиеся наверху стремятся к устойчивости своего существования и действуют в этом направлении и в своем функционировании как группа, имеющая определенное место в структуре общества.

Воспроизводимость во времени, включение в социальные отношения и выполнение функций в социальной системе в своем деперсонифицированном виде связано с институциональными характеристиками элиты. Элиты дольше и больше, чем персоны их составляющие. В силу

своего положения в обществе властные группы стремятся задавать характеристики всему обществу и рамки существования индивидам и социальным группам, играя в отношении всего общества и групп институционализирующую функцию. Вместе с тем, они сами подвержены нормированию со стороны общества. Однако существенным институциональным различием остается асимметрия норм как принцип иерархического распределения возможностей и подчинения, закрепленный в нормативных актах.

Функционирование в обществе предполагает для любой группы, общности (и элиты здесь не исключение) определение их смысла и значения в социальном пространстве и во времени. (Само)идентификация, проведение границ с другими группами и выстраивание социальной дистанции — важная часть элитного самоопределения. Помимо внутренней культурной определенности, элиты презентуют себя в рамках единого культурного пространства как часть народа, этноса, нации. Это является одним из оснований легитимации их общественного положения. Но элиты одновременно стремятся определять в основном общественный дискурс, они определяют и переопределяют значения публичных символов, обеспечивая себе доминирующее положение.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

Spiegel: Большинство россиян хотят совсем другой России, чем ту, о которой мечтает Запад // Сайт REGNUM. 16.11.2012. [URL: <http://www.regnum.ru/news/1594290.html>].

Адамс Г. Воспитание Генри Адамса / пер. с англ. М.А. Шерешевской; послесл. А.Н. Николюкина; коммент. В.Т. Олейника. М.: Прогресс, 1988.

Алишаускене Р. Восприятие социального неравенства когортами Литвы: динамика или стабильность? Выступление на Второй международной научно-практической конференции «Продолжая Грушина», Москва, 15-16 марта 2012 г. // Сайт ВЦИОМ. [URL: http://wciom.ru/fileadmin/nayka/Gr_2012/sek3/Alishauskine.pdf (доступно 12.04.2013.)]

Арендт Х. Между прошлым и будущим. Восемь упражнений в политической мысли. М.: Изд-во Института Гайдара, 2014.

Башкирцева М. Дневник / Мария Башкирцева. Переизд. М.: «Захаров», 2014.

Бурдые П. Дух государства: генезис и структура бюрократического поля // Поэтика и политика: (сб. статей): Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской академии наук. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1999. С. 125-166.

Васильев А. «Я сегодня в моде...» 100 ответов на вопросы о моде и о себе. М.: Этерна, 2009.

Вебер М. О некоторых категориях понимающей социологии // Вебер М. Избранные произведения / пер. с нем. М.: Прогресс, 1990. С. 495-546.

Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения / пер. с нем. М.: Прогресс, 1990. С. 61-272.

Веблен Т. Теория праздного класса. М.: Прогресс, 1984.

Великий князь Александр Михайлович. Воспоминания в двух книгах. М.: Захаров, 2014.

Виктор Новоселов: “Я не сомневался, что найду себя” [Интервью О. Драмарецкой] // Петербургский Час пик. 27.10.1999. № 42. С. 3.

Восприятие россиянами европейских ценностей // Левада-центр. Пресс-выпуск 15.02.2007. [URL: <http://www.levada.ru/press/2007021501.html> (доступно 25.07.2007)].

Гаман-Голутвина О. Российские элиты как предмет научного анализа // Общество и экономика. 2008. № 3-4. С. 175-196.

Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации. М.: Академический Проект, 2003.

Гизо Ф. История цивилизации в Европе: С прил. «Очерка жизни и деятельности Ф. Гизо» / Пер. с фр. В.Д. Вольфсона. 3-е изд. СПб.: Тип. Альтшулера, 1905.

Гирц К. Интерпретация культур. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004.

Гумлович Л. Основы социологии. СПб.: Изд. О.Н. Поповой, 1899.

Гюнтер Г.Ф.К. Мои впечатления об Адольфе Гитлере / пер. с нем. А. Кирсанова. М.: Изд-во «Белобог», 2013.

Гюнтер Г.Ф.К. Наследственность и среда // Гюнтер Г.Ф.К. Избранные работы по расологии. Изд. 2-е доп. / Пер. с нем. А.М. Иванова; предисл. В. Авдеева, А. Иванова, Ю. Ригера. М.: Белые альвы, 2005. С. 516-545.

Дай Т.Р., Зиглер Л.Х. Демократия для элиты: Введение в американскую политику / пер. с англ. М.: Юрид. лит., 1984.

де Камп Л.С. Лавкрафт: биография / пер. с англ. Д.В. Попова. СПб.: Амфора. ТИД Амфора, 2008.

Деяния святых Апостолов // Библия. Книги Священного писания Ветхого и Нового Завета канонические. Русское синодальное издание.

Джонсон Л. С выигрышной позиции // США — экономика, политика, идеология. 1972. №9. С. 89-100.

Донцов А.И. Проблемы групповой сплоченности. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979.

Дука А. «Элита» и элита: понятие и социальная реальность // Общество и экономика. 2008. № 6. С. 132-146.

Дюркгейм Э. Метод социологии // Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / Пер. с фр. и послесловие А.Б. Гофмана. М.: Наука, 1990. С. 391-532.

Дюркгейм Э., Мосс М. О некоторых первобытных формах классификации. К исследованию коллективных представлений // Мосс М. Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии. М.: Изд. фирма "Восточная литература" РАН, 1996. С. 6-73.

Евгения Васильева: наказание по справедливости? // ВЦИОМ. Пресс-выпуск №2841. 25.05.2015. [URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115261> (доступно 27.05.2015)].

Ежегодный рождественский бал финансовой и политической элиты // Банковское дело. 2015. № 1. С. 2-13.

Ельцин Б.Н. Видит Бог, я сделал много шагов навстречу. Пора власть употребить // Ельцин — Хасбулатов: единство, компромисс, борьба / Сост.: Л.Н. Доброхотов, В.Н. Колодежный, А.И. Кожокина, Г.В. Лобанцова. М.: «Тerra», 1994. С. 192-194.

Ельцин Б.Н. Президентский марафон: Размышления, воспоминания, впечатления. М.: ООО «Изд-во АСТ», 2000.

Зиммель Г. Экскурс о чужаке / пер. с нем. А.Ф. Филиппова // Социологическая теория: История, современность, перспективы: Альманах журнала «Социологическое обозрение». СПб.: Владимир Даль, 2008. С. 7-13.

Зомбарт В. Роскошь и капитализм // Зомбарт В. Собр. соч. в 3 т. Т.3. СПб.: Владимир Даль, 2008. С. 5-236.

Иван Грозный. Второе послание шведскому королю Иоганну III (1573) // Послания Ивана Грозного / под ред. В.П. Адриановой-Перетц. СПб.: Наука, 2005. С. 335-350.

Иван Грозный. Послание Полубенскому (1577) // Послания Ивана Грозного / под ред. В.П. Адриановой-Перетц. СПб.: Наука, 2005. С. 374-381.

Иван Грозный. Послание Сигизмунду II Августу от имени М.И. Воротынского (1567) // Послания Ивана Грозного / под ред. В.П. Адриановой-Перетц. СПб.: Наука, 2005. С. 434-441.

Итальянская оппозиция возмущена высказываниями Берлускони о конституции // Интерфакс. 10.06.2010. [URL: <http://www.interfax.ru/politics/news.asp?id=140650> (доступно 10.06.2010)].

Капуцицкий Р. Император. Шахиншах. / пер.с польск. М.: Европейские издания, 2007.

Касториadis К. Воображаемое установление общества. М.: Изд-во «Гнозис»; Изд-во «Логос», 2003.

Качковский Л. Чем проверяется народ на качество // День. Киев, 2000. №9. 21 січня. [URL: <http://www.day.kiev.ua/87107/> (доступно 16.06.2008)].

Кирдина С.Г. X- и Y-экономики: Институциональный анализ. М.: Наука, 2004.

Клемперер В. ЛТИ. Язык Третьего рейха. Записная книжка филолога / пер. с нем. А.Б. Григорьева. М.: Прогресс-Традиция, 1998.

Койчужев Т. Элита постсоциалистического общества. Кого к ней относить? // Общество и экономика. 2007. № 5-6. С. 2-12.

Колдушко А.А. Механизмы регулирования этики государственных служащих (на примере Пермского края). Пермь: Изд-во Перм. нац. исслед. политехн. ун-та, 2015.

Коржаков А.В. Ближний круг «царя Бориса». М.: Алгоритм, 2012.

Кортеж Путина и ГИБДД — продолжение скандала // Сайт «Авто.мэйл. ру». 17.07.2012. URL: <http://auto.mail.ru/article.html?id=37764> (доступно 23.07.2012).

Котов А.С. Дело Георга фон Вирсберга, или о том, что можно и чего нельзя правящей элите // Вестник Томского государственного университета. История. 2009. № 2. С. 88-91.

Кремль разочаровался в Чубайсе после скандала на видео // Сайт Infox.tv. 23.12.2015. URL: http://www.infox.tv/videos/1721/kreml-razocharovalsya-v-chubayse-posle-skandala-na-video/?utm_source=infox.sg&utm_campaign=3342488&utm_term=newru (доступно 23.12.2015).

Кучеренко А. «Элитарии» всей страны, объединяйтесь! // День. Киев, 2000. №37. 1 березня. [URL: <http://www.day.kiev.ua/87889/> (доступно 16.06.2008)].

Лануэж Ж.В. де. Ариец и его социальная роль. М.: Кучково поле; Медиа-групп, 2014.

Ледяев В. Кого относить к элите? // Общество и экономика. 2008. № 3-4. С. 121-129.

Линн Р. Расовые различия в интеллекте: Эволюционный анализ. М.: Профит Стайл, 2010.

Маетная Е. «Мы все в шоке от этой свадьбы» // Газета.ру. 28.03.2015. [URL: <http://www.gazeta.ru/social/2015/03/28/6617377.shtml#> (доступно 30.03.2015)].

Манхейм К. Человек и общество в эпоху преобразования // Манхейм К. Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994. С. 277-411.

Манхейм К. Эссе о социологии культуры // Манхейм К. Избранное: Социология культуры. М.; СПб.: Университетская книга, 2000. С. 7-233.

Мареева С.В. Справедливость и неравенство в общественном сознании россиян // Журнал институциональных исследований. 2015. Т. 7. № 2. С. 109-119.

Медведев Н.П. «Новые» на Старой площади: Кремлевско-провинциальные истории. М.: Республика, 1997.

Мохов В. Об определении понятия «элита» // Общество и экономика. 2008. № 3-4. С. 130-143.

Никифоров С. Что нам терять, кроме элиты? // Невский обозреватель. 19-27.06.1999. № 5. С. 2.

Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Изд. Института Гайдара, 2011.

О конфликте вокруг этого проекта см.: Вишневский Б. Башне — нет! Петербург против «Газоскреба». СПб.: Полярная звезда, 2011.

Обама Б. Дерзость надежды: Мысли о возрождении американской мечты / пер. с англ. Т. Камышниковой, А. Митрофанова. СПб.: Изд. Дом «Азбука-классика», 2008.

Осинский Н. Сводоклад о хозяйственном строительстве // Девятый съезд РКП(б), март-апрель 1920 года: Протоколы. М.: Госполитиздат, 1960. С. 115-127.

Парето В. Компендиум по общей социологии / пер. с итал. А.А.Зотова. 2-е изд. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008.

Парето В. Прогнозирование социальных явлений // Парето В. Трансформация демократии / пер. с итал. М. Юсима. М.: Изд. Дом «Территория будущего», 2011. С. 165-186.

Парсонс Т. Аналитический подход к теории социальной стратификации // Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академический Проект, 2000. С. 354-380.

Парсонс Т., Шилз Э. и др. К общей теории действия. Теоретические основания социальных наук // Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академический Проект, 2000. С. 415-562.

Перцев А.В. О. Шпенглер: попытка создания прикладной всемирной истории // Шпенглер О. Воссоздание Германского рейха / Пер. с нем. А.В. Перцева и Ю.Ю. Коренца, послесл. А.В. Перцева. СПб.: Владимир Даль, 2015. С. 143-222.

Петербургская организация НДР — масонская ложа при губернаторе [Беседа Е. Рагозиной с депутатом Госдумы Л.Б. Нарусовой] // Петербургский Час пик. 13.05.1998. № 18. С. 3.

Петлянова Н. Ненавязчивая роскошь // Новая газета в Санкт-Петербурге. 2009. №81. 29 октября. С. 19-20. <http://www.novayagazeta.spb.ru/2009/81/1> (доступно 30.10.2009).

Полищук Н. Руководит ли Украиной элита? // День. Киев, 2007. №51. 24 безрезия. [URL: <http://www.day.kiev.ua/179298/> (доступно 16.06.2008)].

Полторанин М.Н. Власть в тротиловом эквиваленте. Наследие царя Бориса. М.: Эксмо: Алгоритм, 2010.

Пришвин М.М. Дневники: Кн.3. Дневники 1920-1922 гг. М.: Моск. рабочий, 1995.

Рансимен С. Византийская теократия // Рансимен С. Восточная схизма. Византийская теократия / Пер. с англ. М.: Наука; Издат. фирма «Восточная литература», 1998. С. 139-238.

Региональные элиты Северо-Запада России: политические и экономические ориентации / Под ред. А.В. Дуки. СПб.: Алетейя, 2001.

Резолюция XVI съезда ВКП(б) «О выполнении пятилетнего плана промышленности» // XVI съезд Всесоюзной коммунистической партии (б): Стенографический отчет. М.; Л.: Госиздат, 1930. С. 723-729.

Резолюция Пленума ЦК ВКП(б) 16-24 ноября 1928 г. «О первых итогах и дальнейшем проведении семичасового рабочего дня» // КПСС в резолюциях

и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т.4. М.: Политиздат, 1984. С. 383-387.

Рейсмен В.М. Скрытая ложь. Взятки: «крестовые походы» и реформы / пер. с англ. М.: Прогресс, 1988.

Рикёр П. История и истина / пер. с франц. СПб.: Алетейя, 2002.

Родэм Клинтон Х. Тяжелые времена / пер. с англ. К.А. Мовчан. М.: Эксмо, 2016.

Ролз Дж. Теория справедливости. Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 1995.

Россия боится всемирного разговора: Интервью с Л. Шевцовой // Новая газета. 02.02.2006. № 7. С. 7.

Россияне не верят, что Сердюкова и Васильеву накажут // Известия. 12.02.2014. [URL: <http://izvestia.ru/news/565607> (доступно 20.02.2014)].

Россияне о деле «Рособоронсервиса» // Левада-Центр. Пресс-выпуск 11.02.2014. [URL: <http://www.levada.ru/2014/02/11/rossiyane-o-dele-rosoboronservisa/> (доступно 20.02.2014)].

Ростарчук А. Ваш номер десятый... // Сайт «Автотзгляд». 17.07.2012. URL: <http://www.avtovzglyad.ru/article/2012/07/17/603353-vash-nomer-desyatiy.html> (доступно 23.07.2012).

Саррацин Т. Германия: самоликвидация / пер. с нем. М.: Рид Групп, 2012.

Сорокин П.А. Социальная мобильность. М.: Academia; LVS, 2005.

Сталин И.В. Год великого перелома: К XII годовщине Октября // Сталин И.В. Соч. Т.12. М.: Госполитиздат, 1949. С. 118-135.

Стрельцова О., Хуртин В., Новогрудский М. Впервые в истории Госдумы поженились депутаты из разных партий // ТВ Центр. 27.03.2015. [URL: <http://www.tvc.ru/news/show/id/64673> (доступно 30.03.2015)].

Тилли Ч. Демократия. М.: Ин-т общественного проектирования, 2007.

Тиравский В. Украинская элита: нелегкий путь самоидентификации // День. Киев, 2003. №133. 2 сентября. [URL: <http://www.day.kiev.ua/23280/> (доступно 16.06.2008)].

Толстой И.Л. Мои воспоминания / Илья Толстой. М.: XXI век — Согласие, 2000.

Толстой Л.Н. Война и мир. Т.2. // Толстой Л.Н. Полн. Собр. соч. в 90 т. Т. 10. Война и мир. Т. 2. М.: Художественная литература, 1938.

Тощенко Ж.Т. Элита? Клань? Клики? Как назвать тех, кто правит нами? // Социологические исследования. 1999. № 11. С. 123-133.

Троицкий Н. Президент Медведев — повелитель времени // Сайт РИА «Новости». 8.02.2011. URL: <http://www.rian.ru/analytics/20110208/331924657.html>, доступно 8.02.2011.

УДО для Евгении Васильевой // ВЦИОМ. Пресс-выпуск №2925. 08.09.2015. [URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115383> (доступно 10.09.2015)].

Указ Президента РФ от 31.12.1999 № 1763 «О гарантиях Президенту Российской Федерации, прекратившему исполнение своих полномочий, и членам его семьи» (URL: <http://document.kremlin.ru/doc.asp?ID=060014>).

Унбегаун Б. Русские фамилии / Пер. с англ.; Общ. ред. Б. А. Успенского. М.: Прогресс, 1989.

Уолпол Г. Предисловие ко второму изданию // Уолпол Г. Замок Отранто: Роман / Пер. с англ. В.Шора. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2011. С. 49-57.

Уорнер У. Живые и мертвые. М.; СПб.: Университетская книга, 2000.

Фуко М. Воля к знанию: История сексуальности // Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / пер. с франц. М.: Касталь, 1996. С. 97-268.

Фэн Цзицай. Десятилетие бедствий: записки о «культурной революции» / пер. с кит. и вступ. ст. А.Н. Коробовой. М.: ИВЛ, 2015.

Ходжесон Дж. Экономическая теория и институты: Манифест современной институциональной экономической теории. М.: Дело, 2003.

Ципко А. Элита в корпоративном обществе // День. Киев, 2003. № 51. 21 без-резня. [URL: <http://www.day.kiev.ua/17103/> (доступно 16.06.2008)].

Чаадаев П.Я. Отрывки и разные мысли (1828-1850-е годы) // Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма. Т.1. М.: Наука, 1991. С. 441-511.

Чем выше социальный статус, тем ниже моральные качества // Сайт «socioline.ru». 13.06.2012. URL: <http://socioline.ru/pages/chem-vyshe-sotsialnyi-status-tem-nizhe-moralnye-kachestva> (доступно 17.07.2012).

Чирикова А. О теориях элит // Общество и экономика. 2008. № 3-4. С. 144-174.

Шепилов Д. Непримкнувший. М.: «Вагриус», 2001.

Шмитт К. Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. № 1. С. 37-67.

Шпеер А. Воспоминания / Пер. с нем. И.В.Рязанова, С.Л.Фридлянд; Вступ. статья Н.Н.Яковлева. Смоленск: Русич, 1997.

Шульга Н.А. Дрейф на обочину: двадцать лет общественных изменений в Украине. Киев: ООО «Друкарня «Бізнесполіграф», 2011.

Шютц А. Равенство и смысловая структура социального мира // Шютц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / Сост. А.Я. Алхасов; Пер. с англ. А.Я. Алхасова, Н.Я. Мазлумяновой; Научи, ред. перевода Г.С. Батыгин. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2003. С. 260-310.

Элита в истории древних и средневековых народов Евразии: колл. монография / отв. ред. П.К. Дашковский. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2015.

Юнгер Э. Гелиополь: Ретроспектива города / Пер. с нем. Г.Косарик. СПб.: Амфора, 2000.

Ян Э. Преступление и наказание Тило Саррацина. Об ограничении политической свободы слова в Германии // Ян Э. Спорные политические вопросы с точки зрения современной истории. М.: РОССПЭН, 2014. С. 101-130.

Baltzell E. D. *The Protestant Establishment: Aristocracy and Caste in America*. New Haven; London: Yale University Press, 1987.

Burton M., Gunther R., Higley J. Introduction: elite transformations and democratic regimes, In: *Elites and Democratic Consolidation in Latin America and Southern Europe*, ed. by J. Higley and R. Gunther. Cambridge: Cambridge University Press, 1992, p. 1-37.

Burton M.G., Higley J. Elite Settlements, *American Sociological Review*, 1987, 52 (3), p. 295-307.

Clubok A.B., Wilensky N.M., Berghorn F.J. Family Relationships, Congressional Recruitment, and Political Modernization, *The Journal of Politics*, 1969, 31 (4), p. 1035-1062.

Cohen A. *The politics of elite culture: explorations in the dramaturgy of power in a modern African society*. Berkeley: University of California Press, 1981.

Dahrendorf R. *Society and Democracy in Germany*. Garden City, N.Y.: Doubleday & Company, Inc., 1969.

Feibleman J.K. *The Institutions of Society*. New York: Humanities Press, 1968.

Field G.L., Higley J. Elitism. London; Boston: Routledge and Kegan Paul, 1980.

Form W. H., Rytina J. Ideological Beliefs on the Distribution of Power in the United States, *American Sociological Review*, 1969, 34 (1), p. 19-31.

Gerth H., Mills C.W. *The Character and Social Structure: The Psychology of Social Institutions*. New York: A Harbinger Book; Harcourt, Brace & World, Inc., 1964.

Giddens A. Elites in the British Class Structure, In: *Elites and Power in British Society*, ed. by P. Stanworth and A. Giddens. Cambridge: Cambridge University Press, 1974, p. 1-21.

Goldschmidt W. Social Class in America — A Critical Review, *American Anthropologist. New Series*, 1950, 52 (4-1), pp. 483-498.

Hasan A. The Roots of Elite Alienation, *Economic and Political Weekly*, 2002, 37 (44/45), pp. 4550-4553.

Haugaard, M. Reflections on Seven Ways of Creating Power, *European Journal of Social Theory*, 2003, 6 (1), pp. 87-113.

Higley J., Burton M. *Elite foundations of liberal democracy*. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 2006.

Higley J., Moor G. Political Elite Studies at the Year 2000: Introduction, *International Review of Sociology*, 2001, 11 (2), pp. 175-180.

Hunter J.D. *Culture Wars: The Struggle to Define America*. New York: BasicBooks, 1991.

Jones B.D., Sulkin T., Larsen H.A. Policy Punctuations in American Political Institutions, *American Political Science Review*, 2003, 97 (1), pp. 151-169.

Kerbo H.R. *Social stratification and inequality: class conflict in historical, comparative, and global perspective*. 6th ed. New York: McGraw-Hill, 2006.

Kryshtanovskaya O., White S. Inside the Putin Court: A Research Note, *Europe-Asia Studies*, 2005, 57 (7), p. 1065-1075.

Kussin Z. The hidden kingdoms of New York City's ultra-rich, *New York Post*, 2015, December 20. URL: <http://nypost.com/2015/12/20/rise-of-the-supermansion/> (available December 21, 2015).

Lane R.E. *Political Life: Why People Get Involved in Politics*. New York: The Free Press of Glencoe, 1959.

Lapouge G.V. de, Closson C.C. The Fundamental Laws of Anthro-po-sociology, *Journal of Political Economy*, 1897, 6 (1), pp. 54-92.

Mars G. From the enclave to hierarchy — and on to tyranny: the micro-political organisation of a consultant's group, *Culture and Organization*, 2008, 14 (4), pp. 365-378.

McDonogh, G.W. Culture and Categorization in a Turn-of-the-Century Barcelona Elite, *Cultural Anthropology*, 1991, 6 (3), pp. 323-345.

McQuade, T. J.; Butos, W. N. The Adaptive Systems Theory of Social Orders, *Studies in Emergent Order*, 2009, 2 (1), pp. 76-108.

Michels R. *Political Parties: A Sociological Study of the Oligarchical Tendencies of Modern Democracy*. New York: Dover Publications, 1959.

Michels R. Some Reflections on the Sociological Character of Political Parties, *The American Political Science Review*, 1927, 21 (4), pp. 753-772.

Mosca G. *The ruling class* / Transl. by Hannah D. Kahn. Edited and revised with an introduction, by Arthur Livingston. New York; London: McGraw-Hill book company, inc., 1939.

Nee V., Ingram P. Embeddedness and Beyond: Institutions, Exchange, and Social Structure, In: *The New Institutionalism in Sociology*, ed. by Mary C. Brinton and Victor Nee. Stanford: Stanford University Press, 2001, pp. 19-45.

Paterson Sworn in as N.Y. Governor, *Express*, Washington, 2008, March 18, p. 4.

Phillips M. A League of Gentlemen: The Institute of the Motor Industry, *Culture and Organization*, 2007, 13 (4), p. 283-296.

Presthus R. *Elites in the Policy Process*. London; New York: Cambridge University Press, 1974.

Putnam R.D. *The Comparative Study of Political Elites*. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1976.

Rogers M.F. Instrumental and Infra-Resources: The Bases of Power, *American Journal of Sociology*, 1974, 79 (6), pp. 1418-1433.

Rosenbaum W.A. *Political culture*. New York: Praeger, 1975.

Schwartz R.D. Moral Order and Sociology of Law: Trends, Problems; and Prospects, *Annual Review of Sociology*, 1978, 4, pp. 577-601.

REFERENCES

Deyaniya svyatyih Apostolov [Acts of the Apostles], In: *Holy Bible*, Russian Synodic edition. (In Russian).

Adams G. Vospitanie Genri Adamsa [Adams H. *The Education of Henry Adams*] / Transl. from English to Russian. Moscow: Progress, 1988. (In Russian).

Alishauskene R. Vospriyatie sotsialnogo neravenstva kogortami Litvyi: dinamika ili stabilnost? Vyistuplenie na Vtoroy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Prodolzhataya Grushina», Moskva, 15-16 marta 2012 g [Alishauskene R. The perception of social inequality by the Lithuanian cohorts: dynamics or stability? Paper at the Second international conference “Continuing Grushin”, Moscow, 2012, March 15-16], *Website VTsIOM*. [URL: http://wciom.ru/fileadmin/nayka/Gr_2012/sek3/Alishauskene.pdf (доступно 12.04.2013.)] (In Russian).

Arendt H. Mezhduproshlyim i buduschim. Vosem uprazhneniy v politicheskoy myisli [Arendt H. *Between Past and Future: Eight exercises in political*] / Transl. from English to Russian. Moscow: Izd-vo Instituta Gaydara, 2014. (In Russian).

Baltzell E. D. *The Protestant Establishment: Aristocracy and Caste in America*. New Haven; London: Yale University Press, 1987.

Bashkirtseva M. Dnevnik [Bashkirtseva M. M. *Diary*]. Moscow: Zaharov, 2014. (In Russian).

Boudrieu P. Duh gosudarstva: genezis i struktura byurokraticeskogo polya [Bourdieu P. The spirit of the state: Genesis and structure of the bureaucratic field], In: *Poetics and Politics: collection of articles*: The almanac of the Russian-French center for sociology and philosophy of the Institute of sociology of the Russian Academy of Sciences. Moscow: Institut eksperimentalnoy sotsiologii; St. Petersburg: Aletaya, 1999, pp. 125-166. (In Russian).

Burton M., Gunther R., Higley J. Introduction: elite transformations and democratic regimes, In: *Elites and Democratic Consolidation in Latin America and Southern Europe*, ed. by J. Higley and R. Gunther. Cambridge: Cambridge University Press, 1992, p. 1-37.

Burton M.G., Higley J. Elite Settlements, *American Sociological Review*, 1987, 52 (3), p. 295-307.

Kastoriadis K. Voobrazhaemoe ustanovlenie obschestva [Castoriadis C. The Imaginary Institution of Society] / Transl. from French to Russian. Moscow: Gnozis; Logos, 2003. (In Russian).

Chaadaev P.Ya. Otryivki i raznyie myisli (1828-1850-e godyi) [Chaadayev P.Ya. Excerpts and thoughts (1828-1850)] In: *Chaadayev P.Ya. Complete works and selected letters*. Vol.1. Moscow: Nauka, 1991, pp. 441-511. (In Russian).

Chirikova A. O teoriyah elit [Chirikova A. On Elite Theories], *Obshchestvo i Ekonomika*, 2008, 3-4, pp. 144-174. (In Russian).

Clubok A.B., Wilensky N.M., Berghorn F.J. Family Relationships, Congressional Recruitment, and Political Modernization, *The Journal of Politics*, 1969, 31 (4), p. 1035-1062.

Cohen A. *The politics of elite culture: explorations in the dramaturgy of power in a modern African society*. Berkeley: University of California Press, 1981.

Dahrendorf R. *Society and Democracy in Germany*. Garden City, N.Y.: Doubleday & Company, Inc., 1969.

de Kamp, L.S. Lavkraft: biografiya [De Camp L.S. *Lovecraft: A Biography*] / Transl. from English to Russian. St. Petersburg: Amfora; 2008. (In Russian).

Dontsov A.I. Problemyi gruppovoy splochnosti [Dontsov A.I. *Problems of group cohesion*] Moscow: Izd. Moskovskogo universiteta, 1979. (In Russian).

Duka A. «Elita» i elita: ponyatie i sotsialnaya realnost [Duka A. “Elite” and Elite: A Notion vs. Social Reality], *Obshchestvo i Ekonomika*, 2008, 6, pp. 132-146. (In Russian).

Dyurkgeym E. Metod sotsiologii [Durkheim E. The Rules of Sociological Method], In: *Durkheim E. The Division of Labour in Society. The Rules of Sociological Method.* / Transl. from French to Russian. Moscow: Nauka, 1990, pp. 391-532. (In Russian).

Dyurkgeym E., Moss M. O nekotorykh pervobyitnykh formakh klassifikatsii. K issledovaniyu kollektivnykh predstavleniy [Durkheim E., Mauss, M. On some primitive forms of classification. To the study of collective representations, In: *Mauss M. Societies. Interchange. Personality. Works on social anthropology*] / Transl. from French to Russian. Moscow: Vostochnaya literature publ., 1996, pp. 6-73. (In Russian).

Day T.R., Zigler L.H. Demokratiya dlya elityi: Vvedenie v amerikanskuyu politiku [Dye T.R., Zeigler L.H. *The Irony of Democracy: An uncommon introduction to American politics*] / Transl. from English to Russian. Moscow: Yuridich. literat., 1984. (In Russian).

Elita v istorii drevnih i srednevekovykh narodov Evrazii: koll. monografiya [Elite in History of Ancient and Medieval peoples of Eurasia], ed. by P.K. Dashkovskiy. Barnaul: ASU Publishing, 2015. (In Russian).

Fen Tszitsay. Desyatiletie bedstviy: zapiski o «kulturnoy revolyutsii» [Fan Tzitsay. *Decade of disaster: notes on the “Cultural revolution”*] / Transl. from Chinese to Russian Moscow: IVL, 2015. (In Russian).

Feibleman J.K. *The Institutions of Society*. New York: Humanities Press, 1968.

Field G.L., Higley J. *Elitism*. London; Boston: Routledge and Kegan Paul, 1980.

Form W. H., Rytina J. Ideological Beliefs on the Distribution of Power in the United States, *American Sociological Review*, 1969, 34 (1), p. 19-31.

Foucault M. Volya k znaniyu: Istoriya seksualnosti [Foucault M. Will to Know: History of Sexuality], In: *Foucault M. Will to Truth: beyond knowledge, power, and sexuality: Selected works* / Transl. from French to Russian. Moscow: Kastal, 1996, pp. 97-268. (In Russian).

Gaman-Golutvina O. Rossiyskie elityi kak predmet nauchnogo analiza [Gaman-Golutvina O. Russian Elites as a Subject of Scientific Analysis], *Obshchestvo i Ekonomika*, 2008, 3-4, pp. 175-196. (In Russian).

Girts K. Interpretatsiya kultur [Geertz C. *The Interpretation of Cultures*] / Transl. from English to Russian. Moscow: ROSSPEN, 2004. (In Russian).

Gerth H.H., Mills C.W. *The Character and Social Structure: The Psychology of Social Institutions*. New York: A Harbinger Book; Harcourt, Brace & World, Inc., 1964.

Giddens A. Elites in the British Class Structure, In: *Elites and Power in British Society*, ed. by P. Stanworth and A. Giddens. Cambridge: Cambridge University Press, 1974, p. 1-21.

Giddens E. Ustroenie obschestva: Ocherk teorii strukturatsii [Giddens A. *The Constitution of Society. Outline of the Theory of Structuration*] / Transl. from English to Russian. Moscow: Akademicheskii proyekt, 2003. (In Russian).

Goldschmidt W. Social Class in America — A Critical Review, *American Anthropologist. New Series*, 1950, 52 (4-1), pp. 483-498.

Gizo F. Istoriya tsivilizatsii v Evrope [Guizot F. *History of the Civilization in Europe*] / Transl. from French to Russian. 3d ed. St. Petersburg: Altschuler publ., 1905. (In Russian).

Gumplovich L. Osnovyi sotsiologii [Gumpłowicz L. *The Foundation of Sociology*] / Transl. from German to Russian. St. Petersburg: Izd. O.N. Popovoy, 1899. (In Russian).

Günther G.F.K. Nasledstvennost i sreda [Günther H.F.K. Heredity and environment], In: *Günther H.F.K. Selected works on race research*. Second ed. / Transl. from German to Russian. Moscow: Belye alvy, 2005, pp. 516-545. (In Russian).

Günther G.F.K. Moi vpechatleniya ob Adolfe Gitlere [Günther H.F.K. *My impressions about Adolf Hitler*] / Transl. from German to Russian. Moscow: Belobog, 2013. (In Russian).

Hasan A. The Roots of Elite Alienation, *Economic and Political Weekly*, 2002, 37 (44/45), pp. 4550-4553.

Haugaard, M. Reflections on Seven Ways of Creating Power, *European Journal of Social Theory*, 2003, 6 (1), pp. 87–113.

Higley J., Burton M. *Elite foundations of liberal democracy*. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 2006.

Higley J., Moor G. Political Elite Studies at the Year 2000: Introduction, *International Review of Sociology*, 2001, 11 (2), pp. 175-180.

Hodgson Dzh. Ekonomicheskaya teoriya i instituty: Manifest sovremennoy institutsionalnoy ekonomicheskoy teorii [Hodgson G.M. Economics and Institutions: A Manifesto for a Modern Institutional Economics] / Transl. from English to Russian. Moscow: Delo, 2003. (In Russian).

Hunter J.D. *Culture Wars: The Struggle to Define America*. New York: Basic-Books, 1991.

Itlyanskaya oppozitsiya vozmuschna vyiskazyvaniyami Berluskoni o konstitutsii [Italian opposition is outraged by Berlusconi's statements about the Constitution], *Website "Interfax"*, 2010, June 6. [URL: <http://www.interfax.ru/politics/news.asp?id=140650> (available: 10.06.2010)]

Ivan Groznyiy. Poslanie Polubenskomu (1577) [Ivan the Terrible. Epistle to Polubenskiy (1577)], In: *Epistles of Ivan the Terrible*, ed. by V.P. Adrianova-Perets. St. Petersburg: Nauka, 2005, pp. 374-381. (In Russian).

Ivan Groznyiy. Poslanie Sigizmundu II avgustu ot imeni M.I. Vorotynskogo (1567) [Ivan the Terrible. Epistle to Sigismund II Augustus on behalf of M. I. Vorotynskiy, (1567)] In: *Epistles of Ivan the Terrible*, ed. by V.P. Adrianova-Perets. St. Petersburg: Nauka, 2005, pp. 434-441. (In Russian).

Ivan Groznyiy. Vtoroe poslanie shvedskomu korolyu Iogannu III (1573) [Ivan the Terrible. The second Epistle to the Swedish king Johann III (1573)], In: *Epistles of Ivan the Terrible*, ed. by V.P. Adrianova-Perets. St. Petersburg: Nauka, 2005, pp. 335-350. (In Russian).

Yan E. Prestuplenie i nakazanie Tilo Sarratsina. Ob ogranichenii politicheskoy svobodyi slova v Germanii [Jahn E. Crime and punishment of Thilo Sarrazin. On the limitation of political freedom of speech in Germany], In: *Jahn E. Controversial political issues from the point of view of contemporary history* / Transl. from German to Russian. Moscow: ROSSPEN, 2014, pp. 101-130. (In Russian).

Dzhonson L. S vyiigryishnoy pozitsii [Johnson L.B. *The Vantage Point*] / Transl. from English to Russian, SSHa — ekonomika, polotika, ideologiya [USA — economy, politics, ideology], 1972, 9, pp. 89-100. (In Russian).

Jones B.D., Sulkin T., Larsen H.A. Policy Punctuations in American Political Institutions, *American Political Science Review*, 2003, 97 (1), pp. 151-169.

Yunger E. Geliopol: Retrospektiva goroda [Jünger E. *Heliopolis: Retrospective of the city*] / Transl. from German to Russian. St. Petersburg: Amfora, 2000. (In Russian).

Kachkovskiy L. Chem proveryaetsya narod na kachestvo [Kachkovskiy L. What does verify the people by quality?], *Den*, Kyiv, 2000, 9, January 21. [URL: <http://www.day.kiev.ua/87107/> (available: 16.06.2008)] (In Russian).

Kapuschtskiy R. Imperator. Shahinshah. [Kapuściński R. The Emperor. Shahinshah] / Transl. from Polish to Russian. Moscow: Yevropeyskiye izdaniya, 2007. (In Russian).

Kerbo H.R. *Social stratification and inequality: class conflict in historical, comparative, and global perspective*. 6th ed. New York: McGraw-Hill, 2006.

Kirdina S.G. X- i Y-ekonomiki: Institutsionalnyiy analiz. [Kirdina S.G. *X- and Y-economies: Institutional analysis*]. Moscow: Nauka, 2004. (In Russian).

Klemperer V. LTI. Yazyik Tretego reyha. Zapisnaya knizhka filologa [Klemperer V. *LTI. Language of the Third Reich. Notebook of philologist*] / Transl. from German to Russian. Moscow: Progress-Traditsiya, 1998. (In Russian).

Koldushko A.A. Mehanizmyi regulirovaniya etiki gosudarstvennyih sluzhaschih (na primere Permskogo kraya) [Koldushko A.A. *Regulatory mechanisms of ethics for public officials (the case of Perm kray)*]. Perm: Izd. Permskogo natsionalnogo issledovat. Politechnich. Universiteta, 2015. (In Russian).

Korzhakov A.V. Blizhniy krug «tsarya Borisa». [Korzhakov A.V. *Inner circle of "Tsar Boris"*]. Moscow: Algoritm, 2012. (In Russian).

Kotov A.S. Delo Georga fon Virsberga, ili o tom, chto mozhno i chego nelzya pravyaschey elite [Kotov A.S. Case of Georg von Wirsberg, or what is possible and

what is not for the ruling elite], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. History*, 2009, 2, pp. 88-91. (In Russian).

Koychuev T. Elita postsotsialisticheskogo obschestva. Kogo k ney odnosit? [Koychuyev T. The Elite of Post-socialist Society. Whom it is attributed?], *Obshchestvo i Ekonomika*, 2007, 5-6, pp. 2-12. (In Russian).

Kryshtanovskaya O., White S. Inside the Putin Court: A Research Note, *Europe-Asia Studies*, 2005, 57 (7), pp. 1065-1075.

Kucherenko A. «Elitarii» vsey strany, ob'edinyaytes! [Kucherenko A. "Elitarians" of the whole country, unite!], *Den*, Kyiv, 2000, 37, March 1. [URL: <http://www.day.kiev.ua/87889/> (available: 16.06.2008)]. (In Russian).

Kussin Z. The hidden kingdoms of New York City's ultra-rich, *New York Post*, 2015, December 20. URL: <http://nypost.com/2015/12/20/rise-of-the-supermansion/> (available December 21, 2015).

Lane R.E. *Political Life: Why People Get Involved in Politics*. New York: The Free Press of Glencoe, 1959.

Lapouge G.V. de, Closson C.C. The Fundamental Laws of Anthro-sociology, *Journal of Political Economy*, 1897, 6 (1), pp. 54-92.

Lapuzh Zh.V. de. Ariets i ego sotsialnaya rol. M.: Kuchkovo pole; [Lapouge G.V. de. *Aryan and his social role*], Moscow: Kuchkovo pole; Media-grup, 2014. (In Russian).

Ledyayev V. Kogo odnosit k elite? [Ledyayev V. Who could be considered elite?], *Obshchestvo i Ekonomika*, 2008, 3-4, pp. 121-129. (In Russian).

Linn R. Rasovyye razlichiya v intellekte: Evolyutsionnyy analiz [Linn R. *Race Differences in Intelligence*] / Transl. from English to Russian. Moscow: Profit Stayl, 2010. (In Russian).

Maetnaya E. «Myi vse v shoke ot etoy svadbui» [Maetnaya Ye. "We are all in shock from this wedding"], *Gazeta.ru*, 2015, March 28. [URL: <http://www.gazeta.ru/social/2015/03/28/6617377.shtml#> (available: 30.03.2015)] (In Russian).

Manheym K. Esse o sotsiologii kulturyi [Mannheim K. Essay on the Sociology of Culture, In: *Mannheim K. Selected works: Sociology of Culture*] / Transl. from English to Russian. Moscow; St. Petersburg: Universitetskaya kniga, 2000, pp. 7-233. (In Russian).

Manheym K. Chelovek i obschestvo v epohu preobrazovaniya [Mannheim K. Man and Society in an Age of Reconstruction] / Transl. from English to Russian, In: *Mannheim K. Diagnosis of Our Time*. Moscow: Yurist, 1994, pp. 277-411. (In Russian).

Mareeva S.V. Spravedlivost i neravenstvo v obschestvennom soznanii rossiyan [Mareeva S.V. Social justice and inequalities in views of Russians], *Journal of Institutional Studies*, 2015, 7, (2), pp. 109-119. (In Russian).

Mars G. From the enclave to hierarchy — and on to tyranny: the micro-political organisation of a consultant's group, *Culture and Organization*, 2008, 14 (4), pp. 365-378.

McDonogh, G.W. Culture and Categorization in a Turn-of-the-Century Barcelona Elite, *Cultural Anthropology*, 1991, 6 (3), pp. 323-345.

McQuade, T. J.; Butos, W. N. The Adaptive Systems Theory of Social Orders, *Studies in Emergent Order*, 2009, 2 (1), pp. 76-108.

Medvedev N.P. «Novyie» na Staroy ploschadi: Kremlevsko-provintsialnyie istorii [Medvedev N.P. *Newcomers in the 'Old' square: Kremlin-provincial history*]. Moscow: Respublika, 1997. (In Russian).

Michels R. *Political Parties: A Sociological Study of the Oligarchical Tendencies of Modern Democracy*. New York: Dover Publications, 1959.

Michels R. Some Reflections on the Sociological Character of Political Parties, *The American Political Science Review*, 1927, 21 (4), pp. 753-772.

Mohov V. Ob opredelenii ponyatiya «elita» [Mohov V. About the definition of the 'elite' concept], *Obshchestvo i Ekonomika*, 2008, 3-4, pp. 130-143. (In Russian).

Mosca G. *The ruling class* / Transl. by Hannah D. Kahn. Edited and revised with an introduction, by Arthur Livingston. New York; London: McGraw-Hill book company, inc., 1939.

Nee V., Ingram P. Embeddedness and Beyond: Institutions, Exchange, and Social Structure, In: *The New Institutionalism in Sociology*, ed. by Mary C. Brinton and Victor Nee. Stanford: Stanford University Press, 2001, pp. 19-45.

Nikiforov S. Chto nam teryat, krome elityi? [Nikiforov S. What have we got to lose, except the elite]?, *Nevskiy obozrevatel*, 1999, 5, June 19-27, pp. 2. (In Russian).

Nort D., Uollis D., Vayngast B. Nasilie i sotsialnyie poryadki. Kontseptualnyie ramki dlya interpretatsii pismennoy istorii chelovechestva. [North D.C., Wallis J.J., Weingast B.R. *Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History*] / Transl. from English to Russian. Moscow: Izd. Instituta Gaydara, 2011. (In Russian).

Obama B. Derzost nadezhdy: Myisli o vrozozhdenii amerikanskoy mechtty [Obama B. *The Audacity of Hope*] / Transl. from English to Russian. St. Petersburg: Izd. Dom "Azbukaklassika", 2008. (In Russian).

Osinskiy N. Sodoklad o hozyaystvennom stroitelstve [Osinskiy N. A supplementary report on economic construction], In: *The Ninth Congress of the Russian Communist Party (Bolsheviks), 1920, March-April: Records*. Moscow: Gospolitizdat, 1960, pp. 115-127. (In Russian).

Pareto V. Kompendium po obschey sotsiologii [Pareto V. Compendium of General Sociology] / Transl. from Italian to Russian by A. Zotov. 2nd ed. Moscow: Izd Dom GU VShE, 2008. (In Russian).

Pareto V. Prognozirovanie sotsialnyih yavleniy [Pareto V. Prediction of social phenomena], In: *Pareto V. The Transformation of Democracy* / Transl. from Italian to Russian by V. Yusim. Moscow: Izd. Dom "Territoriya budushchego", 2011, pp. 165-186. (In Russian).

UDO dlya Evgenii Vasilevoy [Parole for Yevgeniya Vasilyeva], *Website VTsIOM*, Press release, 2015, September 8. [URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115383> (available: 10.09.2015)]. (In Russian).

Parsons T. Analiticheskiy podhod k teorii sotsialnoy stratifikatsii [Parsons T. An Analytical Approach to the Theory of Social Stratification], In: *Parsons T. On the Structure of Social Action* / Transl. from English to Russian. Moscow: Akademicheskii proyekt, 2000, pp. 354-380. (In Russian).

Parsons T., Shils E. i dr. K obschey teorii deystviya. Teoreticheskie osnovaniya sotsialnykh nauk [Parsons T., Shils E. Toward a General Theory of Action. Theoretical foundations for the social sciences], In: *Parsons T. On the Structure of Social Action* / Transl. from English to Russian. Moscow: Akademicheskii proyekt, 2000, pp. 415-562. (In Russian).

Paterson Sworn in as N.Y. Governor, *Express*, Washington, 2008, March 18, p. 4.

Pertsev A.V. O. Shpengler: popytka sozdaniya prikladnoy vseмирnoy istorii [Pertsev A.V. O. Spengler: An attempt to create applied world history], In: *Spengler O. The Re-establishment of the German Reich* / Transl. from German to Russian. St. Petersburg: Vladimir Dal, 2015, pp. 143-222. (In Russian).

Peterburgskaya organizatsiya NDR masonskaya lozha pri gubernatore [Beseda E. Ragozinoy s deputatom Gosdumyi L.B. Narusovoy] [Petersburg organization of NDR — Masonic Lodge to the Governor [Conversation of Ye Rogozina with State Duma deputy L.B. Narusova]], *Peterburgskiy Chas Pik*, 1998, May, 13, p. 3. (In Russian).

Petlyanova N. Nenavyazchivaya roskosh [Petlyanova N. Unobtrusive luxury], *Novaya gazeta in St. Petersburg*, 2009, 81, October 29, pp. 19-20. <http://www.novayagazeta.spb.ru/2009/81/1> (available: 30.10.2009). (In Russian).

Phillips M. A League of Gentlemen: The Institute of the Motor Industry, *Culture and Organization*, 2007, 13 (4), p. 283-296.

Polishchuk N. Rukovodit li Ukrainoy elita? [Polishchuk N. Does elite govern Ukraine?], *Den*, Kiyv, 2007, 51, March 24. [URL: <http://www.day.kiev.ua/179298/> (available: 16.06.2008)]. (In Russian).

Poltoranin M.N. Vlast v trotilovom ekvivalente. Nasledie tsarya Borisa. [Poltoranin M.N. *The power of TNT equivalent. The legacy of tsar Boris*], Moscow: Eksmo: Algoritm, 2010. (In Russian).

Presthus R. *Elites in the Policy Process*. London; New York: Cambridge University Press, 1974.

Prishvin M.M. Dnevnik: Kn.3. Dnevnik 1920-1922 [Prishvin M.M. *Diaries: Book 3. Diaries of 1920-1922*], Moscow: Moskov. Rabochiy, 1995. (In Russian).

Kortezh Putina i GIBDD — prodolzhenie skandala [Putin's motorcade and the traffic police — a continuation of the scandal], *Website "Auto.mail.ru"*, 2012, July 17. URL: <http://auto.mail.ru/article.html?id=37764> (available: 23.07.2012). (In Russian).

Putnam R.D. *The Comparative Study of Political Elites*. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1976.

Rolz Dzh. Teoriya spravedlivosti [Rawls J. *A Theory of Justice*] / Transl. from English to Russian. Novosibirsk: Izd. Novosibir. Universiteta, 1995. (In Russian).

Regionalnyie elityi Severo-Zapada Rossii: politicheskie i ekonomicheskie orientatsii [*Regional Elites of Russia's North-West: Political and economic orientations*], ed. by A.V. Duka. St. Petersburg: Aleteya, 2001. (In Russian).

Reysmen V.M. Skryitaya lozh. Vzyatki: «krestovyye pohodyi» i reformy [Reisman W.M. *Folded Lies: Bribery, crusades, and reforms*] / Transl. from English to Russian. Moscow: Progress, 1988. (In Russian).

Rezolyutsiya Plenuma TsK VKP(b) 16-24 noyabrya 1928 g. «O pervyih itogah i dalneyshem provedenii semichasovogo rabocheho dnya» [Resolution of the Plenum of the Central Committee of the All-Union Communist Party (bolsheviks) 16-24 Nov. 1928 “About the first results and further carrying out a seven-hour working day”]. In: *CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee*. Vol.4. Moscow: Politizdat, 1984, pp. 383-387. (In Russian).

Rezolyutsiya XVI s'ezda VKP(b) «O vyipolnenii pyatiletnego plana promyshlennosti» // XVI s'ezd Vsesoyuznoy kommunisticheskoy partii (b): Stenograficheskiy otchet. [Resolution of the XVI Congress of the All-Union Communist Party (bolsheviks) “On the implementation of the five-year plan industry”]. In: *XVI Congress of the All-Union Communist Party (bolsheviks): Verbatim record* [Moscow; Leningrad: Gosizdat, 1930, pp. 723-729. (In Russian).

Rikyor P. Istoriya i istina [Ricœur P. *History and Truth*] / Transl. from French to Russian. St. Petersburg: Aleteya, 2002. (In Russian).

Rodem Klinton H. Tyazhelyie vremena [Rodham Clinton H. *Hard Choices*] / Transl. from English to Russian. Moscow: Eksmo, 2016. (In Russian).

Rogers M.F. Instrumental and Infra-Resources: The Bases of Power, *American Journal of Sociology*, 1974, 79 (6), pp. 1418-1433.

Rosenbaum W.A. *Political culture*. New York: Praeger, 1975.

Rostarchuk A. Vash nomer desyatyiy [Rostarchuk A. Your number ten...], *Website “Avtovzglyad”*, 2012, July 17. URL: <http://www.avtovzglyad.ru/article/2012/07/17/603353-vash-nomer-desyatyiy.html> (available: 23.07.2012). (In Russian).

Ransiman S. Vizantiyskaya teokratiya [Runciman S. *The Byzantine Theocracy*], In: *Runciman S. The Eastern Schim. The Byzantine Theocracy* / Transl. from English to Russian. Moscow: Nauka; Izdat. Firma “Vostochnaya literature”, 1998, pp. 139-238. (In Russian).

Rossiya boitsya vseirnogo razgovora: Intervyu s L. Shevtsovoy [Russia is afraid of the world conversation: Interviews with L. Shevtsova], *Novaya gazeta*, 2006, 7, February 2, p. 7. (In Russian).

Vospriyatie rossiyanami evropeyskih tsennostey [Russians' perception of European values], *Website Levada center*, Press release, 2007, February 15. [URL: <http://www.levada.ru/press/2007021501.html> (available: 25.07.2007)]. (In Russian)

Sarratsin T. Germaniya: samolikvidatsiya [Sarrazin T. *Germany: self-destruction*] / Transl. from German to Russian. Moscow: Rid grup, 2012. (In Russian).

Shmitt K. Ponyatie politicheskogo [Schmitt C. The Concept of the Political] / Transl. from German to Russian, *Voprosy sotsiologii*, 1992, 1, pp. 37-67. (In Russian).

Shyutts A. Ravenstvo i smyslovaya struktura sotsialnogo mira [Schutz A. Equality and the Meaning Structure of the Social World], in: Schutz A. *Meaning Structure of the Everyday World*, compiler A.Ya. Alhasov, transl. from English to Russian by A.Ya. Alhasov and N.Ya. Mazlumyanova; sc. ed. by G.S. Batygin. Moscow: Institut Fonda "Obschestvennoe mnenie", 2003. P. 260-310.

Schwartz R.D. Moral Order and Sociology of Law: Trends, Problems; and Prospects, *Annual Review of Sociology*, 1978, 4, pp. 577-601.

Shepilov D. Neprimknuvshiy. [Shepilov D. *Refrained from taking sides*]. Moscow: Vagrius, 2001. (In Russian).

Shulga N.A. Dreyf na obochinu: dvadtsat let obschestvennykh izmeneniy v Ukraine.[Shulga N.A. *Drift by the Wayside: twenty years of social changes in Ukraine*]. Kiyiv: Drukarnya "Biznespoligraf", 2011. (In Russian).

Zimmel G. Ekskurs o chuzhake [Simmel G. Sketch on Stranger] / Transl. from German to Russian, In: *Sociological Theory: History, present and future prospects*: Almanac of the journal "Sociological observation". St. Petersburg: Vladimir Dal, 2008, pp. 7-13. (In Russian).

Zombart V. Roskosh i kapitalizm [Sombart W. Luxury and capitalism], In: *Sombart W. Selected works in three vols.* Vol. 3 / Transl. from German to Russian. St. Petersburg: Vladimir Dal, 2008, pp. 5-236. (In Russian).

Sorokin P.A. Sotsialnaya mobilnost [Sorokin P.A. *Social Mobility*]. Moscow: Academia; LVS, 2005. (In Russian).

Shpeer A. Vospominaniya [Speer A. *Memories*] / Transl. from German to Russian. Smolensk: Rusich, 1997. (In Russian).

Spiegel: Bolshinstvo rossiyan hotyat sovsem drugoy Rossii, chem tu, o kotoroy mechtaet Zapad [Spiegel: The majority of Russians want a completely different Russia than the one that dreams of the West], *Website "REGNUM"*, 2012, November 16. [URL: <http://www.regnum.ru/news/1594290.html>] (In Russian).

Stalin I.V. God velikogo pereloma: K XII godovschine Oktyabrya [Stalin I.V. A year of great change: To the XII anniversary of the October revolution], In: *Stalin I.V. Works, in 12-vols.* Vol.12. Moscow: Gospolitizdat, 1949, pp. 118-135. (In Russian).

Streltsova O., Hurtin V., Novogrudskiy M. Vpervyye v istorii Gosdumyi pozhlenilis deputaty iz raznykh partiy [Streltsova O., Hurtin V., Novogrudskiy M. For the first time in the history of the State Duma deputies from different parties married], *TV Center*, 2015, March 27. [URL: <http://www.tvc.ru/news/show/id/64673> (available: 30.03.2015)]. (In Russian).

Ezhegodniy rozhdestvenskiy bal finansovoy i politicheskoy elityi [The annual Christmas ball of the financial and political elite], *Bankovskoye delo*, 2015, 1, pp. 2-13. (In Russian).

Ukaz Prezidenta RF ot 31.12.1999 # 1763 «O garantiyah Prezidentu Rossiyskoy Federatsii, prekrativshemu ispolnenie svoih polnomochiy, i chlenam ego semi» [The Decree of the President of the Russian Federation dated 31.12.1999 No. 1763 “About guarantees to the President of the Russian Federation ceased to carry out its mandate, and members of his family”](URL: <http://document.kremlin.ru/doc.asp?ID=060014>, available: 9.02.2000.) (In Russian).

Velikiy knyaz Aleksandr Mihaylovich. Vospominaniya v dvuh knigah. [The Grand Duke Aleksandr Mihaylovich. *Memories in two books*]. Moscow: Zaharov, 2014. (In Russian).

The higher the social status, the lower moral qualities, *Website “socioline.ru”*, 2012, June 13. URL: <http://socioline.ru/pages/chem-vyshe-sotsialnyi-status-tem-nizhe-moralnye-kachestva> (available: 17.07.2012). (In Russian).

The Kremlin was disappointed in Chubais after the scandal in the video, *Website “Infox.tv”*, 2015, December 23. URL: http://www.infox.tv/videos/1721/kreml-razocharovalsya-v-chubayse-posle-skandala-na-video/?utm_source=infox.sg&utm_campaign=3342488&utm_term=newru (available: 23.12.2015). (In Russian).

Rossiyanе ne veryat, chto Serdyukova i Vasilevu nakazhut [The Russians do not believe that Serdyukov and Vasilyeva will be punished], *Izvestiya*, 2014, February 12. [URL: <http://izvestia.ru/news/565607> (available: 20.02.2014)] (In Russian).

Rossiyanе o dele «Rosoboronservisa» [The Russians on the “Rosoboronservice” judicial investigation], *Website Levada center*, Press release, 2014, February 11. [URL: <http://www.levada.ru/2014/02/11/rossiyanе-o-dele-rosoboronservisa/> (available: 20.02.2014)] (In Russian).

Tilli Ch. Demokratiya [Tilly C. *Democracy*] / Transl. from English to Russian. Moscow: Institut obshchestvennogo proektirovaniya, 2007. (In Russian).

Tiravskiy V. Ukrainskaya elita: nelegkiy put samoidentifikatsii [Tiravskiy V. The Ukrainian elite: the difficult path of self-identification], *Den*, Kiyv, 2003, 133, August 2. [URL: <http://www.day.kiev.ua/23280/> (available: 16.06.2008)]. (In Russian).

Tolstoy I.L. Moi vospominaniya [Tolstoy I.L. *My memories*]. Moscow: XXI vek — Soglasie, 2000. (In Russian).

Tolstoy L.N. Voyna i mir. T.2. [Tolstoy L.N. War and Peace], In: *Tolstoy L.N. Complete works*, in 90 voles, Vol. 10. War and Peace, Vol.2. Moscow: Hudozhestven. Literature, 1938. (In Russian).

Toschenko Zh.T. Elita? Klanyi? Kliki? Kak nazvat teh, kto pravit nami? [Toshchenko Zh.T. Elite? Clans? Clique? To call those who rule us?], *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, 1999, 11, pp. 123-133. (In Russian).

Troitskiy N. Prezident Medvedev — povelitel vremeni [Troitskiy N. President Medvedev — the Master of Time], *Website of the Russian Information Agency*

“Novosti”, 2011, February 8. URL: <http://www.rian.ru/analytics/20110208/331924657.html>, available: 8.02.2011.

Tsipko A. Elita v korporativnom obschestve [Tsypko A. Elite in corporate society], *Den*, Kyiv, 2003, 51, March 21. [URL: <http://www.day.kiev.ua/17103/> (available: 16.06.2008)] (In Russian).

Unbegaun B. Russkie familii [Unbegaun B. *Russian surnames*] / Transl. from English to Russian. Moscow: Progress, 1989. (In Russian).

Vasilev A. «Ya segodnya v mode...» 100 otvetov na voprosyi o mode i o sebe. [Vasilyev A. “*Today I am in fashion*”: 100 answers to questions about fashion and about myself]. Moscow: Eterna, 2009. (In Russian).

Veblen T. Teoriya prazdnogo klassa [Veblen T. *The Theory of the Leisure Class*] / Transl. from English to Russian. Moscow: Progress, 1984. (In Russian).

Viktor Novoselov: “Ya ne somnevalsya, chto naydu sebya” [Intervyu O. Dramaretskoy] [Viktor Novoselov: “I have no doubt that I will find myself” [Interview of O. Dramaretskaya]], *Petersburgskiy Chas Pik*, 1999, October 27, p. 3. (In Russian).

Vishnevskiy B. Bashne — net! Peterburg protiv «Gazoskreba» [Vishnevskiy B. *Tower — no! Petersburg against the “Gazoskreb”* [Gazprom skyscraper]]. St. Petersburg: Polyarnaya zvezda, 2011. (In Russian).

Walpole G. Predislovie ko vtoromu izdaniyu [Walpole H. Preface to the second edition], In: *Walpole H. The Castle of Otranto* / Transl. from English to Russian. St. Petersburg: Azbuka; Azbuka-Attikus, 2011, pp. 49-57. (In Russian).

Warner U. Zhivyye i mertvyie. [Warner W.L. *The Living and the Dead: A Study of the Symbolic Life of Americans*] / Transl. from English to Russian. Moscow; St. Petersburg: Universitetskaya kniga, 2000. (In Russian).

Weber M. O nekotoryih kategoriyah ponimayushey sotsiologii [Weber M. On some concepts of the interpretive sociology], In: *Weber M. Selected works* / Transl. from German to Russian. Moscow: Progress, 1990, pp. 495-546. (In Russian).

Weber M. Protestantskaya etika i duh kapitalizma [Weber M. The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism], In: *Weber M. Selected works* / Transl. from German to Russian. Moscow: Progress, 1990, pp. 61-272. (In Russian).

Yeltsin B.N. Vedit Bog, ya sdelaal mnogo shagov navstrechu. Pora vlast upotrebit [Yeltsyn B.N. God knows, I have made many steps forward. It's time to use the power], In: *Yeltsyn — Hasbulatov: unity, compromise, struggle*, collect. by L.N. Dobrohotov, et al. Moscow: Terra, 1994, pp. 192-194. (In Russian).

Yeltsin B.N. Prezidentskiy marafon: Razmyishleniya, vospominaniya, vpechatleniya [Yeltsyn B.N. *Presidential marathon: Reflections, memories, impressions*]. Moscow: AST, 2000. (In Russian).

Evgeniya Vasileva: nakazanie po spravedlivosti? [Yevgeniya Vasilyeva: punishment for justice?], *Website VTsIOM*, Press release, 2015, May 25. [URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115261> (available: 27.05.2015)] (In Russian).

Зоткин А.А.

ИНФОРМАЦИОННОЕ ГОСПОДСТВО ЭЛИТ В УСЛОВИЯХ ОСЛАБЛЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВ

В статье проанализированы тенденции трансформации властных отношений. Внимание акцентировано на смыслообразующей функции правящих элит. В условиях технологизации и информатизации социальной жизни принуждение и угроза санкций как основные механизмы власти используются меньше. Более эффективными механизмами управления становятся влияние, убеждения, коррекция ценностно-символического мира индивидуума.

Ключевые слова: *власть, правящая элита, информатизация, влияние, смыслы, ценности.*

В конце XX — начале XXI столетий государство как социальный институт существенно трансформировалось во многих обществах. В первую очередь это касается появления новых форм власти, которое воплощалось не только в утверждении наднациональных организаций управления, но и в усилении влияния «теневых» игроков. Кроме того, мы можем констатировать возрастание роли СМИ (благодаря быстрому распространению информационных технологий) и появление большего разнообразия коммуникаторов и посредников между обществом и государством (к таковым можно отнести структуры гражданского общества в самых разных его вариациях). Поскольку проблема трансформации национальных государств в условиях глобализации освещены достаточно широко (Валлерстайн 2001; Панарин 2002; Балугев 2003; Оглезнев 2010), углубляться в нее мы не будем. На наш взгляд, большее внимание следует уделить тому факту, что в условиях развития информационных систем граждане получили возможности быстрой и эффективной самоорганизации, построения горизонтальных социальных связей. Это способствовало нивелированию роли государства как посредника, организатора и интегратора во многих отраслях и сферах жизнедеятельности граждан (условно это можно назвать процессом «разгосударствления» отдельных сфер жизни граждан). Таким образом, сфера компетенции национальных государств оказалась существенно сокращена в указанный период (отметим, что этот тезис, прежде всего,

относится к развитым демократическим обществам западного мира). С одной стороны, национальные государства оказывались все в большей зависимости от наднациональных структур, с которыми они не могут не считаться. И. Валлерстайн отмечал ограничения каждой из государственных машин функционированием мировой экономики и межгосударственной системы (Валлерстайн 2001: 391). С другой стороны, сферу полномочий национальных государств во внутренней политике ограничивали все возрастающие возможности самоорганизации в обществах (что стало возможным в условиях экономической стабильности и отсутствия социальных потрясений). При этом мы должны обозначить тенденцию изменения отношения к государству на индивидуальном и групповом уровнях как переход от эмоционального конструкта, с которым соотносит себя гражданин, к прагматическому восприятию государства как инструмента, процедуры, совокупности норм в решении конкретных задач. Снова необходимо оговорить, что такие тенденции в большей мере характерны для модернизированных обществ Запада. В обществах, где превалирует традиционализм, в значительной мере сохраняются вертикальные модели структурирования и отношение к государству как к высшему организатору, посреднику, нормотворцу и как к эмоциональному «центру притяжения».

Справедливости ради следует отметить, что указанные выше теоретические конструкции отношений между обществом и государством имеют характер идеально-типических. Для рассмотрения тенденций трансформации властных отношений и роли в них государства как социального института и правящих элитных групп мы используем понятие регуляции социального поведения.

Несмотря на указанные выше тенденции изменений в отношении граждан к государству, которые тянут за собой трансформацию конфигурации отношений между гражданами и государственными институтами и организациями, роль государства нельзя недооценивать. Государство по-прежнему является одним из главнейших регуляторов социального поведения. На протяжении человеческой истории власть была и остается тем системным элементом социальных отношений, который всегда пытается максимально глубоко проникнуть в жизнь и сознание каждого социального актора. Система государственной власти, создаваемая людьми для обеспечения общественного порядка и безопасности, чтобы, как писал Ф. Энгельс, разные составляющие общества не пожрали друг друга в бесплодной борьбе (Энгельс 1961: 169-

170), способна стать гоббсовским Левиафаном. И здесь справедливым представляется высказывание Ю. Хабермаса о том, что система поглощает или колонизирует жизненный мир. Предпосылки для этого создает не только внутренняя логика развития мировой капиталистической системы, согласно которой «системно интегрированные сферы действия должны <...> функционировать даже ценой технизации жизненного мира» (Хабермас 1993: 126). Темпы «наступления» системы на жизненный мир также стимулируют характерные для нынешнего периода развития тенденции: 1) высокий уровень организационного дробления государства; 2) появление новых высокоэффективных (и при этом скрытых) механизмов управления обществом в целом и конкретными социальными единицами в частности; 3) «размывание» в научном дискурсе и широком информационном пространстве сущностного понимания власти, властвующих групп, а также роли государства в регуляции социальных отношений и социального поведения.

В концентрированном виде форма регуляции государством социальной жизни и поведения акторов в ней выражается в следующем определении государственной власти. Государственная власть — это система иерархизированных и несимметричных социальных отношений, в которых один субъект подчиняет другого и изменяет его действия на основе имеющихся у него легитимных прав на применение санкций. Государственная власть закреплена в системе социальных институтов и статусных позиций (должностей), имеющих соответствующие полномочия. Государство осуществляет функции контроля и коррекции социальных отношений, которые входят в сферу его компетенции. В одних обществах в сферу компетенции государства могут входить весьма широкий круг социальных отношений (вплоть до отдельных сегментов приватной жизни). В других — сфера государственного регулирования более ограничена. В них государству отводится роль «ночного сторожа», следящего за соблюдением уже установленных правил игры и вмешивающегося в те социальные отношения, что входят в сферу его полномочий, только при их нарушении. Однако во всех случаях государство всегда остается внешним регулятором по отношению к социальным акторам и социальным образованиям разного уровня и масштаба. Полного единения государства и общества никогда не было (да и вряд ли это возможно в принципе). Однако глубина влияния государства и правящей элиты на общество, сферы регуляции социального поведения и эффективность этой регуляционной политики может быть

разной. Одним из важных показателей является отношение к закону как норме, регулирующей поведение. В одних обществах конкретный закон может быть кодифицированной нормой, «проросшей снизу», то есть из уже действующего правила социального поведения. В других обществах этот же закон может быть нормой, «спущенной сверху», по инициативе правящих элитных групп. В этом случае закон будет восприниматься как внешнее принуждающее предписание, противоречащее привычным правилам социального поведения. Такая норма будет или игнорироваться, или выполняться только под угрозой применения санкций. Согласно теории институционализации П. Бергера и Т. Лукмана, такая норма внешней регуляции социального поведения («мы так делаем») потребует долговременного внедрения в повседневные практики, чтобы стать саморегулирующим правилом («так это делается») (Бергер, Лукман 1995: 95-96).

Во многом регламентирующая активность государства зависит от специфики его отношений с обществом. Размышляя над идеями Ю. Хабермаса, можем предположить, что система стремится к максимальному поглощению жизненного мира. Иными словами, государство по умолчанию стремится к максимальной регламентации жизнедеятельности общества и тотальной регуляции социального поведения его составляющих. Это закономерный результат не только логики развития самой системы власти, но и влияния субъективных факторов внутри нее. Правящие элиты, будучи идеальными потребителями власти, готовы взять ее ровно столько, сколько будет возможно в рамках данного общества, которое само позволит им это сделать (Зоткин 2010: 87-88). То есть масштаб и глубина регуляции социального поведения системой государственной власти и управления элитными группами обществом зависит от степени самоидентификации общества и его составляющих с государством, допущения и принятия им распространения власти государства на конкретные сферы своей жизнедеятельности, согласия с нормами, которые утверждаются и поддерживаются государством. Как верно заметил С. Хантингтон, ключевым показателем политического порядка в том или ином обществе является «не форма правления, а степень управляемости» (Хантингтон 2004: 21). Полагаем, что именно исходя из имеющейся степени управляемости, политическая система конкретного общества определяет и утверждает ту или иную форму правления, которая будет наиболее оптимальна для него. Форма правления и политические механизмы регуляции, наиболее совпадающие

со степенью управляемости, будут приняты большинством общества как нормальные, приемлемые. Только при таких условиях возможно нивелирование или снижение конфликта между внешним регулятором (государством с определенной формой и механизмами правления) и объектом управления (обществом или отдельными его составляющими со своей степенью управляемости или, иными словами, готовности к принятию тех или иных регулятивных действий).

Также следует еще раз оговорить роль правящих элит в политической системе. Полагаем, что в конечном итоге элитные группы являются не иницилирующим субъектом, а составляющей частью политической системы, ее проводником и/или субъектом-исполнителем. Конечно, элиты как наиболее активные социальные группы перманентно пытаются изменить политическую систему под себя, будучи, как говорилось выше, идеальными потребителями власти. Давление элит на конфигурацию политической системы особенно усиливается в переходные периоды, когда социальные институты ослабевают. Именно тогда элиты пытаются перехватить главенствующую роль в установлении социальных норм и правил. Но в то же время они вынуждены постоянно реагировать на внешние вызовы системе и внутренние ожидания общества (или хотя бы его значительной части), под влиянием которых формируется, сохраняется или, наоборот, изменяется политическая система того или иного общества. От способности элит к реагированию, от результатов этих реакций, умения комбинировать ответы на внешние вызовы и внутренние ожидания в нужной пропорции и, в конечном итоге, от их реализации в практических политических действиях напрямую зависит эффективность поддержания элитами степени управляемости в обществе. От чего, в свою очередь, зависит сохранение элитами своей власти и своего положения в социальной структуре. То есть, система управления и набор регулирующих механизмов зависят, в первую очередь, от сформированной исторически политической системы с ее набором норм, правил, отношений и восприятий, и, во вторую очередь, — от элитных групп, их подчиненности системе или же, наоборот, от их попыток ее преобразовать.

Для большего понимания тезисов, изложенных выше, нам необходимо выйти за рамки современного дискурса, оперирующего, преимущественно, понятиями «демократия», «гражданское общество», «социальная активность». С нашей точки зрения, здесь целесообразна апелляция к политической культуре отношений между государством

и обществом, которая сложилась исторически на конкретной территории и определенном экономическом базисе, и на основе которой формируются политические институты и утверждаются модели властных отношений. Экономический базис и исторические условия развития государственности определяют, как справедливо отметила О. Гаман-Голутвина, основную конфигурацию типа развития общества (Гаман-Голутвина 2006: 33-36). Исходя из этого тезиса, можем предположить, что тип развития общества влиял и влияет на формирование той или иной конфигурации политической культуры, на утверждение определенной роли государства в обществе, на процесс и результаты элитогенеза. Так, например, инновационный тип развития европейских государств способствовал установлению специфических форм отношений между государством и обществом. В странах, где превалировал мобилизационный тип развития (Россия, Китай и др.), устанавливались свои формы политической культуры взаимоотношений между государством и обществом. Логично, что в условиях доминирования государства над обществом, его регулирующие функции и сферы их применения будут большими, чем в системах, где государство находится на службе у общества. Разумеется, чистых «оруэлловских» типов тотального регулирования государством всего и вся в социальной и индивидуальной жизни людей никогда не существовало. Также как и марксистская идея об отмирании государства не была реализована на практике полностью. Тем не менее, несмотря на тенденции унификации стандартов политических систем, ускоренных глобализацией, мы имеем примеры разного характера и разной степени регуляции социального поведения в разных обществах.

К этому мы можем добавить два важных замечания. Во-первых, несмотря на различия исторических условий и результаты формирования политических систем, контроль над социальным поведением граждан и его регуляция являются неотъемлемой функцией каждого государства. Разница лишь в формах, степени и глубине регуляции. По наблюдению Дж. Кампфнера, контроль над политическим поведением граждан осуществляется довольно интенсивно как в Китае, Сингапуре, России, Саудовской Аравии, Индии, так и в Великобритании, Италии, США (Кампфнер 2012). Во всех перечисленных странах осуществляется довольно строгий контроль над политическими партиями, неправительственными организациями, работой СМИ, политическими акциями и публичными высказываниями. Система защищает себя от

возможного ущерба, используя все возможные и приемлемые обществом механизмы. В странах Запада контроль и управление имеют более тонкие формы коррекции культурно-информационного пространства на глобальном и региональном уровнях. Можем предположить, что такой механизм регуляции будет гораздо более эффективен, чем прямая директива или запрет. Автор трехмерной модели власти С. Льюкс считал контроль над убеждениями и ценностями самой коварной формой власти (Льюкс 2010: 27, 45).

Во-вторых, в одной стране могут быть регионы с разными условиями формирования политической культуры. То есть, одно общество может состоять из групп с разными культурными традициями и производными от них формами отношений между государством и гражданами и их политического поведения. Причем культурные традиции способны оказывать на политическую систему влияние той или иной степени довольно продолжительный период времени (вплоть до столетий). Это подтвердили результаты исследований итальянского общества, проведенного Робертом Патнэмом (Патнам 2001).

В странах, где исторически превалировал, согласно терминологии О. Гаман-Голутвиной, мобилизационный тип развития общества, свою эффективность сохранили источники легитимации государственной власти, основанные на долгосрочной традиции взаимоотношений государства и общества. Соответственно, в таких странах не до конца исчерпанными остались традиционалистские механизмы государственного управления общественными процессами и регуляции государством социального поведения граждан. Сложнее ситуация в странах, где исторически доминировал инновационный тип развития общества. В развитых странах Запада, где традиционные источники легитимации власти уже исчерпаны и основанные на них механизмы управления уже малоэффективны, превентивное значение имеют ценности, с одной стороны, демократии и индивидуалистических свобод, а с другой — результативность капиталистического способа производства. Между экономическим базисом, стремящимся к бесконечному повышению производительности труда и прибавочной стоимости, и его политической надстройкой, созданной для защиты, по Ю. Хабермасу, целостности жизненного мира и его примата над интегрированными в системы сферами действия, наблюдается определенное противоречие. Фактически демократия и капитализм имеют смежные, но разнонаправленные векторы и, соответственно, результаты. Поэтому западный мир в совре-

менных условиях стоит перед дилеммой попеременного принесения в жертву какого-либо из этих сегментов ради сохранения жизнеспособности его визави. То есть, в одних условиях механизмы повышения экономической результативности могут сдерживаться ради сохранения политической стабильности, и наоборот — сфера политических свобод может сокращаться в условиях необходимости экономического роста. Юрген Хабермас высказал мысль о том, что в нынешних условиях сдерживание политической активности обеспечивается поддержанием форм «государства благоденствия», где сокращение свобод компенсируется повышением социальной защиты граждан и расширением их потребительских возможностей. Такая политика трансформирует роль гражданина, предлагая ему взамен удобную роль клиента, которая «делает приемлемым ставшее абстракцией, лишившееся смысла политическое участие» (Хабермас 1993: 131), а также переводит классовые конфликты в латентное состояние. Аналогичные мысли находим и в работе Ральфа Дарендорфа (Дарендорф 2002: 28-30). Идеи Хабермаса подтверждаются в результатах наблюдений Дж. Кампфнера, который привел многочисленные факты реализации в разных государствах с отличающимися культурными традициями и формами государственного устройства такой политики сдерживания политической активности граждан посредством механизмов повышения их благосостояния (Кампфнер 2012). Механизм экономической компенсации, с нашей точки зрения, не может быть универсальным и долгосрочным. Во-первых, он использовался странами западного мира во второй половине XX века для нивелирования классовых конфликтов в условиях сосуществования с социалистическими системами, которые предлагали иную модель. После распада СССР и вовлечения в систему мировой торговли Китая, где началось стремительное социальное расслоение, такая необходимость отпала. Во-вторых, эффективное использование этого механизма возможно лишь в условиях сохранения постоянной динамики экономического роста, с чем современная капиталистическая система испытывает серьезные проблемы (отсутствие новых источников доходов, кризисы перепроизводства, виртуализация капиталов и др.). И в таких условиях общества, для которых был характерен мобилизационный тип развития, имеют относительно большие возможности для сохранения устойчивости своих политических систем.

Несмотря на изменение роли государства со второй половины XX века, сокращение сферы его компетенции и возможностей контроля

и регулирования многих сфер жизни граждан, проблема повышения эффективности управления остается. В таких условиях политическая система и элиты как ее агенты адаптируются и используют новые и, как на наш взгляд, более эффективные механизмы. Тенденцией современности является переход во властных отношениях от прямого диктата, принуждения или угрозы санкций к скрытому управлению, влиянию и манипулированию. Власть всегда подразумевает отношения подчинения, что было детально рассмотрено в одной из наших работ (Зоткин 2013). Тенденции развития социальных отношений привели к постепенному росту уровня свобод граждан в таких странах, большему их вовлечению в политические процессы. Соответственно, во внутренней политике многих государств формы подчинения в силовых или жестко директивных вариантах, будучи эффективными лишь в краткосрочной перспективе, постепенно утрачивали свою эффективность и использовались все реже. Власть же всегда нуждается в закреплении и воспроизводстве отношений между подчиняющим и подчиняющимся, доведения их до опривыченного состояния. Институционализируясь, властные отношения обретают не только свои организационные формы, но и переходят в состояние укорененных традиций, устоявшихся политико-культурных практик, моделей политического поведения, взаимоотношений внутри власти и масс-элитных отношений. И здесь сила санкций и страха от угрозы их применения имеет наиболее уязвимую позицию. Власть держится на многих эмоциональных и рациональных «столпах». В этой конструкции подчинения объекта и, что самое главное, признания им своего подчинения, страх применения санкций неустойчив и будет играть очень кратковременную роль.

Если создание моделей подчинения в том или ином обществе формируется исторически, исходя из условий его существования и факторов, влияющих на него, то закрепление форм властных отношений и самих политических институтов постоянно проводится самими политическими элитами, которые заинтересованы в установлении и сохранении определенной конфигурации социального порядка. Политической системе недостаточен только установленный легальный порядок реализации государственной власти, ей необходима его легитимация, утверждение в восприятии и регулярных практиках граждан. А это невозможно без информационного обмена между государством и обществом, регулярно и системно проводимой воспитательной и пропагандистской работы, формирования, прививания и закрепления у граждан

поведенческих моделей, соответствующих логике этой системы. В концентрированном виде такая политика государственной власти проводилась посредством трансляции и утверждения в общественном сознании идеологем, а также (в более завуалированном виде) мифологем.

О легитимации власти, политических режимов в тех или иных обществах написано множество работ. В частности, перечисляя только работы украинских социологов, можно отметить, что осмысление власти на уровне символических структур было выполнено в работах В. Бурлачука (Бурлачук 2002) и Н. Соболевой (Соболева 2002). Общие процессы легитимации власти в украинском политическом пространстве затрагивались в работах Н. Паниной и Е. Головахи (Головаха, Панина 2006). Роль смыслотворящих элит в механике легитимации политических режимов рассматривалась в работе Н. Шульги (Шульга 2011). Таким образом, исходя из насыщенности социологического научного дискурса теоретическими и прикладными исследованиями по проблеме легитимации власти вообще и государственной власти в частности, мы можем сконцентрировать внимание на более узком фрагменте этого поля. Речь идет о роли политических элит в формировании и утверждении иерархических социальных порядков, основанных на них политических системах и, что самое важное, своего места в них.

Непропорциональность распределения власти в любом социальном образовании зиждется, в первую очередь, на основании объективности иерархизации, закономерность которой была впервые сформулирована Р. Михельсом в известном «железном законе олигархии». Однако диспропорции во властных отношениях имеют и субъективные основания. Существование и обоснование иерархизированных социальных систем, свое место в которых занимают и будут занимать «избранные» в том или ином виде, и производная от этого непропорциональность распределения власти являются одним из главнейших интересов элит. Во многом формирование и утверждение тех или иных моделей властных отношений является продуктом деятельности самих правящих элит. Российский исследователь О. Малинова справедливо отметила, что «политические элиты неизбежно участвуют в производстве и воспроизводстве смыслов — идей, символов, нарративов, норм и т.п. <...> Функция производства смыслов является неотъемлемой частью деятельности элит» (Малинова 2011: 280).

В истории политической идеологии можно проследить эволюцию идей о могуществе элит и обоснованности их власти над массами. Эта

эволюция базировалась на смене качеств, наиболее востребованных в обществах в тот или иной период их развития. Военную силу потеснило (но не отменило) благородное происхождение и богопомазание как идеологическое обоснование власти благородных. В условиях капитализма были нивелированы жесткие границы элиты образца феодальной аристократии. Богатство стало универсальным и гибким критерием элитарности, а либерализм — идеологическим обоснованием справедливости существования элиты богатых среди бедных масс. Власть и богатство, не будучи тождественными по смыслу, стали практически неразрывными понятиями. Г. Моска еще в конце XIX века вывел формулу взаимосвязи и взаимовоспроизводства между богатством и властью: «Богатство создает политическую власть так же, как и политическая власть создает богатство» (Моска 1994: 191). Однако XX в. с ускоренными темпами технологического прогресса, углублением специализации труда и производства (как материального, так и нематериального), «революцией менеджеров» внес свои коррективы в конфигурацию элитных структур. Собственность и богатство перестали быть основой существования иерархических систем в социумах. Отсюда выводы Миллса о властвующей элите США, занимающей руководящие позиции в главных социальных институтах (Миллс 1959).

Как уже отмечалось выше, со второй половины XX в. такие «чистые» капиталы, как деньги и собственность, теряют свою ликвидность как элитообразующий фактор. Богатство как критерий выделения элитных групп и как основание их претензий на господствующие позиции в том или ином обществе изживает себя, становится второстепенным, вспомогательным фактором. На смену ему приходит знание. Причем расширение доступа к высшему образованию до сих пор не смогло ликвидировать дефицит знания. Еще в 70-х гг. Д. Белл писал, что «для постиндустриального общества более значимым становится не переход от собственности или политических критериев к знанию как фундаменту новой власти, а *изменение характера самих знаний*¹» (Белл 1999: 462). Последнее подразумевает владение эксклюзивной информацией, эффективное использование которой может дать материальный доход, оперативное (пространственное или временное) преимущество, информационную и политическую власть. Это позволяет обоснованно говорить о формировании и утверждении информационного неравенства

¹ Курсив наш — А.З.

(Барматова 2009: 162-163). Шведские исследователи А. Бард и Я. Зодерквист считают, что главную роль уже в ближайшем будущем будет играть информационное господство (Бард, Зодерквист 2004). Это, в свою очередь, приведет к тому, что на смену плутократам, сменившим ранее родовую аристократию, придут нетократы — элиты сетей. Элитность будет определяться таким качеством как нахождение в сетевых узлах, на пересечении потоков и магистралей социальной жизнедеятельности (которая все более уходит в информационное пространство), что, собственно, и будет давать власть. Причем это сетевое владычество осуществляется не только в плоскости реальной социальной структуры (Кастельс 2000: 388-391), но и на виртуальном уровне, в информационном пространстве. Как отмечают Бард и Зодерквист, важно владеть нужным и полезным знанием. Хотя, в современных условиях гораздо проще быть погребенным под горами ничего не значащей, бесполезной, а зачастую и искаженной информации. Современную же элиту составляют именно те «избранные», которые умеют отметать бесполезную информацию и эффективно применять нужные знания. При этом над знанием как ценным ресурсом сохраняется контроль. Вспоминая крылатое выражение Ротшильда «Кто владеет информацией, тот владеет миром», необходимо подчеркнуть именно владение, властвование над информационным полем, использование информации. Иначе информация начинает владеть человеком.

Элитные группы, будучи более инициативными, всегда опережают неэлитные социальные группы. Исходя из конъюнктуры и возможностей поддержания или преобразования сложившейся системы иерархических отношений, элиты стараются сохранить контроль и свою власть над массами. В условиях безоговорочного господства элит в информационном пространстве ценностно-символический мир массового общества постоянно подвергается коррекции, где одни составляющие консервируются, сохраняются неизменными. Другие — актуализируются, на них заостряется внимание. Третьи подвергаются реставрации, разархивации. Четвертые, наоборот, подвергаются шельмованию и высмеиванию с намерением умалить их значимость. Пятые замалчиваются и тщательно «архивируются», говорить о них представляется как дурной тон. Примеров можно привести много, но это является темой для отдельной работы. В данном случае мы хотели бы констатировать факт усиливающейся тенденции, где распространение информационных технологий сопряжено с изменением самого характера властных

отношений между подчиняющим и подчиняющимся. Во-первых, с распространением телевидения и интернета существенно упростился доступ к каждому элементу массового общества, информацию стало доносить проще, быстрее и эффективнее. В данном случае мы имеем дело с эффектом «сжатия пространства». Во-вторых, несмотря на имеющееся многообразие возможностей, которое сегодня предоставляет информационное поле, там тоже выстраивается определенная иерархическая сеть, через которую транслируется информация. Появляются глобальные центры или узлы, которые задают тон подачи информации, приемлемые точки зрения, допустимые в ее контенте. От глобальных узлов «отшлифованная» информация перенимается национальными ретрансляторами, от них — региональными. При этом речь здесь идет не только о СМИ (хотя они играют важнейшую роль в этом процессе), но о гораздо более широком круге агентов. В нынешних условиях национальные информационные поля отдельных государств уже не могут быть полностью независимыми. «Смыслотворящие» элиты в условиях широкой торговли знанием, как отмечал Н. Шульга, вынуждены включаться «в банальные рыночные отношения, что нарушает первозданность, чистоту и главное — независимость ее творчества» (Шульга 2011: 186). Не только отдельные субъекты информационного поля (парламентарии, литераторы, эксперты из разных отраслей знания, журналисты, преподаватели вузов и др.) могут вольно или невольно стать ретранслирующими агентами, но и целые социальные институты (в первую очередь, образование), а также индустрия массовой культуры. Так, например, один из популярных современных писателей Дж. Мартин в своем интервью подчеркнул значимость власти культуры и индустрии развлечений как одного из эффективных механизмов смысловотворчества в новых информационных условиях. «Развлекательная индустрия сама по себе определенно влияет на культуру. Мы можем изменить ее. На людей влияет то, что они читают, то, что они видят в кино и на ТВ. <...> Те из нас, что работают в кино и на ТВ, те, у кого огромный круг зрителей — они обладают властью изменить мышление. Это не абсолютная власть, мы не диктаторы, мы не можем что-то включать и выключать по собственному капризу. Это процесс убеждения, медленного изменения, занимающего если не поколения, то хотя бы годы. Но, тем не менее, это — власть» (Джордж Р.Р. Мартин 2015).

При всей важности этой проблемы для темы нашей работы детально углубляться в нее мы не будем. При этом считаем необходимым под-

черкнуть все более повышающуюся роль информации и массовых коммуникаций в социальных отношениях вообще, о чем еще в середине XX в. писали П. Лазарсфельд и Р. Мертон (Лазарсфельд, Мертон 2000) и во властных отношениях в частности. Очевидно, что в информационном обмене роль неэлитных групп будет в основном потребительской, но никак не продуцирующей. В 1950-х годах Ч.Р. Миллс писал о переплетении в единое ядро правящей элиты США политического директората, представителей корпораций и генералитета. Сейчас в этот элитный пул можно смело добавлять директоров и главных редакторов крупнейших медиа-холдингов, авторитетных представителей экспертных сообществ, ученых, активных участников сетевых сообществ, дающих эксклюзивную информацию, и других акторов, находящихся на пересечении важнейших информационных потоков. Так или иначе, смыслообразующая, информационно-генерирующая элита всегда будет тесно связана с властью и власть предержащими тем или иным образом, вольно или невольно, а массам остается роль статистов и потребителей информации.

Здесь уместна постановка следующего проблемного вопроса: можно ли непосредственное господство элит над умами и поступками масс считать «чистой властью»? Думаем, что для этого есть все основания. Объект (массы) даже не может ощущать и, тем более, осознавать власть над собой со стороны конкретного субъекта (элиты), но при этом сохраняется их подчинение как результирующий эффект информационного воздействия элит. Переосмысливая логику веберовского определения власти, можно отметить, что в современных условиях элиты не осуществляют власть вопреки воле объекта (масс), поскольку они сами и формируют эту волю, мировоззрение, интересы, цели, предпочтения. Именно об этом писал и С. Льюкс, обосновывая свою трехмерную модель власти. В современных условиях сфера власти не ограничивается только поведением, а включает в себя и контроль над ценностями и убеждениями (Льюкс 2010: 27, 45).

Массовым обществом в современном его виде становится проще управлять. Это звучит парадоксально с учетом усложнения самого процесса и технологии управления. Однако именно в условиях стремительной технологизации мира, сопровождающимся колоссальным ростом объемов информации и вместе с тем «сжатия пространства», люди во всем мире все быстрее освобождаются от былых рамок социального контроля, традиционных норм и ограничений. Реальные социальные

сети уступают место виртуальным. Общества становятся все более индивидуалистичными, но вместе с тем и все более атомизированными, где человек превращается в одинокий «байт» в цифровом измерении. Как справедливо отметила в своей работе С. Барматова, «информационное и коммуникативное сегодня не объединены в целях создания социального мира и социального дома для человека, более того, они отдаляются друг от друга» (Барматова 2009: 166). При всем богатстве выбора информации люди становятся все более одинокими и все менее защищенными от ее неконтролируемых потоков. При этом большинство граждан в массовом обществе, как отмечал С. Кара-Мурза, «не желает тратить ни душевных и умственных сил, ни времени на то, чтобы просто усомниться в сообщениях» (Кара-Мурза 2000: 24). Все это накладывается на феномен переизбытка информации и дефицита подлинного знания. Люди оказываются погребены под массой ничего не значащей, а подчас и вредной информации, их внимание постоянно переключается на второстепенные темы. В таких условиях, где устанавливается фон перманентной «бессобытийной многособытийности» (Шульга 2011: 187), не могут быть сформированы устойчивые социальные группы, которые могли бы артикулировать свои реальные интересы и предпринять коллективные действия для их защиты. Идеологема демократии становится наиболее востребованной, поскольку необходимость использования прямого принуждения через директивы, угрозы применения санкций и т.п. становятся слишком затратными и малоэффективными. Демократия же используется в качестве обоснования установившихся форм социально-политических и социально-экономических отношений, ни в коей мере не утративших своей иерархичности и непропорциональности. Изменяются ситуативные игроки, но неизменной остается сама система властных отношений. Именно в таком ключе Й. Шумпетер охарактеризовал современную западную демократию, которая «означает лишь то, что народ имеет возможность согласиться или не согласиться, чтобы им правила та или иная личность» (Шумпетер 1995: 352). Общество трансформируется в потребительскую массу и электорат (что, в принципе, одно и то же), поскольку ему дают выбирать только из заданного «коридора» дозволенного. Описывая современные технологии манипуляции массовым сознанием, С. Кара-Мурза точно обозначил в этих процессах роль социальных интересов, которые связывают между собой атомы гражданского общества. «Удары по каким-то точкам (идеям, смыслам) большого ущерба для целого не про-

изводят. <...> Зато эта ткань трудно переносит «молекулярные» удары по интересам каждого (например, экономические трудности). Для внутренней стабильности нужно лишь контролировать “веер желаний”» (Кара-Мурза 2000: 47).

Резюмируя отметим, что процессы глобализации и информатизации внесли новые тенденции в трансформацию политических систем. Под давлением глобальных факторов национальные государства стали ослабевать, элиты как главные акторы политических систем стали активно встраивать свои государства в мировую систему. Несмотря на ослабление роли национальных государств в условиях, когда реальная власть начала переходить к наднациональным центрам и на уровень социальных сетей, их унификации под единые стандарты не произошло. В то же время политические системы стали быстро адаптироваться к новым условиям информационного господства и информационных войн. Проблема элиты и типов ее господства в конкретные периоды ее функционирования всегда связана с ресурсами и эффективностью их использования. Ресурсы являются определяющим фактором формирования правящих элит и утверждения их господства в том или ином обществе. Ресурс всегда имеет ценность лишь в условиях ограниченности своих объемов, когда спрос на него стабильно превышает предложение. Поэтому властеобразующая и элитаобразующая база ресурсов зачастую содержится в условиях контролируемого дефицита со стороны самих правящих элит. Если дефицита нет, то его необходимо создать. Ресурсом новейшего периода истории человечества стало знание, информация, а властные отношения обрели тенденции трансформации в информационное господство элитных групп, которые используют механизмы смыслообразования и перманентной коррекции ценностно-символического мира масс.

ЛИТЕРАТУРА

Балуев Д.Г. Меняющаяся роль государства в контексте современных глобальных изменений // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2003. № 1. С. 160-175.

Бард А., Зодерквист Я. Нетократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма / Пер. со швед. СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2004.

Барматова С. Изменение места и роли коммуникации в современном мире // Социология: теория, методы, маркетинг. 2009. №3. С. 158-168.

Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 1999.

Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995.

Бурлачук В. Символ и власть. Роль символических структур в построении картины социального мира. Київ: ИС НАНУ, 2002.

Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб.: Издательство «Университетская книга», 2001.

Гаман-Голутвина О. Политические элиты России: Вехи исторической эволюции / О. Гаман-Голутвина. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006.

Головаха Е., Панина Н. Основные этапы и тенденции трансформации украинского общества: от перестройки до «оранжевой революции» // Социология: теория, методы, маркетинг. 2006. № 3. С. 32-51.

Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы / Пер. с нем. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2002.

Джордж Р.Р. Мартин в Гамбурге: «Драконы — крутые!» // Блог elhutto «Записки Петра Петровича». 29.06.2015. URL: <http://elhutto.livejournal.com/1368166.html> (дата обращения: 10.07.2015).

Зоткин А. Проблемные зоны концептуализации власти // Соціальні виміри суспільства. 2013. Вип. 5 (16). С. 211-221.

Зоткин А.А. «Львы» и «лисы» украинской политики. Киев: Институт социологии НАН Украины, 2010.

Кампфнер Д. Свобода на продажу: как мы разбогатели — и лишились независимости. М.: Астрель: CORPUS, 2012.

Кара-Мурза С. Манипуляция сознанием. М.: Алгоритм, 2000.

Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000.

Лазарсфельд П., Мертон Р. Массовая коммуникация, массовые вкусы и организованное социальное действие // Назаров М.М. Массовая коммуникация в современном мире: методология анализа и практика исследований. М.: Едиториал УРСС, 2000. С. 138-149.

Льюкс С. Власть: Радикальный взгляд / пер. с англ. А. И. Кырлежева; Гос. ун-т — Высшая школа экономики. М.: Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2010.

Малинова О.Ю. Политические элиты как «производители смыслов» российской политики: к постановке проблемы / О. Ю. Малинова // Элиты и общество в сравнительном измерении: сб. ст. / под ред. О.В. Гаман-Голутвиной. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. С. 280-293.

Миллс Р. Властвующая элита / Пер. с англ. Е.И. Розенталь [и др.]. Предисл. В.Е. Мотылева. Ред. Л.Я. Розовский. М.: Издательство иностранной литературы, 1959.

Моска Г. Правящий класс [Главы из книги] // Социологические исследования. 1994. № 10 С. 187-198.

Оглезнев В.В. Глобализация и государство: анализ социальной онтологии. Томск: Издательство ЦНТИ, 2010.

Панарин А.С. Искушение глобализмом. М.: Эксмо-Пресс, 2002.

Патнам Р.Д. Творення демократії: Традиції громадської активності в сучасній Італії / Р.Д. Патнам разом з Р. Леонарді та Р.Й. Нанетті. Київ: Видавництво Соломії Павличко «Основи», 2001.

Соболева Н.І. Соціологія суб'єктивної реальності. Київ: Інститут соціології НАН України, 2002.

Хабермас Ю. Отношения между системой и жизненным миром в условиях позднего капитализма // *THESIS*: теория и история экономических и социальных институтов и систем. 1993. Вып. 2. С. 123-136.

Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М.: Прогресс-Традиция, 2004.

Шульга Н.А. Дрейф на обочину: двадцать лет общественных изменений в Украине. Київ: Друкарня “Бізнесполіграф”, 2011.

Шумпетер Й. Капіталізм. Соціалізм. Демократія. Київ: Основи, 1995.

Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. В связи с исследованиями Льюиса Г. Моргана. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1961. Т. 21. С. 23-178.

REFERENCES

Patnam R.D. Tvorenniya demokratiyi: Traditsiyi gromadskoyi aktivnosti v suchasniy Italiyi [*Putnam R.D.* Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy]. Transl. from English to Ukrainian. Kiyiv: Vidavnitstvo Solomiyi Pavlichko «Osnovi», 2001. (In Ukrainian).

Baluev D.G. Menyayuschayasya rol gosudarstva v kontekste sovremennyih globalnyih izmeneni [*Baluyev D.G.* The changing role of the state in the context of contemporary global transformation], *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*, 2003, 1, pp. 160-175. (In Russian).

Bard A., Zoderkvist Ya. Netokratiya. Novaya pravyyashchaya elita i zhizn posle kapitalizma [*Bard A., Soderqvist J.* Netocracy: The New Power Elite and Life after Capitalism] Transl. from Swedish to Russian. St. Petersburg: Stokgolmskaya shkola ekonomiki v Sankt-Peterburge, 2004. (In Russian).

Barmatova S. Izmenenie mesta i roli kommunikatsii v sovremennom mire [*Barmatova S.* The change of place and role of communication in the modern world], *Sotsiologiya: teoriya, metody, marketing*, 2009, 3, pp. 158-168. (In Russian).

Bell D. Gryaduschee postindustrialnoe obschestvo. Opyit sotsialnogo prognozirovaniya [*Bell D.* The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting]. Transl. from English to Russian. Moscow: Academia, 1999. (In Russian).

Berger P., Lukman T. Sotsialnoe konstruirovaniye realnosti [*Berger P.L., Luckmann T.* The Social Construction of Reality: A treatise in the sociology of knowledge] Transl. from English to Russian. Moscow: Medium, 1995. (In Russian).

Burlachuk V. Simvol i vlast. Rol simvolicheskikh struktur v postroenii kartinyi sotsialnogo mira [*Burlachuk V.* Symbol and Power. The Role of symbolic structures in creation of the social world view]. Kiyiv: IS NANU, 2002. (In Russian).

Darendorf R. Sovremennyyi sotsialnyiy konflikt. Ocherk politiki svobody [*Dahrendorf R.* The Modern Social Conflict] / Transl from German to Russian. Moscow: "Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya" (ROSSPEN), 2002. (In Russian).

Dzhordzh R.R. Martin v Gamburge: "Drakonyi - krutyie!" [George R.R. Martin in Hamburg: "Dragons are cool!"], in: Blog by elhutto "Zapiski Petra Petrovicha". 29.06.2015. URL: <http://elhutto.livejournal.com/1368166.html> (available: 10.07.2015). (In Russian).

Engels F. Proishozhdeniye semi, chastnoy sobstvennosti i gosudarstva. V svyazi s issledovaniyami Lyuisa G. Morgana. [*Engels F.* The origin of the family, private property and the state. In connection with the researches of Lewis H. Morgan] in: Marx K. and Engels F. Works. 2nd ed. Moscow: Gospolitizdat, 1961. Vol. 21, pp. 23-178. (In Russian).

Gaman-Goluvina O. Politicheskie elityi Rossii: Vehi istoricheskoy evolyutsii [*Gaman-Goluvina O.* Political Elites of Russia: Milestones of historical evolution]. Moscow: "Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya" (ROSSPEN), 2006. (In Russian).

Golovaha E., Panina N. Osnovnyie etapyi i tendentsii transformatsii ukrainskogo obschestva: ot perestroyki do «oranzhevoy revolyutsii» [*Golovaha Ye, Panina N.* The main stages and tendencies of transformation of Ukrainian society: from Perestroika to the "Orange revolution"] in *Sotsiologiya: teoriya, metody, marketing*, 2006, 3, pp. 32-51. (In Russian).

Habermas Yu. Otnosheniya mezhdu sistemoy i zhiznennym mirom v usloviyakh pozdnego kapitalizma [*Habermas J.* The relationship between system and lifeworld in advanced capitalism], *THESIS: teoriya i istoriya ekonomicheskikh i sotsialnykh institutov i system*, 1993, 2, pp. 123-136. (In Russian).

Hantington S. Politicheskii poryadok v menyayushchisya obschestvah. [Huntington S.P. Political Order in Changing Societies] / Transl. from English to Russian. Moscow: Progress-Traditsiya, 2004. (In Russian).

Kampfner D. Svoboda na prodazhu: kak myi razbogateli — i lishilis nezavisimosti. [*Kampfner, John.* Freedom for sale: why the world is trading democracy for security]. Transl. from English to Russian. Moscow: Astrel: CORPUS, 2012. (In Russian).

Kara-Murza S. Manipulyaciya soznaniem [*Kara-Murza S.* The mind manipulation]. Moscow: Algoritm, 2000. (In Russian).

Kastels M. Informatsionnaya epoha: ekonomika, obschestvo i kultura. [*Castells M.* The Information age: economy, society and culture]. Transl. from English to Russian. Moscow: GU VShE, 2000. (In Russian).

Lazarsfeld P., Merton R. Massovaya kommunikatsiya, massovyye vkusyi i organizovannoe sotsialnoe deystvie. [*Lazarsfeld P., Merton R.* Mass Communication, Popular Taste, and Organized Social Action] in: Nazarov M.M. Mass communication in the modern world: methodology of analysis and research practices. Moscow: Editorial URSS, 2000, pp. 138-149. (In Russian).

Lyuks S. Vlast: Radikalnyi vzglyad [*Lukes S.* Power. A Radical View], Transl. from English to Russian. Moscow: Izd. dom Gos. un-ta — Vyisshey shkoly ekonomiki, 2010. (In Russian).

Malinova O.Yu. Politicheskie elityi kak «proizvoditeli smyslov» rossiyskoy politiki: k postanovke problemy [*Malinova O.Yu.* How Political Elites Set the Agenda? Theoretical Approaches to the Problem] in: Elites and Society in Comparative Perspective / ed. by O. Gaman-Golutvina. Moscow: “Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya” (ROSSPEN), 2011, pp. 280-293. (In Russian).

Mills R. Vlastvuyuschaya elita [*Mills R.* The Power Elite], Transl. from English to Russian. Moscow: Izdatelstvo inostrannoy literaturyi, 1959. (In Russian).

Moska G. Pravyaschiy klass (gravyi knigi) [*Mosca G.* The Ruling Class (chapters from the book)], Sotsiologicheskie issledovaniya, 1994, 10, pp. 187-198. (In Russian).

Oglezneva V.V. Globalizatsiya i gosudarstvo: analiz sotsialnoy ontologii [*Oglezneva V.V.* Globalization and the state: the analysis of social ontology]. Tomsk: Izdatelstvo TsNTI, 2010. (In Russian).

Panarin A.S. Iskushenie globalizmom [*Panarin A.S.* The Temptation of Globalism]. Moscow: Eksmo-Press, 2002. (In Russian).

Shulga N.A. Dreyf na obochinu: dvadtsat let obschestvennykh izmeneniy v Ukraine [*Shulga N.A.* Drift by the Wayside: twenty years of social changes in Ukraine] Kiyiv: Drukarnya “Biznespoligraf”, 2011. (In Russian).

Shumpeter Y. Kapitalizm. Sotsializm. Demokratiya [*Schumpeter J.* Capitalism, Socialism and Democracy]. Transl. from English to Ukrainian. Kiyiv: Osnovi, 1995. (In Ukrainian).

Soboleva N.I. Sotsiologiya subektivnoy realnosti. [*Soboleva N.I.* Sociology of the Subjective Reality]. Kiyiv: Institut sotsiologiyi NAN Ukrayini, 2002. (In Ukrainian).

Wallersteyn I. Analiz mirovykh sistem i situatsiya v sovremennom mire [*Wallerstein I.* World-Systems Analysis]. Transl. from English to Russian. St. Petersburg: Universitetskaya kniga, 2001. (In Russian).

Zotkin A. Problemye zonyi kontseptualizatsii vlasti [*Zotkin A.* Problems in conceptualization of power,], Sotsialni vimiri suspilstva, 2013, 5 (16), pp. 211-221. (In Russian).

Zotkin A.A. «Lvyyi» i «lysyi» ukrainskoy politiki [*Zotkin A.* “Lions” and “foxes” of Ukrainian politics]. Kiev: Institut sotsiologii NAN Ukrainyi, 2010. (In Russian).

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЭЛИТЫ В МЕЖДУНАРОДНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Лапина Н.Ю.

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ФРАНЦУЗСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ

В научной литературе сложилось мнение, что во Франции существует особая национальная модель элиты, для которой характерны: наличие диплома привилегированной «большой школы», высокая степень гомогенности, закрытость элит, их принадлежность к высшим слоям общества. Автору представлялось интересным проверить релевантность существующих утверждений и выяснить, сохранилась ли французская национальная модель элиты в начале XXI в. В статье на основе материалов эмпирического исследования, проведенного во Франции (2012-2014 гг.), анализируется состав французской политической элиты, формальные и неформальные признаки принадлежности к элитному слою. Показано, что основными формальными признаками французской политической элиты являются: широкая социальная база рекрутирования, обучение в привилегированных учебных заведениях, локальная/партийная укорененность, длительность пребывания в элитном статусе, связь политики и государственной службы, верность республиканскому пакту, уважение к культуре. Среди неформальных признаков принадлежности к элите выделяются: знание элитных кодов, владение языком, способность создавать закрытые социальные сети и накапливать социальный капитал.

Ключевые слова: Франция, элита, рекрутирование, аппаратная карьера, государственная служба, профессия политика, формальные признаки элиты, неформальные признаки элиты.

В научной литературе существует мнение, что во Франции сложилась особая национальная модель элиты, для которой характерны: наличие диплома привилегированной «большой школы», закрытость элит

и высокая степень гомогенности, их принадлежность к высшим слоям общества (Хартман 2012; Suleiman 2008). Французский национальный случай, по мнению немецкого социолога М. Хартманна, уникален, поскольку все перечисленные факторы слиты воедино, чего нет в других европейских странах (Хартман 2012: 11).

Представлялось интересным проверить релевантность данных утверждений, выяснить, сохранилась ли особая французская национальная модель элиты в начале XXI в. В 2013-2015 гг. автором статьи проводилось эмпирическое исследование «Французские политические институты и акторы: традиции и современность», в ходе которого методом полуструктурированного интервью были опрошены французские политики — нынешние и бывшие депутаты Национального собрания, сенаторы, мэры, министры, сотрудники партийных аппаратов ведущих политических партий, эксперты — специалисты и высокопоставленные государственные служащие. Всего было проведено 42 интервью продолжительностью 50-90 мин. каждое¹. Исследование ограничилось изучением политической элиты современной Франции. Первоначально на основе полученных материалов были описаны карьерные траектории французских политиков и особенности работы политика во Франции в начале XXI столетия (Лапина 2014). В статье анализируется состав французской политической элиты и отличающие ее представителей формальные и неформальные признаки.

Автор выражает глубокую благодарность Дому наук о человеке (Париж), при поддержке которого исследование было осуществлено, и лично его Администратору М. Вивьорке (M. Wieviorka). Хочу выразить признательность моим друзьям — Од д'Аркур (Haude d'Harcourt) и Владимиру Мачабелли (Wladimir Matchabelli), без помощи которых это исследование вряд ли удалось бы осуществить. Также благодарю руководителя Центра французских исследований Института Европы РАН Ю.И. Рубинского за интерес, проявленный к исследованию, и ценные рекомендации.

¹ Интервью проводились на условиях анонимности, в тексте они приводятся в кавычках и выделены курсивом. Также использованы интервью, проведенные автором во Франции в рамках совместного с А.Е. Чириковой исследования (2008) — (Чирикова, Лапина 2009).

КЛЮЧЕВЫЕ ФИГУРЫ ФРАНЦУЗСКОЙ ПОЛИТИКИ

Во Франции понятие «элита», писал Р. Арон, пользуется дурной славой. Французские исследователи до сегодняшнего дня с большой осторожностью используют этот термин, предпочитая заменять его такими синонимами, как «правлящий класс», «буржуазия», «аристократия». Не только исследовательское сообщество, но и французское общество питает недоверие к элитам. Опрос, проведенный в 2013 г. Центром изучения французской политики (CEVIPOF), показал, что большинство французов не доверяют политическим деятелям (Fractures françaises 2013).

Далеко не всегда и не во всех кругах понятие «элита» вызывало отторжение. Основатель V Республики генерал де Голль в проекте строительства новой Франции важное место уделял новой элите (Голль 2006). Принадлежность к элите определялась для него личными заслугами человека. В состав элиты Ш. де Голль включал тех, кто в годы Второй мировой войны воевал с ним за освобождение Франции, а также государственных служащих, которые, как полагал основатель V Республики, готовы бескорыстно служить отечеству.

В интервью участникам исследования задавался вопрос, кого они относят к элите и по каким критериям выделяют ее представителей. Респонденты отмечали общую для всех политиков особенность: республиканскую легитимность. *«В Республике политической элитой являются все лица, которые прошли через процедуру выборов. Президент, депутаты являются элитой, поскольку избраны нацией в ходе всеобщего голосования»*. Политическая элита в отличие от аристократии, за которой закреплены передающиеся из поколения в поколение титулы, и высших государственных чиновников, статус которых гарантирован, по окончании выборного мандата обязаны участвовать в новых выборах, тем самым подтверждая свою принадлежность к элитному слою. Ротация партий у власти даже уважаемому и известному политику не гарантирует победу на выборах, хотя и не означает его автоматического выбывания из элиты: *«Нет такой другой профессии, где каждые пять лет твой статус ставился бы под сомнение»*.

Отвечая на вопрос, кто входит в состав французской политической элиты, участники исследования предлагали различные ответы. Одними принадлежность к политической элите определялась в соответствии со статусом в политической иерархии; другими — степенью влияния конкретных политиков; третьи связывали ее с известностью политика.

В соответствии с первым подходом, политическая элита включает в себя лиц, занимающих высшие позиции во французских политических институтах. Большую роль также играет оценка институциональной среды: отождествление Франции с централизованным государством порождает «зауженное» представление о политической элите, в свою очередь признание результатов политики децентрализации приводит к «расширенному» толкованию этого понятия.

В рамках «зауженного» подхода политическая элита воспринимается как «немногочисленный слой политиков», к которому участники исследования относят первых лиц государства — президента Республики, премьер-министра, ключевых министров. Большинство респондентов полагают, что «*правлящая элита — это узкий круг людей*», «*их очень немного*».

Центральным звеном в системе французских политических институтов является президент Республики. За главой государства закреплён широкий круг полномочий. Президент Франции является основным гарантом национальной независимости, он отвечает за внешнюю и оборонную политику, в условиях кризиса может осуществлять чрезвычайные полномочия (Конституция 1958). На протяжении истории V Республики, подчеркивает участник исследования, «*неуклонно возрастало влияние Елисейского дворца. Этот процесс последовательно развивался сначала при де Голле, затем при Жискар д'Эстене и Миттеране*».

«Правительство, — записано в Конституции, — определяет и проводит политику Нации» (Конституция 1958). В реальности, подчеркивают специалисты, режим V Республики предполагает, что определение политики входит в компетенцию президента (Formery 2012: 56). Президент назначает премьер-министра и председательствует на заседаниях совета министров. Исключением является ситуация, когда президент и премьер-министр принадлежат к разным политическим партиям.

Президент, размышляет политик со стажем, лучше чувствует себя, когда рядом с ним «*сильный*», компетентный глава кабинета министров. В критической ситуации премьер-министр становится «*щитом*» для президента, ограждая его от общественного недовольства. В моменты «сосуществования» отношения между первыми лицами государства меняются: премьер-министр определяет государственную политику и руководит деятельностью правительства, а президент исполняет функцию находящегося «над схваткой» арбитра (Lionel raconte Jospin 2010).

В современной Франции роль премьер-министра «размыта». Н. Саркози называл премьер-министра Ф. Фийона своим «сотрудником». Более чем скромной была роль премьер-министра Ж.-М. Эйро (2012-2014). *«Премьер-министр становится технической фигурой, он играет несравненно меньшую роль, чем генеральный секретарь Елисейского дворца¹»*. Говоря об институциональном влиянии министров, респонденты выделяют тех из них, кто занимает ключевые позиции в кабинете: министра обороны, министра иностранных дел, министра экономики, министра финансов.

Авторы Конституции 1958 г. ставили своей целью изменение баланса сил между представительной и исполнительной ветвями власти в пользу последней. Изначально в соответствии с Конституцией V Республики распорядок деятельности парламента строго регламентировался правительством; ответственность правительства перед парламентом снижалась; парламента частично утрачивал законотворческую инициативу.

Дает ли депутатский мандат право называться политической элитой? Мнения участников исследования по этому вопросу разделились. Одни считают, что *«у парламента во Франции нет большого влияния»*, а следовательно, народные избранники не играют роли в политическом процессе. Есть и другая точка зрения: говорить о снижении роли парламента неправомерно, поскольку он принимает законы, контролирует деятельность правительства, оценивает деятельность государственных органов. Участники исследования напоминали, что конституционная реформа 2008 г. расширила полномочия парламента: предоставила законодателям возможность вносить изменения в представляемые правительством законопроекты; более активно участвовать в составлении и обсуждении бюджета.

Как бы респонденты ни оценивали роль парламента в политической системе современной Франции, в одном их мнения совпадают: к элите депутатского корпуса они относят тех депутатов и сенаторов, кто определяет повестку дня и порядок работы палаты, руководителей обеих палат парламента, партийных фракций, ведущих комиссий (комиссия по финансам, комиссия по международным делам), бывших министров, а также депутатов, которые переизбираются в течение нескольких сроков подряд или совмещают ряд выборных должностей.

¹ Генеральный секретарь Елисейского дворца — глава администрации президента Франции. — *Н.Л.*

Когда речь заходит о рядовом депутате, респонденты отмечали, что его возможности ограничены: к мнению депутата представители госаппарата не прислушиваются, на письма и запросы депутатов министры не отвечают, несмотря на то, что в последние годы во Франции институт парламентского контроля был законодательно укреплен. В ряде интервью речь шла об отсутствии независимости у депутатов. Респонденты, не связанные с деятельностью парламента, полагают, что депутаты подчиняются жесткой партийной дисциплине: относящиеся к парламентскому большинству народные избранники подчиняются правительству, а у представителей политической оппозиции возможности маневра крайне ограничены. Подчеркивалось, что ресурсы депутата сократились, поскольку возрос контроль, в том числе финансовый, за деятельностью политических партий. *«Раньше фирмы приглашали депутатов, организовывали поездки и оплачивали их. Теперь все стало сложнее. Депутаты не имеют права принимать подарки. Единственное развлечение, которое у них остается — это членство в парламентской группе дружбы».*

«Расширенный» взгляд на политическую элиту предполагает, что в ее состав наряду с депутатами двух палат парламента входят представители местной элиты: мэры крупных и средних городов, президенты региональных и генеральных (департаментских) советов. *«Ошибочно представлять Францию как суперцентрализованное государство. Исторически Парижский и местные парламенты могли отвергнуть королевское решение, вели борьбу с монархией. Местные нотабли являются частью французской элиты»*, — отмечает социолог.

По мере проведения политики децентрализации и расширения полномочий территориальных коллективов их роль существенно возросла. В 1980-1990-е годы в соответствии с законами о децентрализации были созданы институты, получившие ресурсы и политическое влияние. *«Местные бароны во Франции существовали всегда. Децентрализация привела к появлению политиков местного уровня, которым были предоставлены новые права и полномочия»*, — замечает участник опроса. За прошедшие три десятилетия с момента начала политики децентрализации местные политики приобрели подлинную легитимность, пользуются высоким доверием избирателей. *«Местные элиты — новое фундаментальное явление нашей жизни»*, — подчеркивает мэр. В свою очередь политики национального уровня гордятся тем, что укоренены в своих округах. Президенты Франции Ф. Миттеран,

Ж. Ширак, Н. Саркози, Ф. Олланд были мэрами, председателями генеральных советов.

Политики местного уровня опираются на поддержку избирателей, среди институтов власти мэрии пользуются высоким уровнем доверия (63%) (Fractures françaises 2014). Работа в исполнительной власти на местах приносит глубокое моральное удовлетворение, делает политика заметным, укрепляет его позиции в политической элите страны. *«Мэр Бордо господин Жюппе может сказать: «Городской трамвай — это дело моих рук». При нем город обновился, его сегодня невозможно узнать. Госпожа Обри тоже может сказать, что Лилль после реставрационных работ — это результат ее деятельности».* О мэрах французских городов Марселя, Лиона, Тулузы, Нанта опрошенные говорили с большим уважением.

Местные нотабли входят в состав политической элиты Франции, многие из них являются депутатами и сенаторами. В повседневной жизни они «по-элитному» ведут себя. Сегодня у мэров появилось свое ближайшее окружение — штат советников, консультантов. В условиях сильного президентского режима все элиты внимательно наблюдают за тем, что происходит в Елисейском дворце и стремятся быть похожими на первое лицо государства.

Второй подход отождествляет элиту со степенью влияния ее представителей. Влияние, с точки зрения участников исследования, является важнейшим критерием принадлежности к элите, и не случайно это слово многократно звучало в интервью. Участники исследования признают, что выявить влияние политика нелегко, поскольку процесс принятия решений непрозрачен, в нем наряду с формальными существуют неформальные процедуры. Чтобы говорить о влиянии, надо находиться *«внутри процесса принятия решений»*. Подлинного автора идеи или политической программы общество может никогда не узнать. *«Всегда сложно определить, кем именно сформулировано политическое предложение. Возможно, текст, который станет важным политическим актом, написан никому не известным чиновником»*, — замечает высокопоставленный государственный служащий.

Если исходить из критерия влияния, в состав политической элиты, на взгляд ряда опрошенных, наряду с первыми лицами входят эксперты, «серые кардиналы», советники, которые нередко определяют политику, проводимую руководством страны. Далеко не все опрошенные готовы относить экспертов к политической элите. *«Роль эксперта*

состоит в том, чтобы помогать, информировать, объяснять, — говорит французский депутат. — Но только политик принимает решения. Эксперты править не должны. Если эксперты управляют страной, это значит, что политики не справляются со своими обязанностями».

«О политиках судят по их делам», — замечает участник исследования. В правительстве влияние определяется эффективностью действий конкретного министра, его профессионализмом, умением отстаивать свою позицию, договариваться и находить компромиссные решения. В Национальном собрании влияние депутата зависит от ряда факторов: руководства ответственным комитетом, активного участия в обсуждении законопроектов. Особую роль играют отношения, сложившиеся у депутата с руководством его партийной фракции в парламенте. Именно руководитель фракции принимает решение, кто из депутатов представляет в парламенте новый законопроект, а кто задает вопросы представителям правительства во время еженедельных встреч в парламенте.

Важную роль играют способности депутата, его профессиональные качества. В процессе обсуждения закона об образовании, вспоминает политик, депутаты Национального собрания обратились за консультацией к депутату, в прошлом профессору университета. Его участие в разработке и обсуждении законопроекта, по мнению коллег, было очень полезным. Культурный и профессиональный капитал депутата был востребован. *«Он сразу же стал заметным и уважаемым в депутатском корпусе человеком».* В целом респонденты убеждены: *«чтобы стать известным политиком, надо много работать, быть серьезным, присутствовать на заседаниях комиссий. Это неблагоприятное занятие, которое, тем не менее, может принести результат».*

Третий подход предполагает, что к политической элите относятся наиболее известные политики. Первый президент V Республики умело использовал телевидение для укрепления своего политического влияния. Ф. Миттеран также пользовался средствами массовой информации в своих политических целях. В течение первого периода «существования» (1986-1988) он ввел нечто вроде «министерства слова», полагая, что должен высказывать собственное мнение всякий раз, когда возникает опасность нарушения общественных интересов. Наиболее «медийно раскрученным» президентом Франции стал Н. Саркози. *«Он должен был постоянно находиться перед камерами, окруженный журналистами. Любое событие становилось поводом для его появления на публике»*, — вспоминает респондент.

Президент — первое лицо государства. Его стиль, поведение оказывают серьезное влияние на других представителей политической элиты. Послушаем, что говорит мэр одного из округов Парижа: *«Меня довольно часто приглашают на различные передачи в качестве эксперта. Это дает поразительный эффект: вы выступаете в течение пяти минут по телевидению, и на следующий день люди на улице вас узнают»*. Постоянное присутствие политика в СМИ делает его заметным, *«дает дополнительный шанс в ходе избирательной кампании»*. Депутат, желающий быть переизбранным, с этим мнением согласны многие опрошенные, должен постоянно *«находиться в медийном пространстве»*. В ряде интервью отмечалось, что не востребованные СМИ политики испытывают депрессию, глубокий стресс. *«Политики напоминают мне больших детей, — говорит сотрудник аппарата Национального собрания. — Они тяжело переживают «забвение» и обижаются на журналистов»*.

Коммуникация, как это следует из интервью, понимается в политической среде по-разному. Многие депутаты, в отличие от их старших коллег, *«годами занимавшихся в парламенте одними и теми же вопросами»*, увлечены «политическим серфингом». «Политики-серфингисты» *«порхают с одной темы на другую»*. Главной целью такого политика является присутствие в медийном пространстве. Новые средства коммуникации помогают ему включиться в процесс коммуникации. Эмпирическое исследование, проведенное в 2014 г., показало, что 90% депутатов Национального собрания имеют собственные сайты, 60% активно общаются в Twitter (Radiographie 2013). Эта тенденция нарастает с 2011 г., ею в большей степени охвачены депутаты-мужчины, чем депутаты-женщины. Нередко для политиков, которые хотят постоянно находиться в центре внимания, коммуникация становится важнейшим, если не основным, занятием. *«Таких депутатов мало интересует обсуждение в парламенте, на котором они присутствуют. Во время сессии они отвечают на вопросы, дают комментарии»*. Исследование интернет-активности депутатов свидетельствует, что парламентарии чаще всего используют Tweeter в те часы, когда находятся в стенах парламента. А это означает, что многие из них не выполняют функций, ради которых были избраны в законодательный орган. *«В Национальном собрании, — говорит бывший депутат, — немного депутатов, которые действительно работают. Я был членом комиссии по законодательству. В ней состояло 60 человек, но постоянно работали*

только 30». Остальные занимались установлением личных связей, налаживанием контактов, участвовали в медийных проектах.

Особенностью Франции является особая роль интеллектуальной элиты в общественной жизни страны. О том, что литераторы становятся «государственными деятелями» писал еще А. де Токвиль в классическом труде «Старый порядок и революция» (Токвиль 1997: 112-120). Внимание французской общественности к спорам между интеллектуалами является давней традицией, которая в информационном обществе приобретает особые масштабы. Современная интеллектуальная элита неоднородна; некоторые ее представители, отмечают респонденты, *«не желают состоять при версальском дворе» («многие интеллектуалы теоретизируют, но не хотят ответственности»)*. Другие, такие как П. Бурдьё, хотели стать политическими акторами, но им это не удалось. Третьи являются яркими медийными фигурами и *«играют роль в оживлении политических дискуссий»*. Кто-то идет дальше, оказывая влияние на реальную политику. Одним из них является левый философ, так по крайней мере его представляют СМИ, Б.А. Леви, в прошлом советник президента Н. Саркози, а в настоящее время Ф. Олланда. *«Б.А. Леви поднимает телефонную трубку и звонит президенту»*, — замечает респондент. *«Леви в большой степени министр, чем любой член кабинета»*, — отмечает другой участник исследования. В 1990-е годы Леви зарекомендовал себя как ярый сторонник предоставления независимости Чечне, организатор массовых выступлений в поддержку сторонников независимости кавказской республики. В августе 2008 г. он побывал в Грузии, чтобы засвидетельствовать свою симпатию грузинскому народу. В 2011 г. с его именем связывали проведение военной операции в Ливии. В феврале 2014 г. Б.А. Леви приехал в Киев поддержать участников майдана (Епогме 2014). Активная общественная позиция Б.А. Леви и другого левого философа А. Глюксмана, участниками интервью оценивается скорее негативно, у некоторых вызывая нескрываемое раздражение. Защита прав человека, как считают респонденты, — не столько искренняя забота о том, чтобы в других странах основные права граждан не нарушались, сколько *«политический спектакль»*, позволяющий интеллектуалам *«позиционировать себя на политической сцене, быть в центре внимания»*.

Ответы респондентов на вопрос, кого в современной Франции можно отнести к элите, в целом соответствуют существующим в политической науке подходам. Речь идет о позиционном методе, разработанном

американским социологом Ч.Р. Миллсом и связывающим принадлежность к элите со статусом в социальной иерархии; решенческом методе, относящем к элите лиц, которые непосредственно участвуют в принятии ответственных решений (Р.А. Даль); репутационном методе, в рамках которого представители элиты выделяются в соответствии с их известностью и репутацией. Характерно, что в проведенных интервью не был представлен ценностный подход, сторонники которого убеждены, что вхождение в элиту — результат естественного отбора, в ходе которого происходит приобщение к власти наиболее одаренных и заслуженных людей. Отсутствие последней точки зрения в ответах респондентов, видимо, свидетельствует о том, что они не относят представителей современной элиты к наиболее одаренным и талантливым людям.

Материалы исследования свидетельствуют: большинство опрошенных придерживаются институционального взгляда на элиту, связывая элитные позиции с принадлежностью к определенным политическим институтам. Исключение представляет интеллектуальная элита. Влияние ее представителей не связано с официальным статусом или должностью, но при этом распространяется на общество и власть.

Исследование выявило расхождения в вопросе саморепрезентации его участников. Высокопоставленные чиновники, участвовавшие в исследовании в качестве экспертов, чаще, чем политики, с гордостью говорили о своей принадлежности к элите. Объясняя природу «элитарности», они ссылались на привилегированные учебные заведения, в которых студентов приучают к мысли, что они «лучшие». Политики реже, чем высшие государственные служащие, по крайней мере на словах, применительно к себе использовали определение «элита». Для них главным в собственном статусе является легитимность, которая подтверждается в ходе выборов. Хотя и в этой среде были лица, не без гордости признававшие, что они — часть элиты.

МОДЕЛЬ ФОРМИРОВАНИЯ ЭЛИТЫ ВО ФРАНЦИИ

Выше уже отмечалось, что в литературе сложилось мнение относительно существования особой французской национальной модели элиты. В ходе интервью респондентам задавался вопрос: каковы основные признаки французской политической элиты и что объединяет ее представителей? Отвечая на него, участники исследования называли: широкую социальную базу рекрутирования, локальную/партийную укорененность, длительность пребывания в элитном статусе, связь политики

и государственной службы, верность республиканскому пакту, единомыслие, уважение к культуре. В ходе интервью широко обсуждался вопрос о роли привилегированных учебных заведений в процессе формирования элиты.

Широкая социальная база рекрутирования. Опрошенные политики — выходцы из различных социальных слоев. Среди них дети рабочих, сельских хозяев, интеллигенции, буржуазии. Во многих интервью звучала мысль, что политика стала в жизни респондентов важнейшим механизмом социального продвижения, о котором не могли мечтать их отцы и деды. *«Мой дед выращивал коров. Я в чистом виде продукт Республики»,* — замечает респондент. *«Я выходец из простой семьи — отец рабочий, мать — домохозяйка. Моя карьера — пример того, как действовал социальный лифт в те годы, когда он хорошо работал»,* — говорит депутат и бывший министр. В схожей тональности высказывается и бывший президент Франции Н. Саркози: *«Моя жизнь — это путь из низов к самому верху»* (цит. по: Lacouture 2012: 13). Хотя в словах главы государства есть доля лукавства: вряд ли к «низам» общества можно отнести человека, выросшего в аристократическом пригороде Парижа.

Занятие политикой не только дает возможность людям скромного социального происхождения подняться по социальной лестнице, для многих оно становится эффективным механизмом социальной адаптации. Один из респондентов, бывший депутат и министр, родился в среде русской иммиграции, свое детство и юность провел в русском окружении, до 12 лет не говорил по-французски. После окончания школы поступил в Университет и со временем стал преподавателем русского языка и литературы в Сорбонне. Профессиональная карьера стала первым шагом в его личной стратегии социальной адаптации. Вторым шагом стало вступление в голлистскую партию, третьим — избрание мэром французского города. После этого его политическая карьера развивалась по восходящей: депутат Национального собрания, министр высшего образования, в начале 2000-х годов национальный секретарь ОПР¹, в 2007-2012 гг. советник премьер-министра Франции Ф. Фийона.

Мотив адаптации актуален для лиц из семей, которые не обладают ресурсами. Среди них выходцы из иммигрантской среды, ставшие особенно заметными во французской политике в последние годы. В отнюдь

¹ ОПР — голлистская партия Объединение в поддержку республики. — Н.Л.

не полном списке: Р. Дати, в прошлом министр юстиции и хранитель печати (2007-2009 гг.), а ныне депутат Европейского парламента; Ф. Амара, в прошлом министр по вопросам городской политики (2007-2010 гг.); нынешние министр национального образования и научных исследований Н. Валло-Белькасем и министр труда, занятости и профессионального образования М. Эль Хомри. Большинство респондентов с уважением относятся к политике как механизму социального возвышения. Есть и другая точка зрения. *«Я встречал многих политиков, — замечает инспектор финансов¹, в течение ряда лет проработавший в секретариатах министров, — Многие из них пост депутата буквально спас. Политика позволила им выйти из серой жизни безо всякого интереса. Если бы они были на государственной службе или работали на фирме, их никто бы не знал»*. Придерживающиеся этого взгляда респонденты не скрывали своего высокомерного взгляда на политику и политиков, что уже отмечалось в ряде исследований (Suleiman 1973: 747).

Для одних политика способствует продвижению по социальной лестнице, другим помогает сохранить накопленный в семье политический капитал. Среди наследников — потомки аристократических или крупных буржуазных семей: И. Поццо ди Борго, Л. Понятовский, С. Дассо и его сын депутат О. Дассо. Список «политических наследников» более внушительный, в нем бывший министр Р. Башло, отец которой Ж. Наркен был депутатом; мэр Лилля и бывший Первый секретарь ФСП М. Обри, дочь известного французского социалиста Ж. Делора; лидер правой националистической партии «Национальный фронт» М. Ле Пен, дочь основателя партии Ж.-М. Ле Пена, и его внука депутат Национального собрания — М. Марешаль-Ле Пен.

Среди участников исследования были политики, отцы и деды которых были политиками местного или национального уровня. Респонденты подчеркивали, что принадлежность к политической семье сыграла большую роль в их жизни. У них рано проснулся интерес к политике. *«Если бы не мой отец, — признается мэр одного из округов Парижа, — я никогда не стал бы политиком»*. Модель наследования в современной Франции, как считают аналитики, применяется все реже. В большой политике преобладают люди, которые продвигаются на высокие посты

¹ Инспектор финансов — одна из самых высоких должностей в иерархии государственной службы. — Н.Л.

благодаря своим деловым качествам, а не поддержке ближайшего окружения или семьи (Femmes 2014). *«Наследники — это прошлое, а не будущее французской политики»*, — замечает респондент.

В социальном отношении, отмечает Ю.И. Рубинский¹, французская элита «мозаична». В ней представлены социальные пласты, которые сформировались в разные исторические эпохи: (1) выходцы из аристократических семей Старого режима; (2) представители крестьянства и средней городской буржуазии, поднявшиеся в годы II Империи; (3) республиканская элита, вышедшая из политических семей III Республики; (4) технократическая элита, связанная с государственной службой и правившая во Франции в течение двух первых десятилетий V Республики. Исследование, осуществленное на большом массиве — анализировался социально-профессиональный состав Национального собрания за 50 лет с момента основания V Республики — позволило социологу Л. Рубану сделать вывод, что представительство высших социальных категорий в депутатском корпусе за прошедшие годы сократилось, а средних слоев выросло (61% в 2007 г.). Среди них преобладали дети учителей и преподавателей высшей школы, многие из которых сами были преподавателями (Rouban 2011: 15, 18).

Обучение в привилегированных учебных заведениях. Во Франции существуют элитные учебные заведения, так называемые «большие школы», в стенах которых готовят будущие элитные кадры. *«Когда мы думаем об элите, сразу вспоминаем "большие школы", когда думаем о "больших школах", вспоминаем элиту»*, — замечает респондент. Вместе с тем прямой связи между профессиональной карьерой политика и обучением в элитном учебном заведении не существует.

*«При поступлении в Высшую нормальную школу (ВНШ) в соответствии с республиканской меритократической традицией мы отбираем лучших. В последний год обучения наши студенты могут начать готовиться к поступлению в Национальную школу администрации»*², — говорит один из руководителей Высшей нормальной школы. Доля студентов, желающих поступить в ЭНА, невелика — 4-5%. От других

¹ Беседа автора с Ю.И. Рубинским, 23 июля 2015 (архив автора).

² Ecole nationale d'administration, ENA (далее ЭНА) — создана в 1945 г., была призвана готовить новые административные кадры. «ЭНА, — писал де Голль, — это важнейший институт, который станет основой нового государства». (Цит. по: De Gaulle 2008: 90).

учащихся *«их отличает открытость», «желание участвовать в общественной жизни»*. Поступление в ЭНА для выпускников Высшей нормальной школы — это лишь один из путей продвижения в высшие политические сферы. Нередко действует другой механизм, когда выпускника ВНШ приглашают на работу в секретариат министра на должность референта или помощника. Чаще всего это происходит, когда на министерском посту оказывается выпускник школы. Многие сотрудники секретариата министра иностранных дел Л. Фабиуса являются выпускниками ВНШ. Кроме этого ВНШ известна как учебное заведение, имеющее левую политическую ориентацию: *«многие кадры Социалистической партии — наши выпускники»*, — отмечает руководитель этого учебного заведения.

Вокруг «больших школ» во Франции не одно десятилетие ведутся споры. «Наши “большие школы”, — пишет П. Вельц, в прошлом директор престижной Мостостроительной школы, — являются механизмом селекции, эффективными инструментами рекрутирования кадров для котирующихся на Парижской бирже предприятий» (Veltz 2007: 11). Французский социолог П. Бурдьё большое внимание уделял феномену воспроизводства элиты (Bourdieu 1989; Bourdieu, Passeron 1970). Социологические исследования показывают: только 9% студентов «больших школ» — дети рабочих. *«В ВНШ воспроизводство элиты — явление поразительное: 75% студентов школы — дети преподавателей, у многих из них дедушки закончили нашу школу»*, — отмечает руководитель этого учебного заведения. В отличие от наследования политического капитала, речь в данном случае идет о передаче культурного капитала, который накапливался в течение нескольких поколений внутри семьи.

Политику, как отмечалось выше, не обязательно иметь диплом об окончании «большой школы». Анализ образовательного статуса депутатов Национального собрания, проведенный Л. Рубаном, показал, что за 50 лет истории V Республики образовательный уровень народных избранников повысился: в 2007 г. 82,9% депутатов имели диплом о высшем или неоконченном высшем образовании (в 1958 г. их доля составляла 63,2%). Но лишь 3,6% депутатов за указанный период имели диплом ЭНА, 1% были выпускниками престижной Политехнической школы, еще 1% закончили ВНШ (Rouban 2011: 28, 29).

Наличие дипломов привилегированных учебных заведений возрастает по мере продвижения во властной иерархии. Четверо из шести президентов Франции после Ш. де Голля закончили «большие школы»:

Ж. Помпиду — Высшую нормальную школу, В. Жискар д'Эстен, Ж. Ширак, Ф. Олланд — ЭНА. Сегодня во власти находится выпускники ЭНА, учившиеся на одном курсе с Ф. Олландом и его бывшей гражданской женой, а ныне министром экологии, устойчивого развития и энергетики С. Руаяль. Многие премьер-министры и министры Франции обучались в этой привилегированной школе. По подсчетам французского исследователя Э. Жоли, в составах кабинетов министров от А. Жюппе до Ж.-П. Раффарена доля выпускников ЭНА колебалась от четверти до половины (Joly 2005: 161). Правда, в составе последних кабинетов министров выпускников «больших школ» немного. В правительстве Ж.-М. Эйро, сформированном в июне 2012 г., из 37 министров и министров-делегатов лишь четверо закончили ЭНА, один — Высшую нормальную школу, семь человек имели диплом Парижского института политических наук и его филиалов.

Не менее интересны результаты исследования ближайшего окружения¹ Елисейского и Матиньонского дворца и отдельных министерств, проведенного Л. Рубаном в 2015 г. Принято считать, что не обладавший дипломом привилегированного учебного заведения Н. Саркози, не любил выпускников «больших школ». Тем не менее, половина его советников (50%) имели диплом ЭНА. С приходом к власти Ф. Олланда доля выпускников ЭНА в ближайшем окружении президента сократилась до 39%. Среди советников бывшего премьер-министра Ж.-М. Эйро выпускники ЭНА составляли 35%, а нынешнего премьер-министра М. Вальса — 39% (Rouban 2015: 3).

Новой тенденцией последних лет становится аккумулирование дипломов различных «больших школ». Многие представители французской политической элиты обладают дипломами сразу нескольких престижных высших учебных заведений. Президент Франции Ф. Олланд, прежде чем поступить в ЭНА, обучался в Парижском институте политических наук и закончил Высшую коммерческую школу, где изучал бизнес и право. Можно утверждать: в современной Франции усилия честолюбивых молодых людей диверсифицируются. Наличие разных дипломов предоставляет молодому человеку выбор между государственной службой и бизнесом, а ранняя политизация открывает перспективы политической карьеры.

¹ Были исследованы карьерные траектории советников президента Республики, премьер-министра, руководителей секретариатов министерств. — Н.Л.

Локальная/партийная укорененность. С конца XIX в. центральное место в политической жизни Франции принадлежало местным нотаблям. В парламенте времен III Республики заседали врачи, юристы, учителя. Карьера нотабля начиналась в профессиональной сфере. Профессия приносила известность, со временем превращалась в социальный капитал, располагая которым можно было начать политическую карьеру. Нотабли были тесно связаны со своими избирателями, хорошо укоренены в той местности, где жили и избирались, и в большей степени представляли локальные интересы, чем национальные (Birnbauм 1994: 41). В годы V Республики половина депутатов Национального собрания (49,3%) начинали свою политическую карьеру на местном уровне. Большинство из них на протяжении своей политической карьеры не меняли коммуны, в которой были избраны впервые (Rouban 2011: 38-41, 50).

Локальная укорененность играет важную роль в политической карьере. Между политическими партиями идет ожесточенная борьба за места в органах местной власти. Причем, партия, находящаяся у власти не обязательно становится победительницей на местных выборах. Правящая с 2012 г. ФСП проиграла муниципальные выборы 2014 г. и департаментские выборы 2015 г. Существует и другой аспект локальной укорененности. Весомую роль в большой политике играют землячества. Многие респонденты в связи с этим вспоминали Министерство внутренних дел, когда министром был Ш. Паскуа (1993-1995). Тогда вместе с министром на ответственные должности пришли корсиканцы. Вместе с нынешним министром иностранных дел Л. Фабиусом — депутатом от департамента Сен-Маритим — на работу в Париж были приглашены выходцы из Нормандии. Две федерации ФСП — в департаменте Нор на севере и Буш-дю-Рон на юге — традиционно служили инкубаторами для партийного руководства. В правящем классе современной Франции хорошо представлены бретонцы: министр обороны Ж.-И. Ле Дриан, министр сельского хозяйства С. Ле Фолль, руководитель фракции ФСП в Национальном собрании Б. Ле Ру — близкие к главе государства лица.

Наряду с локальным существует партийный тип укорененности. В современной Франции получил распространение партийно-аппаратный тип карьеры (Лапина 2014), свидетельствующий об укорененности политика в аппаратных структурах партии. Молодой человек начинает трудовую деятельность в аппарате партии, со временем он обрастает нужными связями и при благоприятном стечении обстоятельств получает предложение участвовать в выборах. В случае удачи за избранием

на пост муниципального советника, мэра, члена или президента регионального совета к 40-44 годам следует избрание депутатом Национального собрания. Этот тип карьеры реализуется при одном условии — поддержке партийного руководства. Анализ состава Национального собрания свидетельствует: доля депутатов-социалистов, сделавших карьеру в недрах партийного аппарата, с 1988 г. стабилизировалась на уровне 25% (2007 г.), в неоголлистской ОПП/СНД этот показатель составляет 18% (Rouban 2011: 41). В правительстве Ж.-М. Эйро¹ из 37 министров и министров-делегатов 33 были депутатами Национального собрания, Сената или Европарламента. Они ранее избирались на местных выборах — в муниципальные, департаментские и региональные советы. Но главное, что их объединяло, — это успешная карьера внутри партии: 21 из 37 министров находились на руководящих постах в своих партиях. Аналогичная тенденция просматривается при анализе карьерных траекторий ближайшего окружения президента и премьер-министра, а также мэров, руководящих городами с численностью жителей выше 30 тыс. человек (Rouban 2015a: 3; Rouban 2015b).

Оба типа укорененности — локальная и партийная — тесно взаимосвязаны. Вернее, одно не существует без другого. Профессиональный политик должен быть локально укоренен: либо в той местности, откуда он родом, либо там, куда он был «парашютирован» своей партией.

Длительность пребывания в элитном статусе. Важным показателем принадлежности к элите респонденты считают способность ее представителей на протяжении длительного времени сохранять свой статус. «Понятие «элита» включает в себя непрерывность». Отличительным свойством элиты является способность «существовать во времени и институционализировать свою власть в определенной сфере».

Во Франции был выработан эффективный механизм совмещения мандатов, позволяющий политику длительное время находиться на выборных должностях. Из 577 депутатов в нынешнем составе Национального собрания только 109 депутатов не имели второго мандата, из 348 сенаторов — 84. Непрерывное пребывание на политических должностях способствует накоплению политического и социального капитала, делает политика более опытным и профессиональным. «Пере-

¹ Правительство Ж.-М. Эйро, сформированное в июне 2012 г., было коалиционным, в него вошли представители ФСП, Партии левых радикалов и Партии зеленых. — Н.Л.

избираясь в очередной раз, политик восстанавливает свои силы и увеличивает собственные ресурсы», — замечает респондент. Совмещение выборных должностей — это способ выживания во власти, позволяющий народному избраннику не прерывать политическую карьеру, даже если он проиграл какие-то выборы.

В интервью отмечались как негативные, так и позитивные аспекты существующей практики. Для некоторых респондентов совмещение мандатов — это серьезный тормоз на пути обновления элит. Сосредоточение нескольких мандатов в одних руках *«препятствует продвижению во власть женщин и молодых политиков»*, — считает депутат. Существует и противоположное суждение. Пост мэра, особенно если речь идет о крупном или среднем городе, обеспечивает независимость депутату, позволяет ему самостоятельно принимать решения, высказывать собственное мнение, не оглядываясь на партийное руководство.

В 2014 г. во Франции принят закон, запрещающий совмещение выборных должностей: с 2017 г. — сенатора и депутата Национального собрания, а с 2019 г. депутата Европейского парламента с выборной должностью, носящей функции исполнительной власти: мэра, президента регионального или генерального совета. Насколько новые законодательство повлияет на длительность пребывания политиков в элитном статусе и откроет путь обновлению элит, покажет время. Участники исследования в оценке нового закона разделились на две равные группы. Для одних новый закон является продвижением вперед, для других — нововведением, которое усилит зависимость народных избранников от партийного аппарата. В одном их мнения, тем не менее, совпадают: реализация нового закона на практике приведет, во-первых, к перераспределению элитных постов и, во-вторых, к тому, что многие местные избранники откажутся от национального мандата, поскольку пост главы исполнительной власти в городе, департаменте или регионе обеспечивает политику большую власть и ресурсы.

Связь политики и государственной службы. Основатель V Республики Ш. де Голль большое внимание в проекте строительства новой Франции уделял созданию сильного государства, особая роль в котором принадлежит государственным служащим, управленцам, способным исполнять политические решения (Birnbauм 1994: 21). В первые два десятилетия существования V Республики представительство высших государственных служащих в политике возросло: многие из них стали депутатами, министрами.

С приходом к власти Ф. Миттерана ситуация изменилась. Глава государства, сам не принадлежавший к корпусу государственных служащих, способствовал продвижению на высшие посты однопартийцев. Начиная с 1981 г. роль партий как механизма рекрутирования элитных кадров возросла. В свою очередь доля высших государственных служащих в системе власти сократилась, на их места стали приходить профессиональные политики (Birnbau 1994: 206-207). В нижней палате парламента на место высших категорий государственных служащих пришли преподаватели средней и высшей школы. «Политический класс, — пишет Л. Рубан, — приобрел автономию по отношению к высшему эшелону государственной службы» (Rouban 2008: 7).

Однако обозначенная тенденция вовсе не означает, что высшие чиновники покинули политику: 40% советников Н. Саркози сделали карьеру в администрации, при Ф. Олланде доля советников, выходцев из администрации, достигла 48%. Еще выше представительство административных кадров среди советников премьер-министра (54% при Ж.-М. Эйро) и среди руководителей секретариатов министерств (64% в годы правления Н. Саркози и 70% в годы правления Ф. Олланда) (Rouban 2015a: 2). Важно подчеркнуть: в современной Франции элитные карьеры диверсифицируются. Высокопоставленный чиновник рано покидает государственную службу, чтобы сделать карьеру в бизнесе («pantouflage»), или переходит в политику — напрямую из администрации либо пройдя испытание бизнесом. Именно так дело обстояло с министром экономики Э. Макроном, который сделал блестящую карьеру в банковской сфере, но при этом активно участвовал в избирательной кампании Ф. Олланда.

В ходе интервью респонденты неоднократно обращались к вопросу об особом статусе государственных служащих. У представителей административно-управленческой элиты особая карьерная траектория: повышение по службе связано с прохождением конкурса, карьеры стабильны, госслужащим не угрожает безработица. Особый статус государственных служащих распространяется и на занятие политикой. Избираясь депутатом, государственный служащий не обязан подавать в отставку, за ним сохраняется не только его должность, но и все связанные с ней привилегии — выслуга лет, карьерное продвижение. Государственный служащий, решивший стать политиком, находится в неравном положении по сравнению с лицами, занятыми в частном секторе, которые обязаны брать отпуск для проведения избирательной кампании

и увольняться в случае избрания. Особый статус административно-управленческой элиты воспринимается респондентами как несправедливый. *«Государственные служащие — это неприкосновенные коровы режима, — замечает респондент, — Не следует ли поставить вопрос о несовместимости административно-управленческой деятельности с депутатским мандатом?»* Этот вопрос безуспешно обсуждается во Франции на протяжении последних десятилетий.

Верность республиканскому пакту. Франция — демократическое государство. Представители французской политической элиты принадлежат к разным партиям и идейным течениям. Но есть нечто, что их всех объединяет: французский политический класс верен республиканскому пакту, в основе которого лежат ценности свободы, равенства, братства, сформулированные во второй статье французской Конституции. В чрезвычайных обстоятельствах, когда возникает угроза для Республики, французские политики объединяются. Так было в январе 2015 г. после расстрела редакции сатирического журнала «Charlie Hebdo». Представители различных политических партий тогда приняли участие в Марше республики, чтобы продемонстрировать готовность защитить Республику и свободу слова.

Девиз Французской Республики: Свобода. Равенство. Братство. Его можно прочесть на фронтонах зданий, где располагаются институты власти. Важной составляющей республиканского пакта является мессианская идея, в соответствии с которой Франция признается носительницей идей свободы и демократии. *«Французы считают, что борец за права человека в Латинской Америке перед лицом смерти насвистывает «Марсельезу». Они уверены, что идеи свободы, равенства, братства и особенно права получили распространение в мире исключительно благодаря Франции. Речь идет о «светском мессианстве» эпохи Просвещения, которое остается имиджем Франции», —* не без сарказма замечает бывший депутат и министр. Мессианская идея проходит через всю историю Франции. Ж. Клемансо говорил: «В прошлом сражавшаяся за Бога, в настоящем — за свободу, Франция всегда будет сражаться за идеалы» (Цит. по: Qu'est-ce que la France 2007: 181). Французские политики в большинстве своем убеждены, что важнейшая задача их страны — это быть маяком для всего человечества. Тем самым за Францией признается роль «мэтра», который призван объяснять другим странам и народам, в каком направлении им следует развиваться. Тем не менее некоторые политики, участвовавшие в исследовании,

в частности сторонники национального суверенитета, не согласны с такой постановкой вопроса. В качестве аргумента они приводят тяжелейшие последствия военной операции в Ливии и другие сомнительные политические решения.

Франция была первой страной в мире, которая создала гражданскую нацию. *«У европейских диаспор проблем нет, они хорошо интегрированы в политическую жизнь. Испанцы, итальянцы, поляки представлены во французской политике»*, — замечает бывший министр. В 2007 г. президентом Франции был избран Н. Саркози, сын венгерского иммигранта, лишь на одну четверть являющийся этническим французом. Президент никогда не скрывал своего происхождения, называя себя «маленьким французом смешанных кровей» (Sarkozy 2007), тем самым подчеркивая близость с рядовыми французами, отцы и деды которых были иммигрантами. В марте 2014 г. премьер-министром Франции стал натурализованный испанец Э. Вальс, мэром Парижа избрана испанка А. Идальго. Невзирая на различное национальное и этническое происхождение, этих людей объединяют республиканские ценности. Когда бывшему министру юстиции напоминают о том, что она родилась в семье марокканца и алжирской женщины, Р. Дати отвечает, что она — «дитя Франции», страны, которая ее сформировала (Dati, Ascolovitch 2007: 61).

Базовые политические и общественные установки. Элита является не только транслятором представлений об окружающем мире, но и носителем политических ценностей. В обществе одновременно сосуществуют различные типы политической культуры, среди них особое место занимает доминирующая культура, отвечающая устремлениям значительной части элит и населения (Bernstein 1999: 24). Одни исследователи обращают внимание на то, что на фоне традиционной культуры во французском обществе возникла новая политическая культура — «эгалитарный гуманизм»¹, другие расценивают новые политические веяния как результат утверждения в современном мире либеральных ценностей. «Сегодня нормой для образованных групп населения и, в частности, интеллектуальных и властных элит становится

¹ В основе этой культуры лежат принципы толерантности, гуманизма, уважения к правам меньшинств. Она получила распространение среди образованной части французского общества, интеллектуалов, ее продвигают средства массовой информации (Les cultures politiques en France 1999: 386).

ся эгалитарный гуманизм» (Les cultures politiques en France 1999: 386), — пишут сторонники первой точки зрения. Новая политическая культура, на их взгляд, призвана препятствовать ксенофобии и электро-ральному успеху Национального фронта.

«Эгалитарный гуманизм» является вариантом неолиберализма с характерным для него господством индивидуализма, считают другие. «В политической области доминируют либеральные принципы, нашедшие свое выражение в лозунгах «гражданской демократии» или «демократии участия» <...> Внутри системы речь идет о том, чтобы больше места высвободить для индивидуума по сравнению с коллективом и для гражданского общества по сравнению с политическим сообществом», — пишет политолог С. Миласич (Миласич 2014: 28). Общество, ориентированное на поддержку гражданских меньшинств, вырабатывает новый кодекс поведения, важными элементами которого являются «политическая корректность» (*politiquement correct*) и принятие многообразия мира во всех его проявлениях (в том числе поддержка гей-сообщества, закона об однополых браках и т.д.). Политическая корректность меняет повседневную жизнь французов, усиливает самоцензуру. В 2001 г. известный французский писатель М. Уэльбек, публично высказавший свое негативное отношение к исламу, был вызван в суд. Если бы это произошло сегодня, считает писатель, он был бы осужден.

В ходе интервью респонденты отмечали, что претендующая на широту взглядов новая политическая культура в реальности порождает одномерное видение окружающего мира. *«Новое поколение политиков обучалось в одних учебных заведениях, сформатировано на один манер, можно сказать, отлито из одной формы, — замечает респондент, — Они не мыслят самостоятельно, видят окружающий мир в черно-белых тонах, а политическая корректность стала их новой религией».* «Единомыслие» — это слово не раз звучало в интервью, особенно когда речь заходила о молодом поколении политиков, сделавших аппаратную карьеру. Многие из них имеют диплом престижного Парижского института политических наук, в стенах которого принципы новой политической культуры были сформированы.

Какие последствия может иметь наличие в руководстве страны людей, «принадлежащих к одной группе крови», — задает вопрос американский исследователь Э. Сулейман. Его ответ краток: продвижение во власть политиков, мыслящих схожим образом, приведет к утверждению «группового мышления», что закрывает доступ новым идеям (Suleiman

2013). Отчасти высказанные респондентами и исследователями оценки грешат односторонностью. Среди французских политиков есть люди, не скрывающие своих взглядов и открыто их выражающие. Это отчетливо проявилось в отношении к России в условиях украинского кризиса (подробнее: Лапина 2015).

Уважение к культуре. Основатель V Республики Ш. де Голль, говоря о качествах, которыми должен обладать руководитель, особое внимание уделял уму, знаниям, способности размышлять и анализировать, но важнейшим считал наличие общей культуры (Голль 2006: 29). По традиции во французских политических кругах принято демонстрировать уважительное отношение к культуре. Практически каждое президентство в годы V Республики отмечено значимым культурно-историческим символом: по инициативе Ж. Помпиду в Париже построен Центр Помпиду; в президентство Ф. Миттерана выстроено здание Оперы на площади Бастилии и возведена библиотека, носящая его имя. По инициативе президента Ж. Ширака в Париже на набережной Бранли открыт Музей культур Африки, Азии, Океании. Мэры городов следуют этому примеру. В городах Франции создаются новые культурные площадки, открываются выставочные залы, музеи, театры. Бордо, Тулуза, Лион, Страсбург, этот список можно продолжить.

Вместе с тем в современной Франции происходят существенные изменения в образовательной политике, напрямую затрагивающие сферу культуры. В 1990-е годы предпочтение было отдано либеральным рецептам реформирования системы образования. Характерная для производства управленческая логика была перенесена на среднюю и высшую школу, критерии «эффективности» знания стали рассматриваться как основные индикаторы успеха (Vasconcellos, Daniel 2011: 59). Литература, история, международные отношения признавались «неэффективными» знаниями. В 2007 г. в ходе президентской кампании впервые в истории V Республики вопросы культуры не обсуждались, а основные кандидаты — Н. Саркози и С. Руаяль (ФСП) — не позиционировали себя в качестве носителей национальной культуры. В политическом дискурсе президента Н. Саркози доминировали такие темы, как власть, авторитет, усилие, труд, обогащение, семья, дисциплина, родина, нация (Mayaffre 2012: 15). С скромное место вопросам культуры уделялось в ходе президентской кампании 2012 г.

Мысль, что наличие культуры не способствует социальному успеху, по мнению респондентов, представляет серьезную опасность. Мате-

риалы интервью свидетельствуют, что многие участники исследования озабочены культурным уровнем современных французских политиков. Не без тревоги респонденты говорили о том, что сегодня во Франции сформировалось поколение политиков, которые не испытывают уважения и не интересуются культурой. *«Что читают наши политики, кроме газет или нашумевшего романа?»* — задает вопрос эксперт и отвечает на него: *«Ничего»*. Отсутствие у французской элиты духа инновации, воображения и смелости является серьезной проблемой современной общественно-политической жизни, считает бывший министр экологии, а ныне депутат Европейского парламента К. Лепаж (*La trahison des élites françaises*)

Экзаменационные комиссии, принимающие вступительные экзамены в «большие школы», в том числе ЭНА, оценивают кандидатов в зависимости от знания истории, которая является профилирующим предметом, и их способности принимать самостоятельные решения и действовать в конкретной ситуации. В формальных отчетах приемных комиссий отмечаются знания и индивидуальные качества кандидатов (Oger 2008: 238). Неформальные отзывы о приемных экзаменах в одну из самых престижных «больших школ» Франции ЭНА оставляют тяжелый осадок. *«Я был членом комиссии в ЭНА, — вспоминает участник исследования, руководитель аналитического центра, — и меня поразило отсутствие у многих поступавших знаний по истории. Они не знали о Гражданской войне в Испании, интернациональных бригадах, не могли ответить на вопрос об Алжирской войне. Иногда я получал фантастические ответы, например, что Ришелье был министром Франциска I. Собственная точка зрения у них отсутствовала»*. Отметим, что в интервью речь шла о кандидатах, а не о прошедших конкурс соискателях.

В работах элитологов нередко можно встретить суждение о снижении интеллектуальных и моральных качеств современной западной элиты. Это мнение высказывали и некоторые наши респонденты. Аргументом для них служат: некомпетентные решения руководства, некачественные законы, принимаемые парламентом. Существует и институциональное объяснение происходящего. Главным событием политической жизни во Франции являются президентские выборы, *«с переходом к пятилетнему президентскому сроку Франция находится в постоянной предвыборной кампании, что не способствует рационализации принятия решений»*, — отмечает сенатор.

Распространять критические оценки на весь французский политический класс несправедливо. Среди французских политиков много талантливых, знающих, прекрасно образованных людей, которые, как и их предшественники, испытывают пиетет к культуре. Во Франции лиц, занимающих высокие посты, пишет Э. Сулейман, нельзя обвинить в некомпетентности, но система устроена таким образом, что «некомпетентность не подвержена негативным санкциям» (Suleiman 2008: 149). К тому же в школе французы получают фрагментированные знания в таких областях знания, как история и международные отношения, что порождает феномен «короткой исторической памяти». Многие, особенно молодые политики, *«не знают и не помнят, что делали их предшественники, какие основные события происходили в ушедшем столетии»*. А это значит, что у них узкий горизонт видения, неспособность мыслить в долгосрочной перспективе, оценивать события, исходя из знания прошлого, а не сегодняшнего дня.

Не менее серьезной проблемой, отмечалось в ряде интервью, является замкнутость французской культуры или, как принято говорить во Франции, ее «экзагональность»¹. Дискуссии, ведущиеся во французских политических кругах, как правило, замыкаются на собственно французских сюжетах. Отсутствие интереса к окружающему миру, слабая интегрированность в международное сообщество отличают, на взгляд респондента, французскую политическую и интеллектуальную элиту. *«Зачем покидать свою родную страну? Зачем приспосабливаться к другой культуре и образу жизни? Наконец, зачем говорить на английском языке, если можно говорить по-французски?»* Замкнутость элиты отражает состояние французского общества: в 2013 г. 61% французов считали, что глобализация представляет для Франции угрозу, 58% полагали, что страна должна защитить себя от окружающего мира (Fractures françaises 2013).

Анализ формальных признаков убеждает в том, что политическая элита имеет свои особенности. Рассмотрим, какую роль в формировании и функционировании элит играют неформальные признаки и общение в закрытых социальных сетях.

¹ От французского слова «exagone» — шестиугольник. С этой геометрической фигурой ассоциируется территория Франции. — Н.Л.

НЕФОРМАЛЬНЫЕ АТТРИБУТЫ ЭЛИТАРНОСТИ

Быть членом политической элиты означает не только занимать позиции в политических институтах, обладать ресурсами и властью, но и вести определенный образ жизни, поддерживать контакты с другими представителями «элитного клуба». Франция — страна строгих норм и неписаных правил. Принадлежность к политической элите, с точки зрения участников исследования, определяется такими неформальными признаками, как знание элитных кодов, владение языком, способность создавать закрытые социальные сети и накапливать социальный капитал.

Политическую элиту и элиту, представленную аристократическими и старыми буржуазными семьями, смешивать не следует, хотя представители различных элитных групп встречаются и общаются между собой. Политической элитой не рождаются, ею становятся. Политики, в отличие от аристократии и представителей буржуазии, приобретают элитные коды в течение жизни. Социальные структуры прозрачны, границы между классами не различимы глазом. Нужно самому принадлежать к элите, чтобы безошибочно узнать другого представителя «элитного клуба». *«Способность взаимного узнавания отличает элиты от других социальных групп»*, — замечает представитель французской аристократии. По каким признакам элиты узнают друг друга? Участники опроса к элитным кодам относят: знание правил поведения, дресс-кода, умение вести себя.

Во Франции ритуальная сторона политической жизни тщательно продумана и, как пишет президент Франции В. Жискард д'Эстен, является «характерным штрихом определенного стиля французской жизни» (Жискард д'Эстен 1990: 24). Официальные церемонии, приемы, обеды, награждения, независимо от того, какая партия находится у власти, проходят с блеском. Особую торжественность событию придает роскошь помещений, где располагаются политические институты Франции. Елисейский дворец, Люксембургский дворец (Сенат), Бурбонский дворец (Национальное собрание) — это дворцовые комплексы, обставленные с изысканностью и вкусом. Париж диктует правила провинциальной элите: во французских городах великолепием поражают здания мэрий. *«Франция — это республиканская монархия. Официальные церемонии напоминают приемы в Версальском дворце времен королей»*, — не без иронии отмечает участник исследования.

Попавшему в высшие сферы политическому новобранцу предстоит овладеть правилами этикета, принять установленные нормы поведения

и дресс-кода. *«В высших сферах власти, — отмечает сотрудник аппарата нижней палаты парламента, — люди в основном уважают существующие нормы. В Национальном собрании сложился определенный стиль одежды: мужчины носят серые или черные костюмы, женщины — костюмы. Никто не может запретить женщине-политику красиво одеваться, но они сами себе этого не позволяют, т.к. опасаются стать объектом нездорового интереса со стороны масс-медиа».* Внешняя скромность политиков соответствует традициям французского общества, где не принято демонстрировать богатство.

Тем не менее, в высших политических кругах появляются новые тенденции. Либерализм с присущим ему культом денег меняет характер французов и их элит. С приходом к власти Н. Саркози в моду вошла чуждая Франции демонстрация роскоши, дорогих гаджетов, украшений. Многие политики, мужчины и женщины, стали появляться на публике в очень дорогих и броских туалетах, что не раз становилось причиной скандалов. Нарушение привычных правил вызывает отторжение у широкой общественности и элиты. Некоторыми респондентами даже высказывалась мысль, что Н. Саркози в 2012 г. не был переизбран, поскольку *«раздражал представителей французской элиты своим поведением»*. Не будем обсуждать, насколько это суждение обосновано, тем более что были и прямо противоположенные оценки¹. Заметим лишь, что большинство респондентов не скрывали своего неприятия правил поведения, которые сложились в «стране Саркозии».

Участие в избирательных кампаниях требует от политика умения привлекать к себе внимание слушателей, убеждать, вести диалог с политическим оппонентом. Вовремя использованная цитата из классики или запоминающаяся фраза, яркое слово или шутка высоко ценятся в обществе и политической среде. Профессиональный политик должен уметь общаться с людьми. Артистизм, искренность, сопереживание делают произнесенные им слова убедительными, вызывают у слушающих симпатию. Ф. Миттеран любил повторять слова Э. Эррио: *«Политика — это умение говорить с людьми»*. *«Когда Миттеран выступал, — вспоминает респондент, — его слушали все, независимо от политических симпатий. Французам было ясно: перед ними человек, обладающий огромными знаниями и большой культурой. С последними*

¹ *«Саркози не любил народ. А элиты в основном поддерживали его. Внутри-элитного конфликта в 2012 г. не было», — говорит респондент.*

президентами этого не происходит». Особым красноречием и подчеркнутым демократизмом отличался Ж. Ширак: *«Он часами мог общаться с народом, создавая впечатление у слушателей, что он их друг. В этом была невероятная сила Ширака»*.

Важной особенностью представителей элиты является способность создавать закрытые социальные сети. Во Франции сложились различные элитные объединения. Респонденты выделяют три их типа: объединения лиц, связанных общим прошлым; объединение лиц, вместе обучавшихся в привилегированных учебных заведениях; элитные клубы и объединения широкого профиля.

В 1940 г. в Лондоне Ш. де Голлем был учрежден Орден Освобождения. Орден, отмечают исследователи, строился по принципу рыцарских орденов (De Gaulle 2008: 64). Кавалерами Ордена, получавшими звание «соратника Освобождения», становились люди, первыми откликнувшиеся на призыв де Голля посвятить свою жизнь освобождению Франции. Связующим звеном для «соратников Освобождения» служило их общее прошлое — борьба за независимость Франции и неизменная преданность лидеру. Сподвижники де Голля сформировали политическую элиту V Республики¹.

Во Франции, в отличие от англо-саксонских стран, до недавних пор не было принято создавать объединения выпускников университетов. Исключение составляют «большие школы». Их выпускники общаются между собой в течение жизни, помогают друг другу. Знаком особой близости является правило: впервые встретившись, выпускники престижной Политехнической школы называют друг друга на «ты». В годы V Республики во французской политике и власти, как уже отмечалось выше, было немало выпускников «больших школ», в частности, ЭНА. С приходом к власти Ф. Миттерана открылось большое число новых вакансий. На посты нередко назначались молодые единомышленники президента, некоторые из них имели дипломы престижных учебных заведений. Президент Н. Саркози отличался от своих предшественников тем, что не закончил «большой школы», но, как отмечалось выше, в его ближайшем окружении было немало выпускников привилегированных учебных заведений.

С избранием Ф. Олланда выпускники ЭНА одного выпуска с президентом — «выпуск Вольтера» (1980) — заняли ключевые посты во

¹ В начале 1946 г. прием в Орден был закрыт. — Н.Л.

французской системе власти. В этом списке глава государства Ф. Олланд; С. Юбак — руководитель секретариата президента; П.-Р. Лема — префект, руководитель администрации президента; Ж.-М. Рипер — нынешний посол Франции в РФ; С. Руаяль — министр экологии, устойчивого развития и энергетики; М. Сапэн — министр финансов, М. Кадо — префект парижской полиции. До сих пор ни один выпуск Школы не был столь основательно представлен на вершинах власти. *«Сегодня Францией руководит выпуск Вольтера»*. Это мнение можно было услышать во многих интервью. Участники опроса объясняют это тем, что у Ф. Олланда к моменту избрания президентом Республики отсутствовал опыт государственного управления. Придя к власти, он стремился не только отблагодарить преданных ему людей, но и «застраховать» себя, расставив на ответственные посты доверенных лиц. *«В правительстве М. Вальса есть министры, которые занимаются важными вопросами. Но политическим влиянием обладают лишь те из них, кто близок президенту»*, — замечает респондент.

Представители элиты имеют возможность встречаться в элитных клубах, где случайных людей не бывает. В отличие от объединений, члены которых имеют общее прошлое или обучались в «больших школах», элитные клубы более открыты для новых элитных кадров. Респондентами чаще всего упоминались парижские клубы: «Siècle» (создан в 1944 г.), «Cercle de l'Union Interalliée» (создан в 1917 г.), «Club des cents» (Клуб ста). Престижные клубы — это место встреч политиков, бизнесменов, высокопоставленных чиновников вне зависимости от их политических взглядов. *«В "Siècle" происходит неформальное общение избранных людей»*, — замечает постоянный член клуба. Членство в закрытом клубе является знаком принадлежности человека к высшему обществу, повышает его самооценку. Это признание того факта, что *«вы — свой человек»* и имеете право на равных общаться с видными политиками, учеными, деятелями культуры, подчеркивает участник исследования. Наряду с наиболее престижными клубами, во Франции есть клубы второго плана: Ротари клуб (Rotary club) и Динер клуб (Diners club). *«В Париже уважающий себя политик в них не пойдет, а в провинции это популярное место общения элит»*¹.

В клубах, на вечерах и светских приемах поддерживаются существующие контакты, завязываются новые знакомства. Однако ответ-

¹ Беседа автора с Ю.И. Рубинским, 23 июля 2015 (архив автора).

ственные решения на светских вечерах не принимаются. Для этого существует неформальные встречи, ужины, на которых присутствуют депутаты, министры. Встречи в узком кругу организуются поздно вечером и чаще всего имеют «мужской профиль». Женщины-политики, особенно имеющие детей, из «параллельной» политической жизни исключены. Государственный секретарь по вопросам информационных технологий А. Лемер отмечает: «Решения принимаются в неформальном общении. Как если бы подлинная власть осуществлялась в полном уединении» (Le plafond des maires 2014).

В качестве места встреч представителей элиты некоторые участники исследования называли масонские ложи. Однако респонденты не склонны рассматривать их как влиятельный политический институт современной Франции. *«Ложи не являются “тайным правительством”. Это место встреч и взаимной поддержки»*. В интервью отмечалось, что масонские ложи сохраняются как сеть межличностного общения, их члены оказывают друг другу взаимные услуги. Членство в масонской ложе может помочь продвинуться по карьерной лестнице, особенно в интеллектуальной среде и сфере высшего образования.

Чтобы представить себе все пространство неформального общения французской элиты, считает Ю.И. Рубинский, необходимо включить в анализ посещение церкви верующими политиками. *«Мне нередко приходилось бывать на торжественных церемониях в Нотр-Дам и протестантской церкви Парижа. На службах встречал очень известных политических деятелей. Хотя во Франции церковь отделена от государства, архиепископ Парижа является влиятельной фигурой, духовником многих известных политиков. Принято считать, что наиболее сплоченной является еврейская религиозная община. Это действительно так. Но протестанты во Франции сплочены ничуть не меньше»*. Сказанное свидетельствует о том, что существует еще одно пространство общения представителей элиты, которое требует особого изучения. *«Традиционные структуры — церковь и масонство, которые воевали между собой еще до революции 1789 г.— сегодня встроены в механизм неформального взаимодействия политических элит»¹*, — подчеркивает ученый.

Некоторые участники опроса полагают, что элитные социальные сети — это чисто парижское явление. Однако материалы интервью

¹ Там же.

свидетельствуют, что в крупных городах Франции действуют клубы, объединяющие «сливки общества», где, как и в парижских клубах, представители различных элитных групп общаются между собой, организуются встречи с интересными и известными собеседниками — политиками, интеллектуалами, творческой интеллигенцией.

Способность накапливать социальный капитал выделяется респондентами в качестве одной из особенностей политической элиты. Социолог Л. Рубан, изучавший социальный профиль депутатов Национального собрания, обратил внимание на то, что депутаты обладают высоким «индексом социальных ресурсов». Это понятие включает в себя связи народных избранников с миром бизнеса, политической элитой, а также обладание различными форм социального капитала (образование и профессия отца; собственное образование; образование и профессия супруга/супруги). Ученый констатировал, что начиная с 1980-х годов наблюдается феномен «уплотнения» семейных и социальных связей депутатов. Общей тенденцией последних трех десятилетий стало возрастание доли депутатов, имеющих «социальные атрибуты» и снижение доли тех из них, кто таковыми не располагает. Эта тенденция в равной степени характерна для политиков, представляющих как левые, так и правые партии (Rouban 2011: 34-36). К аналогичным выводам социолог пришел, изучая социальный профиль мэров французских городов с населением более 30 тыс. жителей, избранных в марте 2014 г. (Rouban 2014).

Неформальные отношения в политике не стали во Франции предметом строгого научного анализа. Немногие исследователи берутся обсуждать феномен «приватизации государства» или «партийного клиентелизма», когда политические соратники и просто друзья назначаются на видные должности в системе государственного управления (Rouban 2012: 52-56). Заниматься этой темой сложно, многие персональные данные отсутствуют и вряд ли в ближайшее время станут более открытыми¹. Участники исследования крайне сдержанно высказывались относительно неформальных отношений в политике. В этой связи упоминалась бывший министр обороны, министр внутренних дел и глава МИД Франции М. Алио-Мари², в секретариате которой работала пле-

¹ Французские депутаты отказались поддержать закон, обязывающий народных избранников публиковать декларации о наличии собственности. — *Н.Л.*

² М. Алио-Мари — французский государственный и политический деятель. В начале 2000-х годов неоднократно занимала министерские посты:

мянница. Другой случай, ставший достоянием общественности, — бывший министр по вопросам социального развития Р. Башло, устроившая на работу в свой секретариат сына.

Правление Н. Саркози отмечено рядом «семейных» историй. Самая известная связана с попыткой главы государства назначить своего 23-летнего сына главой государственного учреждения, ведающего обустройством делового центра Париж-Дефанс (La Défense). Начавшаяся в 2009 г., эта история очень быстро приобрела всеобщую огласку. Под влиянием общественности глава государства был вынужден отказаться от своего намерения¹.

В интервью речь также шла о семейных политических альянсах в современной Франции. Наиболее известным является ныне распавшийся гражданский брак президента Ф. Олланда и С. Руаяль, как и он учившейся в ЭНА. В годы, когда Ф. Олланд был Первым секретарем ФСП, при его поддержке С. Руаяль была выдвинута кандидатом на президентских выборах (2007).

Мир политика тесно связан с миром масс-медиа. Эта тенденция находит свое выражение в матримониальных союзах между политиками и журналистами. Многие французские политики женаты на профессиональных журналистках. Самым известным политико-журналистским альянсом Франции, ныне распавшимся, стал брак бывшего руководителя Международного валютного фонда Д. Строс-Канна и известной телеведущей (TF-1) А. Синклер. В этом списке мэр Бордо А. Жюппе, женатый на журналистке И. Легран-Бодэн, Ж.-Л. Борлоо, женатый на В. Шенберг, в прошлом журналистке канала «Франс-2». *«Складывается впечатление, что эти две профессии созданы друг для друга»*, — не без иронии замечает респондент.

Феномен политической семейственности вызывает у респондентов противоречивые чувства. Одни считают, что назначение родственников — отнюдь не порочная практика, которую следует осуждать. Особенно в том случае, когда министр хорошо ладит с родственником, работающим в его секретариате. Другим участникам исследования

в 2002-2007 гг. была первой женщиной-министром обороны; в 2007-2009 гг. — министр внутренних дел, в 2009-2010 — министр юстиции и хранитель печати, в 2010-2011 гг. — министр иностранных дел. — *Н.Л.*

¹ Опросы общественного мнения свидетельствовали, что большинство французов (64%) выступали против этого назначения (Le Point 2009).

сложившаяся практика претит, они видят в ней проявление nepoтизма, противоречащего республиканской традиции. *«Политические деятели, — отмечает политик со стажем, — должны раскрывать имеющиеся у них связи в высших политических или бизнес-кругах, членство в закрытых клубах»*. Третьи не склонны преувеличивать значимость неформальных отношений, полагая, что семейственность представляет собой маргинальное явление в жизни современной Франции. В отличие от респондентов, рядовые французы гораздо более нетерпимы к этому явлению. В социальных сетях вопросы семейственности в политике широко обсуждаются, и люди нелицеприятно высказываются по поводу «приватизации» власти отдельными политиками и целыми семьями.

Усвоение правил поведения и дресс-кода, общение в закрытых социальных сетях, накапливание личного и семейного социального капитала в не меньшей степени формируют элиту, чем постоянное пребывание и работа в институтах власти. Если по формальным признакам политическая элита существенно отличается от других элитных групп, то в сфере неформальной происходит пусть и постепенное микширование базовых различий. Если учесть длительность политических карьер во Франции, то очевидно, что политик, выходец из скромной семьи, в течение жизни получает возможность усвоить нормы поведения, принятые в «элитном клубе», обрывает новыми социальными связями и в конечном счете становится членом избранного общества.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Политическая элита Франции диверсифицирована и по многим характеристикам отличается от других элитных групп. Французские политики, вопреки существующему мнению, не являются выходцами из «буржуазных кругов» (Хартман 2012: 15). В политику люди приходят из различных социальных ореалов, неодинаковы их пути восхождения на политический Олимп. Под влиянием институциональных факторов социальный состав французской элиты меняется. Поправки к Конституции (1999) и законы о равном доступе женщин и мужчин к выборным постам привели к росту численности женщин-политиков. Доля женщин в Сенате в 2015 г. составила 26,3%, в Национальном собрании — 26,8%. В наибольшей степени феминизация затронула уровень местной и региональной элиты. В региональных и муниципальных собраниях доля женщин равна, соответственно, 47,6% и 35% (2008) (En politique 2008). Изменения в ближайшие годы произойдут и в связи с запретом на сов-

мещение выборных мандатов с исполнительной властью. Закон призван разрушить механизм непрерывного пребывания элит у власти. Однако политическая реальность более сложная: *«Элита не поменяется, но произойдет перераспределение постов и должностей»*, — отмечает в этой связи респондент. Есть все основания полагать, что французские политики успешно адаптируются к изменяющейся институциональной среде и найдут способы сохранения элитного статуса.

Сдвиги в составе французской политической элиты будут неизбежно происходить и в связи с политическими изменениями и, в частности, ростом влияния крайне правого Национального фронта. Партия одержала убедительную победу в ходе муниципальных и европейских выборов. Осенью 2015 г. опросы общественного мнения предсказывали, что она может одержать серьезные успехи на запланированных на декабрь этого года региональных и президентских выборах 2017 г.

Карьера политика, как мы смогли в этом убедиться, не требует легитимации посредством диплома «большой школы». В составе Национального собрания 25% депутатов имели юридическое образование и диплом доктора юридических наук, 15,8% — диплом престижного Парижского института политических наук, 4,8% — диплом ЭНА (Rouban 2011: 28, 31). Учитывая растущую профессионализацию политической деятельности, можно предположить, что в перспективе в составе политической элиты вырастет доля выпускников юридических факультетов и специалистов в области коммуникации. В свою очередь диверсификация дипломов скорее всего скажется на увеличении доли политиков, имеющих диплом коммерческой школы¹.

Несмотря на социальные, образовательные и иные различия, французских политиков многое объединяет. Речь идет о таких консолидирующих моментах, как верность республиканскому пакту, соблюдение принципов светского гуманизма, готовность защищать ценности Республики и права человека. К базовым ценностям следует добавить и те рамочные установки, которые утвердились в сознании французской политической элиты в последнее десятилетие. Речь идет о правах меньшинств, политической корректности. Ценности «эгалитарного гуманизма», новый взгляд на проблемы морали первоначально получили распространение среди сторонников левых партий. Именно ФСП с середины 1980-х годов выступала против дискриминации гей-сообщества,

¹ В 2007 г. ими обладали 5% народных избранников. (Ibid. P. 30).

за легализацию однополых браков. На сегодняшний день политические элиты в большинстве своем разделяют эти идеи, независимо от партийной принадлежности. Чтобы войти в состав элиты, говорит член престижного клуба, надо разделять экологические установки, быть политически умеренным и корректным в вопросах культуры (Montalembert, Van der Plaetsen 2010).

Работа в институтах власти требует от элиты придерживаться определенных правил поведения. В не меньшей степени политическую элиту объединяют неформальные сети, где ее представители общаются в свободное время. В условиях кризиса роль неформальных объединений возрастает. В близком социальном окружении люди чувствуют себя защищенными, встречают поддержку и понимание, отмечают авторы, проводившие исследование в привилегированных клубах Парижа (Montalembert, Van der Plaetsen 2010).

Традиционно французская элита создавалась государством. В современной Франции государство и политические партии превратились в конкурирующие механизмы формирования элит. Победившая на парламентских выборах партия не только получает право сформировать правительство, но и обновляет высший слой государственных чиновников. В результате меняются отношения между административной и политической элитами, происходит политизация государственной службы. Административную и политическую элиту многое сближает. Во Франции политики ориентированы на длительное пребывание в элитном статусе. Складывается впечатление, что выстраивая собственную карьеру, они избрали в качестве модели государственную службу с характерным для нее гарантированным статусом. В свою очередь французские государственные служащие становятся политиками, сохраняя при этом все привилегии своего статуса. Вряд ли можно ожидать, что в ближайшем будущем статус государственных служащих изменится, и они станут такими же гражданами, как все остальные, поскольку они составляют костяк Национального собрания.

В последние десятилетия во Франции политика превратилась в профессию. Укорененность в аппарате партии для политика становится важнее локальной укорененности. Внутри партий образуется *«каста несменяемых»*, основная цель которых — обеспечить собственное переизбрание. Французское общество болезненно реагирует на профессионализацию политики: большинство французов (58%) полагают, что это негативное явление (Gallaud, Lemel 2006: 310). Парадокс состоит

в том, что в среде политиков ценность работы на местах утрачивается, в то время как именно к политикам низового уровня (муниципальные советники, мэры) рядовые граждане испытывают наибольшее доверие. Наряду с аппаратными политиками выросло влияние ближайшего окружения политиков — их советников, пресс-атташе, членов секретариата. Причем, эта тенденция отчетливо просматривается на всех уровнях власти от мэрии до президентского дворца.

Несмотря на наметившиеся сдвиги, вряд ли уместно говорить, что французской национальной модели элиты больше не существует. Применительно к французской политической элите она имеет свою специфику. По своему характеру эта модель вертикальная: важнейшие решения, включая карьерные, принимаются «наверху» партийным руководством, либо, если партия находится у власти, в Елисейском дворце. А. Моруа писал: «Все великие люди провинции получают признание только в Париже» (Моруа 2001: 9). Это утверждение имеет прямое отношение к нашей теме: формирование политической элиты происходит в Париже. Для централизованного государства это закономерное явление. Париж — историческая столица Франции, город, где принимаются жизненно важные для страны решения, где сконцентрированы политические, интеллектуальные, финансовые ресурсы страны.

Сложившаяся модель рекрутирования элит, характер принятия кадровых решений, профессионализация политической деятельности обеспечили большую стабильность индивидуальных карьер, но ослабили французскую политику. Для современной Франции, считают специалисты, характерен глубокий кризис политического представительства (*Perrineau 2007*). Подавляющее большинство французов не испытывают доверия к политическим институтам: 92% не доверяют партиям (*Fractures françaises 2013*), 72% — Национальному собранию, 73% — Сенату (*Fractures françaises 2014*). Невысокого мнения французы о политической элите: они считают, что политики коррумпированы (62%) и действуют в своих интересах (82%) (*Fractures françaises 2013*).

Перед современной Францией стоит целый ряд серьезных проблем: как «республику партийных функционеров» превратить в открытое общество, как восстановить работу социального лифта, оживить партийную жизнь, восстановить доверие граждан к политическим институтам, а сами институты превратить в органы подлинного демократического представительства. Без ответа на поставленные вопросы Франции

будет трудно решить проблемы, связанные с вызовами глобализации, поиском нового места в мировой политике, а главное — придать французам уверенность в будущем и восстановить доверие к собственной стране.

ЛИТЕРАТУРА

- Голль де Ш.* Острые шпаги. М.: Изд-во «Европа», 2006.
- Жискар д'Эстен В.* Власть и жизнь. М.: Межд. отношения, 1990. С. 24.
- Конституция Французской республики 1958 г. URL: http://www.conseil-constitutionnel/root/bank_mm/constitution/constitution_russe_version_aout2009.pdf (дата обращения: 25.06.2013).
- Лапина Н.Ю. Восприятие России в современной Франции: формирование внешнеполитических образов // Актуальные проблемы Европы. М., 2015. № 2. С. 151-176.
- Лапина Н. Политическая элита Франции: мотивация, карьерные траектории, профессия политика в начале XXI в. // Политическая элита Франции: мотивация, карьерные траектории, профессия политика в начале XXI в. // Власть и элиты / Гл. ред. А.В. Дука. Т. 1. СПб.: Интерсоцис, 2014. С. 137-160.
- Миласич С. Франция-Россия: Сходства и различия // Политические институты России и Франции: Традиции и современность / Отв. ред. Ефременко Д.В., Лапина Н.Ю. — М.: ИНИОН РАН, 2014. С. 15-34.
- Моруа А. Эссе. М.: Согласие, 2001.
- Токвиль А. де. Старый порядок и революция. М.: Московский философский фонд, 1997.
- Хартманн М. Модели образования элит в Европе // Властные структуры и группы доминирования: Материалы десятого Всероссийского семинара «Социологические проблемы институтов власти в условиях российской трансформации» / Под. ред. А.В. Дуки. СПб.: Интерсоцис, 2012. С. 10-39.
- Чурикова А.Е., Лапина Н.Ю. Женщина на высших этажах власти. Российские практики и французский опыт. М.: ИС РАН, 2009. (Информационно-аналитический бюллетень Института социологии РАН. 2009. № 3.).
- Bernstein S. Nature et fonction des cultures politiques, in: *Les cultures politiques en France*, sous la dir. de S. Bernstein. Paris: Seuil, 1999, pp. 11-36.
- Birnbaum P. *Les sommets de l'Etat. Essai sur l'élite du pouvoir en France*. Paris: Seuil, 1994.
- Bourdieu P. La noblesse d'Etat: grandes écoles et esprit de corps. Paris: Ed. de Minuit, 1989.
- Bourdieu P., Passeron J.-Cl. *La reproduction: Eléments d'une théorie du système d'enseignement*. Paris: Ed. de Minuit, 1970.
- Dati R., Ascolovitch Cl. *Je vous fais juges*. Paris: Bernard Grasset, 2007.
- De Gaulle et les élites, sous la dir. de S. Bernstein, P. Birnbaum, J.-P. Rioux. Paris: La Découverte, 2008.

En politique, les femmes ont encore mauvais genre, Observer les inégalités, 2008, 20 novembre. URL: <http://www.inegalites.fr/spip.php?article953> (дата обращения: 18.07.2012).

Enorme: BHL à la télé ukrainienne. 12 août 2014. URL: www.les-crisis.fr/enorme-bhl-a-la-tele-ukrainienne (дата обращения: 18.08.2014).

Femmes et pouvoir exécutif dans le monde. 2014. URL: http://centre-histoire.sciences-po.fr/centre/groupes/femmes_politiques.html (дата обращения: 12.09.2014).

Formerly S.-L. La Constitution commentée article par article. 15-ème éd. Paris: Hachette, 2012.

Fractures françaises 2013 — vague 1. URL: <http://www.cevipof.com/fr/france-2013-les-nouvelles-fractures/resultats> (дата обращения: 17.07.2014).

Fractures françaises 2014 — vague 2. URL: <http://www.cevipof.com/fr/france-2013-les-nouvelles-fractures/fractures-francaises-2014-vague-2> (дата обращения: 17.07.2014).

Gallaud P., Lemel Y. La société française. Pesentiers et mutations: le bilan. Paris: Armand Colin, 2006.

Joly H. Les élites politiques: regard croisé sur le cas français, in: Formation des élites en France et en Allemagne, sous la dir. de H. Joly. Paris: CIRAC, 2005, pp. 149-167.

La trahison des élites françaises: et à part de tempêtes politiques stériles, de quoi nous parle-t-on? URL: <http://www.atlantico.fr/decryptage/trahison-elites-francaises-et-par-tempetes-politiques-steriles-auoi-parle-t-on-corinne-lepage-michel-foesse-michel-maffesoli-1018456.html#SjFB7r6tyDWR75uH.99> (дата обращения: 16.07.2014).

Lacouture J. Paroles de présidents. Paris: Dalloz, 2012.

Le plafond des maires, Express, 2014, 21-17 mai, 3281, p. 86-88.

Le Point. Paris, 2009. 16 oct.

Les cultures politiques en France, sous la dir. de S. Bernstein. Paris: Sueil, 1999.

Lionel raconte Jospin. Le sens d'une vie, entretien avec P. Favier et P. Rotman. Paris: Sueil, 2010.

Mayaffre D. Nicolas Sarkozy: Mesure et démesure du discours (2007-2012). Paris: Sciences Po, 2012.

Montalembert de G., Van der Plaetsen J.-R. Enquête sur les cercles et les lieux de pouvoir, Figaro Magazine, 2010, 29 avril, pp. 80-89.

Oger C. Le façonnage des élites de la République. Culture générale et haute fonction publique. Paris: Presses de Sciences-Po, 2008.

Perrineau P. La crise de la représentation politique, in: La politique en France et en Europe, sous la dir. de P. Perrineau et L. Rouban. Paris: Presses des Sciences Po, 2007, pp. 11-34.

Qu'est-ce que la France, sous la dir. de A. Finkelkraut. Paris: Stock/Panama, 2007.

Radiographie des députés français sur le Twitter. [8.09.2013-21.12.2013] URL: <http://www.augure.com/wp-content/uploads/2014/04/radiographie-deputes-francais-twitter.pdf> (дата обращения: 11.07.2014).

Rouban L. La politique par le haut. Les entourages de l'exécutif de Nicolas Sarkozy à François Hollande. Paris: CEVIPOF, avril 2015. URL: http://www.cevipof.com/fichier/p_publication/1291/publication_pdf_note.luc.rouban.avril.2015.pdf (дата обращения: 8.05.2015) [2015a].

Rouban L. Le Conseil d'Etat. 1958-2008. Sociologie d'un grand corps, Les Cahiers de CEVIPOF, 2008, 49, pp. 1-118.

Rouban L. Le nouveau pouvoir urbain en 2014: les maires des villes de plus de 30000 habitants. 2014. URL: http://www.cevipof.com/fichier/p_publication/1214/publication_pdf_noterouban_4.1_pdf (дата обращения: 8.08.2014).

Rouban L. Les sommets de l'exécutif urbain: les maires des villes de plus de 30000 habitants entre 1983 et 2014, Revue française d'administration publique, 2015, 2, pp. 377-390. [2015b].

Rouban L. Sociologie politique des députés de la V-e République, 1958-2007, Cahiers du CEVIPOF, 2011, 55, pp. 1-99.

Rouban L. Vers l'Etat impartial ?, Cahiers français, 2012, 370, pp. 52-56.

Sarkozy N. Le discours d'investiture, 14 janvier 2007. URL: http://www.lemonde.fr/societe/article/2007/01/15/le-discours-de-nicolas-sarkozy_855369_3224.html (дата обращения: 12.02.2013).

Suleiman E. L'administrateur et le député en France, Revue française de science politique, 1973, 23 (4), pp. 729-757.

Suleiman E. L'élite aurait intérêt à s'ouvrir plus, Le Monde, 2013, 23 août.

Suleiman E. Les schisphrénies françaises. P.: Grasset, 2008.

Vasconcellos M., Daniel C. Education: Grandes tendances, in: L'état de la France, 2011-2012. Paris: La Découverte, 2011, pp. 58-65.

Veltz P. Faut-il sauver les grandes écoles? De la culture de la sélection à la culture de l'innovation. Paris: Sciences Po, 2007.

REFERENCES

Bernstein S. Nature et fonction des cultures politiques, in: Les cultures politiques en France, sous la dir. de S. Bernstein. Paris: Seuil, 1999, pp. 11-36.

Birnbaum P. Les sommets de l'Etat. Essai sur l'élite du pouvoir en France. Paris: Seuil, 1994.

Bourdieu P. La noblesse d'Etat: grandes écoles et esprit de corps. Paris: Ed. de Minuit, 1989.

Bourdieu P., Passeron J.-Cl. La reproduction: Eléments d'une théorie du système d'enseignement. Paris: Ed. de Minuit, 1970.

Chirikova A.E., Lapina N.Yu. Zhenschina na vysshih etazhah vlasti. Rossiyskie praktiki i frantsuzskiy opyt [Chirikova A. Ye., Lapina N. Yu. A woman at the top

levels of government. Russian practices and French experience], Moscow: IS RAN, 2009. (In Russian).

Konstitutsiya Frantsuzskoy respubliki 1958 [Constitution of the French Republic, 1958], URL: http://www.conseil-constitutionnel/root/bank_mm/constitution/constitution_russe_version_aout2009.pdf (available 25.06.2013). (In Russian).

Dati R., Ascolovitch Cl. Je vous fais juges. Paris: Bernard Grasset, 2007.

De Gaulle et les élites, sous la dir. de S. Bernstein, P. Birnbaum, J.-P. Rioux. Paris: La Découverte, 2008.

En politique, les femmes ont encore mauvais genre, Observer les inégalités, 2008, 20 novembre. URL: <http://www.inegalites.fr/spip.php?article953> (available: 18.07.2012).

Enorme: BHL à la télé ukrainienne. 12 août 2014. URL: www.les-crises.fr/enorme-bhl-a-la-tele-ukrainienne (available: 18.08.2014).

Femmes et pouvoir exécutif dans le monde. 2014. URL: http://centre-histoire.sciences-po.fr/centre/groupes/femmes_politiques.html (available: 12.09.2014).

Formerly S.-L. La Constitution commentée article par article. 15-ème éd. Paris: Hachette, 2012.

Fractures françaises 2013 — vague 1. URL: <http://www.cevipof.com/fr/france-2013-les-nouvelles-fractures/resultats> (available: 17.07.2014).

Fractures françaises 2014 — vague 2. URL: <http://www.cevipof.com/fr/france-2013-les-nouvelles-fractures/fractures-francaises-2014-vague-2> (available: 17.07.2014).

Gallaud P., Lemel Y. La société française. Pesentiers et mutations: le bilan. Paris: Armand Colin, 2006.

Goll de Sh. Ostrie shpagi [*Gaulle C. de.* The Edge of the Swor], Moscow: Evropa, 2006. (In Russian).

Zhiskar d'Esten V. Vlast i zhizn [*Giscard d'Éstaing V.* Power and Life], Moscow: Mezhdunarod. otnosheniya, 1990. (In Russian).

Hartmann M. Modeli obrazovaniya elit v Evrope // Vlastnyie struktury i gruppyi dominirovaniya: Materialyi desyatogo Vserossiyskogo seminaru «Sotsiologicheskie problemyi institutov vlasti v usloviyah rossiyskoy transformatsii» [*Hartmann M.* Models of the education of elites in Europe, in: Power Structures and Dominating Groups], ed. by A.V. Duka. Saint Petersburg: Intersotsis, 2012, pp. 10-39. (In Russian).

Joly H. Les élites politiques: regard croisé sur le cas français, in: Formation des élites en France et en Allemagne, sous la dir. de H. Joly. Paris: CIRAC, 2005, pp. 149-167.

La trahison des élites françaises: et à part de tempêtes politiques stériles, de quoi nous parle-t-on? URL: <http://www.atlantico.fr/decryptage/trahison-elites-francaises-et-par-tempetes-politiques-steriles-auoi-parle-t-on- corinne-lepage-michal-foesse-michel-maffesoli-1018456.html#SjFB7r6tyDWR75uH.99> (available: 16.07.2014).

Lacouture J. Paroles de présidents. Paris: Dalloz, 2012.

Lapina N. Politicheskaya elita Frantsii: motivatsiya, karernyye traektorii, professiya politika v nachale XXI v. // Politicheskaya elita Frantsii: motivatsiya, karernyye traektorii, professiya politika v nachale XXI v. // Vlast i elityi [*Lapina N.* Political elite of France in the beginning of the XXI century: motivations, career paths and vocation, in: Power and Elites], ed. by A. Bystrova, A. Duka, D. Tev. Vol. 1. St. Petersburg: Intersotsis, 2014, pp. 137-160. (In Russian).

Lapina N.Yu. Vospriyatie Rossii v sovremennoy Frantsii: formirovanie vneshnepoliticheskikh obrazov // Aktualnyye problemy Evropyi [*Lapina N. Yu.* The perception of Russia in contemporary France: the formation of foreign policy images, Actual problems of Europe], 2015, 2, pp. 151-176. (In Russian).

Le plafond des maires, Express, 2014, 21-17 mai, 3281, p. 86-88.

Le Point. Paris, 2009. 16 oct.

Les cultures politiques en France, sous la dir. de S. Bernstein. Paris: Sueil, 1999.

Lionel raconte Jospin. Le sens d'une vie, entretien avec P. Favier et P. Rotman. Paris: Seuil, 2010.

Morua A. Esse [*Maurois A.* Essays], Moscow: Soglasiye, 2001. (In Russian).

Mayaffre D. Nicolas Sarkozy: Mesure et démesure du discours (2007-2012). Paris: Sciences Po, 2012.

Milasich S. Frantsiya-Rossiya: Shodstva i razlichiya // Politicheskie institutyi Rossii i Frantsii: Traditsii i sovremennost [*Milacic S.* France and Russia: similarities and differences, in: Political Institutions of Russia and France: traditions and modernity], ed. by D.V. Yefremenko and N.Yu. Lapina. Moscow: INION RAN, 2014, pp. 15-34. (In Russian).

Montalembert de G., Van der Plaetsen J.-R. Enquête sur les cercles et les lieux de pouvoir, Figaro Magazine, 2010, 29 avril, pp. 80-89.

Oger C. Le façonnage des élites de la République. Culture générale et haute fonction publique. Paris: Presses de Sciences-Po, 2008.

Perrineau P. La crise de la représentation politique, in: La politique en France et en Europe, sous la dir. de P. Perrineau et L. Rouban. Paris: Presses des Sciences Po, 2007, pp. 11-34.

Qu'est-ce que la France, sous la dir. de A. Finkielkraut. Paris: Stock/Panama, 2007.

Radiographie des députés français sur le Twitter. [8.09.2013-21.12.2013] URL: <http://www.augure.com/wp-content/uploads/2014/04/radiographie-deputes-francais-twitter.pdf> (available: 11.07.2014).

Rouban L. La politique par le haut. Les entourages de l'exécutif de Nicolas Sarkozy à François Hollande. Paris: CEVIPOF, avril 2015. URL: http://www.cevipof.com/fichier/p_publication/1291/publication_pdf_note.luc.rouban.avril.2015.pdf (available: 8.05.2015) [2015a].

Rouban L. Le Conseil d'Etat. 1958-2008. Sociologie d'un grand corps, Les Cahiers de CEVIPOF, 2008, 49, pp. 1-118.

Rouban L. Le nouveau pouvoir urbain en 2014: les maires des villes de plus de 30000 habitants. URL: [http:// www.cevipof.com/fichier/p_publication/1214/publication_pdf_noterouban.4.1.pdf](http://www.cevipof.com/fichier/p_publication/1214/publication_pdf_noterouban.4.1.pdf) (available: 8.08.2014).

Rouban L. Les sommets de l'exécutif urbain: les maires des villes de plus de 30000 habitants entre 1983 et 2014, *Revue française d'administration publique*, 2015, 2, pp. 377-390. [2015b].

Rouban L. Sociologie politique des députés de la V-e République, 1958-2007, *Cahiers du CEVIPOF*, 2011, 55, pp. 1-99.

Rouban L. Vers l'Etat impartial ?, *Cahiers français*, 2012, 370, pp. 52-56.

Sarkozy N. Le discours d'investiture, 14 janvier 2007. URL: http://www.lemonde.fr/societe/article/2007/01/15/le-discours-de-nicolas-sarkozy_855369_3224.html (available: 12.02.2013).

Suleiman E. L'administrateur et le député en France, *Revue française de science politique*, 1973, 23 (4), pp. 729-757.

Suleiman E. L'élite aurait intérêt à s'ouvrir plus, *Le Monde*, 2013, 23 août.

Suleiman E. Les schisphrénies françaises. P.: Grasset, 2008.

Tokvil A. de. Staryiy poryadok i revolyutsiya [Tocqueville A. de. The Old Regime and the Revolution], Moscow: Moscow Philosophical Foundation, 1997. (In Russian).

Vasconcellos M., Daniel C. Education: Grandes tendances, in: *L'état de la France*, 2011-2012. Paris: La Découverte, 2011, pp. 58-65.

Veltz P. Faut-il sauver les grandes écoles? De la culture de la sélection à la culture de l'innovation. Paris: Sciences Po, 2007.

Малинова О.Ю

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ДРУГОГО В СИМВОЛИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ: НА ПРИМЕРЕ ССЫЛОК НА США И КНР В РИТОРИКЕ ПРЕЗИДЕНТОВ РФ (2000-2015)¹

В статье представлены результаты исследования практики использования образов США и Китая, проведенного на материале выступлений президентов РФ с 2000 по 2015 г. Целью анализа было выявить и классифицировать основные фреймы репрезентации Американского и Китайского Другого, а также проследить динамику их использования в контексте легитимации политического курса. Анализ показал, что образы Американского и Китайского Другого — это символический ресурс, которым президенты РФ достаточно активно пользуются в указанном контексте. Автор заключает, что несмотря на очевидное различие оценок (Китайский Другой чаще упоминается в позитивном смысле, чем Американский), образ Китайского Другого почти не несет «экзистенциальной» нагрузки. В его репрезентации активно используется стратегия десекьюритизации. Напротив, Американский Другой, несмотря на то, что он часто представляется с негативной оценкой и в качестве угрозы Нашей безопасности, сохраняет значительный «экзистенциальный» потенциал.

Ключевые слова: *Значимый Другой, США, Китай, легитимация, президент.*

Рассуждения о Значимых Других — внешних по отношению к Нам группах, в диалогическом сопоставлении с которыми формируется коллективная идентичность — играют заметную роль в коммуникации по поводу оправдания и критики текущего политического курса. По-видимому, это не случайно. Такие группы (в нашем случае — макрополитические сообщества, «стоящие за» другими государствами) «значимы» не только в качестве потенциальных противников/врагов или партнеров/друзей на международной арене, но и носителей социального или политического опыта, обеспечившего их «успех» и способного служить ориентиром для определения пути развития России. Иными

¹ Исследование проводится при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, грант № 14-03-00490а.

словами, как верно подметил Г.Г. Дилигенский, функция Значимых Других в политическом дискурсе двояка: в их образах следует различать «внешнеполитическую» (прагматическую) составляющую, связанную с состоянием меняющейся внешней среды, в которой существует и развивается российское общество, и «экзистенциальную» составляющую, связанную с проблематикой цивилизационного самоопределения и оценкой пригодности опыта Другого в качестве образца для подражания (Дилигенский 2002: 86-88). Оба аспекта играют важную роль в политических дискуссиях, выступая в качестве предмета консенсуса или разногласий. Вместе с тем, между ними существует очевидная связь, которая теоретически должна была бы побуждать участников политического дискурса к увязыванию этих аспектов образа Другого в разных контекстах. Однако известно, что на практике идеологические позиции политических акторов далеко не всегда последовательны. Обнаруживающиеся в них «неувязки» могут служить ключом к пониманию отношений символической власти, обеспечивающих гегемонию определенных представлений о мировом политическом порядке. Поэтому изучение способов репрезентации Значимых Других в контексте оправдания и оспаривания политического курса не только пополняет наши знания о конструировании коллективных идентичностей, но и позволяет выявить механизмы функционирования последних в политическом контексте. Одновременно такое исследование помогает понять особенности представлений о Значимых Других, разделяемые различными сегментами политических элит и предположительно мотивирующие принимаемые ими решения. Другими словами, практика риторического использования Значимого Другого может рассматриваться как часть символической политики — деятельности, связанной с производством и продвижением различных способов видения социальной реальности (Малинова 2012).

Проблема Другого чаще всего рассматривается в контексте конструирования коллективных идентичностей — прежде всего, национальных/макрополитических и этнических. Это одна из классических проблем теоретической социологии и философии. Вместе с тем, имеется немало количество эмпирических работ, посвященных фактору Другого, написанных в рамках культурной антропологии (Ethnic Groups ... 1969; Said 2003; Grammars...2004 и др.), политической географии (Вульф 2003; Johnson, Coleman 2012), исследований национализма (Triandafyllidou 1998) и международных отношений (Нойманн 2004;

Норф 2002; Морозов 2009; Tekin 2010 и др.). При этом внимание исследователей сосредоточено преимущественно на роли Другого в формировании и изменении представлений о Нас. В меньшей степени изучены механизмы функционирования представлений о Других в качестве одного из факторов, определяющих восприятие социальной действительности и принятие политических решений (более полный обзор см.: Малинова 2015). Представляется интересным, опираясь на исследования формирования образов государств, а также существующие методики выявления дискурсивных стратегий репрезентации Нас и Других, посмотреть, как образы Значимых Других используются в контексте символической борьбы за легитимацию/делегитимацию власти. Предлагаемая схема позволяет эмпирически исследовать связи между внутренней и внешней политикой, способствуя тем самым преодолению издержек «разделения труда», сложившегося в политических науках.

Традиционно в качестве «главного» Значимого Другого для русской/советской/российской идентичности выступал «Запад» (объем данного понятия варьируется в зависимости от контекста; со второй половины XX века США воспринимаются в качестве «главного» представителя «Запада»). Неудивительно, что существует богатая традиция рефлексии отношения России к этому Значимому Другому, внутри которой сложились идеологические водоразделы, до сих пор определяющие структуру российского политического спектра. Однако в этой формуле был и третий элемент — «Восток», в воображении которого российская элита в XIX в. устойчиво следовала европейской парадигме ориентализма (Said 2003). В XX веке «формулы соотнесения» с Западным и Восточным Другим, сложившиеся в предыдущем столетии, неоднократно подвергались пересмотру (Норф 2002: Ch. 3, 4; Лукин 2007). Изменения в международной системе, последовавшие после завершения холодной войны, побуждают к дальнейшей трансформации системы координат, в которой конструируется российская идентичность, и в частности — к переоценке значения Китая. Бурный экономический рост этой страны в последние десятилетия заставляет рассматривать ее не только как пример успешной модернизации по «незападной» модели, но и как возвышающуюся великую державу, которая в перспективе может стать источником угроз для России.

Таким образом, США и Китай могут рассматриваться в качестве Других, значимых для самоопределения российских политических элит, как во «внешнеполитическом», так и в «экзистенциальном» аспек-

те. Данное обстоятельство делает практику использования их образов удобным объектом для анализа дискурсивных эффектов, возникающих при обсуждении текущего политического курса в публичном пространстве, и в частности для анализа дискурсивных стратегий различных политических акторов.

Предлагаемая статья представляет собой результат исследования практики использования образов США и Китая в контексте легитимации политического курса, проведенного на материале выступлений президентов РФ с 2000 по 2015 г. В рассматриваемый период российско-американские и российско-китайские отношения существенно менялись, причем в разных векторах. Если отношения с США переживали взлеты (после террористических атак 11 сентября 2001 г. и в результате «перезагрузки» в 2009-2010 гг., после избрания президентом Б. Обамы) и падения (наиболее значительные — в период «августовской» войны в Грузии и «украинского кризиса 2014-2015 гг.), то сотрудничество с Китаем постепенно развивалось в направлении «стратегического партнерства», которое приобрело для России особую значимость после присоединения Крыма и охлаждения отношений с западными странами. Это обстоятельство дает возможность проследить диалектику экзистенциальной и прагматической составляющей образов Другого.

Поскольку предметом изучения было использование Американского и Китайского Другого во внутривнутриполитическом контексте, материалом для анализа послужили выступления президентов Д.А. Медведева и В.В. Путина на мероприятиях, предполагавших диалог с другими российскими политиками — заседаниях Государственного Совета, встречах с представителями фракций Государственной Думы и непарламентских партий, а также стенограммы «прямых линий» и «больших» ежегодных пресс-конференций В.В. Путина российским СМИ, доступные на сайте «Президент России» (<http://www.kremlin.ru/>). Эти форматы играли важную роль в легитимации текущего политического курса и широко освещались СМИ. Все тексты, отвечающие критерию темы (обсуждение внутренней или внутренней и внешней политики) и формата (диалог, предполагающий спонтанную реакцию), были подвергнуты предварительному контент-анализу, в результате которого были отобраны стенограммы, содержавшие упоминания о США, американских политиках, американцах и/или КНР, китайских политиках, китайцах. Такие отсылки были обнаружены в 58% текстов, отвечающих критериям темы и формата, что свидетельствует о достаточно высокой

востребованности семантического репертуара этих Значимых Других в качестве риторического ресурса. В общей сложности было проанализировано 11 стенограмм, относящихся к первому президентскому сроку В.В. Путина, 12 — ко второму, 16 — датированных периодом президентства Д.А. Медведева и 17 — за первые три года третьего срока В.В. Путина (с мая 2012 по июнь 2015 г.).

Целью анализа было выявить и классифицировать основные фреймы¹ репрезентации Американского и Китайского Другого, а также проследить динамику их использования в указанном контексте.

Анализ фреймов осуществлялся методом качественного контент-анализа, процедура которого состояла из двух этапов. На первом этапе индуктивным путем на основе ограниченной выборки стенограмм был сформирован первоначальный список фреймов, который был затем обобщен на основе пяти критериев: 1) объект(ы) характеристики / оценки (Другой вне прямого сопоставления с Нами, отношение Другого к Нам, Наше отношение к Другому, сравнение Нас и Другого), 2) нормативные основания оценки (нормы, разделяемые Нами и Другим; формально разделяемые, но по-разному интерпретируемые нормы; несогласие с нормами Другого), 3) оценка Другого (позитивная, нейтральная, негативная), 4) установка, исходя из которой производится оценка (ценностная или прагматическая), 5) связь с Нашей безопасностью (негативная, позитивная, отсутствует). В результате был получен список из 25 фреймов (см. табл. 1), на основе которого на втором этапе производилось кодирование основного массива текстов. В качестве единицы анализа выступал связный фрагмент текста, смысл которого соответствует критериям одного из выделенных фреймов. Если разные части одного и того же предложения содержали признаки нескольких фреймов, их кодирование производилось последовательно. Выделенные таким образом фреймы подсчитывались, что позволило сравнивать практику их использования, и анализировались методами дискурса-анализа.

¹ Этим термином принято обозначать устойчивые когнитивные структуры, которые обеспечивают метакоммуникативное определение ситуации, задавая смысловые рамки для ее репрезентации и понимания. Апелляция к опыту Другого в контексте легитимации политического курса выполняет ожидаемую функцию за счет сопряжения разделяемых представлений о Другом с конкретными фреймами.

Проделанный нами анализ показывает, что образы Американского и Китайского Другого — это символический ресурс, которым президенты РФ достаточно активно пользуются, объясняя и обосновывая реализуемый ими политический курс, в том числе и в режиме диалога с другими российскими политиками и рядовыми гражданами. Вместе с тем, имеются очевидные различия в выборе смысловых рамок их репрезентации (см. табл. 1).

Американский Другой упоминается в рассмотренных нами президентских выступлениях почти в 4 раза чаще, чем Китайский (нам удалось выделить 255 связанных фрагментов, посвященных США, американским политикам и американцам и 68 — КНР, китайским политикам и китайцам). По-видимому, это следствие не только значимости США в качестве партнера, но и большей насыщенности репертуара смыслов, связываемых с Американским Другим (для его характеристики применяются все 25 выделенных нами фреймов, тогда как в отношении Китайского Другого — лишь 16). При этом Китайский Другой оценивается более позитивно, нежели Американский (см. рис.1).

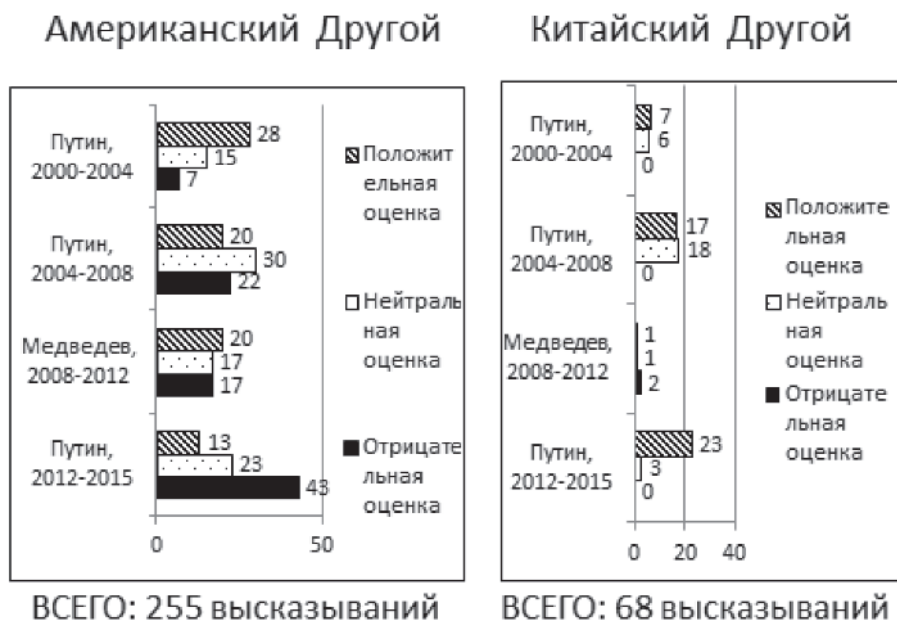

Рис. 1. Репрезентации Американского и Китайского Другого в выступлениях В.В.Путина и Д.А.Медведева (2000-2015 гг.)

Имеются также заметные различия между периодами, которые можно объяснить не только эволюцией отношений с США и КНР, но и персональными особенностями риторики В.В. Путина и Д.А. Медведева. Последний был менее склонен сравнивать Россию с внешними Другими, однако чаще прибегал к сравнениям с отечественным прошлым (См. Malinova 2013: 86). В контексте обоснования собственного политического курса Медведев больше использовал пример США (в положительном или критическом смысле, см. фреймы 1 и 15 в табл. 1), и существенно меньше — пример КНР. Однажды он прямо заявил, что не готов рассматривать китайский опыт как модель для России¹.

Наш анализ выявил некоторые особенности использования выделенных нами фреймов. Как уже отмечалось, упоминания об Американском Другом в дискуссиях о российской политике гораздо более часты: он систематически представляется в качестве примера, которому стоит следовать (фрейм 1 в табл. 1²), а также критерия оценки Нашей практики или достигнутых результатов (фрейм 2 в табл. 1). В случае Китайского Другого эти фреймы встречаются существенно реже. Кроме того, опыт США гораздо чаще представляется в качестве аргумента для оправдания российских политических практик (фрейм 3 в табл. 1). Например, В.В. Путин неоднократно аргументировал необходимость принятия поправок в закон об общественных организациях, обязывающих НКО, которые получают иностранное финансирование, регистрироваться в качестве «иностранцев», ссылаясь на аналогичный американский закон. Во время многочасовой пресс-конференции в декабре 2012 г. он говорил: «В США этот закон действует с 1938 года, и не только действует, потому что он был принят в борьбе с нацистской угрозой, сегодня нет никакого нацизма, а он действует, реально применяется в том числе и к нашим организациям, которые пытаются там

¹ В 2010 г., выступая на Ярославском форуме, Медведев сказал: «У нас очень хорошие отношения с Китайской Народной Республикой. Как принято обычно говорить, это отношения стратегического партнёрства. Но у них [КНР] свой путь. Я думаю, что для России этот путь невозможен, и не только сейчас, но он был невозможен и 20 лет назад, когда мы выбирали свою общественную модель, в силу разных причин: исторических, ментальных, экономических. Мы просто не могли пойти по такому пути» (Встреча... 2010).

² Характерно, что даже в контексте ухудшения российско-американских отношений этот фрейм продолжает играть заметную роль в президентском дискурсе.

наладить какую-то работу, в Соединённых Штатах Америки. Примеры есть буквально месячной давности. Почему мы такого себе не можем позволить? И что здесь недемократичного?» (Путин 2012а). В этом и других случаях ссылки на опыт Другого служат для подтверждения «нормальности» российских политических практик. Однако США оказываются в этом отношении более удобным объектом соотнесения, нежели Китай. Единственный в нашей выборке случай использования фрейма 3 применительно к китайскому Другому имел место на той же пресс-конференции: возражая своим виртуальным критикам, Путин доказывал преимущества политической стабильности, апеллируя к опыту Китая: «Как бы там ни ругали политическую систему в Китае, а деньги туда идут и прежде всего, потому что там стабильно, потому что инвесторы знают, что они могут рассчитывать, что в ближайшие 5—10—15 лет их деньги не растворятся в результате каких-то политических потрясений, это важнейшее условие стабильности» (Там же). Примечательно, что российский лидер счел нужным оговориться: «Это не значит, что мы должны сделать такую же систему, как в Китае, но стабильность мы должны обеспечить, как обязательное условие развития...» (Там же).

Разумеется, принципы, которых придерживается Американский Другой, систематически подвергаются критике, а его поведение характеризуется как недружественное, несущее угрозу для России (для характеристики Китайского Другого эти фреймы не используются). При этом в плоскости безопасности рассматриваются не только решения США о размещении системы противоракетной обороны в Восточной Европе, но и действия американских властей, которые «не дают нам никакого доступа [к усыновленным российским детям], а ведут себя вызывающе и надменно» и «принимают решения, которые нам кажутся юридически необоснованными в отношении тех, кто, на взгляд наших экспертов, совершил очевидные правонарушения в отношении усыновлённых детей» (Стенографический отчёт... 2012). Напротив, среди упоминаний о Китае можно выделить высказывания, опровергающие якобы исходящие от него угрозы («рост китайской экономики — отнюдь не угроза, а вызов, несущий в себе колоссальный потенциал делового сотрудничества, шанс поймать «китайский ветер» в «паруса» нашей экономики»; «своим поведением на мировой арене Китай не дает повода говорить о его претензиях на доминирование» (Путин 2012b). Таким образом, опираясь на теорию, развиваемую представителями Копенга-

генской школы международных исследований, можно сказать, что в дискурсе об Американском Другом преобладает стратегия секьюритизации, тогда как в репрезентация Китайского Другого очевидно стремление к десекуритизации.

Несмотря на то, что в высказываниях о Китайском Другом преобладают положительные оценки, его «экзистенциальная» функция выражена слабо: хотя В.В. Путин охотно говорит об успехах Китая, он крайне редко репрезентирует его опыт как пример, на который Россия должна равняться. Китай представляется как хороший партнер, разделяющий «наше видение формирующегося равноправного миропорядка» (Там же) — партнер, с которым у Нас есть общие интересы. Однако отношение к этому Другому — сугубо прагматическое, оно не окрашено общими ценностями, способными вызывать как искреннюю симпатию, так и ярые споры.

Подводя итоги, можно сделать вывод, что образы Американского и Китайского Другого — это символический ресурс, которым президенты РФ активно пользуются в контексте легитимации политического курса. Однако их функционал заметно разнится. Несмотря на очевидное различие оценок (Китайский Другой чаще упоминается в позитивном смысле, нежели Американский), образ Китайского Другого почти не несет «экзистенциальной» нагрузки. В этой связи нуждается в уточнении на более широком материале вопрос о его статусе Значимого Другого для России. В его репрезентации активно используется стратегия десекуритизации. Напротив, Американский Другой, несмотря на то, что он часто представляется с негативной оценкой и в качестве угрозы Нашей безопасности, сохраняет значительный «экзистенциальный» потенциал.

Таблица 1

**Фреймы репрезентации Американского и Китайского Другого
в риторике президентов РФ, 2000-2015 гг.**

№	Фрейм	Выступления В.В. Путина, 2000-2004		Выступления В.В. Путина, 2004-2008		Выступления Д.А. Медведева, 2008-2012		Выступления В.В. Путина, 2012- июнь 2015		Всего	
		Американский Другой	Китайский Другой	Американский Другой	Китайский Другой	Американский Другой	Китайский Другой	Американский Другой	Китайский Другой	Американский Другой	Китайский Другой
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
1	Другой как пример, которому стоит следовать	–	–	–	1	9	–	3	–	12	1
2	Сравнение с Другим как способ оценки Нас	3	–	12	5	4	1	9	1	28	7
3	Опыт Другого как оправдание нашей практики	3	–	3	–	6	–	5	1	17	1
4	Позитивная оценка отношения Другого к Нам	5	–	1	2	1	–	–	2	7	4

Продолжение таблицы 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
5	Одобрение поведения Другого / Другой разделяет Наши ценности и принципы	1	–	1	2	1	–	5	2	8	4
6	Установка на сотрудничество с Другим / Характеристика Другого как партнера	12	8	16	10	5	1	6	10	39	28
7	Мы считаем Другого другом	2	1	–	–	–	–	–	2	2	2
8	Личное отношение к Другому / цитирование Другого	5	1	3	–	2	–	–	–	10	1
9	Мы понимаем позицию Другого / признаем объективность его проблем	5	–	1	–	1	–	–	1	7	1
10	Другой в действительности не несет угрозы	–	1	–	–	1	–	1	1	2	1
11	Совпадение интересов / позиций	4	–	1	–	–	–	1	3	6	3
12	Другой – наш конкурент	–	1	–	2	1	–	1	2	2	5
13	Мы не считаем Другого врагом	1	–	3	–	–	–	–	–	4	–

Продолжение таблицы 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
14	Констатация различия позиций / несовпадения интересов	3	1	5	—	2	—	—	—	10	1
15	Автономия от Другого / Акцент на различия	1	—	2	1	7	—	3	1	13	2
16	Утверждение равенства с Другим / подтверждение значимости Нас и Другого	—	—	4	1	1	1	1	1	6	3
17	Доказательство Нашей правоты в споре с Другим	2	—	—	—	—	—	2	—	4	—
18	Асимметричность отношений: Мы больше расположены к сотрудничеству, чем Другой	1	—	—	—	—	—	3	—	4	—
19	Воспроизводство отрицательных стереотипов о Другом	—	—	—	1	2	—	—	—	2	1
20	Критика Другого	2	—	3	—	8	—	16	—	29	—
21	Другой применяет в отношении Нас двойные стандарты / Не следует декларируемым им принципам	1	—	4	—	—	—	6	—	11	—

Окончание таблицы 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
22	Нормативный конфликт: Другой нарушает нормы, которые Мы считаем правиль- ными / Нормы Другого для Нас неприемлемы	1	–	5	–	1	–	1	–	8	–
23	Другой как угроза Нашей безопасности	–	–	–	–	1	–	4	–	5	–
24	Другой относится к Нам недружественно / не так, как мы этого заслуживаем	–	–	6	–	2	–	9	–	17	–
25	Недоверие Другому	–	–	–	–	–	–	2	–	2	–
Всего		52	13	70	25	55	3	78	27	255	68

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

Встреча с ведущими российскими и зарубежными политологами // Портал «Президент России». Опубликовано 10.09.2010. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/8882> (дата обращения: 07.10.2015).

Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М.: Новое литературное обозрение, 2003.

Дилигенский Г.Г. Хочет ли Россия дружить с Западом? // Запад и западные ценности в российском общественном сознании. М.: ИМЭМО РАН, 2002.

Лукин А.В. Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII—XXI веках. М.: Восток-Запад : АСТ, 2007.

Малинова О.Ю. Концепт «Другого» в исследованиях идентичности: Анализ современных дискуссий // Политическая наука. 2015. № 4 (в печати).

Малинова О.Ю. Символическая политика: Контуры проблемного поля // Символическая политика: Сб. науч. тр. / Отв. ред.: Малинова О. Ю. Вып. 1: Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. М.: ИНИОН РАН. Центр социал. науч.- информ. исслед. отд. полит. науки, 2012. С. 5-16.

Морозов В. Россия и Другие: идентичность и границы политического сообщества. М.: Новое литературное обозрение, 2009.

Ноймани И. Использование «Другого». Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М.: Новое издательство, 2004.

Путин В.В. (а) Пресс-конференция Владимира Путина. // Портал «Президент России». Опубликовано 20.12.2012. URL: <http://kremlin.ru/news/17173> (дата обращения: 07.10.2015).

Путин В.В. (б) Россия и меняющийся мир // Московские новости. 27 февраля 2012 г. URL: <http://mn.ru/politics/20120227/312306749.html> (дата обращения: 07.10.2015).

Стенографический отчёт о заседании Государственного совета. 2012. 27 декабря // Портал «Президент России». Опубликовано 27.12.2012. URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts/17232> (доступно 07.10.2015).

Ethnic Groups and Boundaries. The Social Organization of Cultural Difference, F. Barth (ed.) L. etc.: George Alllen & Unwin, 1969.

Grammars of Identity/Alterity: A Structural Approach, Gerd Baumann and Andre Gingrich (ed.) New York etc.: Berghahn Books, 2004.

Hopf T. Social Construction of International Politics: Identities and Foreign Policies, Moscow, 1955 and 1999. Ithaca: Cornell University Press, 2002.

Johnson C., Coleman A. The Internal Other: Exploring the Dialectical Relationship Between Regional Exclusion and the Construction of National Identity, Annals of the Association of American Geographer, 2012, 102 (4), pp. 863-880.

Malinova O. Russia and “the West” in the 2000s: Redefining Russian Identity in the Official Political Discourse, in: Russia’s Identity in International Relations: Images, Perceptions, Misperceptions, ed. by R. Taras. L., etc.: Routledge, 2013, pp. 73-90.

Said E. Orientalism. L.: Penguin Books, 2003 [1977].

Tekin B.C. Representations and Othering in Discourse: The Construction of Turkey in the EU context. Amsterdam etc.: John Benjamins Publishing Company, 2010.

Triandafyllidou A. National identity and the 'other', *Ethnic and Racial Studies*, 1998, 21(4), pp. 593-612.

REFERENCES

Diligenskiy G.G. Hochet li Rossiya družhit s Zapadom? // Zapad i zapadnyie tsennosti v rossiyskom obschestvennom soznanii [*Diligenskiy G.G.* Does Russia want to be friends with the West? in: *West and Western values in the Russian public consciousness*], Moscow, IMEMO RAN, 2002 (in Russian).

Ethnic Groups and Boundaries. The Social Organization of Cultural Difference, F. Barth (ed.) L. etc.: George Alllen & Unwin, 1969.

Grammars of Identity/Alterity: A Structural Approach, Gerd Baumann and Andre Gingrich (ed.) New York etc.: Berghahn Books, 2004.

Hopf T. *Social Construction of International Politics: Identities and Foreign Policies, Moscow, 1955 and 1999*. Ithaca: Cornell University Press, 2002.

Johnson C., Coleman A. The Internal Other: Exploring the Dialectical Relationship Between Regional Exclusion and the Construction of National Identity, *Annals of the Association of American Geographer*, 2012, 102 (4), pp. 863-880.

Lukin A.V. Medved nablyudaet za drakonom. Obraz Kitaya v Rossii v XVII—XXI vekah [*Lukin A.V.* Bear watching dragon. The image of China in Russia in XVII-XXI centuries], M.: Vostok-Zapad : AST, 2007 (in Russian).

Malinova O. Russia and "the West" in the 2000s: Redefining Russian Identity in the Official Political Discourse, in: *Russia's Identity in International Relations: Images, Perceptions, Misperceptions*, ed. by R. Taras. L., etc.: Routledge, 2013.

Malinova O.Yu. Kontsept «Drugogo» v issledovaniyah identichnosti: Analiz sovremennyih diskussiy // Politicheskaya nauka [*Malinova O.Yu.* The concept of "the Other" in identity studies: analysis of the current discussions, *Political science*], 2015(4) (in print) (in Russian).

Malinova O.Yu. Simvolicheskaya politika: Konturyi problemnogo polya // Simvolicheskaya politika: Sb. nauch. tr. / Otv. red.: Malinova O. Yu. Vyip. 1: Konstruirovanie predstavleniy o proshlom kak vlastnyiy resurs [*Malinova O.Yu.* Symbolic politics: The contours of the problem field, in: *Symbolic policy: Collection of scientific papers*, ed by Malinova O. Yu. Vol. 1: Construction of the representations of the past as a power resource], M.: INION RAN. Tsentr sotsial. nauch.- inform. issled. otd. polit. nauki, 2012, pp. 5-16 (in Russian).

Morozov V. Rossiya i Drugie: identichnost i granitsy politicheskogo soobschestva [*Morozov V.* Russia and Other: identity and boundaries of the political community], M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2009 (in Russian).

Noymann I. Ispolzovanie «Drugogo». Obrazyi Vostoka v formirovanii evropeyskih identichnostey [*Neumann I.* The use of "Other". Images of the East in shaping European identities], M.: Novoe izdatelstvo, 2004 (in Russian).

Perceptions, Misperceptions, ed. by R. Taras. L., etc.: Routledge, 2013, pp. 73-90.

Putin V.V. (a) Press-konferentsiya Vladimira Putina. [*Putin V.V.* (a) Press conference of Vladimir Putin], Portal "The Russian president." Published on 20.12.2012. URL: <http://kremlin.ru/news/17173> (available 10/07/2015) (in Russian).

Putin V.V. (b) Rossiya i menyayuschiysya mir [*Putin V.V.* (b) Russia and the changing world], Moskovskie novosti. February 27, 2012 URL: <http://mn.ru/politics/20120227/312306749.html> (available 10/07/2015) (in Russian).

Said E. Orientalism. L.: Penguin Books, 2003 [1977].

Stenograficheskij otchyot o zasedanii Gosudarstvennogo soveta. 2012. 27 dekabrya [Stenographic report of the meeting of the State Council. December 27, 2012] // Portal "The Russian president." Published on 27.12.2012. URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts/17232> (available 10/07/2015) (in Russian).

Tekin B.C. Representations and Othering in Discourse: The Construction of Turkey in the EU context. Amsterdam etc.: John Benjamins Publishing Company, 2010.

Triandafyllidou A. National identity and the 'other', Ethnic and Racial Studies, 1998, 21(4), pp. 593-612.

Vstrecha s veduschimi rossiyskimi i zarubezhnyimi politologami // Portal «Prezident Rossii» [Meeting with leading Russian and foreign political analysts // Portal "The Russian president."], Published on 10.09.2010. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/8882> (available 07.10.2015) (in Russian).

Vulf L. Izobretaya Vostochnuyu Evropu: Karta tsivilizatsii v soznanii epohi Prosvescheniya [*Vulf L.* Inventing Eastern Europe: Map of civilization in the minds of the Enlightenment], M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2003 (in Russian).

МЕХАНИЗМЫ И ПРАКТИКИ ВЛАСТИ

Соловьев А.И.

ПРАВЯЩАЯ ЭЛИТА РОССИИ: К ВОПРОСУ О МЕХАНИЗМАХ И ТЕХНОЛОГИЯХ ПОЛИТИЧЕСКОГО ГОСПОДСТВА

В статье на основе понимания объективного местоположения элиты в системе государственной власти и управления показывается специфика выполнения своих политико-управленческих функций российским правящим классом. В этой связи освещаются факторы, обуславливающие постепенное утрачивание отечественной элитой способностей к профессиональному и справедливому распределению общественных ресурсов. Показывается, что такое положение, в конечном счете, ведет к формированию политических порядков, демонстрирующих наличие у правящего класса неоправданных привилегий в части получения общественных ресурсов, законодательно установленных прав, социальных возможностей и т.д. Классифицируя такое положение как форму политического господства правящей элиты, автор раскрывает основные политико-правовые и информационные технологии, позволяющие ей удерживать доминирующее положение в российском обществе и сохранять распределение общественных благ в свою пользу.

Ключевые слова: *правящая элита, политическое господство, общественные интересы, интересы правящей элиты, баланс политических сил, представительство гражданских интересов, политические, правовые и информационные механизмы и технологии удержания власти правящей элиты.*

Традиционно понятие «политического господства», как правило, употребляется для констатации доминирования той или иной крупной социальной общности (группы), устанавливающей принципы использования власти в целях организации общественного порядка. В этом плане политическое господство является важнейшим субстанциональ-

ным признаком государства и показателем его способностей, обеспечивающих стабилизацию и определенную направленность в развитии общества.

Будучи продуктом материалистического, прежде всего, марксистского подхода, это понятие отражало доминирующие позиции класса, взявшего под контроль государственную машину и превратившую ее в орудие своей политической воли. Не углубляясь в анализ достоинств и недостатков такого подхода, отметим лишь то, что в сочетании с идеями Г. Моска он закрепил инструментальное отношение к элите и ее функциям. В силу этого вместо меритократических трактовок, рассматривающих элиту как «сливки общества» (социальный слой, чьи представители превосходили по своим качествам иных членов социума), ее позиционирование стало неразрывно связываться с представительством гражданских интересов, контролем над процессом принятия решений, правом интерпретации общественных благ и постановкой целей государственных стратегий, продуцированием массовых ценностей и другими функциями (позволявшими развернуть государственный корабль в ту или иную сторону).

Понятно, что такое толкование правящего класса, с другой стороны, означало и неспособность масс самостоятельно выполнять функции по управлению государством и применению власти. Это давало основание некоторым теоретикам-элитистам полагать, что в обществе вообще не существует ограничений, которые могли бы усмирить притязания правящих кругов и игнорирование ими интересов общества. Впрочем, их оппоненты все же пытались отыскать такие ограничения. Так, Й. Шумпетер видел гарантии сохранения общественной направленности деятельности правящего класса в единстве социального происхождения элитарных и неэлитарных слоев. Многие институционалисты рассматривали в качестве таких ограничителей гражданский контроль, механизмы иерархической и демократической подотчетности, влияние массового дискурса, аттестующие ту политическую систему, где «индивиды приобретают власть принимать решения путем конкурентной борьбы за голоса избирателей» и которая предопределяет общественный характер принимаемых властями решений и распределяемых ресурсов (Schumpeter 2000: 269). Такие, по сути, демократические подходы, как правило, связывали свои идеи еще и с концептом либеральной идеологии, устанавливавшей зависимость усиления влияния общества на правящие элиты от расширения гражданских прав.

Как бы то ни было, но очевидно одно: элитам в силу их статуса и общественного местоположения приходится выдерживать сложный баланс между интересами общества в целом, потребностями доминирующей социальной группы и собственными узкогрупповыми притязаниями. Понятно также, что политическая динамика может создавать различные конфигурации элитарных планов и замыслов, меняя соотношение между этими целевыми основаниями ролевых функций правящего класса. В этом смысле поиск пропорций между этими ориентирами в решающей степени определяет и характер общественного развития, и фактическое позиционирование элит, организующих социально-политические порядки и придающие им легализованные формы.

В науке предложена масса интерпретаций поиска элитой указанного социального эквilibriumа. Марксизм связывал эти варианты при помощи понятия «отчуждения» общества от буржуазного государства, исторически меняющегося на систему коммунистического самоуправления народа; Ортега-и-Гассет писал о «восстании масс», перехватывавших управленческие функции элит и изменяющих систему государственного управления; К.Лэш, напротив, был уверен в неизбежности «восстания элит», чем дальше, тем больше концентрирующих в себе все политические инициативы общества и использующие государство для активного давления на граждан, и т.д. Множество оценок элитарной активности связано с характеристикой ее публичных и латентных сегментов (трайбов, «духовно-рыцарских» орденов, клик, сетей, альянсов, «семьи Ельцина», «коллективного путина» и прочих ассоциаций), способных осуществлять разнонаправленную деятельность на различных социальных аренах.

Представляется, однако, что в силу высокой автономности и самостоятельности элит найти какую-то одну логически непротиворечивую модель просто невозможно. В разных политических сообществах правящие элиты демонстрируют совершенно разнонаправленные действия: от ответственного служения обществу (особенно в первое время прихода демократической оппозиции к власти) до корыстного присвоения общественного богатства и установления жестких диктатур. Да и система оценок элитарной деятельности также далека от какой-либо унификации, поскольку множественные грани ее деятельности практически не имеют общего знаменателя и крайне слабо коррелируют между собой (к примеру, что важнее для общества: пробуждение у граждан

чувства национальной гордости или справедливое распределение общественных ресурсов?).

В решающей степени автономность деятельности элит обусловлена информационной асимметрией и закрытостью механизмов принятия государственных решений, где ответственность редко обретает публичные формы, а подотчетность обладает неиерархизированным характером. В свою очередь, такое положение предопределено тем фактом, что главную роль при разработке стратегий и целей государства играют различные сетевые коалиции, состоящие из лиц, контролирующих важнейшие финансовые, экономические, информационные, административные и прочие общественные ресурсы. И даже при высокой активности населения эта система целеполагания никогда полностью не открывается обществу. В этом смысле управленческие институты или публичный дискурс в основном играют роль либо предварительных площадок для согласования позиций, либо фактора, разогревающего общественное мнение, но при этом не способных гарантированно предопределить итоги принимаемых решений.

В силу такой политической морфологии власти в современном обществе отсутствует устойчивая корреляция между формами ее организации и общественным ростом (неразрывно связанным с социально ответственным характером распределения ресурсов). К примеру, многие исследования (в частности, А. Пшеворского) показывают, что демократии могут демонстрировать непропорциональные системы распределения ресурсов, в то время как авторитарные режимы (например, в странах Восточной Азии) обладают вполне эгалитарными системами распределения доходов (Gradstein, Milanovic, Ying 2001: 2). Одним словом, демократия как форма соучастия во власти элиты и неэлитарных слоев отнюдь не гарантирует общественной направленности деятельности государственных органов. Поэтому теоретически надо признать, что прямая зависимость между расширением демократических принципов организации власти и уменьшением социального неравенства, является всего лишь частным случаем в фактическом управлении государством.

Это показывает, что подлинным эпицентром принятия государственных решений являются *субъективные* качества элиты, предопределяющие характер понимания ее представителями общественных благ и каждый раз предлагающих их особенное соотношение со своими узкогрупповыми потребностями. Неслучайно многие ученые, в част-

ности, Ф.Хантер считали, что власть заключена в людях, в их взаимоотношениях, в неформальных связях, регулирующих их поведение (Hanter 1953: 60). В силу того, что ценностно-ориентационные и иные представления правящего класса и его ключевых представителей не являются однозначно заданными и зачастую не определяются даже деловой средой государственного управления, направленность действий правящей элиты в решающей степени является открытым процессом, хотя П.Сорокин и считал, что мораль общественного человека определяется характером организации экономического процесса¹.

Конечно, с чисто логической точки зрения можно зафиксировать некие стадии и формы исполнения элитами своих функций, которые могут дать определенные основания для идентификации внутренних позиций правящего класса. Так, если считать аутентичное исполнение элитами своих представительских функций (осуществляемых в интересах общества) за некую отправную точку, то можно, как минимум, выделить и ее антагонистическую позицию — превращение элиты в группу, узурпирующую властно-управленческие позиции в обществе и перенаправляющие потоки общественных ресурсов в своих интересах (что и может рассматриваться как фаза ее политического господства). Переходной ступенькой в достижении такого положения является процесс перехватывания у общества прав на представительство интересов (в виде ограничения прав населения на выражение своих позиций, строительства административных и поощрения деятельности кластерных партий, усиления административного контроля политического рынка, сужения каналов представительства гражданских интересов и т.д.); повышения роли различных «чрезвычайных мер», ведущих к снижению качества и реальной роли государственных институтов

¹ В то же время было бы ошибочным однозначно обвинять всех представителей правящего класса в корыстном характере выполнения своих обязанностей и тем более в злоупотреблениях. Поэтому как минимум неточным представляется утверждение, что наличие высоких позиций (предполагающих большой объем ресурсов, которым администраторы могут «распоряжаться и использовать по своему усмотрению») является прямой предпосылкой их коррупционного поведения (См.: Нисневич 2014: 32). Однако «свое усмотрение» может быть и общественно направленным (когда управляющий «перешагивает» административные барьеры ради пользы дела). Более того, этот подход игнорирует влияние сетевой организации элиты (в чьих ассоциациях чиновники могут вообще не присутствовать).

и их подмене активностью латентных структур правящего класса; постепенного внедрения политических коммуникаций, чьи нормы противоречат интересам общества (демонстрируя т.н. «поперечность» — Ж. Делез — их содержания социальным запросам общества) и с легкостью «перепрыгивают через барьеры права» (Пивоваров 2004: 11).

Представляется очевидным, что стадия «политического господства» элиты перепозиционирует данный слой в системе власти и управления, превращая его из *представителей* общества (и исполнителей его воли) в *бенефициариев* государственных программ и проектов (см. например Паренти: 2006). В этом случае выстраиваемые правящим классом векторы общественного развития, будучи в решающей степени направленными на узкогрупповые интересы элиты, превращают потребности общества и государства в сопутствующие задачи, реализуемые по остаточному принципу и прикрывающие подлинные цели власть предержащих. В этом смысле *общественная* власть (понимаемая как власть общества, организуемая в виде государственных институтов) меняется на *попечительскую* власть элиты, использующую свои латентные механизмы для проектирования целей и давления на общество (и конкурентов).

Представляется, что, несмотря на большое количество критериев оценки деятельности элиты (в том числе и на стадии политического господства), важнейшим показателем (демонстрирующим реальную позицию правящего класса) является величина общественных ресурсов, находящихся в распоряжении этого меньшинства. Собственно, этот параметр (при всей своей примитивности и редукционизме) позволяет отделить *эти* результаты правления элиты от результатов, достигнутых *при* ее правлении (ибо понятно, что любые масштабные формы госрегулирования всегда предполагают разные результаты, да и управляющим поневоле приходится решать стандартизированные задачи государственного значения).

Одним словом, можно дискутировать о содержании государственных интересов, успехах и трудностях, мешающих властям эффективно заниматься регулированием общественных отношений и т.д., однако надо признать, что в итоге любое состояние общества (его экономики, социальной сферы и проч.) всегда создает ту или иную конфигурацию доходов, которые получают различные группы общества, включая и представителей правящей элиты. Иначе говоря, любая фаза деятельности элиты (в том числе и политического господства) может и должна

оцениваться по количеству общественных благ, потребляемых правящим классом (и при этом соотносенных с ресурсным обеспечением других слоев населения). В этой связи уместно вспомнить и Макса Вебера (показавшего, что значительная часть политиков живет за счет политики), и Чарлза Линдблома (доказавшего, что элита может и политику «подгонять» под определенные цели, и цели под проводимую политику, и ради чего она совершает и проективные действия, и «выкарабкивается» из критических ситуаций). Так что уровень потребляемых элитой ресурсов является, пусть и огрубленным, но, в конечном счете, весьма определенным показателем их профессиональной деятельности.

Конечно, весь мировой опыт показывает, что правящее меньшинство никогда не действует себе в убыток и всегда отличается более высоким уровнем жизни. Однако даже в этой дифференциации скрыты совершенно различные пропорции, отражающие широкий комплекс социально-политических условий. Что касается России, то последние полтора десятилетия показали устойчивые тенденции роста благосостояния правящего класса, по оценке ряда аналитиков, свидетельствующие о появлении в стране даже не форбс-элиты, а особого форбс-пространства, ориентированного на интересы той новой аристократии, чей стиль жизни (учитывая, что их семьи живут за границей, там же учатся их дети, а в стране они только зарабатывают деньги) схож с «синдромом оккупанта» (Ю. Лотман), а по своему уровню недоступен представителям элиты даже из многих зарубежных стран. И существенная часть этой социальной прослойки — федеральные и региональные политики и высшие представители госбюрократии. И все эти тысячи миллионеров, представляющих население в законодательных органах власти или работающих в исполнительных и судебных структурах (в Центре и на местах), живут «как бы за стеклом», не видя и не понимая того, «как живут реальные люди» (Что осталось от социального государства 2015: 2). По сути, это «временщики», которые со временем уйдут со своих постов и позиций, но при этом, твердо зная, что они оставят своим детям, и их не волнует, «что будет дальше со страной, которую, на словах, они горячо любят» (Там же).

Не случайно многие специалисты, в частности, Е. Гонтмахер небезосновательно оценивают российское государство как «антисоциальное», преследующее только «собственные цели» » (Что осталось от социального государства 2015: 2). Такое положение, где люди рассмат-

риваются как расходный материал, является итогом не только неэффективного управления (в результате чего страна ежегодно теряет почти 2 % ВВП), разбазаривания средств и ужасающей коррупции, но и сознательной линии управляющих, прекрасно понимающих, как использовать свое положение для увеличения собственных ресурсов. Не углубляясь в историю, можно констатировать, что нынешние поколения элиты (во всем спектре своих коалиций — «питерцев», «силовиков», «газовиков» и «нефтяников», земляческих группировок и др.), получив доминирующие позиции в политическом и административном руководстве, создали тот «капитализм для своих», который и олицетворяет нынешнее российское государство и общество.

Невиданная в России коррупция, сформировавшая экономику «РОЗ»¹ и подчинившая государственные институты (прежде всего, судебные и силовые) интересам сетевых коалиций правящего класса, является источником постоянного совершенствования механизма перекачки общественных ресурсов в карманы политиков и чиновников федерального и регионального уровней, по-своему реагируя на санкции, деофшоризацию и иные новации и вызовы времени. Не стоит, видимо, говорить, что процветание этой коллективной «рублевки» происходит на фоне усугубляющегося роста бедности в стране (в чьи тени попадают не только безработные, но и работающие специалисты) и стремительного увеличения людей, имеющих недопустимо низкие доходы. И, к сожалению, динамика ситуации не дает оснований считать, что установленные элитой «правила игры», позволяющие ей получать политическую и административную ренту за счет «молчаливого» большинства (см. Институциональная политология 2006: 31) в скором времени сойдут на нет.

Весьма показательно, что все акции по борьбе с коррупцией, политизацией судов или пропаганда эффективных мер по развитию экономики не могут породить хоть какой-то системный эффект,² способный установить должный правовой порядок и вывести страну из той исторической зоны, которая грозит ей сохранением постоянного места на

¹ РОЗ — распил, откат, занос (А. Белковский).

² Например, сегодня в стране действуют 5 Федеральных законов, 13 Указов Президента, 5 Постановлений Правительства, направленные на борьбу против коррупции. Но весь этот комплекс документов оказывается бессильным в борьбе с этим злом.

периферии мирового развития. Представляется, однако, что бесплодность *реальных* усилий, направленных на оздоровление ситуации, на деле показывает не столько неспособность властей добиться необходимых социально-экономических успехов, сколько их стремление *сохранить* существующий социальный порядок (и в первую очередь принципы распределения ресурсов), адаптировав его к современным факторам внутреннего и внешнего давления. Все это позволяет сделать вывод, что такая линия демонстрирует подход отечественной элиты к социальным проблемам лишь с точки зрения их «избирательной окупаемости» (Роберт Даль), провоцирующей замещение общественных ориентиров целями самообогащения¹. Памятуя о многочисленных фактах фальсификации выборов, политизированных решениях судов и иных аналогичных фактах, можно утверждать, что правящая отечественная элита неуклонно утрачивает свои представительные функции и, абсолютизируя свои управленческие возможности, превращается в заказчика и бенефициария госрегулирования. Тем самым, она перепрофилирует систему власти и госуправления на свои собственные интересы, превращая рычаги политического господства в средство самолегитимации и ресурсного самообеспечения.

Надо признать, что политико-административными условиями, обеспечивающими такой перекося в распределении общественных ресурсов, являются низкое качество государственных, особенно судебных институтов; жесткий контроль за публичными, в частности протестными формами гражданской самодеятельности, подрывающий коммуникации государства и общества и общегражданскую солидарность; неуклонная минимизация неотчуждаемых полномочий местных органов власти и т.д. Не случайно ряд аналитиков дает весьма жесткие оценки такому положению дел, полагая, что сегодня вместо государственной политики в стране сложился «лишь персональный бизнес высшей бюрократии, интересам которого подчинены экономические, полити-

¹ Нельзя не сказать, что установка правящих кругов на самообогащение поражает особым цинизмом, с которым «представители народа» распределяют общественные блага (вспомним, например, о попытках ГосДумы принять «Закон Роттенберга», компенсирующий издержки западных санкций для приближенных к властям бизнесменов; многомиллионные зарплаты руководителей государственных банков и корпораций; качественное повышение пенсий и зарплат высшим госчиновникам; строительство многочисленных роскошных резиденций для руководства страны и проч.).

ческие и идеологические шаги нашей власти» (Иноземцев 2015: 55). Более того, ряд специалистов видят в выдвижении стратегических проектов как одного из основных инструментов «экономического маневра» на современном этапе больше негативных, чем позитивных последствий. Поскольку ряд из них, в частности, создание «территорий опережающего социально-экономического развития», демонстрирует, помимо желания властей «сдать <...> в долгосрочную аренду <...> целые масштабные территории страны», отказ от «установленных законом социальных стандартов <...> и конституционных принципов государственного управления» (Болдырев 2015: 26-27).

Конечно, в России всегда существовали условия, которые постоянно склоняли правящий класс к элитарному типу правления. Это неизбывный этатизм и наличие авторитарно-тоталитарных традиций в организации власти; слабость гражданских институтов и общественной самоорганизации, низкая заинтересованность людей в контроле правящих кругов; постоянные популистские заявления властей о персонализацию служебных полномочий. Это культурный раскол общества, неукорененность в общественном мнении прав меньшинства; культурные стандарты отечественной бюрократии (относящейся к гражданам, как к подчиненным, склонной к манипулированию, демонстрирующей неуважение к законам и проч.); отсутствие традиций конкурентной политики; неизживаемый революционаризм и низко консенсуальный климат в обществе и т.д. Однако на каждой стадии общественного развития комбинация всех этих факторов оказывала различное воздействие на статус и управленческие практики правящей элиты.

В этом смысле следует отметить современные — в известной мере безотносительные к характеру социально-экономических результатов общественного развития — механизмы и технологии воспроизводства правящим классом своего господствующего положения. Причем, как в Центре, так и на местах. Учитывая весьма широкий круг таких методов, условно разделим их на отраслевые инструменты, аттестующие предметную специфику социальных арен: *политические, административные (управленческие) и информационные (методы символической политики)*.

Так, политические технологии, прежде всего, направлены на контроль реперных точек режима правления — механизмов представительства гражданских интересов, рекрутинга правящего класса, уровня поддержки власти и публичной активности населения. К этим методам политического воспроизводства правящего режима следует отнести:

— принятие политически мотивированных законов, расширяющих возможности правящего режима по контролю над политическим пространством (например, перманентное изменение избирательного законодательства перед каждыми федеральными выборами, создающие преимущества провластным структурам и фигурам; усиление административного контроля над партийным рынком, НКО, медиапространством, протестными движениями);¹

— вытеснение социально детерминированных (электоральных и квалификационных) механизмов рекрутирования политических лидеров мерами протекционистской поддержки и сетевого менеджмента, отсекающих нежелательных лиц от статусных позиций и создающих фактические преференции людям из многоярусного резервуара истеблишмента (в основном представляющих силовой и углеводородный сектор правящего класса);²

— политически мотивированную правоприменительную практику (позволяющую активизировать использование административного ресурса на выборах, ужесточать контроль над формами гражданской активности населения, устранять неугодные структуры с политического рынка, политизировать деятельность судебных инстанций и т.д.);

— сохранение внутренней противоречивости национального законодательства, позволяющее властям произвольно использовать отдельные правовые положения для точечного применения санкций против политических соперников и конкурентов, осуществления скрытого финансирования выборов, участия крупных корпораций в обеспечении электоральных результатов и т.д.;

— устранение реальной политической конкуренции (за счет усиления административного контроля за протестными и оппозиционными акциями и движениями, масс медиа, партийными структурами; созда-

¹ К примеру, специалисты фиксируют последовательное искажение явки и результатов выборов, которое достигало «своего максимума на выборах Президента РФ в 2008» и «выборах депутатов в 2007», а в 2011 «вызывало к жизни протестное движение за честные выборы» (Бужин 2014: 67).

² Показательно, что еще несколько лет назад ученые методами включенного наблюдения зафиксировали качественное расширение присутствия (и влияния) представителей силовых структур и спецслужб в системе управления государством, поставив, таким образом, вопрос о формировании в стране особого типа управления государством - «милитократии» (О.Крыштановская).

ния фейковых проправительственных организаций; укрепления монопольных позиций «думских» партий) и, как следствие, разрушение политического рынка;

— ужесточение контроля над деятельностью гражданского сектора, предполагающее вытеснение из публичного пространства всех нелояльных сообществ и организаций и таким образом сужение легальных возможностей для проведения демонстраций, пикетов, референдумов и осуществления критики в адрес государственных структур; позиционирование неугодных НКО в качестве иностранных агентов; создание «патриотических стоп-листов» и списков «нежелательных организаций»; расширение полномочий силовых структур и спецслужб и т.д.;

— осуществление точечных «репрессий» против оппозиционных активистов, лидеров и просто протестующих граждан¹.

— активное использование технологий самолегитимации правящего режима;

Специфическим значением отличаются и методы, обладающие собственнo **управленческим** характером. К ним, прежде всего, стоит отнести:

— *дирижизм* или технику конструирования социальных групп, получающих преимущественные ресурсы². В российских условиях такая

¹ К таким технологиям относятся: 1) фальсификация административных и уголовных дел в отношении участников массовых протестных акций; 2) неадекватные по строгости наказания для лиц, действительно совершивших правонарушения в ходе протестных акций, с использованием неприменимых к ним статей УК РФ; 3) фальсификация уголовных дел в отношении лидеров оппозиционных организаций и гражданских активистов по основаниям, не связанным с протестными акциями; 4) «профилактические» задержания гражданских активистов и фальсификации против них административных дел с целью не допустить их участие в протестных мероприятиях; 5) включение гражданских активистов в списки лиц, «склонных к экстремистской деятельности», и применение к ним не основанных на законе санкций (запрет на выезд из населенного пункта и т.д.) (Савва Е.В., Савва М.В 2014: 83).

² Уточним в связи с этим, что существует три типа социально ориентированных технологий госрегулирования, предполагающих «рассеивание» и «концентрацию» общественных ресурсов: классические (когда интересы социальных групп оцениваются через призму обуславливающих их содержание объективных условий, а решения являются продуктом последовательного агрегирования гражданских потребностей); интеракционистские (предпола-

тактика выделения адресных групп неразрывно связана с расширением возможностей рентоориентированного поведения госбюрократии;

— фактическое расширение (сохранение) государственного контроля над экономическим (особенно предпринимательским) сектором, усиление явных и неявных форм контроллинга над бизнес-структурами и учреждениями (не исключающим разноликие формы государственного рейдерства);

— использование результатов серых схем движения товаров и услуг для финансирования политических проектов (избирательных, рекрутинговых, покрытие транзакционных издержек в отношениях с проправительственными «активистами» и т.д.).

Принципиальную роль играют и технологии информационного типа или методы **символической политики**, чьи образы, внушающие понимание «справедливого» распределения «общественных благ» и эффективной реализации «государственных интересов», направлены на создание положительных имиджей действующих властей и проводимой ими политики.

Смысловой основой такой линии является идеологическая установка на отождествление государства и правящего режима. Таким образом, патриотизм позиционируется не как любовь к Родине, а как показатель политической лояльности к властям, в результате чего любая критика политического курса или руководства страны рассматривается как антигосударственная деятельность (подготовка «цветных революций», «майданов») или же проявление «русофобии» и «поклонение Западу»¹.

гающие, что социальные проблемы являются формами проекции коллективных чувств, настроений, мнений, корректирующих «простое» отражение объективных условий в обществе. В этом смысле «социальная проблема существует, прежде всего, с той точки зрения, как она определяется и воспринимается в обществе» (Blumer 1971: 300); дирижистские (демонстрирующие волевой характер конструирования каналов и механизмов, предполагающих перераспределение ресурсов в интересах приоритетных групп на основании замещения результатов агрегирования и общественных позиций мнением руководящих лиц).

¹ К примеру, в июне 2015 г. мэр Новосибирска А.Локоть в одном из своих выступлений на Общественном совете при мэрии обвинил Демократическую коалицию в том, что она готовит в городе «оранжевую революцию» на деньги Госдепа США. И что, по его сведениям, американцы финансируют такой про-

К технологиям символической политики можно отнести:

— агрессивное использование в публичном дискурсе разнообразных пропагандистских и агитационных методов, педалирующих противостояние большинства («здоровых сил») с внешними и внутренними противниками (к которым относятся не только открытые противники режима, но и все критики власти и просто здравомыслящие люди, имеющие свою точку зрения на происходящие процессы);¹ В смысловом отношении данные технологии базируются на укреплении престижа консервативных ценностей, ребрендинге образа Президента, популяризации особого для России «цивилизационного кода», разжигании антизападных настроений и разрушении позитивного облика оппозиции;

— гибкое сочетание механизмов и инструментов on-line и off-line политики (например, скоординированные выступления традиционных СМИ и проправительственных активистов в блогосфере);

ект еще в ряде городов России. (См. Мэр Новосибирска... 2015) Представители Демкоалиции подали на мэра в суд.

¹ По сути, сегодня любая протестная акция или критика интерпретируется властями как попытка подорвать «государственные устои» или «заказная деятельность» со стороны Запада и его спецслужб. Из уст депутатов Госдумы звучат призывы ликвидации всех НКО, признанных «иностранными агентами»; пересмотреть законность статуса прибалтийских государств; не выпускать за границу «русофобов», а некоторые народные избранники ухитряются даже показатели профессиональной деятельности ученых — индекс Хирша — рассматривать как коварные происки Запада, навязывающего нам свои ценности. В публичном пространстве начинает использоваться семантика, которая никогда, даже во время холодной войны не использовалась властями («национал-предатели», «враги народного сознания» и др.). В унисон таким установкам отдельные «теоретики» отождествляют «либерализм с фашизмом», проповедуют ценности мононационального устройства России и т.д. Одновременно идет скрытая реабилитация сталинизма и поощрение имперских традиций (открытие музея Сталина в Тверской области, планируется восстановление памятника Дзержинского в Москве и т.д.). В конечном счете, нагнетание атмосферы напряженности становится обыденным явлением, а многочисленные практики «цивилизационной борьбы» с Западом и культивации «безбашенного патриотизма» создают атмосферу эмоциональной перегруженности государства, способствующую распространению страхов, «политическому озверению» общества, созданию в стране атмосферы негражданственности (неудивительно, что сегодня, в июле 2015 г. — по данным Левада-центра — более 69% россиян стараются не иметь лишних контактов с властью).

- установление негласной цензуры на федеральных телеканалах и центральных СМИ, составление «черных списков» для нелояльных политиков, ученых и специалистов;
- персональные атаки на критически мыслящих журналистов и поощрение самоцензуры в политической журналистике;
- использование хакеров и блогеров для активизации проправительственных настроений интернет-аудитории;
- организация скандалов и провокаций, раскалывающих гражданское поле и снижающих уровень консолидации общества;
- оправдание охранительной тенденции в отношении высших представителей правящего слоя (коррекция Гражданского кодекса и иных правовых актов, не позволяющих официально сравнивать доходы и расходы госчиновников; отказ от публикации доходов руководителей госкорпораций; принятие «Закона о забвении», позволяющего скрывать компрометирующие сведения о власти предержащих и т.д.);
- организация лекций провластных «интеллектуалов» на мероприятиях и в высшей школе.

В публичной сфере применение технологий символической политики происходит в форме «демократического спектакля», использующего многогранные имитации «протеста/солидарности», направленного на PR-позиционирование основных политических фигур в публичном пространстве, разрушение позитивного имиджа оппозиции, противопоставление внешним угрозам и проч. При этом смысловая интенция распространения пропагандистских технологий напоминает религиозную триаду: предупредить распространение нежелательных идей, разубедить их носителей в неприемлемости взглядов, отлучить (от партии, государства, Родины).

Понятно, что в высоко конкурентном мире, где существуют прямые угрозы безопасности страны, неизбежны разнообразные формы информационного противоборства (так или иначе связанные с манипулированием, дезинформацией и проч.). Однако следует видеть, что даже при таких обстоятельствах нельзя превращать противостояние в единственную основу массовых коммуникаций. Более того, ориентация на внутреннюю консолидацию общества должна предполагать сохранение возможностей для разнообразных гражданских идентификаций, уважительного отношения к различного рода меньшинствам.

Представляется, что основная интенция символической политики состоит в утверждении двух морально-политических максим — ждать

и терпеть (что по умолчанию означает, что власти в будущем сами все устроят как надо). Тем самым такие информационные действия, поощряющие привычную для страны «азиатскую доблесть смирения» (В. Ген), обеспечивают и последовательное вытеснение любых форм гражданского контроля из системы госрегулирования. Того общественного контроля со стороны гражданского общества, который, как справедливо считает Т.А. Кулакова, направлен на «снижение социального неравенства», устранение привилегий «вне и в обход разработанных механизмов формального представительства», использование незаконных методов влияния на «принятие социально значимых решений» (Кулакова 2011: 311).

На фоне неизменяемой конфигурации правящего слоя и сохраняющихся трендов в распределении ресурсов такое положение позволяет предположить, что символическая политика в основном имеет не консолидирующий общество характер, а сугубо охранительный. Более того, нельзя не видеть и того, что суммарным эффектом такого информирования становится углубление идеологических противоречий (в свою очередь, провоцирующих расширение националистических и шовинистических настроений), а также увеличение чувства тревожности общественного мнения. И в этом плане никого не должен убаюкивать высокий уровень поддержки Президента (демонстрирующий не столько внутреннюю сплоченность общества, сколько решимость в осуждении противников).

Таким образом, символическая политика, пытаясь повысить репутационный капитал правящего режима (демонстрируя в этих целях «образцы демократизации», имитируя гражданский характер государственных институтов, повышение роли общественности и т.д.), по факту всего лишь позволяет элитам оперативно разворачивать общественное мнение в выгодное для них русло. Но в том числе и прикрыть свои партикулярные планы по перераспределению ресурсов. Учитывая такую «озабоченность настоящим», уместно провести аналогию с современной Украиной, где националистическая истерия (в сочетании с обильной помощью Запада) ведет к обнищанию рядовых граждан и обогащению правящей верхушки.

В связи со сказанным представляется важным отметить, что обозначенные технологии и механизмы самовоспроизводства правящего режима не просто тормозят развитие общества, но и препятствуют появлению новых сегментов политической и экономической элиты, заин-

тересованных в продвижении перспективных проектов и целей. Это, в свою очередь, замораживает и тормозит структурные преобразования, не давая прорасти инновационным экономическим и политическим конструкциям. В итоге идеологический консерватизм правящего слоя обретает свою фундаменталистскую версию (исключающую развитие как таковое), способную оставить Россию за чертой современности. Ведь сегодня не только специалистам, но и всем мало-мальски думающим людям понятно, что если в самое ближайшее время не будут сделаны решительные шаги по изменению экономического положения (другими словами, если элиты не начнут работать на общество, в полной мере используя его пассионарную энергию), то страна навсегда останется самой масштабной территорией «четвертого мира».

Будет ли наверняка понимающая эту ситуацию элита делать решительные шаги по изменению своих коммуникаций с обществом или же станет «тянуть» время, до последнего выкачивая из страны «свою» ренту, может показать только будущее. Но готовы ли элиты к внутренней перестройке? Отвечая на это вопрос, надо видеть и то, что, к глубокому сожалению, общество в этой ситуации пока еще не является стороной, способной помочь правящему классу вернуть его подлинный статус. Одним словом, агрессивность элиты и бессилие общества — это не то лекарство, которое нужно сегодня России.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

Болдырев Ю. Начинать надо с мировоззренческих целей и мотивов // Мир перемен. Специальный выпуск 2015. С. 26-27.

Бужин А.Ю. Эволюция электоральных показателей российских выборов в 1996-2012 годах // Полис. 2014. № 6. С. 67

Иноземцев В. В России нет экономической политики // Мир перемен. Специальный выпуск 2015. С. 55.

Институциональная политология: Современный институционализм и политическая трансформация России / Под ред. С.В.Патрушева. М.: ИСП РАН, 2006. С. 31.

Кулакова Т.А. Политика изменений: административные реформы и взаимодействие государства и общества. СПб.: Изд. СПбГУ, 2011. С. 311.

Мэр Новосибирска Анатолий Локоть заявил, что Демократическая коалиция готовит в России оранжевую революцию// Сиб.фм. 30.06.2015 URL: <http://sib.fm/news/2015/06/30/mehr-novosibirska-anatolij-lokot-zajavil-chto-demokraticeskaja>.

Нисневич Ю.А. Публичная власть и коррупция: социально-антропологический подход // Полис. 2014. № 6. С. 32.

Паренти М. Демократия для избранных: Настольная книга о политических играх США / пер. с англ. В.Н. Горбатенко. М.: Поколение, 2006.

Пивоваров Ю.С. О «нормативности фактического» в русской политике // Властные элиты современной России / Отв. ред. В.Г. Игнатов и др. Ростов на Дону: Изд-во СКАГС, 2004. С. 11.

Савва Е.В., Савва М.В. Политические репрессии в современной России и методики креативного сопротивления // Публичная политика / Под ред. М.Б. Горного и А.Ю. Сунгурова, СПб.: Норма, 2014. С. 83.

Что осталось от социального государства // Новая газета. № 70 (2357). 06.07.2015. С. 2.

Blumer G., Blumer H. Social problems as collective behavior // Social problems. 1971. Vol. 18. P.300.

Gradstein M., Milanovic B., Ying Y. Democracy and Income Inequality: an Empirical Analysis. Washington, DC: Poverty and Human Resources, 2001. P. 2.

Hanter F. Community Power Structure: A Study of Decision Makers. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1953. P. 60.

Schumpeter P. Capitalism, Socialism, and Democracy. N.Y.; L.: Routledge, 2000. P. 269.

REFERENCES

Blumer G., Blumer H. Social problems as collective behavior // Social problems. 1971. Vol. 18. P. 300.

Boldyirev Yu. Nachinat nado s mirovozzrencheskih tseley i motivov [Boldyirev Yu. One may start from the ideological aims and motives] in Mir peremen. Spetsialnyiy vyipusk, 2015. P. 26-27 (in Russian).

Buzin A. Evolyutsiya elektoralnyih pokazateley rossiyskih vyiborov v 1996-2012 godah [Buzin A. The evolution of electoral performance of Russian Elections] in Polis. 2014. № 6. P. 67 (in Russian).

Chto ostalos ot sotsialnogo gosudarstva [What has left from the welfare state] in Novaya gazeta. # 70 (2357). 06.07.2015. P. 2. (in Russian).

Gradstein M., Milanovic B., Ying Y. Democracy and Income Inequality: an Empirical Analysis. Washington, DC: Poverty and Human Resources, 2001. P.2.

Hanter F. Community Power Structure: A Study of Decision Makers. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1953. P. 60.

Inozemtsev V. V Rossii net ekonomicheskoy politiki [Inozemtsev V. There is no economic policy in Russia] in Mir peremen. Spetsialnyiy vyipusk, 2015, P. 55. (in Russian).

Institutsionalnaya politologiya: Sovremennyiy institutsionalizm i politicheskaya transformatsiya Rossii [Institutional Political Science: Modern institutionalism and political transformation of Russia] ed. S.V.Patrusheva. Moscow, ISPRAN, 2006. P. 31.

Kulakova T. Politika izmeneniy: administrativnyie reformyi i vzaimodeystvie gosudarstva i obschestva [Kulakova T. Policy of changes: administrative reform and

interaction of state and society], St.Petersburgb.: Izdatelstvo SPbGU, 2011. P. 311 (in Russian).

Mer Novosibirskaya Anatolij Lokot zavil, chto Demokraticeskaya koalitsiya gotovit v Rossii oranzhevuyu revolyutsiyu [Novosibirsk Mayor Anatoly Lokot said that the democratic coalition is preparing an orange revolution in Russia] on Sib.fm. 30.06.2015 URL:<http://sib.fm/news/2015/06/30/mehr-novosibirskaya-anatolij-lokot-zavil-chto-demokraticeskaja> (in Russian).

Nisnevich Yu.A. Publichnaya vlast i korruptsiya: sotsialno-antropologicheskii podhod [*Nisnevich Yu.* The public power and corruption: the socio-anthropological approach] in Polis. 2014. № 6. P. 32 (in Russian).

Parenti M. Demokratiya dlya izbrannykh: Nastolnaya kniga o politicheskikh igrah SSHA. [*Parenti M.* Democracy for a few]. Translation from English V.N. Gorbatenko. Moscow, Pokolenie, 2006 (in Russian).

Pivovarov Yu.S. O «normativnosti fakticheskogo» v russkoy politike [*Pivovarov Yu.* About «Normativity of Actual» in Russian politics] in Vlastnye elityi sovremennoy Rossii, ed. V.G. Ignatov and others. Rostov na Donu, SKAGS, 2004. P. 11. (in Russian).

Savva E.V., Savva M.V. Politicheskie repressii v sovremennoy Rossii i metodiki kreativnogo soprotivleniya [*Savva E.V., Savva M. V.* Political repression in modern Russia and techniques of creative resistance] in Publichnaya politika. Ed. M.B. Gornii and A.Yu. Sungurov, SPb, Norma, 2014. P. 83 (in Russian).

Schumpeter P. Capitalism, Socialism, and Democracy. N.Y.; L.: Routledge, 2000. P. 269.

Подвинцев О.Б.

ПОПЫТКА ФОРМИРОВАНИЯ НОВЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ В РЕГИОНАХ РФ: ЦЕЛИ, МЕХАНИЗМЫ, РЕЗУЛЬТАТЫ (2012–2014 гг.)

В статье рассматривается политика федерального центра по созданию дополнительной опоры в регионах России путем рекрутирования в политическую элиту авторитетных фигур из других сфер, а также «людей из народа». Ее основными механизмами стали корпус «доверенных лиц» В.В. Путина и Общероссийский народный фронт. В силу ряда причин, по мнению автора, такая политика оказалась обречена на неудачу.

Ключевые слова: *региональные элиты, федеральный центр, выборы, политическое рекрутирование, электоральный потенциал*

С наступлением 2010-х годов можно было констатировать дефицит эффективных каналов и механизмов взаимодействия между федеральной и региональной элитами в России, а также, как ни странно, определенные сомнения с той и другой стороны по поводу необходимости развития такого взаимодействия в принципе. В Кремле, вероятно, вообще хотели бы по возможности не утруждать себя каким-либо согласованием решений, в т.ч. и с региональными элитами. А региональные элиты, в свою очередь, уже не очень надеялись, что их мнение по принципиальным вопросам может быть услышано и принято во внимание руководством страны (См. об этом, например: Чирикова 2012).

При этом инициатива во внесении изменений в структуру этих взаимоотношений давно уже принадлежит только одной стороне — федеральному центру, другая же сторона вынуждена приспосабливаться к исходящим из Кремля нововведениям, что не исключает возможность их конечной трансформации в нужном ей направлении.

Следует также учитывать, что глава субъекта федерации («губернатор») остается ключевой политической фигурой на региональном уровне в современной России. Именно по отношению к этой фигуре структурируется в политической плоскости региональная элита. Соответственно, от того, чьим ставленником является глава субъекта федерации и на кого он опирается, во многом зависит построение отношений между федеральной и региональной элитами. Важное значение при

этом имеет способ наделения губернаторов полномочиями, который дважды менялся в течение неполных десяти лет.

Отмена прямых выборов глав субъектов РФ, как известно, произошла в 2004 году (последний раз такие выборы в тот период состоялись в начале 2005 года). Но только в 2008-2010 гг. прошла волна отстранения от власти в регионах наиболее влиятельных и сильных губернаторов (т.н. «тяжеловесов»). Такие губернаторы возглавляли, как правило, потенциально наиболее проблемные (с точки зрения федерального центра) и, одновременно, наиболее значимые субъекты федерации. Авторитет губернатора, опыт его команды и ресурсы сплотившейся вокруг него части региональной элиты обеспечивали относительную социальную и политическую стабильность этих регионов. Замена подобного губернатора на более слабую политическую фигуру неизбежно рушило эти сдерживающие механизмы. Навязанный федеральным центром губернатор уже не мог играть роль посредника во взаимоотношениях с региональным сообществом и сформировать собственную базу поддержки в регионе, если таковой не было раньше (Подробнее см. об этом: Губернаторский корпус... 2014). Ни одного губернатора «тяжеловеса» из новых назначенцев не получилось.

Однако, одним из следствий избавления федерального центра от губернаторов-«тяжеловесов» стало исчезновение одного из базисных ресурсов поддержки современной российской власти в целом и «Единой России», как «партии власти», в частности. После этого фактически единственным таким ресурсом (хотя и относительно достаточным до настоящего времени) осталась лишь популярность и харизма В.В. Путина¹. Именно лояльность «тяжеловесов» и принятие ими формата «Единой России» в первую очередь обеспечивали необходимый уровень поддержки «партии власти» в проблемных регионах. «Единая Россия» была не только «партией Путина», но и «партией Лужкова» в Москве, «партией Росселя» в Свердловской области, «партией Рахимова» в Башкортостане и т.д. Неудивительно, что в новых условиях «Единая Россия» не только лишилась части своей поддержки в ряде

¹ Как известно, согласно многочисленным опросам общественного мнения, ни один из российских политиков и институтов власти не может сравниться по уровню доверия и популярности у населения с В.В. Путиным. Однако, поддержка губернаторов-«тяжеловесов» в «своих» субъектах федерации была сопоставимой.

субъектов федерации в ходе электорального цикла 2011-2012 гг., но и стала утрачивать роль площадки для согласования федеральных и региональных интересов.

Всплески протестной активности в ряде регионов в 2010 году, относительные электоральные неудачи на парламентских выборах в 2011 году и, наконец, протестные выступления в Москве заставили федеральные власти пересмотреть порядок наделения полномочиями глав субъектов РФ и вернуть прямые выборы. Однако возвращение к прямым губернаторским выборам, благодаря новым принятым правилам их проведения и новым сложившимся неформальным практикам, практически не изменило ситуацию, при которой расстановка кадров на высшие должности в регионах является исключительной прерогативой федерального Центра. Тем не менее, сам по себе факт такого возвращения, пусть даже сопряженный с выхолащиванием сути института выборов, с нашей точки зрения, свидетельствует, что вариант «слабых, но послушных» губернаторов перестал полностью устраивать Кремль и в его политике по отношению к субъектам федерации возникли колебания.

Таким образом, избавившись от большинства «региональных баронов» и необходимости договариваться с ними, Кремль столкнулся с дефицитом рычагов воздействия и инструментов контроля в отношении политических процессов, протекающих на уровне субъектов федерации, а также пробуксовкой своей электоральной машины. В результате, стали предприниматься попытки исправить положение дел без возвращения к прежней системе.

Впервые это со всей очевидностью проявилось в ходе кампании по выборам депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ, прошедших в декабре 2011 г. Уже в преддверии данного голосования правящая на федеральном уровне группа постаралась перестроить механизмы своей политической работы с региональными элитами, пытаясь взаимодействовать с ними напрямую (т.е. минуя глав субъектов федерации и их администрации) и с использованием неких новых институтов. В этом контексте, по нашему мнению, следует рассматривать стартовавший в тот период процесс создания Общероссийского народного фронта.

Больше внимания стало уделяться рекрутированию в политику «людей из народа», представляющих тот или иной регион и способных, по мнению кремлевских политиков и технологов, обрести популяр-

ность и влияние. Неудивительно, что для этого стали использоваться в частности прямые линии и пресс-конференции, которые традиционно каждый год проводит В.В. Путин. Именно в ходе его прямого и публичного общения с «народом», еще до того, как он вновь занял пост Президента РФ, впервые заявили о себе будущий депутат Государственной Думы, «токарь из Перми» В.В. Трапезников, будущий полномочный представитель Президента в Уральском федеральном округе, «начальник танкового цеха» из Нижнего Тагила И.Р. Холманских и другие. С одной стороны, для выдвижения таких фигур Кремль с необходимостью использовал свой главный ресурс, «орудие главного калибра», с другой — изначально решалась задача их жесткого подчинения непосредственно «национальному лидеру».

Параллельно менялись приоритеты работы кремлевской администрации в отношении уже существующих региональных внутриэлитных групп. Правящие на федеральном уровне силы постарались сделать больший акцент на привлечение в политическую сферу ранее незадействованных в ней региональных общественных активистов, а также статусных и/или ставших уже публичными фигурами представителей социальных отраслей (образования и здравоохранения), науки, искусства, спорта.

Эта тенденция также обозначилась в ходе думской, но, особенно, уже президентской кампании. В частности, в связи с формированием списка доверенных лиц кандидата в Президенты РФ В.В. Путина, а также созданием во всех субъектах федерации и многих муниципалитетах штабов его общественной поддержки.

Всего зарегистрированный ЦИК список доверенных лиц Путина включал 520 человек¹. Среди них почти не было профессиональных политиков, зато было большое число фигур, впервые рекрутированных в политическую кампанию. В целом состав доверенных лиц Путина может быть разделен на три большие части — 1) лица, имеющие персональную общероссийскую известность, благодаря своей деятельности в той или иной сфере, либо занимающие должность, позволяющую

¹ Полный список был опубликован в «Российской газете» (См.: Постановление ... 2012). При этом основной список из 499 человек был зарегистрирован ЦИК 7 февраля 2012 г. Через два дня он был дополнен еще четырьмя фамилиями, а 13 февраля еще семнадцатью, среди которых большинство было из регионов.

рассматривать их как представителей экстерриториальной группы¹; 2) лица, имеющие персональную привязку только к Москве; 3) представители регионов. Их соотношение отражено в Таблице 1.

Таблица 1

**Количество «отраслевых», «московских» и «региональных»
представителей в списке доверенных лиц кандидата
в Президенты РФ В.В. Путина (февраль, 2012 г.)**

«отраслевые» (не имеющие привязки к конкретному субъекту федерации)	«москвичи»	«регионалы»
137	107	276

В дальнейшем, в силу ряда причин, доля «регионалов» в составе корпуса «доверенных лиц» выросла².

Достаточно сложен вопрос о том, кого из представителей третьей группы можно действительно считать частью региональных элит — т.е. лицами, оказывающими влияние на процесс принятия решений и обладающими значительным личным авторитетом в той или иной сфере в рамках своих субъектов федерации. Очевидно, что некоторые регионалы, как и ряд представителей первой группы, были включены в список не столько в личном качестве, сколько как олицетворение тех или иных социальных страт, другие же оказались в нем в результате различных форм и механизмов протекции. Поэтому для выяснения полной картины целый ряд конкретных случаев требует подробного рассмотрения и анализа. Тем не менее, и без него можно убедиться, что из большинства регионов в этот список был продуманно подобран круг достаточно влиятельных и авторитетных деятелей из различных сфер.

¹ Например, руководители отраслевых профсоюзов или национально-культурных центров крупных этнических групп (армян, азербайджанцев, немцев и т.д.), не имеющих территориальных автономий в РФ.

² См. официальный сайт Доверенные лица Путина (<http://doverennielitsa.ru/>). Во-первых, некоторые доверенные лица из первой группы впоследствии сложили с себя данные полномочия в связи с назначением на важные государственные посты. Во-вторых, среди «москвичей» было много представителей ветеранских структур (зачастую пользовавшихся особой известностью и влиянием только в отдельных районах города), которые находились в преклонном возрасте.

Интересно, что представительство различных регионов в данном списке не совсем соответствовало доле этих регионов в населении страны (см. Таблицу 2). Непропорционально большое число «доверенных лиц» приходится (помимо Москвы)¹, в частности, на регионы, внутренняя политическая ситуация в которых должна была в тот период расцениваться федеральным центром, как сложная. По крайней мере, в ряде из этих субъектов федерации вскоре произошла смена губернаторов (Свердловская область, Самарская область, Пермский край, Республика Дагестан, Приморский край, Волгоградская область, Иркутская область и т.д.).

Таблица 2

**Представительство различных субъектов РФ
в списке в списке доверенных лиц кандидата в Президенты РФ
В.В. Путина (февраль, 2011 г.)**

Регион	Процент населения России	Количество доверителей В.В. Путина (в скобках указано число доверителей, введенных дополнительно)
1	2	3
Москва	4,92	3
Краснодарский край	3,72	5
Санкт-Петербург	3,51	16
Свердловская область	3,01	5 (2) ²
Ростовская область	2,97	3
Республика Башкортостан	2,83	3
Республика Татарстан	2,67	4
Челябинская область	2,43	4
Нижегородская область	2,30	2

¹ Интересно, что на названном официальном сайте <http://doverennielitsa.ru/> по состоянию на июнь 2015 года по прежнему отсутствует список московской городской группы, в отличие от всех прочих групп, распределенных по субъектам федерации.

² В скобках дано число доверенных лиц, добавленных в список, позднее остальных.

Продолжение таблицы 2

1	2	3
Самарская область	2,24	6 (2)
Республика Дагестан	2,06	6
Красноярский край	1,99	5 (2)
Ставропольская область	1,95	5
Кемеровская область	1,91	3
Новосибирская область	1,89	4 (1)
Пермский край	1,84	5 (2)
Волгоградская область	1,80	4
Саратовская область	1,75	3
Иркутская область	1,69	4 (1)
Алтайский край	1,67	3 (1)
Воронежская область	1,63	3
Оренбургская область	1,41	3
Омская область	1,38	2
Приморский край	1,36	6 (2)
Ленинградская область	1,22	3
Ханты-Мансийский автономный округ	1,10	4
Белгородская область	1,08	4
Тульская область	1,07	4
Удмуртская республика	1,06	3
Владимирская область	0,99	3
Тюменская область	0,97	2
Пензенская область	0,95	3
Хабаровский край	0,94	3
Тверская область	0,93	3
Кировская область	0,92	3
Чеченская республика	0,92	3
Ульяновская область	0,89	4

Продолжение таблицы 2

1	2	3
Ярославская область	0,89	2
Брянская область	0,87	3
Чувашская республика	0,87	3
Вологодская область	0,83	2
Архангельская область	0,81	3
Липецкая область	0,81	3
Рязанская область	0,80	4
Курская область	0,78	2
Забайкальский край	0,76	3
Тамбовская область	0,75	3
Томская область	0,74	2
Ивановская область	0,73	2
Астраханская область	0,71	3
Калужская область	0,70	3
Республика Бурятия	0,68	3
Смоленская область	0,68	3
Калининградская область	0,67	4
Республика Саха	0,67	4
Курганская область	0,62	3
Республика Коми	0,61	2
Кабардино-Балкарская республика	0,60	2
Амурская область	0,57	2
Республика Мордовия	0,57	4
Мурманская область	0,54	2
Орловская область	0,54	3
Республика Северная - Осетия Алания	0,49	2 (1)
Республика Марий Эл	0,48	3

Окончание таблицы 2

1	2	3
Костромская область	0,46	3
Псковская область	0,46	3
Республика Карелия	0,44	3
Новгородская область	0,44	3
Ямало-Ненецкий автономный округ	0,38	3
Республика Хакасия	0,37	3
Сахалинская область	0,34	2
Карачаево-Черкесская республика	0,33	3
Республика Адыгея	0,31	2
Республика Ингушетия	0,31	2
Камчатский край	0,22	3
Республика Тыва	0,22	3
Республика Калмыкия	0,20	2
Республика Алтай	0,15	3
Еврейская автономная область	0,12	3
Магаданская область	0,11	4
Чукотский автономный округ	0,04	3
Ненецкий автономный округ	0,03	4
Всего	100	276

Заслуживает внимания и тот факт, что некоторые представители именно наиболее крупных и развитых регионов были внесены в список не сразу, а спустя почти две недели после его первоначальной публикации — видимо, их подбирали особенно тщательно. Хотя сама технология такого подбора в этих и других случаях, очевидно, заслуживает критики. Есть основания считать, что данный подбор проводился в ос-

новном по формальным параметрам, без глубокого анализа ситуации на местах и подробного знакомства с кандидатами.

Тот же принцип привлечения новых авторитетных лиц, ранее незадействованных или задействованных слабо в политической деятельности, был положен и в основу формирования региональных штабов поддержки будущего Президента РФ. При этом в некоторых субъектах федерации активно использовались для этого созданные в предшествующий период институты взаимодействия с гражданским обществом, которые неоднократно характеризовались исследователями как формальные и зачастую используемые для политического манипулирования (См.: Сунгуров, Захарова, Петрова 2012; Сунгуров, Распопов, Глухова 2013). Например, в Самарской, Ивановской, Волгоградской областях и ряде других регионов штабы поддержки возглавили руководители или члены региональных Общественных палат, в Ставропольском крае — Уполномоченный при губернаторе по правам ребенка и т.д. Штабы дистанцировались как от органов власти региона, так и от структур «Единой России» (глава ростовского областного штаба, например, подчеркивал, что он «на 90 процентов будет состоять из беспартийных» (Ростовский штаб... 2012).

Таким образом, в деятельность штабов поддержки В.В. Путина как кандидата на пост Президента РФ, также были вовлечены многочисленные политические новобранцы. Однако, в отличие от доверенных лиц, в состав членов штабов поддержки Путина в разных субъектах федерации в большей степени были включены и опытные политики (зачастую отставные), а также профессиональные политтехнологи. Несмотря на то, что число их было невелико, им, очевидно, отводилась координирующая и направляющая роль в отношении дилетантов от политики, с которой они далеко не всегда успешно справлялись.

Есть достаточно оснований полагать, что вклад доверенных лиц и общественных штабов поддержки в победу В.В. Путина на президентских выборах не был особенно значимым. Более того, своими неумелыми и неуклюжими действиями «штабисты» зачастую провоцировали нежелательные в условиях избирательной кампании скандалы во взаимоотношениях с оппонентами, откровенно нарушали избирательное законодательство по причине его полного незнания и т.д.

Однако, несмотря на сомнительную эффективность действий набранных рекрутов, их не демобилизовали после завершения избирательной кампании. В декабре 2012 года на встрече Путина со своими

доверенными лицами было объявлено, что такие встречи должны теперь проводиться регулярно. Доверенные лица, как было заявлено, должны были стать связующим звеном между главой государства и обществом. С ними должны были обсуждаться все ключевые политические вопросы в жизни страны. Предполагалось, очевидно, что члены этого собрания станут также глашатаями перед Президентом от лица населения своих регионов. При этом участников данного неформального собрания настойчиво призывали вступать в Общероссийский народный фронт, которому в ближайшее время должен был быть придан официальный статус. Таким образом, речь шла не только о продолжении, но и об интеграции двух проектов.

Соответственно, главы субъектов федерации оказались вынуждены считаться с формирующимися внутриэлитными объединениями, призванными стать новой опорой федеральной власти в регионах. Для губернаторов на какое-то время стало обязательным встречаться с местными доверенными лицами Путина и обсуждать с ними проблемы региона. Тем не менее, фактически, ни в одном регионе доверенные лица Президента так и не стали сплоченной, самостоятельной и влиятельной группой, способной контролировать ход политических процессов.

В 2013 году важным событием политической жизни на уровне субъектов РФ стало формирование региональных структур ОНФ (Народного фронта «За Россию»). Интересно, что было принято решение о коллективном руководстве региональными отделениями, которое в каждом случае должно состоять из трех человек. Учитывая высокую степень персонифицированного восприятия политических сил, свойственную российской политической культуре и сложившуюся практику идентификации и оценки списков кандидатов от избирательных объединений по первым трем фигурам, подобный дизайн руководства региональных отделений Народного Фронта вряд ли был случаен¹.

Очевидно, что, исходя из этого принципа, при формировании руководства региональных структур ОНФ необходимо было следовать двум установкам: во-первых, включить в «тройки» известные, авторитетные и ресурсообеспеченные фигуры, во-вторых, обеспечить в них символи-

¹ Показательно, что формально все три сопредседателя должны были быть равны по своему статусу, однако, во многих регионах их фамилии, в т.ч. и официально, перечислялись, отнюдь, не в алфавитном порядке.

ческое представительство различных социальных групп. На практике эти две установки противоречат друг другу. Если базовым становится именно принцип «символического представительства», это неизбежно ослабляет формируемый орган. Однако так и происходило во многих случаях с руководящими «тройками» ОНФ. Например, состав «тройки» регионального отделения ОНФ в Свердловской области трактовался следующим образом: «Промышленность региона олицетворяет ветеран УВЗ Валерий Якушев (1941 г.р., пенсионер, в 2011 г. избран депутатом Государственной Думы по списку «Единой России» — О.П.), способный «достойно представлять промышленность Урала и рабочий класс». Бюджетную сферу представит Лариса Фечина (заместитель главного врача областной детской клинической больницы — О.П.), а Николай Косарев (ректор Уральского государственного горного университета — О.П.) олицетворяет собой образовательное сообщество» (Тройка... 2013).

Как следствие, сами выдвиженцы, зачастую, были настроены пассивно, понимали стоящие перед ними задачи слишком узко и преимущественно в лоббистском ключе. Например, один из сопредседателей отделения ОНФ в Липецкой области, технолог, труболитейщик металлургического завода «Свободный сокол» Дмитрий Бутырский следующим образом описывал видение своей роли в руководстве региональной структуры данной организации: «Я представляю в ОНФ весь коллектив нашего предприятия. Посчитали меня самым ответственным. Я здесь работаю двадцать лет, был крановщиком, механиком и мастером, всех знаю рабочих. <...> Поэтому меня, наверное, и выдвинули. Я не против: устав и задачи Народного фронта мне нравятся. Да и за мной ведь стоит один из важнейших отечественных заводов — мы льем лучшую в России трубу. **Надеемся, что ОНФ нам поможет** (выделено мной — О.П.)» (Бутырский 2013).

Однако на практике в основу формирования руководящих троек ОНФ в разных регионах оказались положены различные подходы. В целом, с нашей точки зрения можно выделить четыре варианта (модели) образования этих троек. Первый вариант — формирование преимущественно из представителей «старой» элиты под контролем главы субъекта федерации. Второй — преимущественно из политических «новичков», но не обладающих собственными, необходимыми для продвижения в данной сфере ресурсами. Третий — преимущественно из руководителей и представителей региональных отделений организаций-учредите-

лей ОНФ (т.е., предположительно, полностью по формальному принципу). Четвертый — преимущественно из независимых от существующей региональной власти фигур, обладающих собственным значимым политическим потенциалом. В Таблице 3 приведено распределение данных моделей по конкретным субъектам РФ по состоянию на начало 2014 года. Данное распределение проведено исключительно на основе экспертной оценки автором каждого случая. Учитывалась статусная позиция каждой персоны, наличие и характер политического опыта, а также возраст, пол и некоторые другие характеристики. Во внимание принималась также политическая ситуация в регионе и характер сложившегося там властного режима.

Автор сознает, что в ряде случаев его оценки могут оказаться субъективными и быть оспорены. Тем более, что не во всех случаях он располагал достаточными данными. Однако, как представляется, это не должно ставить под сомнение основные из выявленных тенденций. Показательно, например, что в первой группе в основном оказались регионы, где у власти находятся губернаторы, которые, с одной стороны, пользуются особым доверием Кремля, а, с другой, хорошо контролируют местную ситуацию. Во второй — большинство субъектов федерации с сильными региональными элитами, в третьей — со слабыми (там оказалось, что рекрутировать в «тройки» особенно не из кого), а четвертая группа стала самой многочисленной. Наличие в «тройке» «доверенных лиц» Президента усиливало соответствующий эффект — если заведомо слабая в политическом отношении фигура оказывалась и на позиции «доверенного лица», и в «тройке» руководителей региональной структуры ОНФ, возможности для маневра при вмешательстве в региональные политические процессы у федеральной власти еще больше сужались, если же, напротив, в составе «тройки», члены которой обладали собственными политическими ресурсами, один или два из них являлись еще и «доверенными лицами», такие возможности еще больше увеличивались.

Таким образом, лишь примерно в половине случаев Кремлю удалось сформировать в регионах некий новый центр политического влияния, который был самостоятелен по отношению к региональной власти и мог стать (без гарантии, что это произойдет на самом деле) прямым проводником и опорой для федерального Центра.

При этом в большинстве регионов собственно электоральный потенциал образованных троек оказался еще более сомнителен. Неясными

Таблица 3

**Распределение по регионам моделей формирования
руководящих «троек» ОНФ (в скобках дано количество
доверенных лиц В.В. Путина, вошедших в «тройки»,
если таковые в них присутствовали)**

Модель I	Модель II
Белгородская область, республика Дагестан (1), республика Ингушетия, Кемеровская область, республика Мордовия (1), Москва, Саратовская область (1), Чеченская республика (2), Ямало-Ненецкий автономный округ.	Астраханская область (1), Волгоградская область, Забайкальский край (2), Иркутская область, Камчатский край, республика Карачаево-Черкесия, Краснодарский край (1), Красноярский край, Ленинградская область, Липецкая область, Московская область (1), Новосибирская область, Оренбургская область, Пермский край (1), Ростовская область, Санкт-Петербург, Свердловская область (2), Тверская область (1), Ульяновская область, Хабаровский край (1), республика Хакассия, Ханты-Мансийский автономный округ, Челябинская область, Ярославская область.
Модель III	Модель IV
Амурская область (1), Вологодская область, республика Марий Эл (1), Новгородская область (1), Смоленская область (1).	Адыгея (1), республика Алтай, Алтайский край (1), Архангельская область, Брянская область, республика Бурятия, Владимирская область (2), Воронежская область (1), Еврейская автономная область (1), Ивановская область (1), республика Кабардино-Балкария (1), Калининградская область (2), республика Калмыкия, Калужская область, республика Карелия, Кировская область (1), республика Коми, Костромская область, Курганская область (2), Курская область, Магаданская область (1), Мурманская область, Ненецкий автономный округ (1), Нижегородская область, Омская область (1), Орловская область, Пензенская область, Псковская область (1), Рязанская область, Самарская область (1), республика Саха (Якутия) (1), Сахалинская область (1), республика Северная Осетия — Алания, Ставропольский край (1), Тамбовская область (1), Республика Татарстан, Томская область (1), республика Тува, Тульская область (1), Тюменская область (1), республика Удмуртия, Чувашская республика, Чукотский автономный округ.

остаются до настоящего времени и политические перспективы ОНФ в целом. Многие влиятельные региональные игроки приняли участие в борьбе за контроль над местными структурами ОНФ лишь «на всякий случай». Следует отметить также, что уже в первые месяцы после завершения формирования руководящих «троек» среди их членов в ряде регионов начались личные конфликты, в том числе и перетекающие в публичную плоскость. В последующие два года были случаи, когда критика со стороны местных структур ОНФ служила индикатором приближающейся смены руководства того или иного субъекта РФ, но лишь в одном из этих случаев (Брянская область) такая смена была осуществлена при опоре на кадры данного отделения. При этом, интересно, что в Москве, например, руководство городского штаба ОНФ в мае 2015 года подверглось радикальному обновлению в его состав был включен ректор ВШЭ Ярослав Кузьминов, перед которым ставилась задача «привлечь к работе движения москвичей с либеральными взглядами», и депутат Государственной Думы Вячеслав Лысаков, известный своей критикой действий московской мэрии. При этом и сами представители ОНФ и близкие к ним эксперты признавали, что «фронт» по сути, не являлся до этого реальным субъектом политики в столице (См.: Рубин 2015).

Итак, сделав ставку на неангажированных и неполитизированных ранее представителей местных элит, Кремль, очевидно, стремится создать новую и более прочную опору в регионах, способную, в частности, выполнять мобилизующую роль в ходе электоральных кампаний не только федерального, но и регионального и локального уровней. В этом случае можно было бы обойтись без посредничества губернаторов и игнорировать «неудобную» часть региональных элит, требующих учета своей позиции и стремящихся к продолжению политического торга. В условиях резко выросшей в 2014 году поддержки Президента РФ В.В. Путина данная задача в некоторой степени утратила свою актуальность, однако лишь на время.

Тем не менее, есть основания полагать, что действия Кремля по перестроению в удобном для себя ключе региональных элит не дают желаемого эффекта вполне закономерно, и, соответственно, не смогут обеспечить его и в дальнейшем.

Во-первых, имиджевый потенциал новых региональных партнеров федеральной правящей группы плохо конвертируется или не конвертируется вовсе в полноценное политическое влияние. Если даже в период

президентской избирательной кампании рекрутированные из неополитических сфер новобранцы в основном либо вели себя пассивно, либо своими неумелыми действиями фактически играли на руку оппонентам, то тем более бесполезны они оказываются в условиях рутинной и позиционной политической борьбы.

Во-вторых, набранные из различных сфер «доверенные лица» слабо поддаются сплочению, в лучшем случае образуя что-то вроде клуба, но не структурированную группу с четким разделением функций и ответственности. В их среде зачастую отсутствуют неформальные лидеры, и не наблюдается большого наплыва желающих взять на себя эту роль. Профессиональные политики и политтехнологи, введенные в эти группы, чувствуют ограниченность своих возможностей. Следует признать, что если у кремлевских стратегов при формировании списков авторитетных сторонников Путина в ходе избирательной кампании 2012 года, очевидно, были уже далеко идущие планы, исполнители на местах, а также сами представители региональных элит рассматривали эту свою активность в основном все же как разовое мероприятие. Поэтому не всех из них вдохновил в дальнейшем призыв к вступлению в ОНФ и в целом к продолжению политической активности.

В-третьих, выстраиваемая федеральной властью новая политическая опора в регионах, по сути своей, неспособна охватить или нейтрализовать слишком значительную и ресурсообеспеченную часть региональной элиты в тех субъектах федерации, где существует в настоящее время сложный политический ландшафт, многочисленные и переплетающиеся внутриэлитные конфликты, протекающие на фоне роста политической активности (такая ситуация характерна для большинства территорий, где раньше находились у власти «губернаторы-тяжеловесы»). В регионах же, где, напротив, сохраняется авторитарный или полуавторитарный контроль над политическими процессами, новый формирующийся институт оказывается малозначимым придатком к существующей уже системе.

Таким образом, главы субъектов федерации и их администрации в обозримом будущем, вероятно, будут оставаться основным и тоже не очень эффективным звеном взаимодействия федеральной и региональных политических элит.

Сложно сказать, является ли рассмотренная линия продуманной и утвержденной стратегией или выражением неких настроений, охватывающих время от времени правящую на федеральном уровне группу.

Тем не менее, по сути, имеет место попытка конструирования альтернативных региональных элит, замкнутых непосредственно на президенте Путине. Попытка смелая и масштабная по своему замыслу, но, очевидно, не имеющая шансов на практическую реализацию. Вероятно, это в какой-то мере чувствует и часть инициаторов. Поэтому реализация данного замысла идет медленно и непоследовательно. Полностью ее результаты должны стать очевидны в 2016 году в ходе избирательной кампании по выборам депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ, сопряженной с проведением целой серии региональных и муниципальных голосований — перед Кремлем неизбежно встанет дилемма: вернуться ли к политике торго и коалиционных согласований со «старыми» и/или самостоятельно формирующимися региональными элитами или почувствовать себя способным опереться на новые созданные структуры и группы.

ЛИТЕРАТУРА

Бутырский Д. Без тяжелой промышленности нам не выжить // Официальный сайт ОНФ. 02.08.2013. URL: <http://onf.ru/2013/08/02/dmitrij-buty-rskij-bez-tyazhelej-promy-shlennosti-rossii-ne-vy-zhit-2/> (дата обращения: 01.07.2015).

Губернаторский корпус в условиях трансформаций политической системы Российской Федерации / Под общей редакцией Я.Г.Ашихминой, П.В.Панова, О.Б.Подвинцева. Пермь: Перм науч. Центр УрО РАН, 2014.

Постановление Центральной избирательной комиссии Российской Федерации от 6 февраля 2012 г. N 96/767-6 “О регистрации доверенных лиц кандидата на должность Президента Российской Федерации Владимира Владимировича Путина”. URL: <http://www.rg.ru/2012/02/07/spisok-putin-site-dok.html> (дата обращения: 07.02.2012).

Ростовский штаб поддержки Путина на 90% будет состоять из беспартийных // РИА Новости. 11.01.2012. URL: <http://ria.ru/politics/20120111/537149339.html> (дата обращения: 01.07.2015).

Рубин М. Ректор Высшей школы экономики возглавил Народный фронт в Москве // РБК. 12.05.2015. URL: <http://top.rbc.ru/politics/12/05/2015/5551dc349a794776dd413f8f> (дата обращения: 01.07.2015).

Сунгуров А. Ю., Захарова О. С., Петрова Л. А., Распопов Н. П. Институты-медиаторы и их развитие в современной России. 1. Общественные палаты и консультативные советы: федеральный и региональный опыт // Полис (Политические исследования). 2012. № 1. С. 165-178.

Сунгуров А. Ю., Распопов Н. П., Глухова Е. А. Институты-медиаторы и их развитие в современной России. III. Институт Уполномоченного по правам человека // Полис (Политические исследования). 2013. № 2. С. 108-124.

Тройка главных «фронтовиков» определилась на Среднем Урале — куратор из АП прибыла на мероприятие инкогнито // Накануне.ru. 16.10.2013. URL: <http://www.nakanune.ru/news/2013/10/16/22327669> (дата обращения: 01.07.2015).

Чирикова А.Е. Институт региональной власти в России: современные политические тенденции и неформальные практики // Казанский федералист. 2012. № 4 (30) осень. С. 22-51.

REFERENCES

Butyrskiy D. Bez tyazheloy promyshlennosti nam ne vyizhit [Butyrsky D. Without heavy industry we can not survive] // Official site of the ONF. 02.08.2013. URL: <http://onf.ru/2013/08/02/dmitrij-buty-rskij-bez-tyazhelej-promy-shlennosti-rossii-ne-vy-zhit-2/> (available 01/07/2015) (in Russian).

Chirikova A.E. Institut regionalnoy vlasti v Rossii: sovremennyye politicheskie tendentsii i neformalnyye praktik [Chirikova A.E. Institute of regional power in Russia: modern political tendencies and informal practices], *Kazanskiy federalist*, 2012, 4 (30) autumn, pp. 22-51 (in Russian).

Gubernatorskiy korpus v usloviyah transformatsiy politicheskoy sistemy Rossiyskoy Federatsii [Governors in the transformation of the political system of the Russian Federation], ed. by Ya.G.Ashihminoy, P.V.Panova, O.B.Podvintseva. Perm: Perm scientific. Center of UB RAS, 2014 (in Russian).

Postanovlenie Tsentralnoy izbiratelnoy komissii Rossiyskoy Federatsii ot 6 fevralya 2012 g. N 96/767-6 “O registratsii doverennykh lits kandidata na dolzhnost Prezidenta Rossiyskoy Federatsii Vladimira Vladimirovicha Putina”. [Resolution of the Central Election Commission of Russia on February 6, 2012 N 96 / 767-6 “On the registration of authorized representatives of Vladimir Vladimirovich Putin - the candidate for the post of the Russian Federation President”]. URL: <http://www.rg.ru/2012/02/07/spisok-putin-site-dok.html> (available 07.02.2012) (in Russian).

Rostovskiy shtab podderzhki Putina na 90% budet sostoyat iz bespartiynykh [Rostov Putin’s support staff of 90% will consist of a non-party] // RIA Novosti. 11.01.2012. URL: <http://ria.ru/politics/20120111/537149339.html> (available 01/07/2015) (in Russian).

Rubin M. Rektor Vyisshey shkolyi ekonomiki vozglavil Narodniy front v Moskve // RBK. 12.05.2015 Rubin M. Rector of the Higher School of Economics led the Popular Front in Moscow // RBC. 05/12/2015. URL: <http://top.rbc.ru/politics/12/05/2015/5551dc349a794776dd413f8f> (available 01/07/2015) (in Russian).

Sungurov A.Yu., Raspopov N.P., Gluhova E.A. Institutyi-mediatoriy i ih razvitie v sovremennoy Rossii. III. Institut Upolnomochennogo po pravam cheloveka [Sungurov A.Y., Raspopov N.P., Glukhov E.A. Institutes-mediators and their development in modern Russia. III. Institute of Human-rights Ombudsman], *Polis (Politicheskie issledovaniya)*, 2013, 2, pp. 108-124 (in Russian).

Sungurov A.Yu., Zaharova O.S., Petrova L.A., Raspopov N. P. Institutyi-mediatoriy i ih razvitie v sovremennoy Rossii. 1. Obschestvennyye palaty i kon-

sultativnyie sovetyi: federalnyi i regionalnyi opyt [*Sungurov A.Y., Zakharova O.S., Petrova L.A., Raspopov N.P.* Institutions-mediators and Their Development in Contemporary Russia. 1. Public Chambers and Consultative Councils: Federal and Regional Experience, *Polis (Politicheskie issledovaniya)*], 2012, 1, pp. 165-178 (in Russian).

Troyka glavnyih «frontovikov» opredelilas na Srednem Urale — kurator iz AP pribyila na meropriyatie inkognito [Three main “veterans” are defined in the Central Urals - the curator of the AP came to the event incognito] // Nakanune.ru. 16.10.2013. URL: <http://www.nakanune.ru/news/2013/10/16/22327669> (available 01.07.2015) (in Russian).

Сунгуров А.Ю.

ВЛАСТЬ И ЭКСПЕРТНОЕ СООБЩЕСТВО: ИНСТИТУТЫ И ПРАКТИКИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ¹

Статья посвящена сравнительному анализу различных организационных форм и практик взаимодействия власти и экспертного сообщества в российских регионах. Проанализированы основные тенденции и варианты такого взаимодействия для 1990-х годов прошлого века и за первые пятнадцать лет века нынешнего. При проведении исследования использовалась информация, представленная в Интернете, материалы печатных и электронных СМИ, а также около 70 интервью с представителями четырех групп респондентов — представителями власти, общественных организаций, СМИ и научного сообщества. На основании полученной в ходе исследования информации выделено три основных варианта (модели) появления и развития «фабрик мысли» и иных форм самоорганизации экспертных сообществ в российских регионах, характерных для 1990-х годов прошлого века, а также семь моделей выживания и (или) угасания рассматриваемых структур в начале этого века.

Ключевые слова: власть, экспертные сообщества, «фабрики мысли», взаимодействие региональных властей и экспертных сообществ, модели выживания экспертных сообществ.

Одним из важных аспектов современного политического процесса, или иначе, процессов публичной политики (policy) являются формы и методы участия экспертного сообщества в подготовке, принятии и реализации политико-управленческих решений различного вида и уровня. Насколько востребовано научное экспертное мнение по конкретным вопросам местной и региональной политики, сводится ли участие экспертного сообщества исключительно к ответам на поставленные властью вопросы, или эксперты могут сами выдвигать предложения по общественной «повестке дня»? Какие организационные формы содействуют хотя бы относительной независимости экспертов?

В этой связи может оказаться полезной концепция пограничных структур (boundarystructure), возникающих на границах между систе-

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ (12.03.00551) и грантам НФ НИУ ВШЭ.

мой научного знания и системой власти, например, системой администрирования, управления различными политиками в данной местности, стране или регионе. Понятие (и даже теория) таких пограничных структур была предложена для границы наука-власть в 1999–2000 гг. Дэвидом Гастоном (Guston 1999, 2000), и развита затем в работах ряда авторов (Hellström, Jacob 2003; Hoppe, Wesselink, Cairns 2003).

В качестве примеров таких пограничных структур вначале рассматривались преимущественно научно-консультативные советы, созданные при органах власти. Главным достоинством подобных «пограничных структур» считается их способность обеспечить «институциональное пространство, в рамках которого могут развиваться и эволюционировать долговременные двухсторонние коммуникации, развиваются новые технологии управления, и сами границы оказываются преодоленными (Cash 2001: 450). Сегодня к «пограничным структурам» относят уже и организации типа «фабрик мысли» (Medvetz 2012).

Отметим, что практически одновременно с Дэвидом Гастоном нами было предложено близкое к концепции «пограничных организаций» представление о существовании в поле публичной политики особых институтов — посредников, выполняющих медиаторскую функцию (Сунгуров 1999). При этом мы исходно рассматривали не только отношение наука — власть, но и наука — общество и общество — власть, и в качестве институтов модераторов видели не только «фабрики мысли», но и общественно-консультативные советы и институт омбудсмана.

Настоящая статья посвящена сравнительному анализу различных организационных форм и практик взаимодействия власти и экспертного сообщества в российских регионах; при этом мы рассмотрим основные тенденции и варианты такого взаимодействия для 1990-х годов прошлого века и за первые пятнадцать лет века нынешнего. При проведении исследования использовался анализ информации, представленной в Интернете, материалы печатных и электронных СМИ. Кроме того, в 2012–2014 гг. состоялись экспертные поездки в семь российских регионов — в Краснодарский и Пермский края, Калининградскую, Самарскую, Саратовскую, Свердловскую, и Челябинскую области. В этих регионах было проведено от семи до четырнадцати полуструктурированных экспертных интервью с представителями четырех групп респондентов — представителями власти, общественных организаций, СМИ и научного сообщества. В Краснодарском крае, в Калининград-

ской, Саратовской, Свердловской и Челябинской областях были также проведены фокус—группы, участники которых представляли четыре упомянутые выше группы респондентов. Кроме того, ряд экспертных интервью был взят в Алтайском крае, в Иркутской, Нижегородской, Новосибирской, Томской и Ярославской областях и в Санкт-Петербурге и Москве. Всего было проведено около семидесяти таких интервью. При анализе текстов расшифрованных экспертных интервью и фокус-групп использовался метод «категориальной схемы анализа содержания» (Пацельт 2004).

На основании полученной в ходе исследования информации мы можем выделить три основных варианта (модели) появления и развития «фабрик мысли» и иных форм самоорганизации экспертных сообществ в российских регионах, характерных для 1990-х годов, а также восемь моделей выживания и (или) угасания рассматриваемых структур в начале этого века.

«ФАБРИКИ МЫСЛИ» КАК ОСНОВНАЯ ФОРМА ОРГАНИЗАЦИИ ЭКСПЕРТНЫХ СООБЩЕСТВ В ДЕВЯНОСТЫЕ ГОДЫ XX ВЕКА

Ранее нами были выделено три основных условия появления и развития фабрик мысли в различных странах. Это, прежде всего, наличие «спроса» — определенный уровень «политического плюрализма», появление самого «политического рынка», включающего наличие более чем одного источника власти. Во-вторых, это наличие «предложения» — наличие сообщества политологов и политических экспертов. Наконец, это наличие разнообразных финансовых ресурсов, включая и частные фонды, которые позволяют «фабрикам мысли» сохранять определенную независимость от властных структур (Балаян, Сунгуров 2014). В 1990-е годы в России и ее регионах присутствовали первое и третье из этих условий, второе же постепенно формировалось, что обусловило появление и развитие разнообразных «фабрик мысли».

Вариант 1. «Реформаторы во власти» иницируют создание «фабрик мысли» как своей интеллектуальной опоры. Ярким примером реализации такого варианта может служить появление еще в Ленинграде Международного центра социально-экономических исследований «Леонтьевский центр». Инициатором его создания стал заместитель председателя Ленинградского исполкома А.Б.Чубайс, который понимал, что для реализации реальной экономической реформы,

за которую он отвечал, ему будет нужен серьезный и эффективный «мозговой центр». Основу «Леонтьевского центра» составили молодые и уже не очень молодые экономисты, участники клубов «Перестройка» и «Синтез», а также их коллеги из академического Института социально-экономических проблем, из экономических вузов города. После вхождения ряда питерских экономистов в состав Правительства России, «Леонтьевский центр» стал также интеллектуальной базой и для команды российских реформаторов.

Тесное взаимодействие с администрацией города продолжало существовать, особенно в период пребывания на посту мэра А.Собчака, и, в меньшей степени — в период губернаторства В. Яковлева. Присутствие в правительстве города части экономической реформаторской команды А. Чубайса — А. Кудрина, М. Маневича, Г. Грефа и их коллег — обеспечивало постоянные заказы для «Леонтьевского центра». Во второй половине девяностых годов основным фокусом деятельности «Леонтьевского центра» была разработка Стратегического плана развития города, реализуемого при финансовой поддержке Всемирного банка и организационно-административной — губернатора Санкт-Петербурга В. Яковлева.

История развития нижегородских «фабрик мысли», также как и Санкт-Петербургских, началась с инициативы реформаторски настроенного высокопоставленного сотрудника исполнительной власти. В Нижнем Новгороде им оказался Директор департамента экономики и прогнозирования областной администрации, д.э.н. В.Н. Козлов. В 1992 г. по его инициативе и с целью научно-прикладного, информационно-консультационного и организационно-методического обеспечения экономических реформ в Нижегородской области был создан Нижегородский институт экономического развития (НИЭР). Уже в 1993–1994 гг. НИЭР, в сотрудничестве с Deutsche Industry Consulting (Германия), провел комплекс работ по оценке социально-экономического потенциала Нижегородской области.

В том же 1992 г. и также по инициативе Д.Ф. Козлова был создан Нижегородский исследовательский фонд (НИФ), который вначале позиционировал себя как независимый научно-исследовательский институт в области экономики. Спустя три года этот фонд расширил поле своей деятельности, в него влилась группа ученых-гуманитариев, объединившихся с начала 1990-х годов вокруг исследования проблем регионализма и федерализма. Известные нижегородские эксперты в об-

ласти социальных наук С.В. Борисов, А.В. Дахин, А.С. Макарычев, Н.П. Распопов и другие образовали новый Совет НИФа. Вскоре НИФ превратился из фактически клубного объединения в эффективную, постоянно действующую «фабрику мысли».

Аналогичные процессы происходили в это время и в других регионах России. Так, в Калининграде в первой половине 1990-х гг. появился аналитический фонд под названием «Региональная Стратегия». У его «колыбели» стояли первый губернатор области, профессор Ю.Маточкин и политолог-экономист, в будущем — депутат Областной думы нескольких созывов, С. Гинзбург. После проигрыша Ю.Маточкиным на выборах губернатора именно фонд стал одной из форм приложения им своих аналитических и организационных возможностей. Наряду с проведением мониторинга социально-экономической ситуации в регионе фондом издавался аналитический бюллетень, который успешно раскупался российскими и иностранными бизнес — и властными структурами.

Вариант 2. Избранные губернаторы — политики видят необходимость реального экспертного сопровождения. Опыт губернаторов, прошедших реальные избирательные компании, приводил их к пониманию необходимости опоры на экспертное сообщество. Каждый из них видел эту опору в своем свете. Так, например, Э.Э. Россель, создавший после отставки с поста губернатора Свердловской области в 1993 г. движение «Преображение Урала» и победивший на выборах губернатора области в 1995 г., инициировал создание Уральского института регионального законодательства, через который проходили все областные законопроекты. Такие институты были созданы только в Воронежской и Иркутской областях. При этом институте работал Экспертный совет из десяти видных юристов области. Позиция этого совета учитывалась депутатами при принятии законов, иногда он выступал и против предложений губернатора¹.

Другой губернатор — «тяжеловес», Д.Ф. Аяцков, возглавлявший Саратовскую область в 1996–2005 гг., понимал важность постоянного общения с экспертным сообществом и принимал активное участие в так называемом Круглом столе политических аналитиков города Саратова, созданном начальником информационно-аналитического управ-

¹ Интервью с М.В. Кучиным, директором Уральского института регионального законодательства в 2008–2012 гг., Екатеринбург, ноябрь 2012 г.

ления при правительстве области О.Н. Фоминым. «В основном, это были люди из науки. Сначала это было шесть человек, мы проработали лет пять. Потом уже приняли свое положение кого мы принимаем <...> И потом, когда пришел Аяцков, они уже меня стали использовать для круглого стола и большую такую проблему обсуждали, например, «возможны ли региональные диалоги?», туда приезжали и депутаты Госдумы»¹. При другом губернаторе-политике К.А. Титове, долгое время существовал Совет по вопросам развития и управления Самарской области, причем существовал в виде зарегистрированной автономной некоммерческой организации. Руководителем этого совета был директор Института проблем управления сложными системами РАН, д.т.н. В.А. Виттих. В состав совета входили и мэр г. Саратова, и руководители сильных НКО. «Этот совет, например, издал не менее десятка докладов по различным вопросам и направлениям <...> партнерство было достаточно хорошее с Администрацией области, и доклады, которые выдавались, их действительно можно было оценить и с общественной позиции, и с научной, и с прикладной практической»².

Еще одной разновидностью этого варианта может служить ситуация в Республике Карелия в 1997–1998 гг., когда мэр Петрозаводска С.Л. Катанандов, готовясь к схватке на выборах Председателя Правительства (главы) республики с действующим главой В.Н. Степановым, решил опереться при разработке своей предвыборной программы на председателя Карельского научного центра РАН А.Ф. Титова. Ранее, в 1993–1994 гг., д.б.н. Титов был инициатором создания в Петрозаводске Карельского филиала Гуманитарно-политологического центра СТРАТЕГИЯ, замышлявшегося тогда как региональная «фабрика мысли». Тогда этот проект не дал результатов, но после победы С.Л. Катанандова А.Ф. Титов стал научным руководителем временного творческого коллектива по разработке Концепции социально-экономического развития республики на четыре года, а затем на базе этого коллектива был создан научно-исследовательский центр «Перспектива».

Вариант 3. Инициативы со стороны ученых, участников демократических процессов начала 1990-х годов, получивших опыт работы в первых демократически избранных советах или их исполкомах.

¹ Интервью с О.Н. Фоминым, Саратов, сентябрь 2012 г.

² Интервью с Н.А. Гавриловым, президентом Самарского центра «Право», Самара, апрель 2013 г.

Именно в первой половине девяностых, многие ушедшие в политику ученые стали понимать, что без серьезных знаний в области процессов политического управления они как политики будут делать еще больше ошибок, чем их предшественники во власти. Обладая весьма приблизительным знанием о «фабриках мысли», они решали использовать эту форму организации экспертного знания для разработки предложений о дальнейшем развитии демократических реформ и содействия становлению гражданского общества. Примером может служить деятельность созданного в 1993 г. в СПб гуманитарно-политологического центра СТРАТЕГИЯ (Сунгуров 2007), который к концу 1990-х годов реализовывал во многих российских регионах такие проекты, как развитие института Уполномоченного по правам человека, общественное участие в бюджетном процессе, Гражданские инициативы по предотвращению коррупции и т.д., получая финансирование своих проектов от Совета Европы, Европейского Союза, фондов Макартуров и Форда и т.д.

В Пскове группа местных интеллигентов и активистов демократического движения (В. Вагин, Э. Моппель, Л. Шлосберг и др.) в начале 1990-х гг. создала целый комплекс образовательных и аналитико-внедренческих структур, среди которых наиболее заметными стали псковский Вольный университет и Центр социального проектирования «Возрождение». Вольный университет стал интересным примером негосударственного вуза с достаточно явно очерченной в то время гражданской позицией. Центр «Возрождение», работая вначале в тесном контакте с мэром Пскова, а затем, после потери последним на выборах своего поста, став более самостоятельным и независимым, может служить хорошим примером регионального Центра публичной политики (См., например: Шлосберг 2003).

Еще одним ярким примером «фабрики мысли», направленной на развитие демократических практик, может служить созданная в 1996 г. по инициативе Пермского регионального правозащитного центра Пермская гражданская палата — региональная общественная организации, чьей миссией является содействие формированию и эффективному функционированию некоммерческого сектора в Пермской области. В течение уже семнадцати лет Гражданская палата осуществляет взаимодействие широкого спектра некоммерческих организаций, экспертного сообщества, средств массовой информации для поддержки и развития принципов гражданского общества, развития общественных инициатив в регионе. Руководитель и создатель ПРПЦ — Игорь Авер-

киев, преподаватель историко-политологического и юридического факультетов Пермского государственного университета, в начале 1990-х годов — один из лидеров Российской социал-демократической партии России (Аверкиев 2007) стал позже председателем Пермской гражданской палаты. В рамках Пермской гражданской палаты были подготовлены ряд законопроектов, а также проектов распоряжений губернатора области. Активно участвовала Пермская гражданская палата и в подготовке Устава Пермского края¹ (См. также: Гражданская... 2003; Гражданские переговоры 2003; Гражданские экспедиции 2003).

На важную роль независимых источников финансирования в развитии «фабрик мысли» и аналитических центров в это время указывает и видный российский экономист и политик М.Э. Дмитриев: «...Расцвет аналитических центров пришелся на девяностые годы. И он был связан именно с тем, что тогда в страну пришел значительный поток иностранных грантовых денег, который обеспечивал более конкурентноспособные условия оплаты экспертам, чем традиционные структуры типа Российской академии наук, образования, тем более, системы госуправления. И аналитические центры очень быстро заняли лидирующие позиции во многих сферах»².

«ФАБРИКИ МЫСЛИ» И ИНЫЕ ФОРМЫ ОРГАНИЗАЦИИ ЭКСПЕРТНЫХ СООБЩЕСТВ В РОССИИ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

В самом начале нулевых годов в России сложилась особенно благоприятная ситуация для развития «фабрик мысли» — при сохранении определенного уровня политического плюрализма и продолжении работы многих иностранных фондов, в стране стали создаваться и «фабрики мысли» федерального уровня, достаточно тесно аффилированные с властными структурами. Ярким примером является Центр стратегических разработок, тесно связанный с Министерством экономического развития и торговли («Центр Грефа»). Особенности его работы в начале нулевых годов хорошо описал президент ЦСР в 2006–2014 гг. М.Э. Дмитриев: «ЦСР никогда не получал денег от международных грантовых организаций, но у нас была своя проблема: мы до примерно

¹ О деятельности Пермской гражданской палаты — см. материалы на ее постоянно обновляемом сайте <http://www.pgpalata.ru/>

² Интервью с президентом Центра стратегических разработок М.Э. Дмитриевым, март 2013 г.

2006 года финансировались за счет благотворительных взносов крупнейших российских компаний, которые давались потому что, просто все знали, что такое ЦСР, так сказать, орган власти. ЦСР получал тогда очень большие деньги, например, пожертвование в миллион долларов было вполне нормальным для нас. У нас был довольно такой жирный бюджет, мы не выполняли заказы госорганов, а мы как бы предоставляли наши услуги бесплатно. Потому что у нас был большой ресурс, на который мы сами заключали контракт с экспертами, сами как бы были источником. И когда вот этот статус ЦСР сильно ослабел, и поток такого рода ресурсов практически прекратился, это был тяжелейший стресс»¹.

В начале нулевых годов достаточно эффективный Центр стратегических исследований был создан при Полномочном представителе президента РФ в Приволжском федеральном округе С.В. Кириенко. Позже в Москве был создан Институт общественного проектирования (ИНОП), тесно связанный с заместителем главы Администрации Президента РФ В.Ю. Сурковым. При Д.А. Медведеве начал работать Институт современного развития (ИНСОР). Продолжали активно работать и созданные в 1990-е годы крупные «фабрики мысли», «они уже к тому времени сложились как центры экспертизы и компетенций и имели неплохую подпитку за счет контрактов муниципальных, региональных и федеральных заказчиков в лице органов власти и местного самоуправления. Плюс, им часто заказывали работы крупные компании»².

Ситуация начала серьезно меняться на рубеже 2003–2004 гг., когда после ареста М. Ходорковского политический режим стал сдвигаться в сторону моноцентрического, а иностранные фонды начали один за другим прекращать свою работу в России. В этих условиях «фабрики мысли», особенно действующие в сфере экспертной поддержки гражданских инициатив на региональном уровне, оказались в сложной ситуации. Анализ конкретных случаев позволил нам и здесь выделить несколько вариантов их действий.

Вариант 1. Уход в сферу электорального или бизнес-консалтинга, перенос их активности в другие регионы. Так, например, созданная в Нижнем Новгороде С.В. Борисовым в 2004 на основе Нижегород-

¹ Интервью с президентом Центра стратегических разработок М.Э. Дмитриевым, март 2013 г.

² Там же.

ского исследовательского фонда организация «Мера — эксперт» постепенно стала принимать участие и в политическом консалтинге в других регионах, участвуя в выборах мэра Ульяновска, глав администраций Магаданской и Ульяновской областей, Республик Ингушетия и Коми¹.

Приведем здесь также фрагмент из нашего интервью с О.Б. Франц, руководителем екатеринбургского Центра экономического и правового моделирования «Консультант»: «Сейчас центр, который я создала, экономического и правового моделирования, это штука достаточно виртуальная, у меня нет офиса как такового, потому что мы общаемся либо по сетям, либо по тем местам, кто жаждет получить поддержку. И моя задача — организовать взаимодействие и получить решение проблемы. И туда я приглашаю тех, кто может справиться с подобным. <...> У меня несколько вариантов мотиваций — пока мы работаем на уровне распространения информационных идей, мы подготавливаем потенциального заказчика. Когда он осознал, он будет готов финансировать. В общем-то, те, кто сохранились в моем окружении, согласны с тем, что сначала нужно «вкладываться», а потом «продаваться». Второй вариант: я научилась работать на «торгах» и побеждать, потому что мы иногда ставим меньшую ставку. Контракт устанавливается центром, это госконтракт <...> Я в большинстве своем по контракту работаю с Ямалом, там моим основным конкурентом является Тюменский нефтегазовый университет, Высшая Школа Экономики, кстати. Но у нее там заоблачные цены и поэтому она иногда выпадает. Что здесь происходит — я не анализировала»².

Вариант 2. Инкорпорация в университет. Например, приглашение Высшей школой экономики команды граждански ориентированных «фабрик мысли», которые мы называем Центрами публичной политики, для создания кафедр в этом инновационном университете. Так, в Московском кампусе ГУ ВШЭ Н.Ю. Беляева, президент одного из первых российских центров публичной политики — центра «Интерлигал», в 2000 г. создала первую в России кафедру публичной политики. Позже, в 2006 г., на основе команды Санкт-Петербургского гуманитарно-политологического центра СТРАТЕГИЯ была создана кафедра прикладной политологии в Петербургском кампусе ГУ ВШЭ. При этом

¹ Сайт «Меры-эксперта»: <http://www.mera-expert>

² Интервью с О.Б. Франц. Екатеринбург, ноябрь 2012 г.

деятельность соответствующих центров не прекратилась, но постепенно стала все более и более вспомогательной по сравнению с учебной и научной работой в университете.

Вариант 3. Лидер «фабрики мысли» переходит в политическую сферу и избирается в региональный парламент. Примером такого варианта может служить С.И. Гинзбург, вначале — исполнительный директор, а ныне — президент калининградского фонда «Региональная Стратегия». Он уже несколько созывов является депутатом Областной думы Калининградской области, ранее возглавлял региональное отделение СПС, а затем — региональное отделение «Гражданской платформы», входил в руководство этой партии, отвечая за международную политику. Во время нашего интервью в марте 2014 г. он так охарактеризовал деятельность «Региональной стратегии»: «Она существует, она работает, к сожалению, не так активно, как раньше. Потому что нет той питательной среды, когда она выступала, эта площадка, инициатором инновационных законопроектов. Так, например, мы впервые через Региональную Стратегию, сотрудничая с «Транспаренси Интернэйшнл» в России, приняли Областной думой закон «О порядке предоставления информации органами государственной власти Калининградской области». Это было еще в 2002 г. <...>[Сейчас] у нас нет никаких контактов с правительством области. Я пытался наладить эти контакты, но в силу специфики действующего губернатора области, там психология очень простая — либо ты становишься нам в хвост и делаешь все, что мы скажем, либо ты «пятая колонна», «агенты влияния» и т.д. Поэтому мы и разошлись»¹.

Другим ярким примером реализации этого варианта может служить Л.М. Шлосберг, председатель псковской региональной организации Демократической партии «Яблоко» и депутат Областной думы последнего созыва. Еще в начале нулевых годов созданная им организация Центр социального проектирования «Возрождение» был одним из фокусов гражданских инициатив в Псковской области. Ситуацию, сложившуюся в 2014 г., Л.М. Шлосберг описывает таким образом: «Я, к сожалению, в последние годы отошел от деятельности [этой] НКО <...> Если говорить о «Возрождении» — у нас сейчас период фактически консервации организации, она существует, поскольку является арендатором того самого офиса, и там сейчас ситуация достаточно пара-

¹ Интервью с С.И. Гинзбургом. Калининград, март 2014 г.

доксальная... «Яблоко» платит этой организации деньги, в виде субаренды по повышенной ставке, за то, что там располагается моя общественная приемная и офис партии, и этих денег хватает на арендные и коммунальные платежи и связь <...> Специальных каких-то проектов через эту организацию сейчас не проходит <...> Ранее у нас был проект через ИНОП¹ по малым городам Псковской области, их укладу и перспективам развития, я потом делал доклад на Общественной палате России, в Москве. Потом у нас был проект по муниципальному здравоохранению, и затем был проект по детскому здравоохранению. Все три проекта были исследовательские, все имели своим результатом обширнейший объем информации, ценной научной информации и большой очень объем физический. Насколько мне известно, ИНОП отправлял все эти проекты в соответствующие министерства профильные, первые — в Минрегион, вторые — в Минздрав. Никакого внимания к этим результатам нет, потому что они на самом деле никому не нужны, это тоже ширма своего рода»².

Вариант 4. Сильные региональные Центры публичной политики сохраняют доступ к иностранным грантам и (или) работают в режиме аутсорсинга с московскими организациями. Яркими примерами такой ситуации до самого недавнего времени были Пермская гражданская палата (И.В. Аверкиев) и Центр гражданского анализа и независимых исследований «Грани» (С.В. Маковецкая). О работе Пермской гражданской палаты мы упоминали ранее. Центр «Грани» исходно создавался для экспертной, консультационной и информационной поддержки деятельности граждан и их объединений по реализации общественных интересов, в том числе, во взаимодействии с органами власти³. Одним из ее учредителей и членом попечительского совета стал д.э.н. А.А. Аузан, директор Института национального проекта «Общественный договор» и член Совета по развитию гражданского общества и правам человека при Президенте РФ. Директором же центра стала С.Г. Маковецкая (Маковецкая 2008), которая оставалась и программным директором упомянутого выше московского Института национального проекта «Общественный договор». Это позволило на

¹ ИНОП — Институт общественного проектирования, до 2013 г. распределял гранты Администрации Президента РФ на исследовательские проекты.

² Интервью с Л.М. Шлосбергом, февраль 2014 г.

³ <http://grany-center.org/>

уровне Перми эффективно реализовать технологии аутсорсинга, когда благодаря авторитету А.А. Аузана на российском уровне, центр «Грани» смог получать необходимое финансирование не только от зарубежных фондов, но и от Министерства экономического развития России. Активно участвует в работе этого центра и Игорь Аверкиев.

Один из влиятельных пермских журналистов в рамках экспертного интервью так охарактеризовал эту неформальную коалицию: «Это альтернативный и очень мощный центр влияния, он более мощный, чем Краевая общественная палата, иногда временами превосходящий по своему потенциалу Законодательное Собрание, Городскую Думу, сам по себе Игорь Аверкиев — это большой мозг, умеющий четко формулировать свои мысли и то, чего он хочет, при этом подчеркнуто чужающийся власти. Он выступает экспертом, дискутировать с которым могут только люди на уровне губернатора <...> Там одного Аверкиева и Маковецкой хватает, чтобы всех экспертировать. А вокруг них концентрируются люди, которые не нашли себя во власти и хотят быть услышанными, или они выступают оппозицией власти»¹.

Другим примером еще недавно был краснодарский Южный региональный ресурсный центр (ЮРРЦ), распределявший до 2012 г. гранты для НКО по линии USAID, а также проводивший важную образовательную и исследовательскую работу в области развития структур гражданского общества на Юге России и взаимодействия НКО с властными структурами. Ведущую интеллектуальную роль в работе этого центра играл д.полит.н., профессор Кубанского университета М.В. Савва, имевший ранее большой опыт работы во властных структурах края, включая и позицию вице-губернатора. Его участие в различных консультативных структурах (заместитель Совета по развитию гражданского общества и правам человека при губернаторе края, председатель общественного совета при ГУВД края и т.д.) позволяло также в определенной мере влиять на процесс принятия властных решений. «Есть люди, которые могли бы эти команды сформировать<...> Это у нас есть, это — Савва Михаил Валентинович. Он сам по себе «фабрика мысли». Есть еще и другие, но мне ближе М. Савва»².

¹ Интервью с И.В. Лобановым, шеф-редактором издательского дома «Компанийон». Пермь, апрель 2013 г.

² Участник фокус-группы. Краснодар, март 2013 г.

Однако в Краснодарском крае против профессора М.В. Саввы в апреле 2013 г. возбудили уголовное дело по факту неправильного использования средств гранта Администрации края, он восемь месяцев провел за решеткой, а затем был осужден на три года условно. В Пермском же крае уже в 2015 г. центр «Грани» был признан «иностранным агентом».

Вариант 5. Функции «фабрик мысли» берут на себя коллективы исследователей из институтов РАН или Уполномоченные по правам человека. Так, в Екатеринбурге многие респонденты выделили деятельность заместителя директора Института философии и права Уральского отделения РАН, к.полит.н. К.В. Киселева и ряда его коллег в региональном поле публичной политики. «Здесь ситуация такая: когда пришел губернатор Куйбышев, я предложил ему создать «фабрику мысли». Ему идея понравилась, но потом контакты прервались, но разные проекты я собирал. То есть, потребность изнутри есть. Все в итоге выросло в то, что губернатор решил создать экспертный совет. Я был включен в группу, которая как раз занималась созданием. А базой для «фабрики мысли» я видел как раз институт. Но так как у нас финансирования никто и не видел, они и не созданы»¹. В 2014 г. К.В. Киселев был избран депутатом Городской думы Екатеринбурга.

В Перми, наряду с центром «Грани», ряд экспертов указывал на директора Пермского филиала Института философии и права УрО РАН по исследованию политических институтов и процессов, д.полит.н. О.Б. Подвинцева. Он действительно наряду с академической деятельностью активно участвовал в экспертной работе на уровне края, а также создал на базе своего института влиятельную коммуникативную площадку для встреч представителей власти, политиков и ученых. Он вошел в политсовет, созданный новым губернатором края. На вопрос о краевых «фабриках мысли» он в первую очередь назвал центр «Грани», а также согласился с тем, что он и его коллеги пытаются придать своему филиалу академического институт функции и задачи региональной «фабрики мысли»².

Т.Г. Мерзлякова, Уполномоченный по правам человека в Свердловской области, и ее аппарат сумели за годы своей работы превратиться в реальный центр взаимодействия академического сообщества и струк-

¹ Интервью с К.В. Киселевым, апрель 2013 г.

² Интервью с О.Б. Подвинцевым, апрель 2013 г.

тур гражданского общества. Выпускаемые ими Ежегодные и Специальные доклады стали тем важным инструментом, благодаря которому рекомендации и предложения экспертов превращаются в решения органов региональной власти. Именно поэтому ряд участников проведенной нами в Екатеринбурге фокус-группы указывали этот институт в качестве реально работающей областной «фабрики мысли»:

«Мне кажется, что сегодня первым экспертным сообществом является аппарат Уполномоченного по правам человека и каждый специалист в этом аппарате, который сегодня есть — мы обращаемся и к Татьяне Георгиевне, и к конкретному специалисту аппарата, по конкретной проблеме»;

«Татьяна Георгиевна старается объединять разнонаправленные рабочие группы по той или иной проблеме, разные экспертные сообщества, формируя... то есть можно сказать, что Татьяна Георгиевна, аппарат Уполномоченного формируют такие экспертные сообщества»¹.

Аналогичную роль играют Уполномоченный по правам человека в Пермском крае Т.И. Марголина и Уполномоченный по правам человека в Самарской области (2004–2014) И.А. Скупова.

Вариант 6. Возникновение публичных коммуникативных экспертных площадок в ситуации раскола региональных элит. Такая ситуация имела место, например в Саратовской области в 2008–2012 году. Это был период противостояния губернатора области П.Л. Ипатова, работавшего до этого директором Балаковской АЭС, и Областной думы, где сгруппировались саратовский единороссы, которых поддерживал влиятельный политик В.В.Володин. Скрытый от публики межэлитный конфликт привел к активным публичным дебатам на дискуссионных площадках клубов «Единой России», в которых участвовало региональное экспертное сообщество. Другим каналом актуализации скрытого межэлитного напряжения стала в этот период Общественная палата Саратовской области (Сунгуров 2012).

Еще одним регионом, где острые дискуссии также имели место, но уже в СМИ и Интернете, была в 2010–2013 гг. Челябинская область. В этом регионе относительно молодой губернатор области, предприниматель М.В. Юревич вошел в конфликт со «старой гвардией» областной элиты, символом которой стал несменяемый с 1988 г. председатель областного суда Ф.М. Вякин (Сунгуров 2014).

¹ Участники фокус-группы, Екатеринбург, ноябрь 2012 г.

Чаще всего, однако, реализуется *«Вариант 7»*, когда эксперты *существуют «сами по себе», и их приглашают «на время» для получения экспертного заключения*. Суть такой ситуации хорошо выразил один региональный эксперт: «Едва ли это обслуживание аналитических потребностей власти. Потому что перед учеными вполне конкретный заказ. То есть, заказчику известно, какой результат он хочет получить, и он его получает»¹.

В другом российском регионе депутат региональной ассамблеи и эксперт-социолог так сформулировал ситуацию, в которой современная российская власть нуждается в квалифицированном экспертном совете: «Загорелось — пожарнику говорят, — «Тушите». Но когда не горит, а пожарник приходит и говорит: «Уберите кучу мусора», ему говорят, — «Пошел вон, не мешай». Профилактика пожара и тушение — две разные функции. В сегодняшнем формате консервативной ментальности прогностическая функция, либо как вы говорите — про-активная функция, — она не востребована»².

В заключение несколько выводов:

1. В условиях отсутствия хотя бы относительно независимых «фабрик мысли» и почти полностью сервильных экспертных советов, а также сложившейся традиции работы власти с конкретными учеными-экспертами на разовой основе, мы наблюдаем фактическое отсутствие политической субъектности экспертного сообщества.

2. На примерах Игоря Аверкиева (Пермь), Михаила Саввы (Краснодар), Льва Шлосберга (Псков) мы видим, какую важную роль могут играть отдельные личности, сочетающие высокие экспертные способности с реальной гражданской и (или) политической позицией. Однако, как это демонстрирует краснодарский опыт, такую личность можно относительно легко изолировать, и тогда степень дозволенного пренебрежения экспертным мнением резко усиливается.

3. В условиях авторитарного режима власть начинает реально интересоваться мнением и участием экспертов в случаях внутриэлитных расколов

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

Аверкиев И.В. Смыслы и миссии // Права человека в контексте российской модернизации. Материалы межрегиональной научно-практической конферен-

¹ Интервью с А., сотрудником аппарата Областной думы, апрель 2014 г.

² Интервью с Б., депутат и эксперт, март 2013 г.

ции (17-18 мая 2006 г., г. Пермь). Пермь: НОУ «Западно-Уральский институт экономики и права», 2007. С. 6-13.

Балаян А.А., Сунгуров А.Ю. Фабрики мысли: международный и российский опыт: учеб. пособие. СПб.: Отдел оперативной полиграфии НИУ ВШЭ, 2014.

Гражданская экспертиза. Пермский опыт. (Социальное сиротство. Безбарьерная среда для инвалидов. Доступность социальных сервисов. Бездомные собаки городов.). Пермь: Пермская гражданская палата, 2003.

Гражданские переговоры. Пермские прецеденты. Пермь: Пермская гражданская палата, 2003.

Гражданские экспедиции. Пермская премьера. Пермь: Пермская гражданская палата, 2003.

Маковецкая С.Г. Общественный мониторинг доступности судов для граждан // Мониторинг прав человека: роль государственных и общественных правозащитных организаций в развитии восстановительного правосудия: материалы международной конференции 1-2 февраля 2007 года / [сост. Марголина Т.И.]. Пермь: [б.и.], 2008. С. 91-100.

Вернер Й. Пацельт. Методы политической науки. // Методические подходы политологического исследования и метатеоретические основы политической теории. Комментированное введение/ Сост. К.Конеген, К.Шуберт. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. С. 133-165.

Сунгуров А.Ю. Организации-посредники в структуре гражданского общества. Некоторые проблемы политической модернизации России. // Полис. 1999. № 6. С. 34-48.

Сунгуров А. Ю. Институты—медиаторы в современной России: случай Саратовской области. // Политэкс. 2012. Т. 8, № 4. С. 142-162.

Сунгуров А.Ю. Общественная палата в условиях регионального элитного конфликта (на примере Челябинской области) // Взаимодействие власти и гражданского общества в контексте трансформации российского общества : от конфронтации к партнерству : монография / [Л.И. Никовская, д.соц.н., проф., М. А. Молокова, д.полит.н., проф., Ю. А. Красин, д.филос.н., проф. и др.; редкол.: Л.И. Никовская (отв. ред.) и др.] Минобрнауки России, Федеральное гос. бюджетное образовательное учреждение высш. проф. образования «Юго-Западный гос. ун-т» (ЮЗГУ). Курск: Юго-Западный государственный университет, 2014. С. 183-201.

Шлосберг Л. Взаимодействие российских центров публичной политики с региональными элитами в контексте проблем регионального развития // Публичная политика в сфере мягкой безопасности: балтийское измерение. Сборник статей. СПб.: Норма, 2003. С. 37-46.

Cash D.W. «In Order to Aid in Diffusing Useful and Practical Information»: Agricultural Extension and Boundary Organizations // Science, Technology and Human. 2001. Vol. 26, No. 4.

Guston D.H. Stabilizing the boundary between U.S. politics and science: The role of the Office of Technology Transfer as a boundary organization // *Social Studies of Science*. 1999. Vol. 29, No. 1. P. 87-112.

Guston D.H. Between politics and science: Assuring the integrity and productivity of research. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2000.

Hellström T., Jacob M. Boundary organizations in science: From discourse to construction // *Science and Public Policy*. 2003. Vol. 30, No.4. P. 235-238.

Hoppe R., Wesselink A., Cairns R. Lost in the problem: the role of boundary organizations in the governance of climate change. // *Wiley Interdisciplinary Reviews: Climate Change*. 2003. Vol. 4, No. 4. P. 283-300.

Medvetz T. Murky Power: "Think Tanks" as Boundary Organizations. // *Rethinking Power in Organizations, Institutions, and Markets Research in the Sociology of Organizations*. 2012. Vol. 34. P. 113-133.

REFERENCES

Averkiyev I.V. Smysly i missii // *Prava cheloveka v kontekste rossiyskoy modernizatsii. Materialy mezhhregionalnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii [Averkiyev I.V. Senses and missions // Human Rights in the context of Russian modernisation. Materials of interregional research and practice conference]* (17-18 maya 2006 g., g. Perm). Perm, NOU «Zapadno-Uralskiy institut ekonomiki i prava». 2007. Pp. 6-13. (in Russian).

Balayan A.A., Sungurov A.Yu. Fabriki mysli: mezhdunarodnyy i rossiyskiy opyt: ucheb. posobiye. [*Balayan A.A., Sungurov A.Yu.* Factories of idea : international and Russian experience: study guide]. SPb, Otdel operativnoy poligrafii NIU VShE. 2014 (in Russian).

Cash D.W. «In Order to Aid in Diffusing Useful and Practical Information»: Agricultural Extension and Boundary Organizations // *Science, Technology and Human*. 2001. Vol. 26, No.4.

Grazhdanskaya ekspertiza. Permskiy opyt. (Sotsialnoye sirotstvo. Bezbar'yernaya sreda dlya invalidov. Dostupnost sotsialnykh servisov. Bezdomnyye sobaki gorodov.). [Civil examination. Perm experience. (Social orphanhood. Barrier free environment for invalids. Availability of social services. Strays of cities.)]. Perm, Permskaya grazhdanskaya palata. 2003.

Grazhdanskiye peregovory. Permskiye pretsedenty. [Civil negotiations. Perm precedents]. Perm: Permskaya grazhdanskaya palata. 2003.

Grazhdanskiye ekspeditsii. Permskaya prem'yera. [Civil expeditions. Perm premiere]. Perm, Permskaya grazhdanskaya palata. 2003.

Guston D.H. Stabilizing the boundary between U.S. politics and science: The role of the Office of Technology Transfer as a boundary organization // *Social Studies of Science*. 1999. Vol. 29, No. 1. Pp. 87-112.

Guston D.H. Between politics and science: Assuring the integrity and productivity of research. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2000.

Hellström T., Jacob M. Boundary organizations in science: From discourse to construction // Science and Public Policy. 2003. Vol. 30, No. 4. Pp. 235-238.

Hoppe R., Wesselink A., Cairns R. Lost in the problem: the role of boundary organizations in the governance of climate change. // Wiley Interdisciplinary Reviews: Climate Change. 2003. Vol. 4, No. 4. Pp. 283-300.

Makovetskaya S.G. Obshchestvennyy monitoring dostupnosti sudov dlya grazhdan // Monitoring prav cheloveka: rol gosudarstvennykh i obshchestvennykh pravozashchitnykh organizatsiy v razvitii vosstanovitel'nogo pravosudiya [*Makovetskaya S.G.* Public monitoring of availability of courts for citizens // Monitoring of human rights: role of state and public human rights organizations in development of restoration justice]: materialy mezhdunarodnoy konferentsii 1-2 fevralya 2007 goda. Ed. Margolina T.I. Perm, 2008. Pp. 91-100 (in Russian).

Medvetz T. Murky Power: "Think Tanks" as Boundary Organizations. // Rethinking Power in Organizations, Institutions, and Markets Research in the Sociology of Organizations. 2012. Vol. 34. Pp. 113-133.

Verner Y. Patselt. Metody politicheskoy nauki. // Metodicheskiye podkhody politologicheskogo issledovaniya i metateoreticheskiye osnovy politicheskoy teorii. Kommentirovannoye vvedeniye/ Sost. K.Konegen. K.Shubert. [*Werner J. Patselt.* Methods of political science. // Methodological approaches of political science research and metatheoretical foundations of political theory. Comment introduction / Comp. K.Konegen, K.Shubert]. Moscow, Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN). 2004. Pp. 133-165 (in Russian).

Shlosberg L. Vzaimodeystviye rossiyskikh tsentrov publichnoy politiki s regionalnymi elitami v kontekste problem regionalnogo razvitiya // Publichnaya politika v sfere myagkoy bezopasnosti: baltiyskoye izmereniye. [*Shlosberg L.* Interaction of Russian centers of public policy with the regional elites in the context of regional development problems // Public policy in the sphere of soft security: a Baltic dimension]. Sbornik statey. SPb, Norma. 2003. Pp. 37-46 (in Russian).

Sungurov A. Yu. Instituty—mediatory v sovremennoy Rossii: sluchay Saratovskoy oblasti. [*Sungurov A. Yu.* Institutes mediators in modern Russia: the case of the Saratov region] // Politeks. 2012. T. 8. № 4. Pp. 142-162 (in Russian).

Sungurov A. Yu. Obshchestvennaya palata v usloviyakh regionalnogo elitnogo konflikta kontekste transformatsii rossiyskogo obshchestva: ot konfrontatsii k partnerstvu: monografiya [*Sungurov A. Yu.* Public Chamber under the conditions of the regional elite conflict (in the Chelyabinsk region) // Interaction between government and civil society in the context of the transformation of Russian society, from confrontation to partnership: a monograph] ed. By Nikovskaya and others] Kursk, Yugo-Zapadnyy gosudarstvennyy universitet. 2014. Pp. 183-201 (in Russian)

Sungurov A. Yu. Organizatsii-posredniki v strukture grazhdanskogo obshchestva. Nekotoryye problemy politicheskoy modernizatsii Rossii. [*Sungurov A. Yu.* Intermediary organizations in the civil society structure. Some of the problems of Russia's political modernization] // Polis. 1999. № 6. Pp. 34-48 (in Russian).

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ

Ачкасов В.А

РОЛЬ ЭЛИТ В ПРОВОЦИРОВАНИИ И ЭСКАЛАЦИИ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ

В статье анализируется роль «этнических предпринимателей» в эскалации этнических конфликтов и трансформации их в этнополитические. Для этого ими осуществляется систематическая этнизация политических и социальных проблем. В результате конфликты, возникающие на почве конкуренции за доступ к власти и редким ресурсам, интерпретируются как проявление взаимной несовместимости этнических групп. Поэтому если государственные институты не предпринимают усилий, направленных на предотвращение политизации этничности или не имеют возможностей и ресурсов для этого, если слабы или отсутствуют посреднические институты гражданского общества возрастает риск, что перед конфликтующими этническими группами остро встанет дилемма безопасности.

Ключевые слова: этничность, этнополитические конфликты, политизация этничности, этнические предприниматели, дилемма безопасности, национализм.

Как утверждает известный американский исследователь Р. Брубейкер, «этничность не является предельным, далее не сводимым «источником» <...> конфликта <...> Скорее, конфликты, движимые битвами за власть между протестующими и власть предержащими, по-новому этнизируются, по-новому фреймируются в этнических терминах» (Брубейкер 2012:171). В то же время отношения господства и подчинения почти неизбежно приводят к возникновению противоречивых интересов и затем могут перерасти в конфликт. Поэтому подавляющее большинство конфликтов, определяемых как этнические, имеют с самого начала или приобретают по мере развертывания политическую состав-

ляющую, то есть в большей или меньшей степени они являются этно-политическими.

Однако дело здесь отнюдь не в том, что большинство конфликтов и серьезных проблем нашего времени являются этническими или «национальными», суть в том, что в современном мире доминирует дискурс, который именно через понятия «этничность», «нация» и «национальный интерес» описывает и интерпретирует многие актуальные экономические, социальные и политические проблемы. Согласно представлениям того же Р. Брубейкера, «этничность, раса, национальность являются по существу способами восприятия, интерпретации и представления социального мира. Они не вещи-в-мире, а точки зрения на мир. Поэтому, по его мнению, конфликт и «насилие становится «этническим» («расовым», «националистическим») благодаря значениям, которые придают ему преступники, жертвы, политики, чиновники, журналисты, исследователи, работники служб помощи и др. Такие акты фреймирования и нарративного кодирования не просто интерпретируют насилие — они конституируют его в качестве этнического» (Там же: 42, 40).

Из этого следует, что «хотя в риторике участников и объяснениях здравого смысла этнические группы рассматриваются как действующие лица этнического конфликта, фактически главными деятелями большинства этнических конфликтов — а тем более с элементом этнического насилия — являются не этнические группы как таковые, а разного рода организации в широком смысле этого слова и их уполномоченные и облеченные властью представители. В числе организаций — государства <...> и их организационные составляющие <...>, а также террористические группы, военизированные организации, вооруженные банды и свободно структурированные шайки; политические партии, этнические ассоциации, организационные структуры общественных движений, церкви, газеты, радио, телевизионные станции и т.д. <...> Поскольку они — организации — располагают определенными материальными и организационными ресурсами, они <...> способны к организованному действию и тем самым — к действию в качестве более или менее сплоченных акторов этнического конфликта» (Брубейкер 2012: 37-38).

Поэтому и выбор групповой этнической идентичности как самой значимой, как и маркеров этничности — это, конечно, не всеобщий выбор, а момент согласия только части политически активного меньшин-

ства, для которого участие в этом выборе по каким-то причинам важно. И сами эти маркеры «скорее следует рассматривать в качестве сырого материала для политической риторики, которая избирательно используется в целях включения (в группу — В.А.) или исключения» (Шлее 2004:52). Как точно отметил известный российский этнолог В.А. Тишков, «подавляющее число членов этнической группы ложится спать и встает не с вопросом “Кто мы?” (русские, татары, чувашы, чеченцы и т.д.), если, конечно, на их дома не падают бомбы именно в связи с подобными вопросами». Доминировать же в гражданских ориентациях и представлениях людей этнополитические установки могут лишь кратковременно, как правило, в период обострения межгрупповых отношений. Даже в случае массовой этнической мобилизации, выступление “всего народа” против чего-то или за что-то, есть лишь один из самых распространенных политических мифов. Зачастую же имеет место принуждение к всеобщему выступлению или поспешное к нему присоединение на этапе близкой победы, сулящей уже не гибель, а определенные дивиденды (вспомним “эффект безбилетника” М. Олсона). Так, в Боснии и Герцеговине, которую не без оснований называли ранее «Югославией в миниатюре» (по данным переписи 1991 г. мусульмане составляли 43,7% населения республики, сербы — 31,4%, хорваты — 17,3%, югославы — 5,5%) (Ралич 1992: 3-4) подавляющая часть населения вплоть до 1990-х гг. не придавала существенного значения этническому фактору. Так, доля межнациональных браков в Боснии и Герцеговине между боснийцами, сербами и хорватами достигала почти 12%, а в Сараево — даже 28%, в отличие от Косова, где сербы и албанцы крайне редко заключали браки с представителями иной этнической группы (см. Ян 2014: 188-189). По существу, этничность была навязана боснийским сербам, хорватам и мусульманам в ходе гражданской войны.

«Желание (значительной части населения Боснии — В.А.) быть «югославами» не защищало от того, что их уничтожали или изгоняли точно так же, как и «хорватов», «сербов» или «мусульман», а позднее — «косовских албанцев», и чтобы как-то защитить себя, людям приходилось объединяться с теми, кто был им подобен в этническом отношении. Это явление Диздаревич обозначил как «заложничество у ополченцев», — пишет Г. Шлее (Шлее 2004:13). В свою очередь, немецкий этнолог И.-М. Греверус, критикуя хорватских этнологов за ангажированные усилия по конструированию комплекса виктимизации (жертвы) у хорватов в период распада Югославии, справедливо заметила, что

путь от состояния жертвы определенного врага до превращения в «профессиональную жертву» ради формирования национального образа и реализации национальных претензий может быть очень коротким (Цит. по: Тишков 2007: 466). Очень скоро выяснилось, что образ жертвы был необходим, чтобы освободиться от моральных и гражданских обязательств во имя исторического реванша и как аргумент для выхода из правового пространства и оправдания вооруженной борьбы за «национальное самоопределение». Таким образом, усилиями политиков, интеллектуалов и боевиков, «мнимые этнокультурные различия стали реальным основанием не только для отчуждения общин, но и для их жестокого противостояния в ходе гражданской войны (Тишков, Шабаетов 2011: 193).

Как следствие, при изучении этнических конфликтов (особенно локальных) возникает проблема, которая связана с одной стороны «с субъективным отражением действительности внешними наблюдателями (этическая проблема)», с другой — «с восприятием и представлением конфликта членами сообщества, где происходит конфликт (эмическая проблема)». Объективность знаний о конфликтах часто находится в зависимости от психологической предубежденности исследователей, от стереотипов в способах сбора и репродуцирования данных и возникновении таких эффектов, как «нормативная самопрезентация» или «профессиональная слепота». Как справедливо отметил Майкл Игнатиефф по поводу этнических конфликтов в Югославии, «правда, которая имеет значение для людей, — это не фактическая или нарративная правда, а правда моральная или интерпретативная. И это всегда будет предметом споров на Балканах» (Ignatieff 1998: 175). Точно такая же судьба ожидает и конфликты на Северном Кавказе.

Группообразование в процессе развертывания конфликта, по мнению исследователей, может идти по разным основаниям:

- Общая идентичность (религиозная, этническая, региональная и т.д.)
В этом случае группы выделяют себя через отличительные признаки, маркеры и обозначаются как «мы-группы»
- Совместные цели (стратегические группы, которые часто используют одни и те же сети доверия).

Однако очень часто конституирование группы имеет несколько причин. Так, группы с общей идентичностью могут иметь также и стратегические цели. И наоборот, стратегические группы для усиления своей значимости или маскировки целей могут искать единые корни и общую

этнокультурную идентичность (Гуня, Келер, Цюрхер 2008: 32-33). Поэтому важно учитывать и то, что в одних случаях этничность может быть лишь «камуфляжем» политической борьбы за редкие ресурсы (например, борьба за «национальное самоопределение» народов Севера, которую вели в 90-е гг. XX столетия политические лидеры некоторых автономий российского Севера, на деле преследуя цели увеличения «объема» своей власти в нефте- и газоносных регионах РФ). В других же случаях речь может идти об «обратном камуфляже», когда за политическими лозунгами и декларируемыми целями скрывается острый этнический конфликт (например, борьба «демократического» руководства Республики Молдова против «прокоммунистического бастиона» в Приднестровье, за которым стоит острая проблема статуса русско-украинского населения этой части республики, особенно на фоне активного обсуждения проблемы присоединения Молдовы к Румынии в первой половине 1990-х годов прошлого века) (см. Тишков 1992: 25-26). Очень часто за этническим конфликтом может скрываться и конкуренция старожилов и пришлых за доходную «нишу» в экономике, соперничество за доступ к материальным ресурсам, к статусным должностям, к власти. При этом этническими предпринимателями осуществляется систематическая этнизация социальных проблем, что находит проявление:

- в редукции социальных различий к этническим, а социального взаимодействия — к взаимодействию между этническими (этнокультурными или этноконфессиональными) группами;
- в отождествлении культурной и этнической идентичности индивидов, фиксации культурной принадлежности в зависимости от этнической аскрипции. «Родившись «русским», индивид приписан к «русской культуре», родившись «евреем» или «чувашем» — к «еврейской» или «чувашской» культуре.

В результате конфликты, возникающие на почве конкуренции за доступ к власти и ресурсам, понимаются как проявление взаимной несовместимости этнических групп» (Малахов 2007: 105).

Однако в большинстве случаев этнополитические конфликты имеют статусную природу: предметом таких конфликтов чаще всего бывает политический статус, за который борются те, кто претендует на представительство интересов этнической группы. Поэтому одной из важнейших причин развертывания конфликта является изменение взаимодействия организаций, выступающих от имени этнических групп

или среды этого взаимодействия, при котором экономический или политический статус одной из них будет восприниматься как неприемлемый. Так, согласно ключевому положению концепции известного американского политолога Теда Гарра, (сформулированной на основе сравнительного изучения политического поведения 233 этнических групп за период с 1945 по 1989 гг., и изложенной в книге «Меньшинства как группа риска») — этнополитическое действие мотивировано глубоко укоренившимся недовольством людей своим коллективным статусом, которое акцентируется и стимулируется групповыми лидерами и этническими антрепренерами. Впрочем, причиной конфликта может служить не только недовольство социальным статусом и борьба за его повышение или борьба против дискриминации, но также опасение утратить уже имеющийся статус;

Именно эти обстоятельства, как свидетельствует исторический опыт как развитых, так и развивающихся стран, во многом обуславливают то, что зачастую с самыми радикальными требованиями, вплоть до выхода из состава государства (сецессии), выступают неразвитые, бедные регионы, на территории которых компактно проживает этническое меньшинство. При этом, как отмечает один из самых известных исследователей этнических конфликтов американский политолог Дональд Горовиц, «в момент принятия решения о сецессии экономические интересы элит и масс (объективно) расходятся. В то время как региону в целом предстоит пострадать в случае отделения, образованные элиты должны выиграть от создания нового, хотя и бедного государства. <...> Сецессия создает новые позиции, сокращая число претендентов на них. Поэтому передовые (элитные) сегменты отсталых групп обычно не сопротивляются сепаратистским порывам, но возглавляют их» (Horovitz 1985:238). В то время как массы — это те, кто меньше всего виновны в развязывании конфликта, и кто больше всего в нем страдает. Как представляется, сказанное верно не только в отношении сецессионистских этнополитических конфликтов в Африке, которые и исследовал Д. Горовиц, но и в отношении многих конфликтов на постсоветском пространстве, и в российских национальных республиках Северного Кавказа. И поскольку в современной России «вертикаль власти есть, по сути, система организованного подкупа национальных республик, сбой в ее функционировании повлечет за собой расползание всей патронажной ткани», — пишет А. Захаров. «Кремль, из-за ухудшения экономической ситуации неспособный выполнять свои обязатель-

ства перед национальными элитами, фактически освободит их от былых уз лояльности, а иные центры поддержания государственного единства — в лице той же партийной сети, независимого суда, свободной прессы — не смогут противостоять центробежным тенденциям в силу своего зачаточного состояния или отсутствия. <...> Иными словами, когда (неформальный) контракт теряет силу, более не обеспечивая защиту и покровительство меньшинствам, в первую очередь этническим и культурно-религиозным, их возмущение выливается в то, что политический курс на обособление, ранее представлявшийся нерациональным и даже немыслимым, теперь начинает казаться приемлемой опцией» (Захаров 2012: 112, 114). Одним из аспектов системы подкупа этнических элит может быть «постизм» (А. Гуня), который выражается в росте числа формальных постов и позиций во власти, лишь поверхностно связанных с выполнением реальных государственных функций. Так, по данным министра финансов РФ А. Силуянова, в Северо-Кавказском федеральном округе число госслужащих непомерно велико: если в среднем по РФ на 1000 жителей приходится 1,8 чиновника, то в Ингушетии — 4,6, в Чечне — 3,5. При этом в той же Чечне у госорганов почти в 4 раза больше служебных машин, чем в среднем по стране¹. Постизм может временно снижать напряжение, поскольку удовлетворяет амбиции отдельных лидеров и поддерживающих их кланов, но он, ни в коем случае, не устраняет причин конфликта. Со временем постизм превращается в страшное явление, поскольку созданные «посты» и позиции во власти нуждаются в подтверждении своего существования: раздутая армия — во враге, раздутые штаты полиции — в террористах и ваххабитах и т.д. (Гуня 2004: 83-88).

Тем не менее, этнополитические конфликты являются не только конфликтами интересов, но и конфликтами идентичностей, так как участие в конфликте преимущественно на основе групповых мотивов обязательно предполагает отождествление человека с группой, участвующей в конфликте, его этническую идентификацию. Как отмечает Т. Гарр: «Борьба в этнополитических конфликтах разворачивается не просто вокруг материальных или властных проблем, но ради защиты культуры группы ее статуса и идентичности», (Gurr 1997: 10), а «национализм внутренне связывает интерес и идентичность путем идентификации того, как мы должны определять свои интересы» (Брубей-

¹ См. Аргументы и факты, 2013, № 38. С.5.

кер 2010: 90). Этнический конфликт, по мнению Д. Горовица, возникает в результате групповой эмоциональной реакции, опирающейся на групповую солидарность, когда члены группы пытаются защитить некие общие ценности, порой имеющие символический характер. И только затем эмоциональная реакция, и групповая солидарность трансформируется в публичную деятельность, в четко оформленные позиции и притязания, для реализации которых создаются соответствующие структуры (см. Horovitz 1985). Причем чем меньше реальных различий существует между контактирующими группами, тем с большей силой проявляются претензии на основании именно выделяемых различий. Следовательно, не надо забывать, что этнополитический конфликт — это не только вооруженное или политико-правовое противостояние, это конфликт различных историософий, исторических нарративов и культурных символов и т.д.

Это зачастую порождает феномен «конкурирующих культурных и исторических традиций»: чаще всего, это противоборство этнических традиций в рамках мультикультурного социума, борьба за «историческое наследие» или конфликты между традициями представителей различных социальных групп. Так, для этнических предпринимателей внутри группы выгодно поддерживать представление о ней как о жертве дискриминации и репрессий, а свою деятельность представлять как борьбу «национального движения» за «национальное возрождение»; для чиновников государства, в котором проживает данная этническая группа, важно утвердить ее образ как группы, права которой неукоснительно соблюдаются, а вхождение в данное государство способствовало ее прогрессу. В то же время, для «этнических предпринимателей» на внешней родине данной группы наиболее приемлема стратегия «разоблачения имперской политики», формирования образа угнетаемого и бесправного меньшинства, оторванного от «Родины» и т.д. Период перестройки открыл широчайшие возможности для создания так называемой «национальной интеллигенцией» нарративов «колониального угнетения», «порабощения», «имперского гнета», «национального освобождения» и т.п. Все эти мифы содержали в себе серьезную конфликтную составляющую и на самом деле использовались для мобилизации этничности в ситуации борьбы за власть и приватизируемые ресурсы. Зачастую подобная «война интерпретаций», борьба с помощью той или иной выборки исторических фактов, становилась прологом к острым внутренним и межгосударственным политическим конфлик-

там. «Экспорт вины» обычно вызывал резкую реакцию со стороны обвиняемого государства. «В результате раскручивается спираль взаимных обвинений, дипломатических конфликтов и «сражений за прошлое», которые, вообще говоря, могут превращаться и в реальные войны» (Финкель 2011: 127). Так, «фронты исторического противоборства» являются важнейшей частью политики стран Южного Кавказа. И эти фронты исправно работают, формируя то, что известный этнополитолог Стюарт Кауфман назвал «символической политикой этнической войны». Поэтому, скорее всего, разрешение конфликтов здесь может начаться с «разрядки» именно на фронтах борьбы за непредсказуемое прошлое региона (см. Маркедонов). При этом «сражение за интерпретативное фреймирование и нарративное кодирование конфликта и насилия — это игры с высокой ставкой» (Р. Брубейкер), поскольку принятие этнического «значения» конфликта, как правило, повышает уровень сплоченности участников противостояния. Особенно этому способствуют жертвенные мифы. Анализируя структуру националистического мышления, американец Патрик Кольм Хоган выделил три прототипные нарративные формы: героизм, жертвенность и романтизм (Hogan 2009: 167-213). Однако в посткоммунистических странах с особым упором подчеркивается беспрецедентность и уникальность страданий, испытанных народами новых государств в тоталитарном прошлом. В результате, советская история предстает исключительно как цепь преступлений, совершенных преимущественно русскими, и жертв, понесенных народами постсоветских государств. Как отмечает российский историк А.И. Миллер, «историческая политика» вообще может проводиться исключительно с позиции жертвы, поскольку она явным образом требует использования прошлых страданий не только как внутренней мобилизующей силы, но также и для «экспорта вины» (Миллер 2008). В предельных случаях, концентрация на прошлых страданиях превращается в сотворение «национального Холокоста» — борьбу за признание международным сообществом геноцида против собственного народа. Эта политика сегодня широко используется во многих посткоммунистических государствах, прежде всего, в бывших советских республиках (см. Финкель 2011: 123-143). Можно вспомнить в связи с этим международную кампанию, организованную президентом Украины В. Ющенко по признанию мировым сообществом «голодомора» 1932 г. геноцидом украинского народа, который был организован советским руководством. Как отмечает в связи с этим М. Игнатъевф,

«мифы о невинности и жертвенности представляют собою серьезные препятствия на пути осознания ответственности, в равной мере как и мифы о жестокостях противоположной стороны» (Ignatieff 1998: 176).

Другая проблема — «циклическая природа многих этнополитических конфликтов. Мобилизация одной из сторон конфликта обычно ведет к соответствующей контрмобилизации ее противников. Эскалация конфликта одной стороной практически гарантирует ответную аналогичную реакцию другой. В результате насилие порождает насилие, и конфликт развивается как обмен ударами. Изначальный повод нередко забывается, и ему на смену приводятся все новые и новые аргументы, интенсифицирующие процесс. Эти аргументы могут применяться политиками для мобилизации сообществ на этнической основе. Порочный круг оказывается очень сложно прервать и вернуться к изначально поставленной проблеме» (Грибанова 2007: 6-7). Однако и мобилизация одной из сторон этнополитического конфликта при демобилизации другой серьезно затрудняет, по мнению исследователей, возможность диалога и поиск компромиссных решений, делая практически неизбежным перерастание конфликта в манифестную фазу.

Как справедливо отмечает Г.У. Солдатова, «достоинство, гордость, обиды, страхи являются важнейшими критериями межэтнического сравнения. Эти чувства опираются на глубокие эмоциональные связи с этнической общностью и моральные обязательства по отношению к ней, формирующиеся в процессе социализации индивида» (Солдатова 1998: 62). Действительно, очень часто в основе этнополитического конфликта лежит некое иррациональное начало, кроющееся в культурных стереотипах, неудовлетворенных (мнимых и реальных) исторических обидах, мифологизированных представлениях друг о друге и т.п. При этом неприятие любого инакомыслия обуславливает дуалистический взгляд на мир, который оказывается разделенным на абсолютное благо и абсолютное зло, что провоцирует жесткое противостояние носителей высшей правды и тех, кто препятствует ее осуществлению. В результате «другой человек является либо кровным родственником, либо недругом, особенно когда посреднические звенья в виде институтов гражданского общества отсутствуют» (Horovitz 1985: 62-63). Именно вследствие этой чрезмерной эмоциональной составляющей этнической идентичности, этнополитические конфликты отличаются высокой степенью иррациональности, выражающейся в огромном потенциале агрессивности, ненависти и враждебности, далеко выходящих за рамки

рационального осознания интересов сторон конфликта и выбора стратегии взаимодействия.

Специфической характеристикой динамики этнополитического конфликта, связанной с его иррациональностью, является большой потенциал эскалации конфликта и, как правило, быстрая его эскалация. Поэтому, как утверждает американский исследователь М.Д. Тофт возможность «перерастания этнического конфликта в вооруженное противостояние с центральной властью в два раза выше, чем подобная вероятность для иных типов внутренних конфликтов. А шансы, что внутренний конфликт перерастет в обычную, то есть межгосударственную войну, в четыре раза выше для этнических конфликтов» (см. Toft 2003).

По мнению Д.Брейли, национализм «государственного большинства» возникает и активизируется лишь в ответ на утверждение своей отдельной идентичности со стороны этнических меньшинств. Национальное самосознание у доминирующих групп, таким образом, вторично и реактивно по отношению к сознанию культурно отличного от них подчиненных этнических общностей (Breuilly 1982: 53). Действительно; именно самозащитные (т.е. реактивные), а не наступательные моменты всегда играли важнейшую роль в формировании русского «Мы». Все это, в частности, до поры затрудняло осуществление стратегии этнополитической мобилизации русских. В тоже время, как отмечает Д. Конверси, «избыток чересчур усердствующего централизма часто вызывает гомеостатическую реакцию, которая, в свою очередь, порождает мощное движение национализма на периферии» (Conversi 1995: 73).

Огромную роль в эскалации этнических конфликтов, трансформации их в этнополитические играет деятельность «этнических предпринимателей». Применительно к их деятельности можно вести речь об «идеологическом производстве конфликтов» (В. Малахов), поскольку для того, чтобы этнические предприниматели могли манипулировать массами, одного их желания недостаточно, важно «затронуть ту струну в умах и сердцах людей, которая может отозваться» (Л. Дробижева). Так, специалисты называют конфликт в Кондопоге «эталонной схемой эскалации этнополитического конфликта»: 1) Он возникает как локальный конфликт экономических интересов: «Инициаторами конфликта в Кондопоге, напоминает В. Тишков, — стали местные «братки»: им хотелось бы спалить азербайджанский ресторан и на его месте построить свой, спалить чеченскую лесопилку, работавшую в пригороде Кон-

допоги, и поставить свою»; (Тишков 2008: 45-46) 2) Городские власти, как и власти Республики Карелия, никак не отреагировали на ЧП в ресторане «Чайка», предпочитая его замолчать, а в дальнейшем отрицать этническую составляющую конфликта; 3) Отсутствием официальной информации о ЧП воспользовались активисты «Движения против нелегальной иммиграции», стремясь превратить локальный конфликт экономических интересов в масштабный этнополитический и получить политические дивиденды: на Интернет-форуме Кондопоги начали появляться сообщения, составленные, якобы, от имени местных жителей, в которых живописалась жестокость нападавших кавказцев. Появились также «посты» «соратников ДПНИ» из различных регионов, рекомендовавших горожанам использовать их «успешный опыт» избавления от «инородцев»; 4) При этом активисты ДПНИ попытались развить успех, объявив о проведении «народных сходов» в Петрозаводске и Олонце, стремясь расширить географическую базу конфликта и преобразовать его в этнополитический; 5) Политические дивиденды от событий в Кондопоге, помимо ДПНИ, постарались получить и некоторые российские политики, сделав из локального конфликта экономических интересов глобальные политические обобщения и выводы (депутаты Госдумы В. Жириновский, Н. Курьянович, А. Савельев и др.:

- «Зачистить весь Кавказ» или «отгородиться от Кавказа стеной, наподобие китайской» — Н. Курьянович;
- Ужесточить миграционное законодательство, в том числе для внутрироссийских мигрантов — В. Алкснис;
- «Самоорганизоваться для сопротивления этнической мафии» — А. Савельев и др.

Эскалации конфликта способствовала и непрофессиональная реакция на него в СМИ, как региональных, так общероссийских и др. В.А. Авксентьев и его коллеги предложили определять такого рода сложносоставные конфликты как блоковые, которые определяются ими как «формирование единого конфликтного процесса при слиянии разнородных локальных предконфликтных, конфликтных и постконфликтных событий на основе общей доминанты, не обязательно представленной в качестве основной в каждом конфликтном событии в отдельности» (Авксентьев, Зинев, Лавриненко и др. 2011: 61). К числу такого рода конфликтов в РФ они отнесли события в селе Яндыки Астраханской обл. в 2005 г.; Кондопоге в 2006 г.; в Ставрополе в 2007 г., в Пугачеве летом 2013 г. и районе Бирюлево-Западное в Москве и др.

Поэтому если государственные институты не предпринимают усилий, направленных на предотвращение политизации этничности, обеспечение коммуникации между этническими группами и обуздание их притязаний (или не имеют возможностей и ресурсов для этого), если слабы или отсутствуют посреднические институты гражданского общества возрастает риск, что перед конфликтующими этническими группами остро встанет дилемма безопасности. Согласно концепции американца Б. Позена, дилемма безопасности возникает, в условиях ослабления или коллапса центральной власти. Это открывает «окно возможностей» перед «этническими предпринимателями» меньшинств государства. Однако при таких обстоятельствах националистическая мобилизация одной из групп может интерпретироваться другой как угроза, особенно при наличии негативного исторического опыта в их взаимоотношениях. При этом следует учитывать, что существует тенденция «преувеличивать различия между политическими группами и преуменьшать разнородность внутри самих групп» (Kowert 1998: 108-109). Другими словами, как правило, переоцениваются не только сплоченность самой группы, но и ее отличия от других групп. Более того, существует тенденция «объяснять поведение “чужих” групп, ссылаясь на их интересы или намерения, в то время как поведение “своих” считается обусловленным внешней средой. В результате кажущееся усиление “чужих” лишь укрепляет представление членов «своей» группы о том, что “чужие” целенаправленно стремятся к усилению своих собственных позиций» (ibid: 109).

Не случайно многие исследователи этнических конфликтов считают, что он порождается ощущением угрозы безопасности, возникающей у членов одной этнической группы, в ситуации, когда им не известны намерения другой этнической группы, к которой они настроены враждебно или которой приписывают враждебные намерения (см. Harff, Gurr 2004).

В результате стороны начинают представлять свои противоречия с противостоящей группой как угрозу безопасности для членов данного сообщества. Эти ощущаемые (приписываемые или провоцируемые) угрозы могут служить стимулами для упреждающей атаки или, по крайней мере, для ответной этнополитической мобилизации, которая, в свою очередь воспринимается или интерпретируется лидерами другой группы как угроза их безопасности. Это порождает мобилизационную спираль, и может привести к началу насильственных действий.

Таким образом, «усилия каждого из участников по обеспечению собственной безопасности приводят, напротив, к возрастанию вероятности вооруженного столкновения» (Posen 1993: 103-104)

В условиях межэтнического конфликта, имеющего глубокие исторические корни и уже переросшего в вооруженную форму, очень часто «зверства, совершаемые конкретными людьми, скрываются за национальными ярлыками, и ответственность возлагается на целый народ. Когда конкретные убийцы уничтожали мирных жителей во имя нации, в тех, кому удалось спастись от этих зверств, тоже пробуждалось чувство ненависти на национальной почве. Когда месть была осуществлена, то выжившие с обеих сторон видели друг в друге врагов, напавших первыми, пропагандисты (*этнические предприниматели* — В.А.) приравнивали обе стороны конфликта к нациям, которые они представляли. Благодаря предсказуемым актам мести, националистической риторике и силе языка, то, что началось с нападений небольшого количества людей на ряд населенных пунктов, переросло в войну одного народа с другим» (Снайдер 2013: 194-195). Такова, по мнению Тимоти Снайдера, политическая логика этнических чисток, переросших в гражданскую войну украинцев против поляков в Галиции и на Волыни в 1941-1944 гг. Он же отмечает особую роль немецкой оккупационной власти в провоцировании и эскалации этого конфликта: «После 1941 г. немецкие оккупанты, — пишет Снайдер, — предложили украинцам на Волыни организовать преследования поляков (*занимавших до Второй мировой войны привилегированное положение в Галиции и на Волыни* — В.А.) (1941-1942 гг.), а затем дали полякам возможность ответить украинцам той же монетой (1943-1944 гг.). Обычно эти меры предпринимались с целью поддержания порядка — разделение было инструментом властвования, а не самоцелью, хотя зачастую оно приводило к росту численности и лучшему вооружению партизанских отрядов, сформированных по национальному признаку» (Снайдер 2013: 173).

Как представляется, эта политическая логика универсальна, поскольку дилемма безопасности повышает вероятность эскалации насилия между этническими группами и создает труднопреодолимые сложности для медиаторов и одновременно дополнительные возможности для провокации конфликта. В данных условиях каждая из сторон будет (обоснованно или нет) ожидать, что другая группа воспользуется слабостью и потворством со стороны государства / власти и нанесет удар или протолкнет свою «политическую повестку дня». В целях само-

защиты противостоящая группа почти неизбежно предпримет из предосторожности упреждающие меры, которые, однако, могут быть интерпретированы противоположной стороной как акт агрессии (К. Цюрхер).

Не случайно западные эксперты отмечали, что главной задачей для посткоммунистической Югославии также было разрешение дилеммы безопасности для национальных меньшинств. Так, С.Л. Вудуорт, проанализировав ситуацию в Югославии на рубеже 80-х — 90-х гг. XX века, продемонстрировал, что кумулятивный эффект экономического кризиса, усугубившего экономическое неравенство между республиками, слабеющего центрального государства, разыгрывание «националистической карты» лидерами всех республик федеративной Югославии и признания другими странами составляющих ее наций (*прежде всего, признание ФРГ независимости Словении и Хорватии — В.А.*), которые еще не были способны действовать как «государства», создал дилемму безопасности для меньшинств (сербов — В.А.) в новых признанных государствах, что, несомненно, способствовало эскалации этнополитических конфликтов (см. Woodward 1995). «В Сербии национализм выступил на первый план, когда в 1987 году коммунистический лидер Слободан Милошевич, впервые после Тито, стал разыгрывать националистическую карту, — пишет Д. Смит. В следующие два года последовала реакция, сначала в Словении, потом в Хорватии. Как только лидеры разных республик подхватили риторику националистического противостояния, появилась движущая сила, которая, в сочетании с системой чередующегося президентства, привела страну к распаду.

Однако Милошевич действовал не из стремления развалить Федерацию. Его первоначальной целью было мобилизовать поддержку, чтобы захватить контроль над правящей партией (*а значит и властью в Сербии — В.А.*). Примером того, как Милошевич использовал широкое недовольство в своих целях, стал 50-страничный меморандум, выпущенный Сербской академией искусств и наук в 1986 г. В этом ставшем знаменитом документе шестнадцать ученых на разные лады выражали протест против ущемления прав сербского населения, закрепленного в Югославской конституции 1974 г., и особенно против геноцида сербов в Косово.

В данной ситуации не имеет значение, верил ли Милошевич в эти обвинения и чувствовал ли сам обиду и несправедливость, которые использовал для политической мобилизации. <...> Ключевым вопросом

было то, ощущало ли несправедливость и угрозу само население, и смогли бы (и стали бы) это использовать разные политические лидеры <...> Так в бывшей Югославии ни Милошевич, первый разыгравший националистическую карту, ни лидер Словении Милан Кучан, который сделал это позже, не отличались до этого националистическими взглядами. Напротив, лидер Хорватии Франьо Туджман, лидер мусульман Боснии Алия Изетбегович и несколько претендентов на роль лидера косовских албанцев (Ибрахим Ругова, лидер «Освободительной армии Косова» (ОАК) Хашим Тачи и др.) могут считаться принципиальными националистами. Несмотря на различия в установках на личном уровне, они пришли к власти примерно по одному и тому же сценарию, ключевым элементом которого была всеобъемлющая мобилизация на базе лозунга о национальной несправедливости. Это соперничество жалоб на несправедливость и создало ту взрывоопасную смесь, которая разорвала Югославию на части» (Смит 2007: 127-128). Кроме того, для эскалации конфликта и перерастания его в вооруженное противостояние или для интернационализации конфликта этнические предприниматели могут организовывать провокации. Так, во время осады сербскими войсками города Сараево, в 1992 году была расстреляна очередь за хлебом. Президент мусульманского анклава Боснии Алия Изетбегович обвинил в расстреле мирной очереди сербскую армию. Позже комиссия ООН выяснила, что расстрел очереди был организован самими мусульманами, для того, чтобы спровоцировать вмешательство западных государств в сербо-мусульманский конфликт. Но уже ничто не могло остановить военное вмешательство Запада, было уже поздно (см. Лимонов 2014: 9).

Как утверждает В.А. Тишков: «этнический радикализм и этнические войны появляются не там, где их вызывает групповой страх, который некоторые ученые называют среди главных причин этнических войн, а там, где или само государство поощряет этнический партикуляризм и строит на нем систему управления, как это было в СССР и как это продолжает быть в постсоветских государствах, или где государство утрачивает способность поддерживать порядок и обеспечивать контроль над военными арсеналами, позволяя появление нерегулярных вооруженных групп во главе с этническими предпринимателями или безответственными авантюристами. Именно там и тогда внутренними и внешними усилиями конструируется образ «порабощенного народа», борющегося за свободу и независимость» (Тишков 2007: 474).

Политический конфликт в процессе его развертывания может приобрести этническое основание/окраску. Конфликты политических элит разного уровня (например — центральной и региональной) могут возникнуть как ресурсные. Однако в случае их игнорирования или неудачных попыток их разрешения, они могут превратиться в конфликты идентичностей. При этом чем дольше будет продолжаться конфликт, тем все большее число людей будет в него вовлекаться, связывая с его разрешением на сохранение/повышение своего достоинства, престижа и статуса, групповой идентичности.

Практически во всех случаях этнополитические конфликты являются многофакторными и имеют несколько объектов конфликта и проблемных зон (например, территориальный спор, проблемы политического или социального статуса этнической группы и этноконфессиональные противоречия). Как пишет В.А. Авксентьев, ситуация на юге России «...определяется рядом системных факторов и противоречий, которые необходимо учитывать при прогнозировании динамики конфликтного процесса. Противоречия и конфликты, сложившиеся на этой территории, можно определить как: а) противоречия и конфликты между федеральным центром и субъектами федерации на Северном Кавказе, среди которых наибольшей остротой (в 1990-е годы — прим. В.А.) обладает чеченский кризис; б) этнотерриториальные конфликты, крупнейший среди которых — осетино-ингушский конфликт, вылившийся (в начале 1990-х гг.) в вооруженные действия; в) этностатусные конфликты, связанные с взаимоотношениями титульного и нетитульного населения, этническим аспектом доступа к власти, проблемой разделенных (лезгины, осетины) и «негосударственных» (абазины, ногойцы) народов; г) этноэкономические конфликты, связанные с этническими предпочтениями в трудовой деятельности, разделом сфер влияния между этническими общинами и перераспределением собственности; д) этноконфессиональные проблемы, обусловленные использованием религиозного фактора в этнополитической мобилизации; <...> е) потенциал формирования в регионе конфликта идентичностей» (Авксентьев 2005: 93,95). Даже такой «...социальный ресурс, как образование, — отмечает В.Маляхов, — включает в себе и «материальную», и «нематериальную», символическую составляющую. С одной стороны, доступ к образованию непосредственно связан с возможностью повышения социального статуса членов этнической группы. С другой стороны, сам факт наличия национальных школ и университетов важен в символическом плане.

Свой университет — предмет гордости группы, важная составляющая ее символического капитала. Поэтому закрытие университета часто служит поводом для конфликта или поворотным пунктом в его эскалации. Так случилось в начале 1990-х гг. в Сухуми (Абхазия) и в конце того же десятилетия в Приштине (Косово)» (Малахов 2005: 246).

Однако в этнополитических конфликтах высокой степени интенсивности чаще всего сочетаются два фактора. «Первый из них связан с идентичностью: политическая мобилизация происходит на основе групповой идентичности, базирующейся на общности этничности, расы, религии, культуры, языка и т.п. Второй — с проблемой распределения, то есть с тем, каким образом происходит разделение экономических, социальных и политических ресурсов внутри общества. В тех случаях, когда ощущаемый дисбаланс в распределении сочетается с различиями в идентичности (там, где, например, какая-либо этническая группа лишена доступа к тем ресурсам, которыми располагают другие)», (Грибанова, Сидоренко 2007: 5–6) мы имеем питательную почву для развития этнополитического конфликта.

В то же время следует отметить, что исторические корни некоторых из современных конфликтов кроются в противоречии между этническими и политическими принципами социального структурирования, которое, по существу, является противоречием между «этносом» или этнической группой (*понимаемыми примордиально — В.А.*) и формирующейся нацией европейского типа (*нацией — согражданством — В.А.*). Не случайно этнический национализм <...> ставит знак равенства между понятиями «этнос» и «нация». Названное противоречие имеет место во многих странах независимо от уровня их экономического и политического развития. Особенно острым оно оказывается в странах, где имеет место сложный этнический состав населения, этничность натурализована и политизирована, а процессы нациестроительства не завершены, т.е. у населения страны не сформирована в должной степени национальная (государственная) идентичность (СФРЮ, Россия и почти все постсоветские государства). Так, нация большинством наших соотечественников и граждан постсоветских государств по-прежнему понимается как этнокультурная или этно-племенная общность,¹ а государ-

¹ Так, согласно данным Независимого института социальных и национальных проблем, в 1996 году более 45% русских хотели сохранить в паспорте официальную регистрацию этнической “национальности”, тогда как, только

ство «воображается» как «государство определенной этно-национальной группы». В такую концепцию идентичности вполне вписывается установление нового договора, уже не между индивидами и государством, а между этническими общинами и государством, что предполагает «натурализацию» «воображаемых сообществ», превращение их в основных субъектов политики. Поэтому, для того чтобы государство соответствовало этому идеалу, его необходимо «национализировать», то есть сделать его «собственностью» этнонации, «поощряя язык, культуру, демографическое преобладание, экономическое процветание или политическую гегемонию этнокультурной нации, номинально являющейся государствообразующей». В результате, отнюдь не все население и даже граждане страны могут включаться в нацию и наделяться равными гражданскими правами, из нее исключаются те или иные меньшинства (так называемые, русскоязычные во многих постсоветских странах), и, конечно же, мигранты, особенно так называемые «видимые мигранты». Так, в нашем Отечестве некоторые этнические группы являясь меньшинствами в населении страны, составляют большинство или признаны «титულными этносами» в национальных республиках, где они проводили в 1990-е годы дискриминационную политику в отношении представителей других этнических групп. «В России примордиалистские взгляды на этничность будут очевидно преобладать до тех пор, пока не изменится институциональная среда ее производства (*этнофедерализм, языковая и образовательная политика, националистический дискурс в массмедиа, переписи населения, навязывающие этнические классификации и др.* — В.А.), — отмечает С.В. Соколовский. Дополнительным фактором устойчивости примордиализма остается национализм этнических элит и этнократических режимов в некоторых республиках» (Соколовский 2004: 75).

Поэтому прочность политической консолидации, которую обеспечил В.В. Путин в годы своего президентства и премьерства, не должна вводить в заблуждение; фундаментальные проблемы страны, в том чис-

23% возражали против этого (по данным опроса в декабре 1997 года — 59% опрошенных русских считают, что в паспортах необходимо оставить графу «национальность» и 32,7% полагают, что ее следует отменить), 49% опрошенных признали национальность природным качеством, которое не может быть изменено. Либеральную точку зрения, согласно которой национальность есть вопрос политического выбора, поддержали менее 10% опрошенных.

ле в сфере межэтнических отношений, решаются крайне неудовлетворительно. Если двадцать лет назад всенародно избранные президенты и элиты республик в составе РФ сумели «приручить» и канализировать агрессивный этнонационализм, использовать его как ресурс в торге с федеральным центром за особый статус и экономические преференции, то сегодня, когда этот национализм глубоко пророс в ткань республиканских политических режимов, окреп интеллектуально и организационно, назначенные Центром главы исполнительной власти вряд ли справятся с этой задачей. Причины регионального этносепаратизма не устранены, проблема просто загнана «внутрь» и/или источник конфликтов «залит» деньгами, но при ухудшении социально-экономической ситуации в стране угроза распада России по этническому основанию опять может стать чрезвычайно актуальной.

ЛИТЕРАТУРА

Авксентьев В.А. Тенденции развития этноконфликтной напряженности на юге России // Конфликтология. Ежеквартальный научно-практический журнал. СПб., 2005. № 1. С. 93, 95.

Авксентьев В.А., Зинев С.Н., Лавриненко Д.А., Лепилкина О.И., Майборода Э.Т. Этнополитические процессы на юге России: от локальных к блоковым конфликтам. Ростов—на-Дону: Изд. ЮНЦ РАН, 2011. С. 61.

Аргументы и факты. 2013. № 38. С.5.

Брубейкер Р. Мифы и заблуждения в изучении национализма // Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма. М.: Новое издательство, 2010. С. 90.

Брубейкер Р. Этничность без групп. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. С. 171.

Грибанова Г.И., Сидоренко А.В. Федерализм и разрешение этнополитических конфликтов в современном обществе // ПОЛИТЭКС: Политическая экспертиза: 2007. Т.3, № 3. С. 5-7.

Гуня А. Северный Кавказ: распределение ресурсов и власти на локальном и региональном уровнях // Berliner Osteuropa Info. 2004. № 21. С. 83-88.

Гуня А., Келер Я., Цюрхер К. Эмпирические исследования Локальных конфликтов. Часть 1. Введение в методологию и методы полевых исследований. М.; Берлин: Медиа-Пресс, 2008. С. 32-33.

Захаров А. «Спящий институт»: Федерализм в современной России и в мире. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 112, 114.

Лимонов Э. Гангстеры // Известия. 2014. 27 января. С. 9.

Малахов В.С. Национализм как политическая идеология: Учебное пособие. М.: КДУ, 2005. С. 246.

Малахов В.С. Понаехали тут... Очерки о национализме, расизме и культурном плюрализме. М.: Новое литературное обозрение, 2007. С. 105.

Маркедонов С. Исторические фронты Южного Кавказа // Мониторинг СМИ. Режим доступа: <http://www.globalaffairs.ru/articles/10246.html>.

Миллер А. Историческая политика и ее особенности в Польше, Украине и России // Отечественные записки. 2008. Т. 5. № 44. Режим доступа: <http://www.strana-oz.ru/?numid=46&article=1735>.

Ралич П. Кто есть кто в Боснии и Герцеговине. Белград, 1992. С. 3-4.

Смит Д. Причины и тенденции вооруженных конфликтов // Этнополитический конфликт: пути трансформации: настольная книга Бегрховского центра. М.: Наука, 2007, с. 127-128.

Снайдер Т. Реконструкция наций. Москва-Вроцлав: Летний сад; Коллегия Восточной Европы им. Яна Новака-Езераньского во Вроцлаве, 2013. С. 194-195.

Соколовский С.В. Перспективы развития концепции этнонациональной политики в Российской Федерации. М.: Привет, 2004. С. 75.

Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М.: Смысл, 1998. С. 62.

Тишков В.А. Чечня как сцена и как роль // Антропология власти. Хрестоматия по политической антропологии: в 2 т. / Сост. и отв. ред. В.В.Бочаров. Т. 2. Политическая культура и политические процессы. СПб.: Изд. Санкт-Петербургского университета, 2007. С. 466- 476.

Тишков В.А. Этнический конфликт в контексте обществоведческих теорий // Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения. Вып. 2. Ч. 1. М., 1992. С. 25-26.

Тишков В.А. Этническое и религиозное многообразие — основа стабильности и развития российского общества: Статьи и интервью. М.: Московское бюро по правам человека, «Academia», 2008. С. 45-46.

Тишков В.А., Шабает Ю.П. Этнополитология: политические функции этничности: Учебник для вузов. М.: Изд. Московского университета, 2011. С. 193.

Финкель Е. В поисках «потерянных геноцидов» // Pro et Contra. 2011. № 3-4, С. 127.

Шлее Г. Управление конфликтами: теория и практика. М.: Deutsch-Russischer Austausch e.V., 2004. С. 52.

Ян Э. Спорные политические вопросы с точки зрения современной истории. М.: Политическая энциклопедия, 2014. С. 188-189.

Brennly J. Nationalism and the State. Manchester: Manchester University press, 1982. P. 53.

Conversi D. Reassessing Current Theories of Nationalism: Nationalism as Boundary Maintenance and Creation // Nationalism and Ethnic Politics. 1995. Vol. 1, No. 1. P. 73.

Gurr T. Why Do Minorities Rebel? // Federalism against ethnicity? : institutional, legal, and democratic instruments to prevent violent minority conflicts / ed. by Günther Bächler. Chur [Switzerland]: Verlag Rüegger, 1997. P. 10.

Harff B., Gurr T.R. Ethnic conflict in World Politics. 2 nd ed. Boulder, CO: West-view, 2004.

Hogan P.C. Understanding Nationalism: On Narrative, Cognitive Science, and Identity. Columbus: Ohio State University Press, 2009. P. 167-213.

Horowitz D. Ethnic Groups in Conflict. Berkeley: University of California Press, 1985. P. 238.

Ignatieff M. The Warrior s Honor. Ethnic war and the modern Conscience. London: Chatto & Windus, 1998. P. 175.

Kowert P. Agent versus Structure in the Construction of National Identity // International Relations in a Constructed World / V. Kubalkova, N. Onufand P. Kowert (eds.). New York: M.E. Sharpe, 1998. P. 108-109.

Posen B.R. The Security Dillemma and Ethnic conflict // Ethnic Conflict and International Security. Princeton: Princeton Univ. Press, 1993. P. 103-104.

Toft M.D. The Geography of Ethnic Violence: Identity, Interests and the Indivisibility of Territory. Princeton: Princeton Univ. Press, 2003.

Woodward S.L. Balkan Tragedy: Chaos and Dissolution after the Cold War. Washington, D.C.: Brookings Institution, 1995.

REFERENCES

Argumenty i fakty[Arguments and Facts], 2013. № 38. P.5 (In Russian).

Avksent'ev V.A. Tendencii razvitiya etnokonfliktnoj naprjazhennosti na juge Rossii [Avksentyev V.A. Development Trends of ethnoconflict tensions in the south of Russia] // Conflictologiya. Quarterly scientific journal. St.Petersburg, 2005. № 1. P. 93, 95. (In Russian).

Avksent'ev V.A., Zinev S.N., Lavrinenko D.A., Lepilkina O.I., Majboroda E.T. Etnopoliticheskie processy na juge Rossii: ot lokal'nyh k blokovym konfliktam [Avksentyev V.A. Zinev S.N., Lavrinenko D.A., Lepilkina O.I., Mayboroda E.T. Ethno-political processes in the South of Russia: from local to bloc conflicts]. Rostov-on-Don: Publishing. JuNC RAN, 2011. P. 61 (In Russian).

Breuilly J. Nationalism and the State. Manchester: Manchester University press, 1982. P. 53.

Brubejker R. Etnichnost' bez grupp.[Brubaker R. Ethnicity without groups] Moscow, Dom Vysshej shkoly ekonomiki, 2012. P. 171 (In Russian).

Brubejker R. Mify i zabluzhdenija v izuchenii nacionalizma / Mify i zabluzhdenija v izuchenii imperii i nacionalizma. [Brubaker R. Myths and misconceptions in the study of nationalism / Myths and misconceptions in the study of empire and nationalism] Moscow, Novoe Izdatelstvo, 2010. P. 90 (In Russian).

Conversi D. Reassessing Current Theories of Nationalism: Nationalism as Boundary Maintenance and Creation // Nationalism and Ethnic Politics. 1995. Vol. 1, No. 1. P. 73.

Finkel' E. V poiskah «poterjannyh genocidov» // Pro et Contra [*Finkel E.* Looking for the “lost genocides» // Pro et Contra]. 2011. № 3-4. P. 127 (In Russian).

Gribanova G.I., Sidorenko A.V. Federalizm i razreshenie etnopoliticheskikh konfliktov v sovremennom obshchestve [*Gribanova G.I., Sidorenko A.V.* Federalism and the resolution of ethnic conflicts in modern society] // POLITEKS: Politicheskaja ekspertiza: 2007. Vol. 3, № 3. P. 5-7 (In Russian).

Gunja A. Severnyj Kavkaz: raspredelenie resursov i vlasti na lokal'nom i regional'nom urovnjah [*Gunja A.* North Caucasus: the distribution of resources and power on a local and regional level]// Berliner Osteuropa Info. 2004. № 21. P. 83-88 (In Russian).

Gunja A., Keler Ja., Cjurher K. Empiricheskie issledovanija Lokal'nyh konfliktov. Chast' 1. Vvedenie v metodologiju i metody polevyh issledovanij [*Gunja A., Keler Ja., Cjurher K.* The Case Study of Local Conflicts. Introduction to methods and methodology of field studies]. Moscow, Berlin: Media-Press, 2008. P. 32-33 (In Russian).

Gurr T. Why Do Minorities Rebel? // Federalism against ethnicity? : institutional, legal, and democratic instruments to prevent violent minority conflicts / ed. by Günther Bächler. Chur [Switzerland]: Verlag Rüegger, 1997. P. 10.

Harff B., Gurr T.R. Ethnic conflict in World Politics. 2 nd ed. Boulder, CO: West-view, 2004.

Hogan P.C. Understanding Nationalism: On Narrative, Cognitive Science, and Identity. Columbus: Ohio State University Press, 2009. P. 167-213.

Horowitz D. Ethnic Groups in Conflict. Berkeley: University of California Press, 1985. P. 238.

Ignatieff M. The Warrior s Honor. Ethnic war and the modern Conscience. London: Chatto & Windus, 1998. P. 175.

Jan E. Spornye politicheskie voprosy s točki zrenija sovremennoj istorii [*Jan E.* Controversial political issues from the perspective of modern history], Moscow, Politicheskaja enciklopedija, 2014. P. 188-189 (In Russian).

Kowert P. Agent versus Structure in the Construction of National Identity // International Relations in a Constructed World / V. Kubalkova, N. Onufand P. Kowert (eds.). New York: M.E. Sharpe, 1998. P. 108-109.

Limonov E. Gangstery [*Limonov E.* Gangsters] // Izvestija. 2014. 27 janvarja. P. 9 (In Russian).

Malakhov V.S. Nacionalizm kak politicheskaja ideologija: Uchebnoe posobie. [*Malakhov V.S.* Nationalism as a political ideology] Moscow, KDU, 2005. P. 246 (In Russian).

Malakhov V.S. Ponaehali tut... Oчерки о национализме, расизме i kul'turnom pljuralizme [*Malakhov V.S.* Ones are comig here ... Sketches about nationalism, racism and cultural pluralism] Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2007. P. 105 (In Russian).

Markedonov S. Istoricheskie fronty Juzhnogo Kavkaza // Monitoring SMI [Markedonov S. historical front of the South Caucasus // Media Monitoring] Source: <http://www.globalaffairs.ru/articles/10246.html> (In Russian).

Miller A. Istoricheskaja politika i ee osobennosti v Pol'she, Ukraine i Rossii // Otechestvennye zapiski [Miller A. Historical policy and its features in Poland, Ukraine and Russia] 2008. V. 5. № 44. Source: <http://www.strana-oz.ru/?numid=46&article=1735> (In Russian).

Posen B.R. The Security Dilemma and Ethnic conflict // Ethnic Conflict and International Security. Princeton: Princeton Univ. Press, 1993. P. 103-104.

Ralich P. Kto est' kto v Bosnii i Gercegovine [Ralich P. Who's Who is who in Bosnia and Herzegovina]. Belgrad, 1992. P. 3-4 (In Russian).

Schlee G. Upravlenie konfliktami: teorija i praktika [Schlee G. Conflict Management: Theory and Practice] Moscow, Deutsch-Russischer Austausch e.V., 2004. P. 52 (In Russian).

Smit D. Prichiny i tendencii vooruzhennyh konfliktov // Etnopoliticheskij konflikt: puti transformacii: nastol'naja kniga Begrhovskogo centra [Smith D. Causes and trends in armed conflicts] Moscow, Nauka, 2007, P. 127-128 (In Russian).

Snajder T. Rekonstrukcija nacij. [Snyder T. Reconstruction of Nations] Moscow-Wroclaw: Summer Garden; College of Eastern Europe Jan Nowak-Jeziorański in Wroclaw, 2013. P. 194-195 (In Russian).

Sokolovskij S.V. Perspektivy razvitija koncepcii etnonacional'noj politiki v Rossijskoj Federacii [Sokolovsky S.V. PrDevelopmental perspectives of the concept of ethnic policy in Russian Federation.], Moscow, Privet, 2004. P. 75 (In Russian).

Soldatova G.U. Psihologija mezhetnicheskoj naprjazhennosti [Soldatova G.U. Psychology of interethnic tension] Moscow, Smysl, 1998. P. 62 (In Russian).

Tishkov V.A. Chechnja kak scena i kak rol' // Antropologija vlasti. Hrestomatija po politicheskoj antropologii [Tishkov V.A. Chechnya as the scene and the role // Anthropology of Power. Chrestomathy of the political anthropology] Ed. V.V. Bocharov. V.2. Political culture and political processes. St.Petersburg, St. Petersburg State University Publishing, 2007, pp. 476 466 (In Russian).

Tishkov V.A. Etnicheskij konflikt v kontekste obshhestvovedcheskih teorij // Social'nye konflikty: ekspertiza, prognozirovanie, tehnologii razreshenija. [Tishkov V.A. Ethnic conflict in the context of social science theories // Social conflicts: expertise, forecasting, technology solutions] Vol. 2. Part 1. Moscow, 1992. P. 25-26 (In Russian).

Tishkov V.A. Etnicheskoe i religioznoe mnogoobrazie — osnova stabil'nosti i razvitija rossijskogo obshhestva: Stat'i i interv'ju. [Tishkov V.A. Ethnic and religious diversity — the basis of the stability and development of the Russian society: Articles and interviews] Moscow, Moscow Bureau for Human Rights, «Academia», 2008. P. 45-46 (In Russian).

Tishkov V.A., Shabaev Ju.P. Etnopolitologija: politicheskie funkcii etnichnosti: Uchebnik dlja vuzov. [Tishkov V.A., Shabayev Y.P. Ethnopolitology: political

functions ethnicity: Textbook for universities] Moscow, Moscow University Publishing, 2011. P. 193 (In Russian).

Toft M.D. The Geography of Ethnic Violence: Identity, Interests and the Indivisibility of Territory. Princeton: Princeton Univ. Press, 2003

Woodward S.L. Balkan Tragedy: Chaos and Dissolution after the Cold War. Washington, D.C.: Brookings Institution, 1995.

Zaharov A. «Spjashhij institut»: Federalizm v sovremennoj Rossii i v mire [Zakharov A. “Sleeping Institute”: federalism in modern Russia and in the world] Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2012. P. 112, 114 (In Russian).

Магомедов А.К.

КРЕМЛЬ И ПОСТСОВЕТСКИЕ «ОКОПНЫЕ ГЕРОИ»: ИСТОРИЯ ИНСТРУМЕНТАЛЬНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ХАРИЗМЫ ОТ ШАМАНОВА ДО СТРЕЛКОВА

В статье анализируется история инструментального использования политической харизмы постсоветских «окопных героев» на примере Владимира Шаманова и Игоря Стрелкова. Отмечается, что в постсоветский период взаимоотношения Кремля и «окопных героев» всегда были сложными в том плане, что Кремль видел в последних посягательство на собственную политическую и идеологическую монополию. Автор рассматривает различные аспекты проблематичности Стрелкова как героической фигуры для Кремля. Показано, что он проблематичен как конкурент Путина на роль лидера «русского мира», и как потенциальный конкурент Путина на предстоящих президентских выборах 2018 г.; что харизма Стрелкова представляет собой вызов путинской харизме; что Стрелков проблематичен как личность, которая резко выбивается из «вертикали власти»; наконец, что Стрелков особенно опасен как идеолог и выразитель донбасской политической и социальной альтернативы. В заключение статьи анализируются два направления интеграции Стрелкова в режим.

Ключевые слова: *Стрелков, Шаманов, Кремль, «окопные герои», харизма.*

«Все формы ереси, неповиновения и узурпации... одновременно являются источниками новой власти и атрибутами изгнанника. Они лежат в основе того, что называется притягательностью или харизмой, того, что непонятно каким образом вдруг превращает никому неизвестного человека в личность, вызывающую беспредельное восхищение.

Московичи С. Век Толп.

Данная статья исследует историю харизмы, историю превращения безвестного солдата удачи Игоря Гиркина в полковника Стрелкова — символа «русской весны». Если говорить коротко, а потому неизбеж-

но схематично, то предводитель российского ополчения Игорь Стрелков стал тем, кто принёс войну на Юго-Восток Украины. В начале 2014 г. он участвовал в крымской кампании России. В апреле того же года, вдохновлённый успехом крымской операции, с вооружённым отрядом вступил на территорию Донецкой области Украины. В небольшом городе Славянске он создал штаб самопровозглашённой «Донецкой народной республики» и стал её «министром обороны». Однако вскоре отношения Кремля и Стрелкова испортились. Дело кончилось тем, что Стрелков был отстранён от должности и принудительно возвращён в Россию. Он стал жертвой так называемого «либерального» клана администрации президента России, обретя в глазах многих жителей страны образ борца за «русский мир». Такой результат стал следствием навязанного из Москвы сценария политического развития Донбасса в августе 2014 г. Один из радиослушателей радио «Говорит Москва» даже задал вопрос, не является ли смена военно-политического руководства Новороссии «новым русским Хасавюртом» (Доренко, Титова 2014)?

Нельзя сказать, что история Гиркина-Стрелкова уникальна в контексте постсоветских российских реалий. Взаимоотношения Кремля и постсоветских «окопных героев» всегда были сложными в том плане, что Кремль видел в последних посягательство на собственную политическую и идеологическую монополию. Те люди, которые поначалу активно воюют за единство России и так называемый «русский мир», позднее могут стать угрозой и обузой для Кремля. Трагическая судьба неукротимого генерала Льва Рохлина — героя первой чеченской войны, чьё загадочное убийство породило в российском обществе много вопросов — служит ярким примером данной коллизии.

Со временем Кремль научился разговаривать со своими героями. Весьма показателен в этом отношении пример генерала Владимира Шаманова. Во время активной фазы второй чеченской кампании Шаманов на уровне массового сознания успешно играл роль общероссийского «положительного героя». С экрана телевизора на россиян смотрел суровый непреклонный воин, победитель бригадных генералов Ичкерии, не знающий жалости к врагам. Данное обстоятельство не могло не тревожить Администрацию «раннего» Путина. Эту тревогу подпитывали периодически появлявшиеся слухи о том, что некие оппозиционные Путину олигархи сделали ставку на генерала как на возможного будущего Президента России (Замена Путина... 2014).

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ АНАЛОГИИ. ИНСТРУМЕНТАЛЬНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РЕЖИМОМ ГЕРОЕВ: ПРИМЕР ШАМАНОВА

Для того, чтобы удалить Шаманова из российской публичной политики, Кремль разыграл блестящую комбинацию с исламско-ваххабитским подтекстом. Накануне губернаторских выборов в Ульяновской области в декабре 2000 г. некоторые центральные СМИ опубликовали целую серию статей, в которых превозносилась особая роль Шаманова как человека, якобы призванного Кремлём предотвратить «чеченизацию» Поволжья и, тем самым, спасти Россию. Наделяя Шаманова миссией спасителя Отечества, газетчики рассуждали следующим образом: «<...>Регион Поволжья рассматривается федеральным центром в качестве потенциально взрывоопасного, в противном случае, зачем направлять туда армейского генерала, сторонника жёсткой политической линии Москвы? <...> Обстановка в Поволжье довольно серьёзная и, что важно, имеет тенденцию к ухудшению. Речь идёт о сторонниках радикального ислама, число которых растёт в геометрической прогрессии... По данным спецслужб, только в Ульяновской области около двух тысяч молодых людей прошли обучение в зарубежных исламских центрах, примерно столько же находятся на учёбе. Прогнозы силовиков неутешительны: Поволжье — регион, который даст о себе знать через 3-5 лет, когда число радикалов достигнет критической массы» (Ахмедханов 2000). Однако ни через 3, ни через 5 лет регион не дал о себе знать в том смысле, в котором писала газета. Зато ровно через эти промежутки времени Ульяновская область стала чуть ли не столицей российского рейдерства: регион был отдан на кормление и разграбление губернаторской команде «варягов», которую привел с собой Шаманов. Думается, вышеуказанный исламско-ваххабитский прогноз умными людьми даже тогда рассматривался лишь как громкое журналистское преувеличение. Сегодня эти провокации поставлены на поток, но это тема отдельного разговора. На самом деле вариант с губернаторством был, скорее всего, попыткой Кремля под шумок удалить Шаманова из армии и общероссийской публичной политики, чтобы генерал-герой поглубже увяз в ульяновском навозе и не мешал политическому взлёту Путина в 2000 г. В итоге с 2000 по 2004 г. Владимир Шаманов просидел губернатором в Ульяновске — за 900 км от Москвы — под надзором тогдашнего полпреда президента в Приволжском федеральном округе С. Кириенко, где и растерял свой героический образ.

Всё это говорит о том, что Москва старалась держать своих героев на почтительном расстоянии, иногда в прямом смысле слова.

Вернемся к герою Донбасса и попробуем ответить на вопрос, почему недопустим Стрелков как героическая фигура и в чём его проблематичность для Кремля?

1. *Он проблематичен и как конкурент Путина на роль лидера «русского мира», и как потенциальный конкурент Путина на предстоящих президентских выборах 2018 г.* Обоснованность опасения Кремля насчет роста популярности Стрелкова была подтверждена скандальным опросом на радио «Эхо Москвы». Голосование, проведённое радиостанцией в интернете, показало, что россияне на предстоящих в 2018 г. президентских выборах готовы избрать президентом Игоря Стрелкова. Результаты голосования оказались следующими: за Стрелкова — 27%; за Путина — 22% при 51% затруднившихся ответить. Телефонный опрос, проведённый этой же радиокомпанией, выявил следующую картину: за Стрелкова — 64%; за Путина — 36% (За кого бы... 2014). Но это ещё не всё. Портал *elise.com.ua*, опубликовавший материал с заголовком «Эпоха Путина завершилась», утверждающий, что «популярность среди русских людей волка войны Гиркина-Стрелкова впечатляющая», оказался заблокированным в Интернете. Эти свидетельства должны были показать, что Гиркин-Стрелков — личность вполне сопоставимая с Владимиром Путиным и претендующая на роль лидера «русского мира». Заголовки типа «За Стрелкова, против Путина» (Казанцев 2014) и вышеуказанный опрос, показавший, что у Стрелкова есть шансы победить Путина на российских президентских выборах, превратили донбасского героя в настоящую проблему для Кремля.

2. *Столкновение харизм. Вызов путинской харизме со стороны харизмы Стрелкова.* Необходимо отметить ещё ряд обстоятельств индивидуально-личностного характера: Стрелков обладает всеми чертами харизматического лидера, и как таковой всегда простым и понятным языком может указать и цель, и врага, мешающего реализации этой цели. Харизматик способен увлекать без институтов власти: идеей, обаянием самоуверенности и авантюрной верой в себя. Он сам выступает как власть и центр всех институтов. Высокому уровню популярности Стрелкова способствует как его имидж борца с врагами «русского мира», так и образ человека, несправедливо обиженного Кремлём. В августе 2014 г. он был снят с должности министра обороны ДНР,

после чего сделал запомнившееся всем заявление о том, что президент страны находится в кольце предателей, а потеря Новороссии чревата потерей Большой России. Новейший российский политический опыт настойчиво доказывает, что имидж человека, гонимого властью, в массовом сознании даёт огромное преимущество любому политику. Он вернулся с Донбасса как гонимый властью, честный и неподкупный лидер, борец с предателями «русского мира» и идеи Новороссии, защитник интересов народа. Основой и костяком образа героя является соответствие архетипическому образу «народного заступника». Для этого используется образ внешнего врага, с которым герой ведёт непрестанную и небезопасную борьбу. Детали биографии Гиркина-Стрелкова этому вполне соответствуют. Стрелков — отставной полковник российской армии, классический солдат удачи, воевавший в двух чеченских войнах, в отколовшемся от Молдавии Приднестровье и на стороне сербов в Боснии. При этом зло, с которым борется герой, должно быть Злом с большой буквы. В данном случае это а) Коллективный Запад; б) Олигархи (а Ходорковский как коллективный выразитель их ожиданий внутри России); в) Либеральный клан в окружении Путина (Bidder 2015). В такой атмосфере Стрелков грозил стать культово-знаковой фигурой, превратиться в символ всего русско-патриотического для определённой части электората (причём очень значительной и не только простонародной как обычно принято считать). Все перечисленные характеристики политического лидерства привели к тому, что Стрелков остался единственным «мятежником» среди политических субъектов путинской России. Герой Донбасса стал тем, кто сумел превратить Славянск в «мятежную цитадель» «русского мира».

Здесь самое время отметить типологическую близость Стрелкова и Путина в контексте исполняемых ими ролей. Собственно говоря, оба политика выполняли одну и ту же роль. Их схожесть в том, что они оба выступают в качестве «защитников» и «спасителей» в атмосфере кризисного сознания и нагнетаемых в обществе страхов. Оба применили идею мобилизации аппарата и населения под лозунгом «Отечество в опасности» для сохранения и развития власти. Аналогичным образом россияне потянулись к В. Путину после взрывов домов в Москве и Волгодонске в сентябре 1999 г. и последовавшей за ними второй чеченской кампании. Мы помним, что переломным моментом в карьере Владимира Путина было начало Второй чеченской войны, когда он в 1999 г., еще будучи премьером, объявил гражданам: «Мы будем преследовать тер-

рористов везде. Значит, если в туалете поймал, то в сортире их замочим». После этого выступления его популярность резко пошла вверх. Мобилизация и консолидация российского общества под лозунгом «Отечество в опасности» были достигнуты после кровавых терактов и военных действий в Дагестане. Операция по «сплочению нации» обеспечила успех Путина на президентских выборах в марте 2000 г. После чудовищных и загадочных взрывов в Москве, в момент стресса миллионов, Путин выступил как психотерапевт со своей знаменитой борьбой против терроризма. И сегодня, в атмосфере разогретых страхов и нагнетания атмосферы осаждённой крепости, продолжает выступать в этой же роли по требованию масс. Ситуацию мало меняет то обстоятельство, что Путин боролся с «международным терроризмом», тогда как для Стрелкова внешним врагом выступают Запад, либералы в лице Ходорковского и предатели в окружении Путина; в обоих случаях принцип мобилизации один и тот же. В определённом смысле столь разные политики воздействовали на одни и те же структуры массового сознания. Таким образом, принцип общественного восприятия фигур Стрелкова и Путина оказался схожим в ситуации системного кризиса. Политика Стрелкова означала защиту рубежей «русского мира». Политика Путина, помимо интенсивной имперской терапии населения, олицетворяла разрыв с курсом его предшественников Горбачёва и Ельцина — тех, кто, по мнению большинства россиян, выполнил работу за Дьявола. В таком контексте можно определённо утверждать о том, что Стрелков грозил перетянуть общественные симпатии на себя, оголив харизму Путина и поставив под угрозу кремлёвскую монополию на патриотизм; что Стрелков покусился на роль Путина как «героя» и «защитника», без которой последний несостоятелен как политик. Думается, сам Кремль, весьма активно отслеживающий общественные настроения, понял это в первую очередь.

Есть и проблемы более мелкого порядка, которые доставляет российской партии власти экс-министр обороны ДНР. Стилистика, характер и общее содержание его публичных выступлений выдержаны в самостоятельном духе настолько, что неоднократно разрушали официальную кремлёвскую трактовку крымских и донбасских событий. Сергею Доренко на радио «Говорит Москва» он заявил, что в Крыму «все сделали «зеленые человечки», и местные жители были простыми наблюдателями. Это не соответствует точке зрения российской власти и ТВ, согласно которой народ Крыма сделал свой демократический вы-

бор, а люди в камуфляже всего лишь обеспечивали безопасность волеизъявления (В гостях Игорь Стрелков... 2014). Затем Стрелков дал длинное интервью, посвящённое началу войны на Донбассе, в котором заявил: «Но спусковой крючок войны всё-таки нажал я. Если бы наш отряд не перешёл границу, в итоге всё бы кончилось, как в Харькове, как в Одессе. Было бы несколько десятков убитых, обожженных, арестованных. И на этом бы кончилось. А практически маховик войны, которая до сих пор идёт, запустил наш отряд. Мы смешали все карты на столе. Все! <...> И я несу личную ответственность за то, что там происходит. За то, что до сих пор Донецк обстреливается, — я несу ответственность. За то, что Славянск оставлен, конечно, я несу ответственность. И за то, что он не освобождён, я тоже несу ответственность» (Кто ты, Стрелок... 2014). К числу неудобных высказываний Стрелкова можно отнести и сказанные в эфире LifeNews слова о том, что с поста министра обороны он ушел не по своей воле, что это было вызвано соображениями большой политики (Стрелков 2014).

3. *Стрелков проблематичен как личность, которая резко выбивается из «вертикали власти» и способна спутать все расписанные политические роли.* В последнее время набирает тенденция давать клятвы в верности Путину со стороны его сподвижников и назначенцев. Формируется своего рода «вертикаль» верноподданнических деклараций. Приведём несколько примеров. Во-первых, заявление главы Чечни Рамзана Кадырова во время скандала со сносом домов так называемых «террористов»: «Мы полностью поддерживаем оценки событий и задачи, поставленные президентом. Мы его пехотинцы и готовы выполнить любой приказ! Сегодня мы ещё раз убедились, что у России есть великий лидер, который сумеет провести её через самые сложные проблемы» Чечне (Милашина 2014). Далее, «спецназом Путина» объявила себя партия «Родина» устами одного из лидеров и депутата Госдумы Алексея Журавлева на первом программном съезде 1 июня 2013 г. (Приходько 2013). Ещё одним примером подобного рода можно назвать письмо Рамазана Абдулатипова в адрес Путина, написанное им через три дня после своего назначения Президентом Дагестана (31 января 2013 г.) и накануне встречи с Путиным (1 февраля 2013 г.). Документ, исполненный в лакейской манере, начинается словами: «Благословение Всевышнего и Ваша воля определили вектор моей дальнейшей жизни...», а заканчивается так: «Смысл моей жизни и деятельности в дальнейшем — это оправдать Ваше доверие. Остаюсь фронтовиком Пу-

тина!». Хотя в администрации главы Дагестана отрицают факт наличия такого письма, напыщенная стилистика и чрезмерный пафос, характерные для Абдулатипова даже в обыденных ситуациях, просматриваются безоговорочно (Фронтоник Путина... 2013). Характерно, что общим знаменателем для всех вышеприведённых примеров является то, что преданность Верховному во всех этих письмах высказана в милитаристско-силовых терминах («спецназ», «пехотинец», «фронтоник»). Если идти далее вниз по «верноподданнической вертикали», то ситуация доходит до фарсовых проявлений. Так, в самом Дагестане нарастает организованное славословие в адрес Р. Абдулатипова. В газете «Свободная республика» опубликована поэма Машидат Гаирбековой «Мы ждали тебя, Рамазан» (Гаирбекова 2014). Что же касается Стрелкова, то его поведение, особенно в донбасский период жизни, резко контрастирует с тенденцией по наращиванию упомянутого верноподданничества. Таким образом, Стрелков проблематичен потому, что его нельзя вписать в эту холуйскую «вертикаль».

4. *Стрелков особенно проблематичен как идеолог и как выразитель донбасской политической и социальной альтернативы.* Главным образом потому, что его взгляды и взгляды его сторонников сложно вписать в удобную для российской партии власти систему. Игорь Стрелков является выразителем двух из трёх типов русского национализма, стоящих за проектом Новороссия: «красной Новороссии» в лице неосоветских великодержавников и «белой Новороссии» в лице активистов за возрождение монархии и консервативных православных идеалов. В обобщённом виде идея “Белой Новороссии” была выработана Стрелковым и его идеологическим окружением — так называемым “Русским общевоинским союзом” (РОВС) во главе с Игорем Ивановым. Последний сражался вместе со Стрелковым в Славянске, а потом возглавил политуправление повстанческого отряда. Иванов неоднократно осуждал, как он выражался, «чекистско-олигархический режим» Владимира Путина. Иванов объявил Путина старым врагом русских патриотов и «национальной России» (которая возрождается на Донбассе). 19 июля 2014 г. Иванов высказывался следующим образом: «Путин и его режим для русских никогда «своими» не были. Они для русских — враги» (Иванов 2014: 4). Белоэмигрантская газета «Наша страна», в которой регулярно публикуется начальник политического управления Минобороны ДНР И.Б. Иванов, опубликовала крайне откровенный материал под заголовком «Глава РОВСа И.Б. Иванов:

Со Стрелковым против Путина и киевских карателей, за новую Россию» (Казанцев 2014:1).

Что касается идеи «Красной Новороссии», то в обобщённом виде она была озвучена отнюдь не антипутинскими идеологами, а прикормленными Кремлём активистами «Изборского клуба» в Донецке 30 октября 2014 г. Приведу лишь наиболее яркие высказывания представителей проекта «Красной Новороссии»:

— Виталий Аверьянов, исполнительный секретарь Изборского клуба: «Все постсоветское пространство погружено в кислотный раствор клановых отношений. Если здесь, на Донбассе, произойдет этот прорыв к народному государству, то большая Россия начнет отставать и активно будет тянуть назад. Поэтому для того, чтобы проявить авангардную волю строить здесь Россию Новую, более справедливую, необходимо обладать, может быть, и большей смелостью, чем на фронте»;

— Мирослав Руденко, вице-спикер Верховного совета ДНР: «Новая Россия — это не только государство здесь, но это и обновление большой России»;

— Кирилл Черкашин, декан истфака ДонНУ: «Очень большая проблема — будет у нас олигархическое государство или нет. Мы действительно построим новую Новороссию, или же это будет повторение какой-то клановой системы. В стратегическом отношении наибольшая проблема — как создать действительно справедливое государство и получится ли это сделать»;

— Александр Проханов, главный редактор газеты «Завтра»: «Новороссия — это фермент. Это фермент, который брошен в большую русскую квашню. И русское тесто, которое уже начало всходить, получает эти вот донбасские дрожжи как замечательный стимул для нашей русской мечты» (Донбас у истоков империи... 2014).

Стрелков, соединяющий в себе эти два типа, рассматривается и героизируется не просто как русский воин, но как олицетворение русского национального типа, с его особой социальностью — как выразителя принципов социальной справедливости. Специфика Донбасса в том, что к власти пришли люди зачастую «из низов». Именно здесь был реализован лозунг «кто был ничем, тот стал всем». Сам Стрелков заявил, что в России должна быть власть заслуг, а не денег, родственных связей или какого-то авторитета. Власть должна быть для народа, а не наоборот, подчеркнул он. Поэтому в самой России важно развивать социальные лифты, которые отправят вверх действительно достойных и за-

служенных людей (Власов 2015). Описываемая социальность Стрелкова близка как сторонникам «Белой Новороссии», так и сторонникам «Красной Новороссии». Волгоградские политологи даже предложили пригласить в город Стрелкова в качестве кризисного менеджера, потому что он на практике показал, как нужно бороться с воровством.

Сказанное свидетельствует о том, что в лице всех донбасских героев Кремлю не нужен Гиркин-Стрелков, условный «человек с ружьем», лихой доброволец из окопов, который угрожает погрязшей в роскоши, обогащении и пренебрежении к людям пропутинской партии власти.

Было очевидно, что с этих позиций он политически опасен для Кремля. Хорошо знающий Стрелкова писатель Эдуард Лимонов сказал в интервью французскому изданию «L'OBS»: «Он был офицером ФСБ, но не подчинялся приказам. Чудо, что он до сих пор жив» (Naudet 2015).

Как выяснилось, некоторых «социальных харизматиков» Донбасса оказалось проще уничтожить, чем иметь с ними хлопоты. Типичный пример — убийство командира батальона «Призрак» Алексея Мозгового, который был одним из самых харизматичных полевых командиров на территории Луганской народной республики. Город Алчевск, где базировался «Призрак», был настоящим бастионом народовластия. Бывший спикер парламента Новороссии Олег Царев сказал, что «у Мозгового были свои взгляды, он считал нужным строить социалистическую Новороссию без олигархов» (Барабанов, Соколовская 2015).

Некоторые наблюдатели предполагали, что лидеров ополчения удалось бы интегрировать в систему российской политики через привычные институты — парламентские кресла, политические партии и общественные движения (см. Иванов 2015). Однако, несмотря на то, что существует явный запрос на новые лица в российской политике, режим боится ярких и самостоятельных фигур. Яркие персонажи опасны тем, что могут нарушить спокойствие и стать инициаторами опасных перемен внутри России.

ИНСТРУМЕНТАЛЬНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РЕЖИМОМ ГЕРОЕВ. ДВА НАПРАВЛЕНИЯ ИНТЕГРАЦИИ СТРЕЛКОВА В РЕЖИМ

1. Полемика против Ходорковского: Стрелков возглавил бой за будущее обустройство России
2. Роль Стрелкова как прокремлёвского пропагандиста под контролем. Развращение роскошью.

Осенью 2014 г. Стрелков был мобилизован против Ходорковского. Дело в том, что 1 октября опальный олигарх выступил в штаб-квартире международной правозащитной организации Freedom House в Вашингтоне с программной речью из 22 пунктов о будущем обустройстве России, которые легли в основу опубликованного позже «манифеста» Ходорковского. В своих тезисах экс-арестант критикует президента Путина и построенное им государство, особо подчеркивая, что «путинское десятилетие оказалось вычеркнутым из жизни России временем», и настаивая на том, что только возвращение к европейским ценностям, также как к социальной справедливости может помочь России выбраться из исторического капкана (Путинское десятилетие...2014). В этой ситуации именно Стрелков был выбран в качестве наиболее подходящей фигуры (как русский народный типаж) для того, чтобы возглавить патриотический отпор «манифесту» Ходорковского. Ответом стал «манифест» Стрелкова под названием «Путинское десятилетие вернуло России надежду на возрождение».

Мы не будем анализировать в деталях дискуссию по линии Стрелков-Ходорковский. Для нас важно уловить поворотный момент провластного перерождения окопного героя. Обращает на себя внимание то, что ответный «манифест» Стрелкова отражает, по сути, кремлёвский взгляд на ключевые проблемы, поднятые в «манифесте» Ходорковского: 1. европейские ценности; 2. социальная справедливость; 3. формула российского будущего. Что касается первой темы — европейских ценностей — Стрелков провозгласил тезис о том, что именно президент Путин возрождает сегодня настоящие традиционные европейские ценности. По поводу второй темы — социальной справедливости — Стрелков заявил, что «в социальном неравенстве виноваты 1990-е годы и что именно Путин начал восстанавливать социальную справедливость». Здесь автор прочно становится на официальную позицию, говоря о том, что «возвращение в наше общество социальной справедливости будет долгим и непростым процессом», поскольку «несправедливость, ставшая в 90-е годы законом, пустила глубокие корни». Одним словом, Стрелков озвучил затасканную мысль официальной телепропаганды о «лихих 90-х», которые виноваты в сегодняшних трудностях. И, наконец, третий сюжет — условная формула российского будущего — позволяет Стрелкову расшифровать свой монархизм. Абстрактную русскую формулу «За Веру, Царя и Отечество» он переводит во «вполне конкретную верность Русской Православной Церкви,

Российскому Государству и Верховному Главнокомандующему В.В. Путину» (Путинское десятилетие вернуло...2014). Таким образом, «русская партия» в лице Стрелкова, которая обвиняла Путина в нерешительности и критиковала его с позиций имперского максимализма, начала позиционировать себя как полностью лояльная Путину.

«Манифест» Стрелкова означал начало новой политической ипостаси его автора: отход от радикального имперского романтизма к патриотическому самовосхвалению и рутинной поддержке Кремля. Теперь рядом с ним нет имперцев-романтиков — его друзей-белогвардейцев. Сам он так же быстро и незаметно изменился. Перед нами уже не аскетичный романтик в потёртом френче, а политический делец, успешно конвертирующий донбасский репутационный актив в публичность. Стрелков отметил, что с ним «можно договориться»: предоставить ему определенные границы для действий, в рамках которых он приносил бы пользу России «уместным способом». *«Меня удовлетворит любое мое участие в защите страны любым способом»*, — заявил он (Власов 2015). Чуждый алчности и воровства и готовый умереть за «Белую империю» романтик начал проводить встречи с поклонниками и патриотами по всей стране в рамках созданного им общественного движения «Новороссия», через которое организовал сбор средств для гуманитарной помощи Донбассу. На мероприятия с патриотической аудиторией Стрелков прибывает на двух черных «мерседесах» S-класса и в сопровождении роскошной блондинки.

Политика нажима и удаления самых пассионарных бойцов, как правило, приводит к их политическому забвению. Спустя год после ухода Стрелкова с Донбасса, в мятежных провинциях востока Украины достраивается система управления, позволяющая беспрекословно выполнять любой приказ Кремля. А если это так, то на Донбассе, как и в Крыму, российской партии власти не нужны ни «буйные», ни «идеологи». А нужны преданные исполнители, чётко выполняющие приказы в условиях военного или невоенного времени. Последовательный перевод Донбасса на российскую инфраструктуру, валюту, снабжение, управление приводит мятежный регион к стадии самоуспокоения и стабилизации, что означает консервацию достигнутых результатов.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

«Кто ты, Стрелок»? А. Проханов и И. Стрелков. Беседуют главный редактор газеты «Завтра» и бывший министр обороны ДНР // Завтра. 2014. № 47 (1096). 20 ноября. URL: zavtra.ru/content/view/kto-tyi-strelok/ (доступно 20.11.2014).

Bidder B. Moskauer Freischarler Strelkov: «Ich traue mich von Russland in den Grenzen von 1939» // Der Spiegel. 2015. 19 March. URL: <http://www.spiegel.de/politik/ausland/igor-strelkov-ich-traue-mich-von-russland-in-den-grenzen-von-1939-a-1024146.html> (доступно 22.04.2016).

Naudet J-B. Limonov: «Poutine utilise mes idées» // L'OBS. 2015. 29 Août. URL: <http://nouvelobs.com/idees/20150827.OBS4864/edouard-limonov-poutine-utilise-mes-idees.html> (доступно 22.04.2016).

Абрамова Е. Замена Путина, или Шаманов — следующий Президент Источник: www.smi.ru (доступно 22.09.2015).

Ахмедханов Б. Шаманов сказал: «Есть», потому что этому региону прочат судьбу Чечни // Общая газета. 2000. 24 августа. С. 2.

Барabanов И., Соколовская Я. На гибель Алексея Мозгового пытаются навести «Тень». Число предполагаемых убийц командира бригады «Призрак» растет не по дням, а по часам // Коммерсантъ. 2015. № 89. 25 мая. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2733496> (доступно 22.04.2016).

Власов А. Игорь Стрелков признался в том, что не чист «аки голубь» // Nation News, 26.06.2015 URL: <http://nation-news.ru/117323-igor-strelkov-priznalsya-v-tom-cto-ne-chist-aki-golub> (доступно 26.06.2015).

Гаирбекова М. Мы ждали тебя, Рамазан // Свободная республика. 2014. № 41 (450). 10 октября. URL: <http://www.respublic.net/2014/10/14/выдержки-из-поэмы-машидат-гаирбекова/> (доступно 10.10.2014).

Донбасс: у истоков империи. Заседание Изборского клуба в Донецке 30 октября 2014 года // Завтра. 2014. № 48 (1097). 27 ноября. URL: <http://www.zavtra.ru/content/view/donbass-u-istokov-imperii/> (доступно 27.11.2014).

Доренко С., Титова А. В гостях Игорь Стрелков, бывший министр обороны самопровозглашенной Донецкой народной республики 06.11.2014 URL: <http://govoritmoskva.ru/interviews/265> (доступно 06.11.2014).

Доренко С., Титова А. В гостях Игорь Стрелков, бывший министр обороны самопровозглашенной Донецкой народной республики // Выпуск 2014.

За кого вы бы проголосовали на выборах президента в 2018 году? // Эхо Москвы. 03.08.2014 URL: www.echo.msk.ru/polls/1372586-echo/results.html (доступно 22.09.2015).

Иванов И. Б. Об Игоре Стрелкове и коммунистическом наследии // Наша Страна 19.07.2014, С. 4 URL: <http://nashastrana.net/wp-content/uploads/NS-2992-M.pdf>.

Иванов М. Игоря Стрелкова могут призвать на выборы. Треть граждан за участие деятелей ДНР и ЛНР в российской политике // Коммерсантъ. 2015. № 94. 1 июня. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2738809> (доступно 22.04.2016).

Казанцев Н. Глава РОВСа И.Б. Иванов: Со Стрелковым, против Путина и киевских карателей, за новую Россию // Наша страна 09.08.2014 С.1-2 URL: <http://nashastrana.net/wp-content/uploads/NS-2994-%D0%9C.pdf>.

Милашина Е. Пехотинцы Путина. В ночь на 19 декабря в Чечне снесли очередной дом // Новая газета. 2014. № 144. 21 декабря. URL: <http://www.novayagazeta.ru/society/66642.html> (доступно 21.12.2014).

Московичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс. М.: Центр психологии и психотерапии, 1998. С. 44-45.

Приходько В. У Путина появился спецназ с игрушечным автоматом. Оружием «бойцов» президента снабдил вице-премьер Рогозин // Московский комсомолец. 2013. № 26245. 3 июня. URL: <http://www.mk.ru/politics/russia/article/2013/06/02/863233-u-putina-poyavilsya-spetsnaz-s-igrushechnym-avtomatom.html> (доступно 03.06.2013).

Путинское десятилетие вернуло России надежду на возрождение. 2014. 17 октября, URL: <http://www.igorstrelkov.ru/blog/31-putinskoe-desyatiletie-vernu-lo-rossii-nadezhdu-na-vozhrozhdenie.html> (доступно: 17.10.2014).

Путинское десятилетие оказалось вычеркнутым из жизни России временем. Речь Михаила Ходорковского в штаб-квартире Freedom House в Вашингтоне URL: <http://khodorkovsky.ru/mbh/statements/freedomhouse> (доступно 02.10.2014).

Стрелков: Я ушел из Минобороны ДНР не по своей воле </lifenews.ru/news/144446> (доступно 07.11.2014).

Фронтоник Путина. Скан письма // Серый журнал <http://kopomko.ru/fron-tovik-putina-skana-pisma/> (доступно 22.09.2015).

Эпоха Путина завершилась. 07.08.2014 Источник: <http://elise.com.ua/?p=29971>.

REFERENCES

«Kto ty, Strelkov»? A. Prohanov i I. Strelkov. Besedujut glavnyj redaktor gazety “Zavtra” i byvshij ministr oborony DNR [Who are you, the Archer?” A. Prokhanov and I. Fusiliers. The Conversation of the Chief Editor of “Zavtra” and the former defense minister DPR] // Zavtra. 2014. № 47 (1096). 20th of November. URL: zavtra.ru/content/view/kto-tyi-strelkov (accesssed 20.11.2014).

Abramova E. Zamena Putina, ili Shamanov — sledujushhij Prezident [Abramova E. Putin’s replacement or Shamanov is the next president] Source: www.smi.ru (accesssed 22.09.2015).

Ahmedhanov B. Shamanov skazal: «Est’», potomu chto etomu regionu prochat sud’bu Chechni [Akhmedkhanov B. Shamanov said: “Yes” because the region intends the fate of Chechnya] // Obshhaja gazeta. 2000. 24 avgusta. P. 2. (in Russian).

Barabanov I., Sokolovskaja Ja. Na gibel’ Alekseja Mozgovogo pytajutsja navesti «Ten’». Chislo predpolagaemyh ubijc komandira brigady “Prizrak” rastet ne po dnjam, a po chasam [Barabanov I., Sokolovskaya Ya. The death of Alexei Mozgovoy is trying to be hidden in the “shadow”. The number of alleged killers of the brigade commander of “Ghost” is growing] // Kommersant#. 2015. № 89. May, 25 URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2733496> (accesssed 22.04.2016).

Bidder B. Moskauer Freischarler Strelkov: «Ich traue von Russland in den Grenzen von 1939» // *Der Spiegel*. 2015. 19 March. URL: <http://www.spiegel.de/politik/ausland/igor-strelkov-ich-traue-von-russland-in-den-grenzen-von-1939-a-1024146.html> (accessed 22.04.2016).

Donbass: u istokov imperii. Zasedanie Izborskogo kluba v Donecke 30 oktjabrja 2014 goda [Donbass: at the origins of the empire. Izborsk Club meeting in Donetsk on 30th of October, 2014] // *Zavtra*. 2014. № 48 (1097). November, 27. URL: <http://www.zavtra.ru/content/view/donbass-u-istokov-imperii/> (accessed 27.11.2014).

Dorenko S., Titova A. V gostjah Igor' Strelkov, byvshij ministr oborony samoprovozglashennoj Doneckoj narodnoj respubliki [*Dorenko S., A. Titova A.* Guest Igor Strelkov, the former defense minister of self-proclaimed Donetsk People's Republic] 06.11.2014 URL: <http://govoritmoskva.ru/interviews/265> (accessed 06.11.2014). (in Russian).

Epoha Putina zavershilas'. [Putin era is over] 07/08/2014 Source: <http://elise.com.ua/?p=29971>.

Frontovik Putina. Skan pis'ma [Putin's war veteran. The letter Scan] // *Seryj zhurnal* Source: <http://kopomko.ru/frontovik-putina-skan-pisma> (accessed 22.09.2015).

Gairbekova M. My zhdali tebj, Ramazan [*Gairbekova M.* We were waiting for you, Ramazan] // *Svobodnaja respublika*. 2014. № 41 (450). October, 10th. URL: <http://www.respublic.net/2014/10/14/vyderzhki-iz-pojemy-mashidat-gairbekovo/> (accessed 10.10.2014).

Ivanov I. B. Ob Iгоре Strelkovoe i kommunisticheskom nasledii [*Ivanov I.* About Igor Strelkov and the legacy of communism] // *Nasha Strana* 19.07.2014, P. 4 URL: <http://nashastrana.net/wp-content/uploads/NS-2992-M.pdf>.

Ivanov M. Igorja Strelkova mogut prizvat' na vybory. Tret' grazhdan za uchastie dejatelej DNR i LNR v rossijskoj politike [*Ivanov M.* Igor Strelkov may call for elections. One third of the citizens are for participation figures DPR and LPR in Russian policy] // *Kommersant*#. 2015. №94. June, 1. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2738809> (accessed 22.04.2016).

Kazancev N. Glava ROVSa I.B. Ivanov: So Strelkovym, protiv Putina i kievskih karatelej, za novuju Rossiju [*Kazancev N.* The Head of Rofs Ivanov L.B: With Strelkov, against Putin and Kiev's chasternels, for new Russia] // *Nasha strana* 09.08.2014 P. 1-2. URL: <http://nashastrana.net/wp-content/uploads/NS-2994-%D0%9C.pdf>.

Milashina E. Pehotincy Putina. V noch' na 19 dekabrja v Chechne snesli ocherednoj dom / [*Milashina E.* Putin Marines. On December, 19 night in Chechnya another house was demolished] / *Novaja gazeta*. 2014. № 144. December, 21. URL: <http://www.novayagazeta.ru/society/66642.html> (accessed 21.12.2014).

Moskovichi S. Vek tolpy. Istoricheskij traktat po psihologii mass. [*Moscovici S.* the Age of the crowd. The historical study of mass psychology]. Moscow, Centr psihologii i psihoterapii, 1998. P. 44-45 (in Russian).

Naudet J-B. Limonov: «Poutine utilise mes idées» // L'OBS. 2015. 29 Août. URL: <http://nouvelobs.com/idees/20150827.OBS4864/edouard-limonov-poutine-utilise-mes-idees.html> (accessed 22.04.2016).

Prihod'ko V. U Putina pojavilsja specnaz s igrushechnym avtomatom. Oruzhiem «bojcov» prezidenta snabdil vice-prem'er Rogozin [*Prikhodko V.* Vladimir Putin has a Special Forces Squad with a toy gun. Weapon “fighters” of the President supplied Deputy Prime Minister Rogozin] // Moskovskij komsomolec. 2013. № 26245. 3 ijunja. URL: <http://www.mk.ru/politics/russia/article/2013/06/02/863233-u-putina-pojavilsya-spetsnaz-s-igrushechnym-avtomatom.html> (accessed 03.06.2013).

Putinskoe desjatiletie okazalos' vycherknutym iz zhizni Rossii vremenem. Rech' Mihaila Hodorkovskogo v shtab-kvartire Freedom House v Vashingtone [Putin's decade was crossed out of Russian life time. Mikhail Khodorkovsky speaks at the headquarters of Freedom House in Washington, DC] URL: <http://khodorkovsky.ru/mbh/statements/freedomhouse> (accessed 02.10.2014).

Putinskoe desjatiletie vernulo Rossii nadezhdu na vozrozhdenie. [During the Putin's decade Russia has returned the hope of revival] October, 17, URL: <http://www.igorstrelkov.ru/blog/31-putinskoe-desyatiletie-vernulo-rossii-nadezhdu-na-vozhrozhdenie.html> (Available: 17/10/2014).

Strelkov: Ja ushel iz Minoborony DNR ne po svoej vole [Strelkov: I retired from the Ministry of Defense DPR against my will] Source: lifeneews.ru/news/144446 (accessed 07.11.2014).

Vlasov A. Igor' Strelkov priznalsja v tom, chto ne chist «aki golub'» [*Vlasov A.* Igor Strelkov said he is as innocent as a dove] // Nation News, 26.06.2015 URL: <http://nation-news.ru/117323-igor-strelkov-priznalsya-v-tom-chto-ne-chist-aki-golub> (accessed 26.06.2015).

Za kogo vy by progolosovali na vyborah prezidenta v 2018 godu? [For whom would you vote for on the presidential elections in 2018?] // Eho Moskvy. 03.08.2014 URL: www.echo.msk.ru/polls/1372586-echo/results.html (accessed 22.09.2015).

АДМИНИСТРАТИВНЫЕ ЭЛИТЫ

Тев Д.Б.

ЭЛИТНОЕ ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ: ГЛАВНЫЕ КУЗНИЦЫ ВЫСОКОПОСТАВЛЕННЫХ АДМИНИСТРАТОРОВ ЗА РУБЕЖОМ И В РОССИИ

Статья посвящена учреждениям высшего образования, являющимся главными кузницами элитных административных кадров за рубежом и в России. Показано, что в ряде ведущих развитых государств важную роль в процессе подготовки и рекрутирования высокопоставленных администраторов играет небольшая группа элитных высших учебных заведений. В частности, в Японии — это, прежде всего, столичный Токийский университет, в США — расположенные на восточном побережье страны университеты «Лиги плюща». Система элитного высшего образования в развитых странах выполняет ряд функций, содействуя межпоколенному воспроизводству привилегированных и правящих групп общества, интеграции и легитимации элиты.

Далее автор рассматривает вопрос о том, какие высшие учебные заведения служат каналами рекрутирования федеральной административной элиты России. В основе выводов лежат результаты эмпирического исследования образовательных характеристик административной элиты РФ (всего 575 персон) по состоянию на ноябрь — декабрь 2013 г. Отмечается, что в России центральное место в подготовке административной элиты занимают столичные, московские вузы, выпускники которых сверхпредставлены среди высокопоставленных чиновников, особенно членов правительства. Эта тенденция может быть обусловлена рядом факторов: непропорционально высокой долей уроженцев Москвы в элите; высоким качеством и престижностью образования, которое дают столичные вузы; а также позитивной связью между окончанием столичных учебных заведений и возможностью трудоустройства в Москве, где сосредоточен центральный аппарат федеральных органов власти. Существенное значение в качестве места первого высшего образования административной элиты имеют и высшие учебные заведения

Ленинграда — Петербурга, вклад которых в обучение будущих высших администраторов гораздо значительнее их роли в подготовке дипломированных специалистов в целом.

Автор отмечает, что среди вузов, в которых федеральная административная элита получила первое высшее образование, выделяется группа учебных заведений — прежде всего, МГУ, СПбГУ и МГИМО, которые играют лидирующую роль в подготовке властных персон, особенно членов правительства и чиновников администрации президента и, в этом смысле, могут быть названы «элитными». Среди структурных подразделений этих вузов видными кузницами элитных кадров являются юридический факультет СПбГУ и экономический университет МГУ. Совместное обучение будущих членов элиты в одних и тех же учебных заведениях, благоприятствуя складыванию товарищеских отношений между ними, может в дальнейшем способствовать внутриэлитной сплоченности и выступать «вытягивающим» фактором элитного рекрутирования.

Ключевые слова: административная элита, элитное образование, высшие учебные заведения, рекрутирование, внутриэлитная интеграция.

РОЛЬ ЭЛИТНЫХ ВУЗОВ В ПОДГОТОВКЕ ВЫСОКОПОСТАВЛЕННЫХ АДМИНИСТРАТОРОВ И ОСНОВНЫЕ ФУНКЦИИ ЭЛИТНОГО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В ВЕДУЩИХ РАЗВИТЫХ СТРАНАХ

В современных обществах наличие высшего образования является одним из необходимых условий для занятия ключевых должностей в аппарате государственной власти, вхождения в административную элиту общенационального уровня. Причем в целом ряде наиболее развитых стран небольшая группа высших учебных заведений играет особенно важную, даже решающую роль в подготовке и рекрутировании элитных кадров, высокопоставленных администраторов (как, впрочем, и представителей некоторых других сегментов элиты, прежде всего, руководителей крупнейших компаний). Как отмечает М. Хартманн, «все ведущие промышленно развитые страны, за исключением Германии»¹,

¹ Особняком стоит также Италия, не имеющая развитой сети элитных университетов. Г. Эмит указывает на отсутствие здесь «маленькой, эксклюзивной группы элитных образовательных <....> учреждений, в которых их члены развивают тесные личные связи», и сравнительно слабую дифференциацию вузов, хотя и отмечает, что Университет Боккони и Католический университет в Милане, а также политехнические университеты Милана и Турина несколько выделяются из общей массы (Amiot 2004: 54).

имеют специфические элитные образовательные учреждения, в стенах которых ключевые социальные элиты проводят решающие годы своего школьного и/или университетского образования» (Hartmann 2007: 61).

Во Франции, например, в качестве кузницы высших административных кадров особенно важны «небольшие, специализированные и высоко конкурентные» (Suleiman 1977: 192) высшие школы (*grandes écoles*). Прежде всего, это такие государственные учреждения, как Национальная школа администрации (ЭНА), имеющая штаб-квартиру в Страсбурге и филиал в Париже, и Политехническая школа, расположенная в пригороде Парижа. Выходцы из этих учебных заведений, составляя небольшую долю выпускников всех вузов страны, преобладают среди административно-политической элиты. Так, выпускниками ЭНА были президенты В. Жискард д'Эстен, Ж. Ширак и Ф. Олланд, половина премьер-министров со времени президентства Ф. Миттерана. По данным на 2010 г., 35% французских министров, занимавших должность в период с 1980 г., посещали ЭНА (Brezis 2010: 8). Как отмечает Г. Вилсон, высшие уровни бюрократии также «непропорционально и в подавляющем большинстве» рекрутируются из Политехнической школы и Национальной школы администрации (Wilson 1990: 139). Неслучайно французский исследователь Ш. Деламар, перефразировав известный афоризм, заметил, что «государство — это ЭНА» (Панченко 2011). Впрочем, следует отметить видную роль в подготовке элитных кадров не только указанных высших школ, но и парижского Института политических исследований (*Sciences Po*), который окончил целый ряд президентов и премьер-министров страны.

В Японии также небольшое число высших учебных заведений играет решающую роль в подготовке административной элиты, причем здесь сильнее, чем в других развитых странах, выражено доминирование одного, столичного государственного вуза — Токийского университета (Тодай), особенно его юридического факультета. Впрочем, важен и ряд других вузов: государственных (Киотский университет) и частных, расположенных в столице — Кэйо и Васэда. Доминирование выпускников Тодай характерно для высокопоставленной бюрократии. Так, из всех выпускников университетов, вошедших в высшие должности гражданской службы в 1980 г., без малого 40% были выходцами из Тодай; в 1976 г. более 60% сотрудников министерств выше уровня главы департамента окончили этот университет. Среди заместителей министров, занимавших должность в 1981-1987 гг., 73% получили юри-

дическое образование в Токийском университете, еще 13,5% окончили другие его факультеты (Kerbo, McKinstry 1995: 139). Менее значимую роль Токийский университет играет в рекрутировании премьер-министров. Порядка трети глав правительства послевоенного периода окончили этот университет (почти все — юридический факультет). Правда со временем выпускники Тодай все реже возглавляли правительство, зато возросла роль частных университетов, особенно Васэда, который подготовил семь послевоенных премьер-министров (Университет Васэда 2014).

В Великобритании большое значение при отборе политико-административной элиты имеют два старинных университета — Оксфорд и Кембридж, расположенные в одноименных городах, соответственно, на юго-востоке и востоке Англии. Один из этих вузов окончили 10 из 14 премьер-министров, возглавлявших правительство после Второй мировой войны. Среди министров британского правительства в послевоенный период доля выходцев из Оксбриджа значительно колебалась в зависимости от партийной окраски правительства, составляя от 70-80% при консерваторах до не более половины при лейбористах (Hartmann 2007: 68-69). Впрочем, в таком ключевом сегменте административной элиты, как постоянные секретари, доля выпускников Оксфорда и Кембриджа в период правления различных партий колебалась значительно меньше, обычно не опускаясь существенно ниже 60% после 1945 г. (ibid: 68). В целом, по данным, которые приводят Д. Абербах и соавторы (Aberbach, Putnam, Rockman 1981: 273), 66% административной элиты Великобритании окончили Оксфорд или Кембридж¹.

В отличие от других стран, в системе элитного высшего образования США доминируют частные учреждения. Ведущую роль играют восемь университетов Лиги плюща (Гарвардский, Принстонский, Йельский, Колумбийский и др.), расположенных на восточном побережье США. По сравнению с рассмотренными выше странами, американская система образования «гораздо более диффузна» (что неудивительно, учитывая большой размер и федеративное устройство страны), и властные группы, в частности, административная элита, не характеризуются столь выраженным присутствием выпускников малой группы самых престижных университетов (Aberbach, Krauss, Muramatsu, Rockman

¹ По данным на 1994 г., среди высших британских чиновников первого ранга (grade 1) 60% окончили Оксфорд или Кембридж (Dargie, Locke 1999: 192).

1990: 467; Hartmann 2007: 74). Тем не менее, выходцы из этих учебных заведений представлены в элите США непропорционально широко. Например, 4 из 12 американских президентов, руководивших страной после Второй мировой войны, окончили Йель. Нынешний американский лидер Б. Обама получил образование в Колумбийском и Гарвардском университетах. Д. Манн, анализируя в 1960-х гг. образовательные характеристики ключевых деятелей исполнительной власти США — т.н. «political executives», отмечал, что те из них, кто служил в Госдепартаменте и Министерстве обороны с гораздо большей вероятностью посещали университеты Лиги Плюща, такие как Гарвард, Йель, Принстон, Дартмут и Корнелл, чем руководители «внутренних» агентств. Так, из тех высокопоставленных чиновников, кто работал в органах, отвечающих за безопасность, 41% процент посещал эти университеты, в то время как то же самое можно сказать только о 24% руководителей внутренних ведомств и 19% руководителей независимых агентств (Mann 1964: 93). Впрочем, согласно другим данным, приводимым Д. Абербахом и соавторами в работе начала 1980-х гг., только 16% ключевых деятелей исполнительной власти (political executives) были в прошлом студентами университетов Лиги плюща (Aberbach, Putnam, Rockman 1981: 273).

Таким образом, мы видим, что во многих крупнейших промышленно-развитых странах существует небольшая группа высших учебных заведений, играющих особенно важную, даже решающую роль в подготовке и рекрутирования административной элиты. Впрочем, следует повторить, что примерно те же престижные вузы вносят важнейший вклад и в обучение будущих представителей других элитных фракций, прежде всего, экономической элиты. Благодаря тому, что учреждения, являющиеся главными кузницами элитных кадров, обычно лидируют по качеству образования, а поступлению в них нередко, особенно во Франции и Японии, предшествует суровая система стандартизированных экзаменов¹, отбор административной (и экономической) элиты, во многом, ведется по меритократическим основаниям. Но меритократическая тенденция ограничена тем фактом, что доступ к элитному образованию (а, значит, и к властным позициям), в большой мере, обусловлен социальным происхождением. Как отмечают Д. Абербах и соавторы, «важность дипломов об образовании для рекрутирова-

¹ По распространенной в Японии характеристике, «экзаменационный ад».

ния элиты можно рассматривать как показатель меритократии. Но если сам доступ к образованию зависит от социального статуса, тогда отбор хорошо образованной элиты может быть равнозначен отбору элиты из высшей социальной страты. Фактически, конечно, исследование за исследованием показывает повсеместную связь между социальным происхождением и образовательными достижениями» (Ibid: 56).

Одной из важнейших характеристик и одним из показателей «элитарности» высших учебных заведений, играющих важную роль в подготовке властной элиты, служит высокая степень их закрытости для выходцев из простых семей, из низших классов, что проявляется в характеристиках социального происхождения студентов. Так, во Франции в 1950 г. — 44%, а в 1980 г. — 63% студентов Национальной школы администрации имели родителей, принадлежащих к верхним 8% общества (не случайно Э. Брезис пишет об «авторекрутировании правящего класса») (Brezis 2010: 9). При этом доля выходцев из простого народа, включая рабочих, низших и средних служащих, среди студентов четырех ведущих высших школ Франции сократилась с 21,2% в 1960-1970 гг. до 8,6% в 1989—1993 гг. (Hartmann 2000: 250). Выходцы из привилегированных слоев общества сверхпредставлены и среди учащихся элитных заведений других стран. Так, 74% студентов (undergraduates) наиболее престижных университетов США вышли из верхних 25% семей, ранжированных по размеру доходов, и только 9% — из нижних 50% семей (Soares 2007: 3). В Великобритании, как отмечает В. Боливер, «абитуриенты Оксфорда сильно и существенно стратифицированы по социально-классовому происхождению» (Boliver 2004: 4). Выходцы из семей специалистов и менеджеров составляют без малого 79% абитуриентов (хотя только 49% абитуриентов всех вузов страны принадлежат к этим группам, составляющим порядка 40% населения). При этом менее 9% абитуриентов Оксфорда вышли из семей работников физического труда, хотя среди абитуриентов всех британских вузов около 24% принадлежат к этой категории, достигающей 48% населения (Ibid: ii). Наконец, по некоторым данным, в Японии почти все студенты Токийского университета выходят из верхних 10% общества (Hartmann 2007: 76), причем в 1960—80-е гг. наблюдалась тенденция к усилению социальной закрытости Тодай и росту доли студентов высокого социального происхождения (Kerbo, McKinsty 1995: 149).

В общем, привилегированные слои общества сверхпредставлены во всех элитных высших учебных заведениях, но степень их социальной

закрытости варьируется. Хотя обычно высший класс не обладает монополией на обучение в элитных вузах, неравенство в доступе, обусловленное социальным происхождением, проявляется здесь в гораздо большей степени, чем во всей системе высшего образования. Этому способствует ряд факторов. Во-первых, высокая плата за обучение в престижных частных вузах (прежде всего, в США) закрывает доступ в них выходцам из простых семей. Так, по данным Д. Соареса, в 1957 г. обучение в Йельском университете стоило 55%, а в 2004 г. — 75% медианного семейного дохода в США (Soares 2007: 59). Впрочем, в таких странах, как Франция и Япония, в сфере элитного высшего образования доминируют государственные учреждения, которые по стоимости обучения сравнительно доступны для широких слоев. Но система стандартизированных экзаменов, особенно жесткая в этих странах, которая, на первый взгляд, дает равные возможности выходцам из разных классов, тем не менее, создает определенные преимущества абитуриентам из обеспеченных семей. Такие семьи обычно располагают большими ресурсами и возможностями для культурного и интеллектуального развития детей, для приобретения ими знаний, необходимых для успешной сдачи вступительных экзаменов. Значение имеют и более высокий уровень семейного воспитания, и возможность дать ребенку высококачественное среднее образование (особенно, в престижных частных школах, таких, например, как школы «Кларендонской девятки» — Итон, Харроу и прочие — в Великобритании), а также дополнительное образование. Наконец, другие факторы также могут способствовать социальному отбору, в частности, предвзятость приемных комиссий, которые в силу сверхпредставленности в них членов сравнительно привилегированных групп общества, традиционно тесных связей элитных вузов с ведущими частными школами и зависимости университетов от богатых спонсоров, склонны осуществлять скрытую дискриминацию выходцев из низов, отдавая предпочтение высокостатусным абитуриентам. Так, например, в Великобритании «более половины <...> университетов <...> проводят поиск и проверку «контекстуальных данных» о социальном происхождении поступающих к ним выпускников школ, отсеивая выходцев из низкостатусных социальных групп» (Дука 2012: 91-92).

Обладая высокой степенью социальной эксклюзивности и, одновременно, являясь важным каналом рекрутирования высших администраторов (а также представителей экономической элиты, о чем свидетель-

ствуют данные различных исследований (Миллс 2007: 19291; Brezis 2010: 8; Hartmann 2010: 293, 298-299; Hartmann 2007: 77-78; Kerbo, McKinstry 1995: 141, 144; Maclean, Harvey, Press 2007: 542-543; Scott 1997: 291-293; Useem 1980: 57), элитные вузы вносят вклад в межпоколенное воспроизводство привилегированных групп общества. Эта тенденция, в частности, проявляется в сверхпредставленности среди высокопоставленных администраторов (и властных элит вообще) персон, имеющих относительно высокое социальное происхождение (См., напр.: Rouban 1999: 78-79; Hartmann 2007: 69-70, 75, 78). В связи с межпоколенным воспроизводством привилегий находится и другая функция элитного образования — интеграция властных групп, обеспечение внутри- и межфракционной элитной сплоченности. Содействуя, в силу своей эксклюзивности, гомогенизации социального происхождения членов властных групп, система элитного образования обеспечивает важную предпосылку для такой сплоченности. В большей степени, однако, интеграции элиты способствует то, что в ходе процесса обучения и социализации в одних и тех же учебных заведениях будущие члены административной элиты (а также лидеры большого бизнеса) усваивают общую культуру и ценности, развивают элитное и классовое самосознание, устанавливая связи друг с другом, которые могут иметь длительное значение, выступая, в частности, «вытягивающим» фактором элитного рекрутирования.

Впрочем, вклад элитных вузов в социальную сплоченность и формирование элитного самосознания властных групп варьируется. Как отмечает М. Хартманн (Hartmann 2007: 70), «узы старой дружбы» Оксфорда и Кембриджа не имеют того же качества, что сети политехников и энархов во Франции, в силу меньшей социальной исключительности и большего числа студентов и выпускников этих университетов. По характеристике П. Бурдьё, французские высшие школы являются «миниажурными закрытыми обществами», которые разделяют единый образ жизни, проявляющийся не только в особых согласованных системах культурных референций и этических и политических ценностей, но также и в одежде, манере говорить и даже сексуальных привычках (Bourdieu 1989: 180). Студентам и выпускникам высших школ Франции присуще сознание своего превосходства и элитной «миссии», как и весьма выраженный корпоративный дух, чувства взаимного понимания, преданности и доверия, которые преодолевают партийные и функциональные разделения в элите. Например, типично для выпускников

Политехнической школы, независимо от их профессионального положения, обращаться друг к другу «товарищ» и «быть в распоряжении друг друга в любое время, даже для конкретной взаимной помощи» (Hartmann 2007: 66).

В Японии, обучение большей части элиты (не только административной, но и экономической) в одном, Токийском университете, особенно на юридическом факультете, также благоприятствует элитной интеграции. Благодаря такому обучению, а также жесткой привязке занятия должностей к возрасту, «большинство японских элит однажды были университетскими однокашниками, которые знали друг друга, жили вместе в студенческом городке, выпивали вместе и устанавливали связи, которые обычно длятся всю жизнь» (Kerbo, McKinstry 1995: 139). По заключению этих авторов, в Японии «старые школьные связи и узы старой дружбы, прочно сформированные в университетские годы, особенно среди выпускников Тодай, важны для элитного отбора и элитной кооперации и единства» (Ibid: 150).

Следует отметить, что роль элитного высшего образования в социализации и интеграции властных групп усиливается благодаря феномену студенческих братств и сестринств, которые могут быть «продолжением связей, завязанных в подготовительной школе» (Миллс 2007: 19216). Подчеркивая их значимость, Р. Миллс даже отмечал, что «не так уж важно, что ты учился в Гарварде, вся суть в том, в каком именно Гарварде ты учился. Под «настоящим» Гарвардом подразумевают «Порселайн», «Флай» или «А. Д.»...» (Там же: 19217). Студенческие братства с их эксклюзивностью, церемониями инициации, внутренней солидарностью, кодексами поведения и иерархией способствуют формированию особенно прочных и длительных социальных связей, являющихся основой «круга бывших однокашников» (old-boy network). Кроме того, как отмечает голландский исследователь, «за годы в братстве студенты развивают чувство элитарности и превосходства», усваивают неписанные нормы и правила поведения элиты, учатся справляться со стрессом, воспринимать критику и унижение, не сдаваться, пока не достигнут своей цели, а также получают первые навыки организации и управления (что затем помогает сделать карьеру и занять элитные позиции) (Heemskerk 2007: 111).

Подчеркивая объединяющую функцию эксклюзивного образования, некоторые западные исследователи склонны связывать недостаточную интеграцию властных групп с отсутствием общего образо-

вательного опыта в элитных заведениях. Например, так рассуждал Р. Дарендорф по поводу элиты ФРГ 1950-60-х гг., называя ее «абстрактной элитой», простой категорией, лишенной «чувства общности» (См.: Suleiman 1977: 196). Но здесь есть опасность преувеличения роли образования. Как отмечает У. Хоффман-Ланге, эмпирические данные 1980-х гг. не свидетельствуют о существенно меньшей элитной интеграции в ФРГ, в сравнении с другими странами Запада, и социальная сплоченность не обязательное условие такой интеграции, которая может обуславливаться иными факторами (См.: Mcsoy, Stroupe 2001: 254).

Кроме интеграции, важной функцией элитного образования является легитимация административной элиты и других властных групп. Но в большей мере это касается таких стран, как Франция и Япония, где доступ в элитные вузы предполагает не столько способность оплатить дорогостоящее обучение, как в США, сколько прохождение жесткой и высоко конкурентной процедуры отбора посредством экзаменов. Как следствие, отбор элит хотя и благоприятствует выходцам из привилегированных слоев, все же, во многом, ведется по меритократическим основаниям, что придает легитимность властным группам. Как пишут Г. Кербо и Д. Маккинстри применительно к Японии, «богатые или бедные, не важно, какой состав обнаруживается среди студентов Тодай, они все же среди умнейших в стране. Богатые дети с ограниченными интеллектуальными способностями не поступят в Тодай, в отличие от университетов в некоторых других индустриальных странах. Таким образом, <...> не важно, каково классовое происхождение студентов Тодай или элит в Японии, тот факт, что эти элиты должны проходить через такие университеты, как Тодай, дает им большую легитимность. Население в целом склонно предполагать, что даже притом, что эти элиты, возможно, вышли из привилегированной среды, они столкнулись с тестом на меритократию в форме «экзаменационного ада» и прошли его, подобно всем остальным, пытающимся поступить в Тодай» (Kerbo, McKinsty 1995: 150). Сходная ситуация и во Франции, где, как отмечает Э. Сулейман, «мало людей ставят под вопрос <...> что для того, чтобы быть членом элиты, нужно продемонстрировать выдающуюся способность к преодолению серьезнейших препятствий. Сильная конкурентность, которая сопровождает это вхождение, служит легитимации элиты для общества в целом <...>. Как следствие, критерий заслуги, который достиг определенной святости во всех индустриаль-

ных обществах, является главным основанием легитимности французской элиты» (Suleiman 1977: 214).

Словом, в целом ряде ведущих развитых стран небольшая группа учебных заведений систематически играет важную, даже решающую роль в процессе отбора и рекрутирования высокопоставленных администраторов (как, впрочем, и лидеров бизнеса), содействуя межпоколенному воспроизводству привилегированных и правящих групп общества, интеграции и легитимации элиты.

МЕСТО ПОЛУЧЕНИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И ОСНОВНЫЕ КУЗНИЦЫ ФЕДЕРАЛЬНОЙ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ЭЛИТЫ РОССИИ

Где получали высшее образование высокопоставленные чиновники России? Какие высшие заведения страны можно назвать «элитными» в том смысле, что они внесли особенно большой вклад в подготовку нынешней административной элиты? Ответить на эти вопросы позволяет исследование федеральной административной элиты РФ, проведенное в 2013-2014 гг. Эта властная группа понималась как совокупность персон, которые занимают ключевые позиции в структурах президентской и исполнительной власти РФ. В исследуемую совокупность были включены президент и основные должностные лица его администрации; члены правительства, заместители министров, руководители федеральных служб и агентств и их заместители, а также руководство аппарата правительства (см. Таблицу 1). Общая численность административной элиты, по состоянию на ноябрь—декабрь 2013 г. составила 575 человек.

Таблица 1

Состав федеральной административной элиты РФ

Административные органы	Число элитных персон
Президент	1
Администрация президента	66
Правительство	31
Аппарат правительства	44
Министерства	160
Федеральные службы и агентства	300
Всего, учитывая совмещение позиций в различных органах	575

В ходе исследования были выявлены основные характеристики бассейна и каналов рекрутирования административной элиты, в частности, место получения первого высшего образования. В качестве источников биографической информации, включая данные об образовании администраторов; использовались официальные сайты органов власти РФ, различные интернет-ресурсы, публикующие биографии элитных персон (lobbying.ru, lenta.ru, viperson.ru, comnarcon.com и др.), материалы СМИ, отчеты компаний.

Говоря о том, в каких учебных заведениях получали высшее образование члены административной элиты РФ, нужно, в первую очередь, отметить важную роль вузов, расположенных в двух крупнейших городах страны — столице Москве и, хотя и в гораздо меньшей степени, в Ленинграде—Петербурге.

Таблица 2

**Место получения первого высшего образования
административной элиты (город), в %**

Элитная группа	Город			Другие города
	Москва	города Московской области	Санкт-Петербург	
Административная элита (N=536)	46	2	16	36
в том числе:				
Правительство (N=31)	58	3	16	23
Администрация президента (N=62)	50	2	16	32

Как показывает Таблица 2, порядка 60% чиновников получили первое высшее образование в вузах этих городов, в т.ч. почти половина в столице¹. В свое время Р. Патнэм сформулировал «закон восходящей диспропорции», суть которого в том, что чем выше уровень политической власти, тем более привилегированным является бассейн рекрутирования ее носителей, тем больше доля выходцев из высоко-статусных групп в элите (Putnam 1976: 33). Примечательно, что, как

¹ Впрочем, к этим данным нужно относиться с некоторой осторожностью, поскольку члены элиты, в принципе, могли окончить филиал московского вуза в другом городе, но эта подробность может быть не указана в биографии.

показывает Таблица 1, представительство выпускников столичных вузов среди администраторов также демонстрирует тенденцию возрастающей диспропорции: их доля в правительстве — высшем органе исполнительной власти — гораздо больше, чем в среднем по административной элите.

Причем следует отметить, что доминирование московских и ленинградских вузов не является простым отражением значимости этих городов как центров высшего образования. В этом смысле показательно сопоставление доли членов элиты, окончивших вузы двух крупнейших городов, и доли всех студентов страны, обучавшихся в этих городах. Так, в 1974 г. в Москве обучалось примерно 22% студентов РСФСР и 13,5% студентов СССР¹, в 1995-2007 гг. — порядка 18% студентов РФ², но, как было показано, доля представителей элиты с московским дипломом составляет 46%, достигая 58% среди членов правительства. В 1970 г. в Ленинграде обучалось 10% студентов РСФСР и 6% студентов СССР³, в 1990-91 гг. — примерно 6% студентов РСФСР⁴, в 1995-2007 гг. на Петербург приходилось примерно 6-8% студентов РФ (Численность студентов... 2014; Численность студентов... 2013), но доля членов элиты, получивших ленинградский диплом, достигает 16%. Словом, роль столичных вузов в подготовке элиты существенно весомее их вклада в обучение специалистов с высшим образованием в целом.

Чем объясняется эта роль? Место высшего образования элиты может быть связано с местом ее рождения, так как существует тенденция к получению первого образования в родном городе. Представительство уроженцев Москвы и Ленинграда в элите, как показывает Таблица 3, достаточно велико, превышая долю этих городов в населении страны.

¹ Подсчитано по: (Москва 1969-1978; Российская Советская...1969-1978; Студенчество 1969-1978).

² Подсчитано по: (Численность студентов... 2014; Численность студентов... 2013).

³ Подсчитано по: (Высшие учебные заведения 1969-1978; Ленинград 1969-1978).

⁴ Подсчитано по: (Народное образование ...1992: 415).

Таблица 3

Место рождения административной элиты, в %

Элитная группа	Москва	Москов- ская область	Ленин- град	Ленин- градская область	Другое
Административная элита (N=488)	22	6	7	1	64
<i>в том числе:</i>					
Правительство (N=31)	32	10	10	0	48
Администрация президента (N=60)	30	5	10	0	55

Причем опять же проявляется тенденция «восходящей диспропорции»: среди членов правительства доля родившихся в Москве заметно выше средней. Впрочем, доля элитных персон с первым образованием, полученным в вузах Москвы и Петербурга, выше доли родившихся в этих городах. Однако зависимость между местом рождения и местом образования является двухсторонней. Уроженцы Москвы и Ленинграда могут быть сверхпредставлены в элите потому, что в этих городах сосредоточены вузы дающие, судя по рейтингам¹, наиболее качественное и престижное образование², которое является существенным фактором успешной карьеры.

Наконец, важно учесть и то, что обучение в столичном вузе может повышать вероятность (благодаря связям, приобретенным во время учебы, например, в период практики, и отсутствию необходимости тратить средства на переезд) трудоустройства в Москве. Между тем, «столичность» — важная характеристика карьеры элитных федеральных чиновников. Так, уже в 1995 г. более половины (52%) тех представителей нынешней административной элиты, о месте работы которых есть

¹ Например, в первую десятку рейтинга вузов России 2013 г. входило 8 вузов, расположенных в Москве, Московской области и Санкт-Петербурге (Рейтинг ВУЗов... 2014).

² Как показало одно исследование, «место проживания до получения высшего образования является важным фактором, влияющим на доступность престижных вузов и специальностей.... В 1990-2004 гг. престижное образование получали (или собирались получить с 2005 г.) более 40% респондентов, окончивших школу в Москве и Петербурге, и только чуть более 15% выпускников школ в небольших городах и районах» (Шинкин 2006: 212).

информация, трудились в Москве, а у 82% высших чиновников с работой в столице была связана должность, непосредственно предшествующая первой элитной административной позиции. У более половины членов правительства РФ первая известная работа после получения первого высшего образования была «московской». Эта тенденция не удивительна, учитывая, что в Москве размещается центральный аппарат практически всех федеральных органов административной власти, а также штаб-квартиры крупнейших фирм, федерального парламента и ведущих научно-образовательных структур, выступающих, в той или иной мере, каналами рекрутирования административной элиты. Вообще, работа в Москве, даже за пределами административного аппарата, например, в руководстве бизнес-структур, может благоприятствовать вхождению в элитные и околоэлитные административные должности федерального уровня потому, что пространственная, территориальная близость к высокопоставленным федеральным чиновникам при прочих равных условиях повышает вероятность быть ими замеченным и отобранным. В общем, сверхпредставленность выпускников московских (а также ленинградских) вузов в элите может быть вызвана рядом факторов: непропорционально высокой долей уроженцев Москвы (и Ленинграда) в элите; высоким качеством и престижностью образования, которое дают столичные вузы; а также позитивной связью между окончанием столичных учебных заведений и возможностью трудоустройства в Москве.

При весьма значительном совокупном вкладе московских и, в меньшей степени, петербургских вузов в подготовку административной элиты, лишь немногие из них являются действительно важными каналами рекрутирования будущих элитных персон и могут быть названы главными кузницами высокопоставленных административных кадров. Таблица 4 показывает, что в качестве места получения первого высшего образования здесь наибольшее значение имеет МГУ, а следом за ним, со значительным отрывом идут СПбГУ и МГИМО¹, которые и советское

¹ Далее с более чем двукратным отрывом идет ряд вузов (почти все — московские), в которых первое высшее образование получили от 8 до 10 представителей элиты: РЭУ им. Плеханова (б. Московский институт народного хозяйства), Академия ФСБ (б. Высшая школа КГБ), Уральский государственный юридический университет (б. Свердловский юридический институт), Московский государственный юридический университет им. Кутафина, МГТУ

время, и сегодня входят в число заведений, дающих наиболее качественное и престижное образование (например, в 2013 г. они занимали, соответственно, 1, 4 и 11 места в рейтинге российских вузов (Рейтинг ВУЗов... 2014).

Таблица 4

**Место получения первого высшего образования
административной элиты (вуз), в %**

Элитная группа	Высшее учебное заведение			
	МГУ	МГИМО	СПбГУ	Итого, по трем вузам
Административная элита (N=539)	8	5	5	18 ¹
<i>в том числе:</i>				
Правительство (N=31)	19	10	13	42
Администрация президента (N=62)	14,5	14,5	8	37

Как показывает Таблица 4, каждый пятый — шестой (18%) член элиты (из тех, по кому есть информация о месте обучения) получил базовое образование в одном из этих вузов. Этот показатель согласуется с данными предшествующего исследования более узкой группы администраторов, которое показало, что 18,5% из 276 высших государственных служащих получили первое образование в трех указанных вузах (Корытина 2011)². Трудно сравнивать эти цифры с теми, которые были приведены выше по ведущим развитым странам, поскольку различаются исследуемые совокупности администраторов. Однако кажется, что в России доля выпускников лидирующей тройки вузов во всей административной элите ближе к сравнительно низким показателям присутствия выпускников элитных вузов среди высокопоставленных

им. Баумана, Московский государственный университет экономики, статистики и информатики (МЭСИ), Военный институт Министерства обороны, а также Государственный университет управления (если включить один спорный случай с противоречивой информацией о месте первого высшего образования).

¹ В МГУ, МГИМО и СПбГУ получили первое высшее образование, соответственно, 44, 28 и 25 элитных персон.

² Лидирующую роль этих трех вузов обнаруживает также и недавнее исследование образовательных характеристик представителей правительственной и президентской власти (См.: Рейтинги вузов... 2014).

чиновников США и сильно уступает цифрам, характерным, например, для Японии.

Впрочем, если учитывать не только первое, но и дополнительное высшее образование, а также аспирантуру, то доля выходцев из трех вузов-лидеров возрастет: получится, что в них обучалось уже более одной пятой (22%) администраторов, о месте образования которых есть информация: каждый десятый — в МГУ, примерно по 6% — в ЛГУ — СПбГУ и МГИМО. Но следует оговориться, что в качестве места дополнительного образования элиты, лидером является Российская академия государственной службы, в которой учился примерно каждый десятый представитель элиты¹. Важно подчеркнуть, что видную роль в подготовке элитных кадров играют отдельные факультеты ведущих вузов. Выделяется экономический факультет МГУ, где первое высшее образование получили 13 чиновников. Но еще больше — юридический факультет СПбГУ: в его стенах первый диплом о высшем образовании получили 14 администраторов (а, если учитывать последующее образование, то его окончили 22 представителя (4%) административной элиты). Можно, вероятно, утверждать, что, в отличие от видной роли МГИМО (ведомственного вуза МИД) как инкубатора высокопоставленных административных, прежде всего, дипломатических, кадров, которая была укоренена еще в советском времени, значимость юридического факультета СПбГУ, во многом, проявилась уже в 2000-е гг., когда его выпускники стали президентами РФ.

Таблица 4 также демонстрирует тенденцию «восходящей диспропорции»: среди членов правительства доля выпускников трех ведущих «элитных» вузов гораздо выше средней по всей элите и приближается к половине. В этой связи также примечательно и то, что из шести высших должностных лиц президентской администрации (руководитель и его заместители) четверо (или две трети, то есть гораздо больше, чем в среднем по данному органу) получили образование в трех ведущих

¹ Если учитывать не только первое высшее образование, но также и дополнительное образование, профессиональную переподготовку и повышение квалификации, то среди других высших заведений, обучение в которых прошли члены элиты, также выделяются Академия ФСБ (б. Высшая школа КГБ), Московский государственный юридический университет им. Кутафина, Военная Академия Генштаба ВС РФ, Академия народного хозяйства при Правительстве РФ, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова. Финансовый университет при правительстве РФ (б. Московский финансовый институт).

вузах. Вклад этих вузов в обучение элиты особенно заметен, если сопоставить его с их ролью в подготовке специалистов с высшим образованием в целом. Так, в 1974 г. в МГУ обучалось около 27 тыс. (См.: Московский университет 1969-1978) или примерно 1% студентов РСФСР и 0,6% студентов СССР, в 2010 г. — порядка 38 тыс. (Общая статистика... 2010) или 0,5% студентов РФ, но первое высшее образование в этом вузе получили 8% представителей элиты и 19% членов правительства. В МГИМО ныне учится порядка 6,5 тыс. (История МГИМО 2013), то есть 0,1% российских студентов, но 5% членов административной элиты и 10% членов правительства получили первое высшее образование в этом вузе. Наконец, в ЛГУ (СПбГУ) в 1972/73 учебном году обучалось свыше 20 тыс. (Ленинградский университет 1969-1978) или менее 1% всех студентов РСФСР, в настоящее время — порядка 30 тыс. (Университет сегодня 2014) или 0,5% от общего числа студентов РФ, но первое высшее образование здесь получили 4% элиты и 13% членов правительства. В общем, роль группы ведущих вузов как канала рекрутирования высших чиновников гораздо весомее их вклада в подготовку дипломированных специалистов в целом.

Как было сказано выше, в зарубежных странах элитные вузы, в силу своей социальной закрытости, выполняют функцию социального отбора, содействуя межпоколенному воспроизводству привилегированных и правящих групп общества. Трудно оценить, насколько это характерно для российских вузов, играющих ведущую роль в подготовке элиты, поскольку данные как о классовом составе их студенческого корпуса, так и социальном происхождении элиты (в частности, тех персон, которые окончили ведущие вузы), скупы и фрагментарны. Основная масса членов административной элиты получила первый диплом в советский период, когда выходцы из простых семей были сравнительно широко представлены среди студентов вузов (чему, среди прочего, содействовали сознательная государственная регламентация классовой структуры студенчества, бесплатность высшего образования). Но и тогда выходцы из семей специалистов и служащих с высшим образованием имели заметно более высокие шансы на поступление в вузы по сравнению с детьми рабочих и крестьян¹.

¹ См., напр.: Таблица 82. Соотношение доли студентов, имеющих родителей с высшим и средним специальным образованием, с долей этой категории в населении страны, и Таблица 87. Социальный состав студентов вузов РСФСР (дневное отделение) (Волков 2013).

Некоторые учебные заведения и вовсе считались «блатными» и номенклатурными, в частности МГИМО (хотя, как утверждает его нынешний ректор, в конце 1960-х гг. было принято постановление, по которому 60% обучающихся в этом вузе должны были быть либо рабочими, либо выходцами из семей рабочих и крестьян) (Торкунов 2011).

В постсоветский период происходила «массовизация» высшего образования, при этом, как показало исследование 2005 г., социальный состав студентов и выпускников вузов, занимающих наиболее высокие позиции в рейтингах престижности и качества образования (т.н. «элитные» вузы), является более привилегированным, чем в обычных вузах (Шишкин 2006). С. Шишкин пишет, что, «среди получающих и получивших элитное образование существенно больше представлены лица из семей с высоким доходом: 39% принадлежат к квинтильной группе с наибольшими доходами и лишь 8% — наименьшими. В то же время среди лиц с массовым высшим образованием все доходные группы представлены примерно одинаково. Выпускники и учащиеся элитных вузов чаще указывают, что их семья имела более высокое положение в обществе, а также полезные связи, чем учившиеся в обычных вузах. Среди родителей респондентов с элитным образованием шире представлены лица, занимающие руководящие должности. В семьях, чьи дети получают элитное образование, матери чаще могут позволить себе не работать» (Там же: 211). Причем, как отмечает тот же автор, хотя «непроходимых барьеров на пути к элитному образованию для отдельных социальных групп пока нет», но в 1990-2000-е гг. происходит «нарастание социальных различий в возможностях поступления в элитные и обычные вузы», углубляется «социальная дифференциация высшего образования по линии «массовое—элитное»» (Там же: 214, 219).

Существуют исследования социального состава студенческого корпуса главной кузницы элитных кадров — МГУ в постсоветский период. Так, согласно опубликованным в 2000 г. результатам выборочного исследования студентов IV курса четырех факультетов МГУ, всего 7% их них имели отцов-рабочих, в то время как у 11% отцы были предпринимателями (Фаустова 2000: 135-136). При этом данные другого, более раннего исследования, говорят о том, что в 1995 г. среди студентов МГУ доля тех, чьи отцы были рабочими, колебалась от 20% на естественных факультетах до 12% среди гуманитариев, в то время как доля студентов, чьи отцы были директорами и предпринимателями, была незначительной, варьируясь от 0% на естественных факультетах до 2,8% среди гуманитариев

(Эфендиев, Дудина 1997: 47). Но эти данные слишком фрагментарны, чтобы на их основе можно было достоверно утверждать, что в постсоветское время социальный состав учащихся и выпускников самых престижных вузов становится более привилегированным, и их социально селективная функция усиливается. При наличии сравнительных данных о социальном происхождении администраторов, окончивших разные учебные заведения, можно было бы также, в какой-то мере, понять, насколько, вузы, играющие наиболее весомую роль в подготовке элитных персон, способствуют межпоколенной передаче власти и привилегий.

Другой вопрос заключается в том, насколько получение многими членами административной элиты высшего образования в одних и тех же вузах способствует внутриэлитной сплоченности. Обучение в разное время на разных факультетах таких громадных учреждений, как МГУ и СПбГУ, вряд ли оказывает существенный интегративный эффект, в отличие, например, от учебы, в «высших школах» Франции, которые формируют среди своих выпускников сильный корпоративный дух. Но обучение примерно в одно время на одном факультете может способствовать складыванию достаточно прочных личных связей (товарищеских и дружеских отношений), которые в дальнейшем служат «вытягивающим» фактором элитного рекрутирования и сплачивают если не всю элиту, то ее отдельные сегменты. В этом смысле показательным является заметное присутствие в административной и прочей элите персон, которые учились на юридическом факультете СПбГУ примерно в одно и то же время с нынешним премьер-министром и бывшим президентом Д. Медведевым или в те годы, когда он преподавал на этом факультете после его окончания. Среди них вице-премьер, министр юстиции, руководитель ФССП, начальник контрольного управления президента, полпред президента в Конституционном суде. По данным газеты «Ведомости» (Письменная 2011), в 2011 г. на разных уровнях власти насчитывалось 20 высокопоставленных функционеров, окончивших юридический факультет СПбГУ в тот же год, что и будущий премьер-министр и президент Д. Медведев, причем бывшие сокурсники поддерживали контакты друг с другом посредством регулярных встреч выпускников (Там же)¹.

¹ Здесь нужно отметить, что поддержанию регулярных связей между элитными питомцами ведущих вузов, их сплочению могут существенно способствовать Ассоциации выпускников, одна из которых довольно активно функционирует при МГИМО (См.: Ассоциация выпускников... 2015).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ряде ведущих развитых государств важную, часто решающую роль в процессе подготовки и рекрутирования высокопоставленных администраторов (как, впрочем, и корпоративных лидеров) играет небольшая группа учреждений высшего образования — элитных вузов. Например, в Японии это, прежде всего, такое столичное учебное заведение, как Токийский университет, в США — расположенные на восточном побережье вузы «Лиги плюща». Система элитного высшего образования выполняет ряд функций, в частности, содействует межпоколенному воспроизводству привилегированных и правящих групп общества, интеграции и легитимации элиты.

Говоря о том, в каких учебных заведениях получали высшее образование члены административной элиты России, нужно, прежде всего, отметить центральную роль вузов, расположенных в столице, Москве, выпускники которых сверхпредставлены среди высокопоставленных чиновников, особенно членов правительства. Эта тенденция может быть обусловлена рядом факторов: непропорционально высокой долей уроженцев Москвы в элите; высоким качеством и престижностью образования, которое дают столичные вузы, а также позитивной связью между окончанием столичных учебных заведений и возможностью трудоустройства в Москве, где сосредоточен центральный аппарат федеральных органов власти. Существенное значение в качестве места первого высшего образования административной элиты имеют и высшие учебные заведения Ленинграда — Петербурга, вклад которых в обучение будущих высших администраторов весомее их роли в подготовке дипломированных специалистов в целом.

Среди вузов, в которых федеральная административная элита России получила первое высшее образование, выделяется группа учебных заведений — прежде всего, к ним относятся МГУ, СПбГУ и МГИМО, которые играют лидирующую роль в подготовке властных персон, особенно членов правительства и чиновников администрации президента и, в этом смысле, могут быть названы «элитными». Среди структурных подразделений этих вузов особенно видными кузницами элитных кадров являются юридический факультет СПбГУ и экономический университет МГУ. Совместное обучение будущих членов элиты в одних и тех же учебных заведениях, благоприятствуя складыванию товарищеских отношений между ними, может в дальнейшем способствовать внутриэлитной сплоченности и выступать «вытягивающим» фактором элитного рекрутирования.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

Ассоциация выпускников МГИМО. URL: <http://alumni.mgimo.ru/> (дата обращения: 21.05.2015).

Волков С.В. Интеллектуальный слой в советском обществе. URL: http://www.intellectinvest.org.ua/content/userfiles/files/library/Volkov_Intellekt_sloi_v_sov_obsh.pdf (дата обращения: 16.04.2013).

Высшие учебные заведения / Большая советская энциклопедия. М.: «Государственное научное издательство «Большая Советская энциклопедия», 1969-1978. URL: <http://slovari.yandex.ru/~книги/БСЭ/Высшие%20учебные%20заведения> (дата обращения: 15.05.2014).

Дука А.В. Социальная дифференциация и рекрутирование ядра политического класса — политических элит / Политический класс в современном обществе / Под ред. О.В. Гаман-Голутвиной. Российская ассоциация политической науки (РАПН); Российская политическая энциклопедия (РОСПЭН), М.: 2012. С. 74-102.

История МГИМО. URL: <http://www.mgimo.ru/about/history/> (дата обращения: 13.11.2013).

Корытина Е. Где учат на министра: РБК daily представляет рейтинг «чиновничьих» вузов. URL: <http://www.rbcdaily.ru/2011/05/11/focus/562949980221938> (дата обращения: 30.12.2011).

Ленинград / Большая советская энциклопедия. М.: «Государственное научное издательство «Большая Советская энциклопедия», 1969-1978. URL: http://encdic.com/enc_sovet/Lening-rad-32306.html (дата обращения: 15.05.2014).

Ленинградский университет / Большая советская энциклопедия. М.: «Государственное научное издательство «Большая Советская энциклопедия», 1969-1978. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/102916/Ленинградский> (дата обращения: 17.05.2014).

Миллс Р. Властвующая элита / Классики социологии. ЕBOOK. М.: Директ-Медиа, 2007.

Москва / Большая советская энциклопедия. М.: «Государственное научное издательство «Большая Советская энциклопедия», 1969-1978. URL: http://encdic.com/enc_sovet/Moskva-73876.html (дата обращения: 14.05.2014).

Московский университет / Большая советская энциклопедия. М.: «Государственное научное издательство «Большая Советская энциклопедия», 1969-1978. URL: <http://slo-vari.yandex.ru/~книги/БСЭ/Московский%20университет/> (дата обращения: 17.05.2014).

Народное образование // Санкт-Петербург, Петроград, Ленинград: Энциклопедический справочник. Ред. коллегия: Белова Л.Н., Булдаков Г.Н., Дегтярев А.Я. и др. М.: Науч. изд-во «Большая Российская энциклопедия», 1992. С. 412-415.

Общая статистика университета / МГУ имени М.В.Ломоносова URL: <http://www.msu.ru/science/2010/sci-study.html> (дата обращения: 17.12.2010).

Панченко А. Птенцы гнезда де Голля. URL: <http://www.vokrugsveta.ru/vs/article/7376/> (дата обращения: 12.12.2011).

Где работают однокурсники президента Дмитрия Медведева / Ведомости. URL: http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/265990/kursom_medvedeva (дата обращения: 21.12.2011).

Рейтинг ВУЗов России / Рейтинговое агентство RAEX 2013 г. URL: http://www.ra-expert.ru/rankingtable/?table_folder=/university/2013/main (дата обращения: 17.06.2014).

Рейтинги вузов по образованию представителей элиты государственного управления России 2014 / Национальный рейтинг университетов МИГ Интерфакс Департамента политологии Финансового университета при Правительстве РФ URL: <http://www.fa.ru/news/Documents/GovElite.pdf> (дата обращения: 02.11.2014).

Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика, РСФСР (народное образование и культурно-просветительные учреждения) / Большая советская энциклопедия. М: «Государственное научное издательство «Большая Советская энциклопедия», 1969-1978. URL: <http://enc-dic.com/enc-sovet/Rossiskaja-sovetskaja-federativnaja-socialisticheskaja-respublika-rsfsr-narodnoe-obrazovanie-i-kulturno-prosvetitelne-uchrezhdenija-104980.html> (дата обращения: 14.05.2014).

Студенчество / Большая советская энциклопедия. М: «Государственное научное издательство «Большая Советская энциклопедия», 1969-1978. URL: <http://enc-dic.com/enc-sovet/Studenchestvo-85883.html> (дата обращения: 14.05.2014).

Торкунов А. МГИМО всегда давал социальный лифт. URL: <http://www.mgimo.ru/news/ex-perts/document188474.phtml> (дата обращения: 01.10.2011).

Университет Васэда. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%C2%E0%F1%FD%E4%E0> (дата обращения: 12.02.2014).

Университет сегодня. URL: <http://spbu.ru/about-us/un-today> (дата обращения: 17.05.2014).

Фаустова Э.Н. Социальные корни студентов: опыт сравнительного анализа // Социологические исследования. 2000. № 4. С. 134-136.

Численность студентов высших учебных заведений по регионам РФ, тысяча человек, Российская Федерация, значение показателя за год. URL: http://www.gks.ru/scripts/db_inet/dbinet.cgi (дата обращения: 05.01.2014).

Шишкин С.В. Элитное и массовое высшее образование: социально-экономические различия // Вопросы образования. 2006. № 2. С. 203-221.

Эфендиев А.Г., Дудина О.М. Московское студенчество в период реформирования российского общества / Социологические исследования. 1997. № 9. С. 41-56.

Aberbach J.D., Krauss E.S., Muramatsu M., Rockman B.A. Comparing Japanese and American Administrative Elites, British Journal of Political Science, 1990, 20(4), pp. 461-488.

Aberbach J.D., Putnam R.D., Rockman B.A. Bureaucrats and Politicians in Western Democracies. Cambridge, Mass., London: Harvard University Press, 1981.

Amyot G. Business, The State and Economic Policy: The Case of Italy. London; New York: Routledge, 2004.

Boliver V. Widening Participation and Fair Access at the University of Oxford. Working Paper Number 2004-02. URL: www.sociology.ox.ac.uk/documents/working-papers/2004/2004-02.pdf (available 15.12.2004).

Bourdieu P. The State Nobility: Elite Schools in the Field of Power. Stanford: Stanford UP, 1989.

Brezis E.S. Globalization and the Emergence of a Transnational Oligarchy. Working Paper No. 2010/05. Helsinki: UNU-WIDER, 2010. URL: http://www.wider.unu.edu/publications/working-papers/2010/en_GB/wp2010-05/_files/82910699597922332/default/2010-05.pdf (available 17.09.2010).

Dargie C., Locke R. The British Senior Civil Service, in: Bureaucratic Elites in Western European States: A Comparative Analysis of Top Officials, ed. by Page E.C., Wright V. Oxford: Oxford University Press, 1999. P. 178-204.

Hartmann M. Class-specific habitus and the social reproduction of the business elite in Germany and France, *The Sociological Review*, 2000, 48(2), pp. 241-261.

Hartmann M. Elites and Power Structure, in: *Handbook of European Societies: Social Transformations in the 21st Century*, ed. by Immerfall S., Therborn G. Berlin, New York: Springer, 2010. P. 291-323.

Hartmann M. The Sociology of Elites. London; New York: Routledge, 2007.

Heemskerk E.M. Decline of the Corporate Community Network Dynamics of the Dutch Business Elite. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2007.

Kerbo H.R., McKinstry J.A. Who Rules Japan? The Inner Circles of Economic and Political Power. Westport, CT: Praeger, 1995.

Maclean M., Harvey C., Press J. Managerialism and the Post-war evolution of the French national business system, *Business History*, 2007, 49(4), pp. 531-551.

Mann D.E. The Selection of Federal Political Executives, *American Political Science Review*, 1964, 58(1), pp. 81-99.

Mccoy D., Stroupe E. The Study of Political Elites in Federal Democracies, *International Review of Sociology*, 2001, 11(2), pp. 247-264.

Putnam R.D. The Comparative Study of Political Elites. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1976.

Rouban L. The Senior Civil Service in France, in: Bureaucratic Elites in Western European States: A Comparative Analysis of Top Officials, ed. by Page C., Wright V. Oxford: Oxford University Press, 1999. P. 65-89.

Scott J. Corporate Business and Capitalist Classes. Oxford: Oxford University Press, 1997.

Soares J.A. The power of privilege: Yale and America's elite colleges. Stanford: Stanford University Press, 2007.

Suleiman E.N. Self-Image, Legitimacy and the Stability of Elites: The Case of France, *British Journal of Political Science*, 1977, 7(2), pp. 191-215.

Useem M. Corporations and the Corporate Elite, *Annual Review of Sociology*, 1980, 6, pp. 41-77.

Wilson G.K. Business and Politics: A Comparative Introduction. Chatham, NJ.: Chatham House Publishers, 1990.

REFERENCES

Aberbach J.D., Krauss E.S., Muramatsu M., Rockman B.A. Comparing Japanese and American Administrative Elites, *British Journal of Political Science*, 1990, 20(4), pp. 461-488.

Aberbach J.D., Putnam R.D., Rockman B.A. Bureaucrats and Politicians in Western Democracies. Cambridge, Mass., London: Harvard University Press, 1981.

Amyot G. Business, The State and Economic Policy: The Case of Italy. London; New York: Routledge, 2004.

Assotsiatsiya vyipusnikov MGIMO. [Alumni Association MGIMO] URL: <http://alumni.mgi-mo.ru/> (accessed: 21.05.2015) (in Russian).

Boliver V. Widening Participation and Fair Access at the University of Oxford. Working Paper Number 2004-02. URL: www.sociology.ox.ac.uk/documents/working-papers/2004/2004-02.pdf (available 15.12.2004).

Bourdieu P. The State Nobility: Elite Schools in the Field of Power. Stanford: Stanford UP, 1989.

Brezis E.S. Globalization and the Emergence of a Transnational Oligarchy. Working Paper No. 2010/05/ Helsinki: UNU-WIDER, 2010. URL: http://www.wider.unu.edu/publications/working-papers/2010/en_GB/wp2010-05/_files/82910699597922332/default/2010-05.pdf (available 17.09.2010).

Chislennost studentov vysshih uchebnykh zavedeniy po regionam RF, tyisyacha chelovek, Rossiyskaya Federatsiya, znachenie pokazatelya za god. [The number of students in higher education institutions by region of RF, a thousand people, the Russian Federation, the value of the index for the year] URL: http://www.gks.ru/scripts/db_inet/dbinet.cgi (accessed: 05.01.2014) (in Russian).

Dargie C., Locke R. The British Senior Civil Service, in: *Bureaucratic Elites in Western European States: A Comparative Analysis of Top Officials*, ed. by Page E.C., Wright V. Oxford: Oxford University Press, 1999. P. 178-204.

Duka A.V. Sotsialnaya differentsiatsiya i rekrutirovanie yadra politicheskogo klassa -politicheskikh elit // *Politicheskii klass v sovremennom obschestve* [Duka A.V. Social differentiation and recruitment of the core of the political class — political elites, in: *Political class in modern society*] ed. by O.V. Gaman-Golutsina, Moscow, Rossiyskaya assotsiatsiya politicheskoy nauki (RAPN); Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSPEN), 2012. S. 74-102 (in Russian).

Narodnoe obrazovanie v Sankt-Peterburge, Petrograde, Leningrade [Education in: St. Petersburg, Petrograd, Leningrad]/Encyclopedic Reference, ed. by L.N. Belova,

Buldakov G.N., Degtyarev A.Y. et al. Moscow, «Bolshaya Rossiyskaya entsiklopediya», 1992, pp. 412-415 (in Russian).

Efendiev A.G., Dudina O.M. Moskovskoe studenchestvo v period reformirovaniya rossiyskogo obshchestva [*Efendiev A.G., Dudina O.M.* Moscow Studentship in the period of russian society transformations] // *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 1997. № 9. P. 41-56 (in Russian).

Faustova E.N. Sotsialnyie korni studentov: opyt sravnitel'nogo analiza // *Sotsiologicheskie issledovaniya*. [*Faustova E.N.* Social Roots of students: experience of comparative analysis, *Sotsiologicheskie issledovaniya*], 2000, 4, pp. 134-136 (in Russian).

Hartmann M. Class-specific habitus and the social reproduction of the business elite in Germany and France, *The Sociological Review*, 2000, 48(2), pp. 241-261.

Hartmann M. Elites and Power Structure, in: *Handbook of European Societies: Social Transformations in the 21st Century*, ed. by Immerfall S., Therborn G. Berlin, New York: Springer, 2010. P. 291-323.

Hartmann M. *The Sociology of Elites*. London; New York: Routledge, 2007.

Heemskerck E.M. Decline of the Corporate Community Network Dynamics of the Dutch Business Elite. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2007.

Istoriya MGIMO. [History of MGIMO] URL:<http://www.mgimo.ru/about/history/> (accessed:13.11.2013) (in Russian).

Kerbo H.R., McKinstry J.A. Who Rules Japan? The Inner Circles of Economic and Political Power. Westport, CT: Praeger, 1995.

Koryitina E. Gde uchat na ministra: RBK daily predstavlyaet reyting «chinovnichih» vuzov [Koryitina E. Where are taught to the Minister: RBC daily presents rating of “bureaucratic” universities] URL: <http://www.rbcdaily.ru/2011/05/11/focus/562949980221938> (accessed: 30.12.2011) (in Russian).

Leningrad // *Bolshaya sovetskaya entsiklopediya*. [Leningrad / Great Soviet Encyclopedia] Moscow: 1969-1978.: URL:http://enc-dic.com/enc_sovet/Leningrad32306.html (accessed:15.05.2014).

Leningradskiy universitet // *Bolshaya sovetskaya entsiklopediya*. [Leningrad university / Great Soviet Encyclopedia] Moscow: 1969-1978.: URL:<http://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/102916/-Leningradskiy> (accessed:17.05.2014) (in Russian).

Maclean M., Harvey C., Press J. Managerialism and the Post-war evolution of the French national business system, *Business History*, 2007, 49(4), pp. 531-551.

Mann D.E. The Selection of Federal Political Executives, *American Political Science Review*, 1964, 58(1), pp. 81-99.

Mccoy D., Stroupe E. The Study of Political Elites in Federal Democracies, *International Review of Sociology*, 2001, 11(2), pp. 247-264.

Mills R. Vlastvuyuschaya elita / Klassiki sotsiologii. [Mills R. Power Elite / Classics of sociology]. EBOOK. Moscow, Direkt-Media, 2007 (in Russian).

Moskva // *Bolshaya sovetskaya entsiklopediya*. [Moscow/ Great Soviet Encyclopedia] Moscow, Soviet Encyclopedia 1969-1978. URL:http://enc-dic.com/enc_sovet/Moskva-73876.html (accessed:14.05.2014) (in Russian).

Moskovskiy universitet // Bolshaya sovetskaya entsiklopediya. [Moscow University/ Great Soviet Encyclopedia] Moscow, Soviet Encyclopedia 1969-1978. URL: [http://slovari.yandex.ru/~knigi/BSE/Moskovskiy universitet/](http://slovari.yandex.ru/~knigi/BSE/Moskovskiy_universitet/) (accessed: 17.05.2014) (in Russian).

Obschaya statistika universiteta. [Overall Statistics of the University]. URL: <http://www.msu.ru/science/2010/sci-study.html> (accessed: 17.12.2010) (in Russian).

Panchenko A. Ptentsyi gnezda de Gollya. [Panchenko A. chicks nest de Gaulle.] URL: <http://www.vokrugsveta.ru/vs/article/7376/> (accessed: 12.12.2011) (in Russian).

Pismennaya E. Kursom Medvedeva. [Pismennaya E. /Medvedev course] URL: http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/265-990/kursom_medvedeva (accessed: 21.12.2011) (in Russian).

Putnam R.D. The Comparative Study of Political Elites. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1976.

Reyting VUZov Rossii, 2013 g. [Rating of universities in Russia, 2013]. URL: http://www.raexpert.ru/rankingtable/?table_folder=/university/2013/main (available 17/06/2014) (in Russian).

Reytingi vuzov po obrazovaniyu predstaviteley elityi gosudarstvennogo upravleniya Rossii 2014. [Ratings of Universities on the basis of education of representatives of public administration elite of Russia in 2014.] URL: <http://www.fa.ru/news/Documents/GovElite.pdf>. (accessed:02.11.2014).

Rossiyskaya Sovetskaya Federativnaya Sotsialisticheskaya Respublika, RSFSR (narodnoe obrazovanie i kulturno-prosvetitelnyie uchrezhdeniya) // Bolshaya sovetskaya entsiklopediya. [Russian Soviet Federative Socialist Republic, RSFSR (public education, and cultural and educational institutions) / Great Soviet Encyclopedia] Moscow, Soviet Encyclopedia 1969-1978. URL:http://enc-dic.com/enc_sovet/Rossiskaja-sovetskaja-federativnaja-socialisticheskaja-respublika-rsfsr-narodnoe-obrazovanie-i-kulturno-prosvetitelne-uchrezhdenija-104980.html (accessed:14.05.2014) (in Russian).

Rouban L. The Senior Civil Service in France, in: Bureaucratic Elites in Western European States: A Comparative Analysis of Top Officials, ed. by Page C., Wright V. Oxford: Oxford University Press, 1999. P. 65-89.

Scott J. Corporate Business and Capitalist Classes. Oxford: Oxford University Press, 1997.

Shishkin S.V. Elitnoe i massovoe vyisshee obrazovanie: sotsialno-ekonomicheskie razlichiya // Voprosyi obrazovaniya. 2006. № 2. S. 203-221.

Soares J.A. The power of privilege: Yale and America's elite colleges. Stanford: Stanford University Press, 2007.

Studenchestvo // Bolshaya sovetskaya entsiklopediya. [Studentship / Great Soviet Encyclopedia] Moscow, Soviet Encyclopedia 1969-1978. URL: http://enc-dic.com/enc_sovet/Studenchestvo-85883.html (accessed:14.05.2014).

Students // Bolshaya sovetskaya entsiklopediya. [Students / Great Soviet Encyclopedia] Moscow, Soviet Encyclopedia 1969-1978. URL: http://enc-dic.com/enc_sovet/Studenchestvo-85883.html (available 05/14/2014) (in Russian).

Suleiman E.N. Self-Image, Legitimacy and the Stability of Elites: The Case of France, *British Journal of Political Science*, 1977, 7(2), pp. 191-215.

Torkunov A. MGIMO vsegda davat sotsialnyiy lift. [Torkunov A. MGIMO always gave social elevator]. URL: <http://www.mgimo.ru/news/experts/document188474.phtml> (accessed: 01.10.2011) (in Russian).

Universities // Bolshaya sovetskaya entsiklopediya. [University / Great Soviet Encyclopedia] Moscow, Soviet Encyclopedia 1969-1978. URL: <http://slovari.yandex.ru/~книги-БСЭ/Высшие%20учебные%20заведения> (available 15/05/2014) (in Russian).

Universitet segodnya [University today]. URL: <http://spbu.ru/about-us/un-today> (accessed: 17.05.2014) (in Russian).

Universitet Vaseda. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%C2%E0%F1%FD%E4%E0> (accessed: 12.02.2014) (in Russian).

Useem M. Corporations and the Corporate Elite, *Annual Review of Sociology*, 1980, 6, pp. 41-77.

Volkov S.V. / Intellektualnyiy sloy v sovetskom obshchestve [Volkov S.V. The intelligent strata in Soviet society]. URL: http://www.intellect-invest.org.ua/content/userfiles/files/library/Volkov_-Intellekt_sloi_v_sov_obsh.pdf (accessed: 16.04.2013) (in Russian).

Vyisshie uchebnyie zavedeniya / Bolshaya sovetskaya entsiklopediya. [Higher education institutions / Great Soviet Encyclopedia] Moscow, Soviet Encyclopedia 1969-1978. URL: http://slovari.yandex.ru/~knigi/BSE/Vyisshie_uchebnyie_zavedeniya (accessed: 15.05.2014) (in Russian).

Waseda University. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%C2%E0%F1%FD%E4%E0> (available 02/12/2014).

Wilson G.K. Business and Politics: A Comparative Introduction. Chatham, NJ.: Chatham House Publishers, 1990.

Быстрова А.С.

СОБСТВЕННОСТЬ И ВЛАСТЬ: ДЕКЛАРАЦИИ ВЫСШИХ РЕГИОНАЛЬНЫХ БЮРОКРАТОВ

В работе анализируется роль деклараций о доходах и имуществе региональных чиновников для осуществления общественного контроля над доходами и расходами государственных служащих, предупреждения коррупции. Законодательно определенные правила и процедуры представления и обнародования деклараций высшими должностными лицами не обеспечивают полноты информации об их доходах и расходах. Тем не менее, публикация этих документов расширяет возможности общества контролировать лиц, облеченных властью. При сопоставлении официальных доходов высших региональных чиновников со средними доходами населения регионов хорошо видны социальные дистанции и неравенства по доходам. Такого рода дистанции наблюдаются и при сравнении доходов чиновной верхушки регионов и рядовых чиновников.

Ключевые слова: *региональные элиты, собственность и власть, декларации о доходах, коррупция, неравенство.*

Среди огромного круга проблем в исследовательском поле собственности и власти я остановлюсь только на одном, на первый взгляд, частном вопросе — декларациях высших региональных бюрократов.

Характерной чертой постсоветской России признается тесная взаимосвязь и взаимозависимость собственности и власти. В советские времена номенклатурная организация власти в СССР сопровождалась возможностью распоряжения ресурсами различного рода в соответствии с занимаемой должностью, ступенью во властной и управленческой иерархии. Чем выше был статус чиновника в партийно-государственной иерархии или хозяйственного руководителя в номенклатурной пирамиде, тем более значительными ресурсами он мог распоряжаться. Однако это положение не давало легальных оснований для полного осуществления права собственности. Например, право хозяйственника продать имущество, закрепленное за руководимым предприятием, было серьезно ограничено. Партийно-государственная номенклатура также формально подчинялась довольно жестким правилам. В то же время распространенной практикой было оказание взаимных услуг, нелегаль-

ное изъятие определенных ресурсов в обеспечение потребностей вышестоящих представителей власти или определенных институций. Понятно, что такого рода изъятия обеспечивались, в том числе и разрешенными правилами списания («усушки», «утруски», «естественные потери» и т.д.) части продукции или неучтенным производством. Речь в данном случае не идет о банальных взятках или подкупе должностных лиц — явлениях, квалифицируемых как криминальные. То есть право распоряжаться определенным объемом ресурсов, включая нелегальные, являлось атрибутом конкретного статуса, места во властной или управленческой иерархии.

Невозможно было и легально передать, пусть и ограниченные, права собственности своим потомкам или иным лицам по собственному выбору, за исключением наследования небольшого числа объектов так называемой личной собственности.

Последующие преобразования («перестройка», рыночные реформы) в какой-то мере решали задачу легализации собственности на средства производства, движимое и недвижимое имущество, активы, снимали устаревшие ограничения на наследование объектов личной собственности. Инструментами послужили масштабная приватизация государственной собственности, проведенная различными способами, образование кооперативов и прочее. Создававшаяся законодательная база была полна противоречий, что успешно (с точки зрения реализации интересов конкретных участников реформ) было использовано имевшими доступ к активному участию в приватизации персонами, в основном из числа представителей советского менеджмента («красные директора», например), второго эшелона советской и партийно-комсомольской номенклатуры.

Приватизация государственной собственности, получившая в народе название «прихватизации», не привела, за некоторыми исключениями, к ожидавшемуся реформаторами существенному улучшению менеджмента компаний (бывших государственных предприятий), но главное — не разрушила тесной взаимосвязи собственности и власти. Не возникли правовые гарантии собственности. Частная собственность, возникшая в результате приватизации, не стала легитимной в глазах многочисленных социальных групп, фактически исключенных из этого процесса. Утвердившийся «капитализм для своих», клиентелизм разъединили собственность и ответственность. Успешность бизнеса каждого конкретного предпринимателя, банкира, иного субъекта

экономической деятельности по большей части зависят от его включенности во властные отношения, связей, лояльности властным структурам соответствующего уровня, конкретным персонам, воплощающим эту власть (см., напр.: Радыгин 2004; Левин 2014; Нуреев, Латов 2015; Плискевич 2015).

Реальные бенефициары крупных бизнес структур нередко неизвестны широкой публике. Имущественные отношения непрозрачны. Информация о состояниях, имуществе, доходах публичных лиц, а также о покупке предметов престижного потребления, становящаяся известной и удивляющая население, не вызывает ни у правоохранителей, ни у исполнительной власти желания «навести порядок», проверить источники и законность доходов и собственности.

То же можно сказать и о законодателях, которые должны бы пещься о справедливости. По сути, единственное существенное действие в этом смысле — это введение налоговых деклараций, которые государственные служащие должны ежегодно предавать гласности.

Эмпирическая база исследования: декларации о доходах и имуществе, подаваемые высшими региональными чиновниками. Территориальный охват: в основном восемь регионов (субъектов РФ), по которым в секторе социологии власти и гражданского общества СИ РАН создана база биографий региональной элиты. Это Санкт-Петербург, Ленинградская область, Ростовская область, Калининградская область, Костромская область, Хабаровский край, Москва и Новосибирская область. Временной период и глубина охвата анализируемых данных различна, поскольку не по всем субъектам РФ доступен полный массив поданных деклараций. Как правило, включены 2012-2013 годы, а также декларации за 2014 год. Ко времени формирования данного альманаха появились данные о декларациях чиновников за 2015 год. К сожалению, при формировании биографической базы данных (2006, 2009 и 2012 годов) собранные сведения по доходам и имуществу vip-персон были довольно отрывочны и не заведены по этой причине в массив, который был бы доступен для машинной обработки.

В текущем анализе из региональных высших бюрократов представлены:

- губернаторы и заместители губернаторов
- члены региональных правительств.

Как видим, это только часть региональных элитных групп, топ, самая верхушка.

Зачем понадобилось проанализировать декларации?

Самая очевидная цель — исследовать доходы и имущественное положение топ-персон региональной элиты. То есть посмотреть, кто эти люди с точки зрения размеров доходов и имущества, потребления, проследить изменения в материальном положении с приходом на высшие позиции в административной элите регионов. При этом принимая во внимание, что декларации — официально подтверждаемые данные, то, что нельзя не показать, а также то, что VIP-персоны считают возможным показать. Эти данные могут не совпадать с реальным имущественным положением элитных персон.

Другая важная цель — материальное положение семьи в целом. В декларациях должны, как предписано законом, содержаться сведения об имуществе и доходах супругов и несовершеннолетних детей. Но закон не предусматривает наличие в декларации такой важной информации, как сведения об имуществе и доходах совершеннолетних детей. Поэтому получить полное представление о материальном положении семьи только по этим документам невозможно. Расхождения с реальным положением дел скорее являют правило, чем исключение.

Наконец, не менее важная цель — исследовать возможности общественного контроля над доходами и расходами региональных чиновников высокого уровня и реальные достижения в этом направлении.

Выбранные VIP-персоны — это руководители исполнительной власти субъектов РФ. От эффективности их профессиональной деятельности в значительной мере зависит благосостояние населения регионов. Следовательно, в этом плане полезно сравнить доходы верхушки региональной власти со средними показателями подушевого дохода и/или средней заработной платы регионов. И, таким образом, составить некоторые представления о дистанции в социальной иерархии, устанавливаемой складывающимся социальным порядком.

Представление деклараций о доходах и имуществе стало обязанностью должностных лиц в России в связи с принятием Федерального закона РФ от 25 декабря 2008 г. № 273 — ФЗ «О противодействии коррупции» (статья 8 данного ФЗ). Затем порядок представления деклараций и круг лиц, которые должны были их подавать, был уточнен несколькими указами Президента РФ и другими Федеральными законами¹.

¹ Перечень и тексты федеральных законов РФ, указов Президента РФ, постановлений Правительства РФ и международно-правовых актов, в которых

В частности, обязанность публиковать свои декларации для депутатов региональных собраний и муниципальных служащих была введена Федеральным законом N329 — ФЗ от 21 ноября 2011 года «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия коррупции» (статьи 13 и 20). Законом предусматривалось, что процедура и порядок обнародования информации должны определяться региональными законодательными актами. Данная норма на практике обернулась большим разнообразием требований, правил составления и публикации деклараций. Есть случаи, когда размещаемые сведения носят «характер закрытой информации, не доступной для пользователя сети Интернет, не осведомленного об алгоритме ее поиска» (Рейтинг... 2013). Стоит, наверное, напомнить, что в Федеральном законе РФ от 25 декабря 2008 г. № 273 — ФЗ «О противодействии коррупции» — информация о доходах и имуществе считается конфиденциальной. В сделанном Центром антикоррупционных исследований и инициатив «Трансперенси Интернешнл-Р» рейтинге доступности деклараций по регионам РФ подробно рассматриваются особенности процесса составления и публикации деклараций должностных лиц по регионам/субъектам РФ за три года, начиная с 2009, поскольку большинство государственных органов начали подавать декларации в 2010 году. Федеральным законом «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» определено, что с 2013 года (то есть в декларациях за 2012 год) должностные лица должны будут обосновать приобретение имущества, если его стоимость превышает доход их семьи за три года. Статья 3 пункт 1 обязывает «лицо, замещающее (занимающее) одну из должностей, указанных в пункте 1 части 1 статьи 2 настоящего Федерального закона <...> представлять сведения о своих расходах, а также о расходах своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей по каждой сделке по приобретению земельного участка, другого объекта недвижимости, транспортного средства, ценных бумаг, акций (долей участия, паев в уставных (складочных) капиталах организаций), если сумма сделки превышает общий доход данного лица и его супруги (супруга) за

содержатся нормы, относящиеся к противодействию коррупции можно посмотреть на сайте Министерства труда и социальной защиты РФ. URL: <http://www.rosmintrud.ru/ministry/anticorruption/legislation/0> (доступно 18.10.2015).

три последних года, предшествующих совершению сделки, и об источниках получения средств, за счет которых совершена сделка» (Федеральный... 2012).

На сайтах региональных властей есть сводные таблицы, есть файлы данных по отдельным персонам. Набор показателей, объем информации более или менее стандартный.

Для примера приведем фрагмент одной из деклараций бывшего мэра Москвы Ю.М. Лужкова (см. рис 1).

Фамилия, имя, отчество, занимаемая должность	Общая сумма дохода за 2009 г. (руб.)	Перечень объектов недвижимого имущества и транспортных средств, принадлежащих на праве собственности				Перечень объектов недвижимого имущества, находящегося в пользовании		
		Вид объектов недвижимости	Площадь (кв.м)	Страна расположения	Транспортные средства	Вид объектов недвижимости	Площадь (кв.м)	Страна расположения
Лужков Юрий Михайлович Мэр Москвы	7 980 856,00	участок огородный	2 500,0	Россия	легковой автомобиль ГАЗ 69Э автомобиль	коттедж	2 531,2	Россия
		участок для ведения крестьянского (фермерского) хозяйства	91 089,0	Россия				
		участок для ведения личного подсобного хозяйства	245 016,0	Россия				

Рис. 1. Фрагмент декларации бывшего мэра Москвы Ю.М. Лужкова о доходах и имуществе за 2009 г.¹

Как видим, из декларации можно узнать величину годового дохода чиновника, номенклатуру и величину объектов движимого и недвижимого имущества, находящихся у чиновника в собственности или пользовании. Для недвижимости указывается также место расположения (страна). В декларации также содержатся сведения об имуществе и доходах супругов и несовершеннолетних детей по тем же позициям.

Посмотрим, какие доходы показаны нашими губернаторами.

Доходы двух губернаторов из восьми рассматриваемых субъектов РФ в 2013 году уменьшились по сравнению с предшествующим годом. Так, губернатор Калининградской области Н. Цуканов получил на 1,5 млн. меньше, губернатор Ростовской области В. Голубев — на 4,1 млн. Губернатор Ленинградской области А. Дрозденко заработал меньше на 3,2 млн. У других губернаторов отмечается некоторый рост доходов.

Судя по приведенным в декларациях сведениям о доходах и имуществе супругов, некоторые из них зарабатывают больше, чем сами чинов-

¹ Источник: <http://issuu.com>

Таблица 1

**Сведения о доходах, имуществе и обязательствах
имущественного характера губернаторов, 2013 год¹**

Регион	Губерна- тор	Годовой доход млн. руб.	Дом кв. м	Квар- тира кв. м	Авто- машины	Земля кв. м
Санкт-Петербург	Полтав- ченко Георгий Сергеевич	4,9	385	216		2958
Ленинград- ская область	Дрозденко Александр Юрьевич	4,8				28000 (с/х)+4100
Ростовская область	Голубев Василий Юрьевич	5,5			Мотовез- деход + ауди	3 зем. участка
Калинин- градская область	Цуканов Николай Николае- вич	2,2	146	111	Мотоцикл харли-де- видсон+ мерседес с прице- пом	3 зем. участка (12492)
Костром- ская область	Ситников Сергей Константи- нович	2,1	330	105	Тойота лендкруз- ер+ рено дастер	3 зем. участка (4167)
Хабаров- ский край	Шпорт Вячеслав Иванович	6,7	305	115	лексус	
Москва	Мэр Собянин Сергей Семенович	6,2		118		
Новосибир- ская область	Юрченко Василий Алексеевич (2012 г.)	2,7		97 + 134		800

¹ Источник: декларации, размещенные на сайтах субъектов РФ.

ники. Так, супруга ростовского губернатора имела значительно больший доход: в 1,5 раза в 2012 году и в 4,5 раза в 2013 году. Она входит в десятку самых богатых губернаторских жен. Не подвергая сомнению предпринимательские таланты успешных женщин, следует все-таки отметить, что высокое положение мужей во властной иерархии благотворно сказывается на их доходах.

Анализ деклараций о доходах членов региональных правительств показывает известное разнообразие в уровне материального достатка их членов. Относительно больше богатых чиновников регионального уровня в административной верхушке столицы нашей Родины. В составе правительства здесь есть несколько чиновников значительно более богатых, чем глава города, судя по официально декларированным доходам. В правительствах других субъектов РФ также встречаются отдельные богатые граждане. Так, в декларациях, представленных высшими чиновниками Калининградской области, нет «выдающихся» сумм, за исключением, пожалуй, одного случая: супруг министра по туризму в 2013 году имел доход в 42 млн. При этом, в его собственности 9 земельных участков (суммарной площадью 56081 кв. м), банкетный зал площадью 595 кв. м., ресторанно-гостиничный комплекс площадью 1230 кв. м., гостиница (1341 кв.м.), баня (70 кв. м.) и здание учреждения (789 кв.м) пять легковых, три грузовых автомашины, трактор, катер и лодка. Судя по номенклатуре имущества, муж министра по туризму (на момент подачи декларации) занимается туристическим и гостиничным бизнесом, так что конфликт интересов весьма вероятен.

Когда вводились в практику декларации для госслужащих, предполагалось, что с их помощью удастся в какой-то мере противодействовать коррупции, в частности, предупреждая конфликты интересов. Поскольку считается, что заявление о возможном конфликте интересов является инструментом предупреждения коррупции.

Тем не менее, видимо, эти надежды не оправдываются. Дело, скорее всего, в том, что декларации в нынешнем виде не могут осветить все возможные ситуации, чреватые нарушением законодательства о коррупции. Тем не менее, основную, на наш взгляд, задачу — привлечения общественного внимания к действиям крупных чиновников и таким образом помещения их в сферу общественного контроля — обнародование деклараций выполняет. Приведу в этом смысле весьма показательную публикацию в санкт-петербургском выпуске газеты «Ведомости» в апреле 2014 года. Газета опубликовала сводную таблицу, составлен-

Доходы чиновников

	ДОЛЖНОСТЬ	ДОХОД, МЛН РУБ.
Георгий Полтавченко	губернатор	4,9
Александр Говорунов	вице-губернатор	34
Игорь Дивинский	вице-губернатор	19,9
Марат Оганесян	вице-губернатор	5,4
Владимир Лавленцев	вице-губернатор	10,2
Михаил Мокрецов	вице-губернатор	3,3
Олег Марков	вице-губернатор	6,7
Ольга Казанская	вице-губернатор	2,6
Василий Кичеджи	вице-губернатор	65
Михаил Бродский	представитель губернатора в заксобрании	2,3
Юрий Авдеев	председатель комитета по физической культуре и спорту	2,6
Евгений Никольский	глава администрации Красносельского района	2,4

ИСТОЧНИК: АДМИНИСТРАЦИЯ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Рис. 2. Доходы чиновников высшего ранга Санкт-Петербурга за 2013 г.

ную журналистами по данным деклараций чиновников высокого ранга Санкт-Петербурга (рис. 2).

Журналисты сравнили доходы губернатора и его жены, а также их имущество в 2013 г. с теми данными, что содержались в декларации предшествующего года, и установили, что они несколько выросли: у губернатора доход достиг 4,9 млн руб. (годом ранее он был 4,3 млн руб.). В собственности у губернатора остался земельный участок около 3000 кв. м, жилой дом площадью 385 кв. м и квартира в пользовании. Автомобиля у губернатора нет. Его жена в 2013 году заработала 216 000 руб. Вряд ли целесообразно пересказывать подробную информацию, которую предоставили своим читателям усердные журналисты. Статья доступна всем желающим (Чиновники... 2014). Важно отметить, что при этом в публикации приведены размеры средней заработной платы в Санкт-Петербурге: в 2013 г., по данным Петростата, она составила 37 594 руб.

Ежегодное появление в открытом доступе деклараций высших должностных лиц Федерального центра и субъектов РФ вызывает к жизни многочисленные публикации, привлекающие внимание населения к проблеме неравенства доходов и коррупции. Контроль общества вызывает ответную реакцию ответственных лиц, в частности, желание закрыть неудобную информацию. Придуман даже приличный предлог — желание уберечь ответственных лиц от возможных посяга-

тельств преступников. С другой стороны, наблюдаются попытки некоторых политиков «сыграть» на проблеме полноты/неполноты деклараций. Появились сообщения, что депутаты Государственной Думы готовят законопроект, в соответствии с которым может быть введен запрет супругам и детям чиновников заниматься бизнесом (Домчева 2016).

Публикация деклараций высших должностных лиц федерального и регионального уровня дала возможность СМИ и некоторым НКО осуществить проекты, цель которых — общественный контроль над доходами и расходами чиновников. Так, Центром «Трансперенси Интернешнл Россия» при поддержке издания Slon.ru и Комитета гражданских инициатив осуществляется проект «Декларатор», в рамках которого уже создана и доступна постоянно пополняемая база данных о доходах депутатов, чиновников, судей, представителей региональной власти и иных государственных органов¹.

Журнал «Forbs» — Россия в 2015 году уже в шестой раз составил рейтинг самых состоятельных чиновников, парламентариев и менеджеров госкомпаний России, то есть, журналисты известного делового издания анализируют декларации, начиная с 2010 г. декларации за 2009 г.). Поле исследования расширяется. Специфика рейтинга 2015 года — включение в него депутатов законодательных собраний субъектов РФ (Касьян 2015; см. также: Власть... 2014; Власть... 2013; Власть... 2012; Власть... 2011; Власть... 2010). Аналогичного рейтинга в 2016 году пока нет.

Отмечу интересную особенность капитализации чиновниками получаемых доходов, которая обнаружилась при изучении деклараций. Кроме квартир и домов, средства вкладываются в приобретение земельных участков. У значительной части чиновников высокого ранга в собственности не один участок под домом или дачей, а несколько. Так, кроме уже упомянутого супруга министра по туризму Калининградской области — собственника 9 земельных участков, у заместителя председателя правительства этой области, согласно декларации, имеется 21 земельный участок общей площадью 59358 кв. м.

Существенным недостатком публикуемых сведений является то, что в них, как правило, не содержится информация об источниках полученных доходов. Редко можно встретить данные о доходах, полученных

¹ Сайт Декларатор.org

от продажи имущества, ценных бумаг, предприятий и т.д. Хотя, видимо, если учесть, что высшие чиновники рекрутируются также и из бизнеса, и по закону им следует прекратить предпринимательскую деятельность, такие сведения было бы уместно включать в декларации, представляемые бюрократами для всеобщего ознакомления.

Публикация обсуждаемых документов, несомненно, является позитивным делом, несмотря на отмеченные недостатки в их формировании. Прежде всего, с точки зрения налаживания контроля общества за чиновниками, облеченными значительной властью по распоряжению региональными бюджетами и собственностью субъектов РФ. Однако нерасчлененность доходов в открытом доступе по их источникам делает декларации инструментом сокрытия этих источников.

При анализе деклараций бросается в глаза существенная разница между доходами высших чиновников регионов и уровнем доходов населения, о благе которого они призваны заботиться. Сопоставление доходов бюрократов и обычных жителей регионов показывает серьезный разрыв. Приведем хотя бы некоторые примеры. Зарплата губернатора Новосибирской области заложена в областном бюджете на 2014 год в размере 441458 рублей в месяц. Спикер областного парламента ежемесячно будет получать 462575 рублей (рост по сравнению с 2013 годом на 10%). Среднемесячная зарплата жителя Новосибирской области по итогам 2013 года достигла суммы 25 598 руб. (Декларации... 2014). Разница в 17 и 18 раз соответственно. По другим регионам картина аналогичная (см. таблицу 2).

Анализ деклараций за 2014 г. показывает, что высшие региональные бюрократы сохраняют высокий материальный статус (см. таблицу 3), несмотря на кризис и антикризисные меры правительства РФ (отказ от индексации заработных плат госслужащих и сокращение их зарплат на 10%). Появившиеся сведения о декларациях за 2015 год (пока еще далеко не полные) говорят о росте доходов региональных бюрократов. Так, доходы губернатора Санкт-Петербурга Г. Полтавченко в 2015 году выросли на два миллиона рублей, составив 7,132 млн рублей, а доходы губернатора Ленинградской области Н. Дрозденко увеличились в полтора раза по сравнению с 2014 годом и составили 5,3 млн рублей (Доходы... 2016). Можно предположить, что, несмотря на экономические трудности в стране, благосостояние российских чиновников в целом существенно не страдает. Чего нельзя сказать о простых гражданах, к которым по уровню доходов можно отнести и часть госслужащих

с невысоким уровнем доходов — это, прежде всего служащие региональных представительств федеральных ведомств. Высокий уровень инфляции, особенно на товары первой необходимости, потеря работы — реальные угрозы для госслужащих нижнего уровня, дополняются для остальных групп населения еще и перспективами перехода на частичную занятость. Ситуация осложняется административными препонами для многих форм экономической деятельности, включая самозанятость.

Не скрываемое, а напротив, демонстративное престижное потребление многих «слуг народа» из числа региональной элиты, как и элиты федерального уровня, порождает в широкой публике большие сомнения в том, что декларации содержат правдивую информацию. Подозрения населения относительно искренности и откровенности бюрократов находят отражение в опросах общественного мнения. Так, по данным опроса, проведенного «Левада-центром» в апреле 2015 года,¹ лишь 15% респондентов считают, что в декларациях чиновников отражены все сведения об их доходах и имуществе, 40% респондентов — «меньшая часть» сведений об имеющихся доходах и 26% — «ничтожно малая». Авторы исследования полагают: «Среди тех россиян, кто разделяет мнение о том, что доходы чиновников не соответствуют декларациям, две трети думают о том, что они переводят свои доходы на родственников и выводят собственность за границу. Каждый второй видит, что образ жизни госслужащих не соответствует заявленным декларациям. Зарплата чиновников должна зависеть от наделяемых обязанностей и ответственности: чем выше уровень государственного управления, тем выше должна быть и зарплата» (Доходы... 2015).

Введение в действие ФЗ от 3 декабря 2012 г. N 230 — ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» — воплотилось в конкретных шагах Генеральной прокуратуры РФ. Так, изданы распорядительные документы, определяющие порядок действий Генеральной прокуратуры по реализации норм данного закона. Уже есть прецеденты изъятия имущества у чиновников на основании решений судов, рассматривавших пред-

¹ Опрос проведен 17-20 апреля 2015 года по репрезентативной всероссийской выборке городского и сельского населения среди 1600 человек в возрасте 18 лет и старше в 134 населенных пунктах 46 регионов страны. Статистическая погрешность данных этого исследования не превышает 3,4%.

ставления региональных прокуроров в соответствии с нормами закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» (Прокуроры... 2015). Например, по результатам проверки соблюдения должностными лицами органов власти антикоррупционного законодательства прокурор Ульяновской области подал исковое заявление в суд с требованием «изъять в доход государства подмосковные квартиры, приобретенные супругой зампреда комитета дорожного хозяйства и транспорта администрации Ульяновска Василия Кузнецова». По сообщению прокуратуры, в конце 2014 г. супруга чиновника приобрела в Подмосковье две двухкомнатных квартиры стоимостью более 20 млн. руб., что значительно превысило общий доход семьи должностного лица за три последних года. При этом обосновать источники получения средств на данные цели чиновник не смог (Ульяновский...2015).

Известно, что проверкой деклараций госслужащих федеральных органов власти в рамках программ противодействия коррупции занимается администрация Президента РФ. Сошлемся на руководителя администрации С.Б. Иванова, который привел данные о результатах этих проверок в 2013 г. По его сведениям декларации подавали всего около полутора миллиона чиновников различного уровня. В первой половине года проверено 130 тыс. деклараций на предмет их достоверности. К 3 тыс. человек применены меры юридической ответственности, при этом 200 служащих уволены в связи с утратой доверия. По словам С.Б. Иванова, в 20 декларациях выявлены недостоверные сведения. «В 2013 году было проверено около 9,5 тыс. деклараций губернаторов, сотрудников администрации президента, членов правительства, Совета Федерации, Счетной палаты и других высших органов власти», — сказал Иванов. Он отметил, что в результате «выявлен ряд серьезных нарушений, проведены 18 углубленных проверок». Чиновник называл фамилии и должности особо провинившихся госслужащих (200 госслужащих лишились...2013).

Спустя два года тот же С.Б. Иванов сообщил журналистам, что в первой половине 2015 г. проверено около 1,5 млн. деклараций чиновников, в том числе 8,5 тысячи — чиновников высокого уровня, включая его самого. По итогам проверок четыре тысячи госслужащих привлечены к дисциплинарной ответственности, 272 уволены в связи с утратой доверия. Высокопоставленный контролер упомянул и двух губернаторов Александра Хорошавина и Вячеслава Гайзера, арестованных

в связи с обвинениями в серьезных преступлениях, но которые ранее представили идеальные декларации о доходах. По этому поводу журналист-автор цитируемого материала называет проверку деклараций профанацией (Мельников 2015). Отвечая на вопрос о географии проявлений коррупции, руководитель президентской администрации сослался на неофициальные опросы, которые показывают, что по уровню коррупции лидирует Северо-Кавказский округ (Сергей Иванов: по итогам... 2015). На этой же встрече с журналистами другой вип-чиновник начальник управления президента РФ по вопросам противодействия коррупции Олег Плохой сообщил, что готовится законодательная норма «о введении основания для увольнения депутатов муниципального уровня — недекларирование доходов» (там же). Таким образом, значение декларации о доходах возрастет. Из недавних сообщений российской прессы упомянем информацию ИАР ТАСС о том, что прокуратура Хабаровского края привлекла к административной ответственности большую группу чиновников Росимущества (24 человека) за нарушение антикоррупционного законодательства, выразившееся в представлении в декларациях неполных и недостоверных сведений о своих доходах, расходах и имуществе (В Хабаровском... 2016).

Еще один аспект проблемы — это неравенство внутри чиновного «сословия». Анализ деклараций чиновников высшего и среднего уровня регионов говорит о существенном расслоении внутри этого «сословия». Указанное наблюдение подтверждается и данными официальной статистики. Сравнение среднемесячной заработной платы региональной административной «верхушки» (членов региональных правительств, руководителей управлений и т.п.) и служащих исполнительной власти — обычных исполнителей их распоряжений свидетельствует о существенной разнице в их размерах. При том, что средняя зарплата исполнителей (работников аппарата) всегда выше средней зарплаты по региону.

ВЫВОДЫ

1. Обнародование доходов высших чиновников регионального уровня, безусловно, вещь полезная в плане развития общественного контроля над властью и профилактики и/или борьбы с коррупцией. Но! По Черномырдину — хотели как лучше... Неполнота сведений, нередко отсутствие реакции контрольных органов на обнаруживаемые несоответствия доходов и расходов снижают полезность публикации деклараций.

Проверку достоверности деклараций госслужащих проводит администрация Президента РФ. При этом удается выявить некоторые несоответствия, по которым иногда принимаются меры административного воздействия — увольнение в связи с утратой доверия.

Обнадёживает, что органы прокуратуры многих регионов начали реагировать на несоответствие расходов и получаемых доходов чиновников, направлять соответствующие материалы в суды. Последние уже приняли целый ряд решений об изъятии имущества, не подтвержденного легальными доходами.

2. Включение данных деклараций в массивы наших баз данных позволяет прояснить некоторые вопросы, касающиеся рекрутирования высших должностных лиц, их профессиональных карьер, плутократизации исполнительных органов власти.

3. Динамика доходов и материального благосостояния чиновников позволяет проследить преодоление рассогласования статусов элитных персон, которое многими рассматривается как сильный мотив коррупционного поведения. Кстати, в нашем опросе элит Санкт-Петербурга и Ленинградской области в 1998 года очень небольшая часть опрошенных отнесла себя к элите, а основная часть — к среднему классу (по доходам).

4. При анализе деклараций и сопоставлении официальных доходов высших региональных чиновников со средними доходами (зарплатами) населения соответствующих (подведомственных) регионов хорошо видны социальные дистанции (по доходам). Такого рода дистанции наблюдаются и при сравнении доходов чиновной верхушки регионов и рядовых чиновников.

Таблица 2

Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций, руб. и удельный вес численности населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума в общей численности населения субъекта, проценты, 2013 г.¹

Регион	Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций, руб.	Удельный вес численности населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума в общей численности населения субъекта, проценты
Санкт-Петербург	36848	8,0
Ленинградская область	29358	10,5
Ростовская область	21867	12,9
Калининградская область	25104	12,4
Костромская область	19157	14
Хабаровский край	34132	12,5
Москва	55485	8,9
Новосибирская область	25528	14,4

¹ Источник: официальный сайт Росстата http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138625359016

Таблица 3

Губернаторы: доходы и имущество, 2013 и 2014 гг.¹

Регион, губернатор	Доход (руб.) — семьи		Имущество	
	2013	2014	2013	2014
Санкт-Петербург Полтавченко Георгий Сергеевич	5 141 668,84	5 262 873,07	Земельные участки: 2 958,5 кв. м (1 шт.) Жилые дома: 385,6 кв. м (1 шт.) Квартиры: 210,3 кв. м (1 шт.)	Земельные участки: 2 958,5 кв. м (1 шт.) Жилые дома: 385,6 кв. м (1 шт.) Квартиры: 210,3 кв. м (1 шт.)
Ленинградская область Дрозденко Александр Юрьевич	11 748 961,45	9 200 600,74	Земельные участки: 18 100 кв. м (1.5 шт.) Жилые дома: 338 кв. м (1 шт.) Квартиры: 305 кв. м (1 шт.) Гаражи: 24 кв. м (1 шт.) Иное: 1,12 кв. м (0.056 шт.) Автомобиль легковой: 2 шт. Автоприцеп: 1 шт. Иное: 1 шт.	Земельные участки: 32 634,2 кв. м (2 шт.) Жилые дома: 327,9 кв. м (1 шт.) Квартиры: 305 кв. м (1 шт.) Гаражи: 18 кв. м (1 шт.) Иное: 77,81 кв. м (2 и 1/18 шт.) Автомобиль легковой: 2 шт. Автоприцеп: 2 шт. Мототранспортное средство: 1 шт. Иное: 2 шт.

¹ Составлено на основе деклараций, размещенных на сайтах правительств субъектов РФ.

Продолжение таблицы 3

Регион, губернатор	Доход (руб.) — семьи		Имущество	
	2013	2014	2013	2014
Ростовская область Голубев Василий Юрьевич	26 181 651	32 857 488,18	Земельные участки: 12 189 кв. м (5.5 шт.) Жилые дома: 1 022,8 кв. м (3 шт.) Квартиры: 296,5 кв. м (1 шт.) Дачи: 158,7 кв. м (1 шт.) Гаражи: 42,1 кв. м (1 шт.) Иное: 1 537,5 кв. м (0.5 шт.) Автомобиль легковой: 1 шт.	Земельные участки: 14 713 кв. м (5.5 шт.) Жилые дома: 1 198,8 кв. м (5 шт.) Квартиры: 265,9 кв. м (1 шт.) Гаражи: 42,1 кв. м (1 шт.) Иное: 3 075,45 кв. м (0.5 шт.) Автомобиль легковой: 1 шт.
Калининградская область Цуканов Николай Николаевич	7 694 598,14	2 862 981,1	Земельные участки: 12 492 кв. м (3 шт.) Жилые дома: 146,1 кв. м (1 шт.) Квартиры: 110,7 кв. м (1 шт.) Гаражи: 29,8 кв. м (1 шт.) Иное: 9 097,4 кв. м (6 шт.) Автомобиль легковой: 1 шт. Автоприцеп: 1 шт. Мототранспортное средство	Земельные участки: 12 493 кв. м (3 шт.) Жилые дома: 146,1 кв. м (1 шт.) Квартиры: 110,7 кв. м (1 шт.) Гаражи: 29,8 кв. м (1 шт.) Иное: 9 873,3 кв. м (6 шт.) Автомобиль легковой: 1 шт. Мототранспортное средство: 1 шт

Окончание таблицы 3

Регион, губернатор	Доход (руб.) — семьи		Имущество	
	2013	2014	2013	2014
Костромская область Ситников Сергей Константинович	2 472 001,77	2 976 280,94	Квартиры: 105,5 кв. м (1 шт.) Гаражи: 26,4 кв. м (1 шт.) Автомобиль легковой: 2 шт. Автоприцеп: 1 шт. Водный транспорт: 1 шт.	Квартиры: 105,5 кв. м (1 шт.) Гаражи: 26,4 кв. м (1 шт.) Автомобиль легковой: 2 шт. Автоприцеп: 1 шт. Водный транспорт: 1 шт.
Хабаровский край Шпорт Вячеслав Иванович	7 116 779	11 038 310	Земельные участки: 4 167 кв. м (3 шт.) Жилые дома: 304,9 кв. м (1 шт.) Квартиры: 115 кв. м (1 шт.) Иное: 21,3 кв. м (1 шт.) Автомобиль легковой: 1 шт.	Земельные участки: 4 167 кв. м (3 шт.) Жилые дома: 566,1 кв. м (2 шт.) Квартиры: 115,8 кв. м (1 шт.) Иное: 21,3 кв. м (1 шт.) Автомобиль легковой: 1 шт.
Москва Мэр Собянин Сергей Семенович	6 281 579	7 214 045	Квартиры: 426,1 кв. м (2 шт.) Гаражи: 26,8 кв. м (1 шт.)	Квартиры: 308,1 кв. м (1 шт.) Гаражи: 26,8 кв. м (1 шт.)
Новосибирская область Городецкий Владимир Филиппович (в 2013 и.о. губернатора)	3 547 020,43	5 529 214,65	Земельные участки: 400 кв. м (1 шт.) Жилые дома: 510 кв. м (1 шт.) Дачи: 30 кв. м (1 шт.) Гаражи: 17,6 кв. м (1 шт.) Автомобиль легковой: 1 шт.	Жилые дома: 510,6 кв. м (1 шт.) Автомобиль легковой: 1 шт.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

В Хабаровском крае 24 сотрудника Росимущества скрыли доход в полмиллиона рублей // Сайт Информационного агентства России ТАСС. 29.04.2016. URL: <http://tass.ru/proisshestviya/3249360> (доступно 29.04.2016).

Власть и деньги — 2010. Рейтинг доходов чиновников. URL: <http://www.forbes.ru/rating/novyi-reiting-forbes-dengi-i-vlast/2010> (доступно 15.10.2015).

Власть и деньги — 2011. Рейтинг доходов чиновников. URL: <http://www.forbes.ru/rating/reiting-dohodov-cemei-chinovnikov-deputatov-senatorov-i-rukovoditelei-goskorporatsii/2011> (доступно 15.10.2015).

Власть и деньги — 2012. Рейтинг доходов чиновников. URL: <http://www.forbes.ru/rating/vlast-i-dengi-2012-reiting-dohodov-chinovnikov/2012> (доступно 15.10.2015).

Власть и деньги — 2013. Рейтинг доходов федеральных чиновников. URL: <http://www.forbes.ru/rating/vlast-i-dengi-2013-reiting-dohodov-federalnyh-chinovnikov/2013> (доступно 15.10.2015).

Власть и деньги — 2014. Рейтинг доходов госслужащих. URL: <http://www.forbes.ru/rating/vlast-i-dengi-2014-reiting-dokhodov-gossluzhashchikh/2014> (доступно 15.10.2015).

Декларации независимости. 30 мая 2014. URL: <http://54novosti.ru/novost/deklaratsii-nezavisimosti/>

Домчева Елена. Родственникам чиновников запретят заниматься бизнесом // Сайт «Российской газеты». 03.01.2016. URL: <http://rg.ru/2016/01/03/zapret-site.html> (доступно 10.05.2016).

Доходы губернатора Ленобласти Дрозденко в 2015 году увеличились до 5,3 млн рублей // Сайт Информационного агентства России ТАСС. 20 апреля 2016. URL: <http://tass.ru/politika/3224004> (доступно 7.05.2016).

Доходы губернатора Петербурга Полтавченко за год выросли на 2 млн рублей // Сайт Информационного агентства России ТАСС. 7 мая 2016. URL: <http://tass.ru/politika/3265464> (доступно 7.05.2016).

Доходы чиновников // Сайт «Левада-центра», пресс-выпуск 7.05.2015. URL: <http://www.levada.ru/07-05-2015/dokhody-chinovnikov> (доступно 14.10.2015).

Касьян А. Власть и деньги — 2015. Рейтинг доходов госслужащих // Сайт журнала «Forbs» в России. 8.06.2015. URL: <http://www.forbes.ru/rating/vlast-i-dengi-2015-reiting-dokhodov-gossluzhashchikh/2015?full=1&table=1> (доступно 15.10.2015).

Левин С.Н. Рынки власти, режимы прав собственности и политический ресурс предпринимателей в современной России // Мир России. Социология. Этнология. Том 23. 2014. № 4. С. 35-58.

Мельников М. 1,5 миллиона честных чиновников // Сайт «Русская планета». 5 ноября 2015. URL: <http://rusplt.ru/society/15-milliona-chestnyih-chinovnikov-19555.html> (доступно 26.03.2016).

Нуреев Р.М., Латов Ю.В. Постсоветское институциональное развитие: в поисках выхода из колеи власти-собственности // Мир России. Социология. Этнология. Том 24. 2015. № 2. С. 50-88.

Плискевич Н.М. Трансформация системы власти-собственности в России: региональный аспект. Могут ли регионы начать свой путь к модернизации // Мир России. Социология. Этнология. Том 24. 2015. № 2. С. 89-104.

Прокуроры реализуют полномочия по контролю над соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам // Сайт Генеральной прокуратуры РФ. 27.08. 2015. URL: <http://www.genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-864823> (доступно 19.10.2015).

Радыгин А. Россия в 2000-2004 годах: на путях к государственному капитализму? // Вопросы экономики. 2004. № 4. С. 42-65.

Рейтинг доступности деклараций о доходах и имуществе руководителей субъектов федерации и депутатов законодательных собраний // Центр антикоррупционных исследований и инициатив «Трансперенси Интернешнл — Р». URL: <http://www.regcomment.ru/investigations/rejting-dostupnosti-deklaratsiy-o-dokhodakh-i-imushchestve-rukovoditeley-subektov-federatsii-i-deput/> 04.04.2013 (доступно 16.05.16).

Сергей Иванов: по итогам проверки деклараций 272 чиновника уволены «с волчьим билетом» // Сайт Информационного агентства России ТАСС. 2.11.2015 г. URL: <http://tass.ru/politika/2399750> (доступно 27.03.2016).

Ульяновский чиновник заявляет, что квартиры стоимостью более 20 млн руб. купил на честно заработанные. Портал Клуб регионов. Федеральная экспертная сеть. URL: <http://club-rf.ru/73/news/39553> (доступно 17.11.2015).

Федеральный закон от 3 декабря 2012 г. N 230-ФЗ “О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам”. URL: <http://www.rg.ru/2012/12/04/rashody-site-dok.html>.

Чиновники богатеют // Ведомости — Санкт-Петербург. 21.04.2014. URL: http://www.compromat.ru/page_34498.htm (доступно 15.10.2014).

200 госслужащих лишились своих должностей после проверки деклараций о доходах — Иванов // Сайт Информационного агентства России ТАСС. 13 октября 2013. URL: <http://tass.ru/glavnie-novosti/713143>. (доступно 26.03.2016).

REFERENCES

Chinovniki bogateyut // Vedomosti [Officials grow rich // List in Saint Petersburg. 21.04.2014] — Sankt-Peterburg. 21.04.2014. URL: http://www.compromat.ru/page_34498.htm (accessed 15 October 2014).

Deklaratsii nezavisimosti. 30 maya 2014. [Declarations of independence. on May, 30 2014]. URL: <http://54novosti.ru/novost/deklaratsii-nezavisimosti/> (accessed 15 October 2015).

Domcheva Elena. Rodstvennikam chinovnikov zapretyat zanimatsya biznesom // Sayt «Rossiyskoy gazety». [Domcheva Elena. It will be forbidden the relatives of

officials to carry on business// Web-site “The Russian newspaper”] 03.01.2016. URL: <http://rg.ru/2016/01/03/zapret-site.html> (accessed 10 May 2016).

Dokhody gubernatora Lenoblasti Drozdenko v 2015 godu uvelichilis do 5.3 mln rubley [The profits of Leningrad area governor Drozdenko in 2015 increased to 5,3 million roubles]// Web-site of the News agency of Russia of TASS. on April, 20 2016.] URL: <http://tass.ru/politika/3224004> (accessed 07 May 2016).

Dokhody gubernatora Peterburga Poltavchenko za god vyrosli na 2 mln rubley // Sayt Informatsionnogo agentstva Rossii TASS. [The profits of governor of Petersburg Poltavchenko for a year grew on 2 million roubles // Web-site of the News agency of Russia of TASS. on May, 7 2016]. URL: <http://tass.ru/politika/3265464> (accessed 07 May 2016).

Dokhody chinovnikov. [Profits of officials] // Website “Levada Center», press-producing 7.05.2015.] <http://www.levada.ru/07-05-2015/dokhody-chinovnikov> (accessed 14 October 2015).

Federalnyy zakon ot 3 dekabrya 2012 g. N 230-FZ “O kontrole za sootvetstviyem raskhodov lits. zameshchayushchikh gosudarstvennyye dolzhnosti. i inykh lits ikh dokhodam”. [Federal law from Decembers, 3 2012 of N 230-FZ “Control after accordance of charges of persons substituting for public places and another persons, to their profits”]. URL: <http://www.rg.ru/2012/12/04/rashody-site-dok.html>.

Kasian A. Vlast i dengi — 2015. Reyting dokhodov gossluzhashchikh [*Kasian A.* Power and money — 2015. Rating of profits of state employees] // Web-site of magazine of “Forbs” in Russia]. 8.06.2015. URL: <http://www.forbes.ru/rating/vlast-i-dengi-2015-reiting-dokhodov-gossluzhashchikh/2015?full=1&table=1> (accessed 15 October 2015).

Levin S. (2014) Rynki vlasti. rezhimy prav sobstvennosti i politicheskii resurs predprinimateley v sovremennoy Rossii [*Levin S.* “Markets of Power”, Property rights and Political Resource of Entrepreneurs in Modern Russia]. Mir Rossii, no 4, pp. 35-58.

Melnikov M. 1.5 milliona chestnykh chinovnikov [*Melnikov M.* 1,5 million honest officials] // Web-site “The Russian planet”. on November, 5 2015. URL: <http://rusplt.ru/society/15-milliona-chestnyih-chinovnikov-19555.html> (accessed 26 March 2016).

Nureyev R.M., Latov Yu.V. (2015) Postsovetskoye institutsionalnoye razvitiye: v poiskakh vykhoda iz kolei vlasti-sobstvennosti [*Nureyev R.M., Latov Yu.V.* Institutional Development in Post-Soviet Russia: in Search for an Escape from the Path-dependence of “Power-Ownership”]. Mir Rossii, № 2, pp. 50-88.

Pliskevich N.M. (2015) Transformatsiya sistemy vlasti-sobstvennosti v Rossii: regionalnyy aspekt. Mogut li regiony nachat svoj put k modernizatsii [*Pliskevich N.M.* The Transformation of “Power-Ownership” Relations in Russia: Would Regions Pave the Path Towards Modernization?]. Mir Rossii, no 2, pp. 89-104.

Prokurory realizuyut polnomochiya po kontrolyu nad sootvetstviyem raskhodov lits. zameshchayushchikh gosudarstvennyye dolzhnosti. i inykh lits ikh dokhodam [Public prosecutors will realize plenary powers on control above accordance of

charges of persons substituting for public places and others , to their profits] // Web-site of the General prosecution of Russian Federation] URL: <http://www.genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-864823/> (accessed 19 October 2015).

Radygin A. (2000) Rossiya v 2000-2004 godakh: na putyakh k gosudarstvennomu kapitalizmu? [*Radygin A.* Russia in 2000-2004: Is there on ways to the state capitalism?] // *Voprosy ekonomiki*. No 4, pp. 42-65.

Reyting dostupnosti deklaratsiy o dokhodakh i imushchestve rukovoditeley subyektov federatsii i deputatov zakonodatelnykh sobraniy [Rating of availability of declarations about profits and property of leaders of subjects of federation and deputies of general courts] // Center of anticorruption researches and initiatives of “Transparency International - R”]. URL: <http://www.regcomment.ru/investigations/rejting-dostupnosti-deklaratsiy-o-dokhodakh-i-imushchestve-rukovoditeley-subyektov-federatsii-i-deput/> 04.04.2013 (accessed 16 May 2016).

Sergey Ivanov: po itogam proverki deklaratsiy 272 chinovnika uvoleny “s volchim biletom” // Sayt Informatsionnogo agentstva Rossii TASS. 2.11.2015. [Sergey Ivanov : as a result of verification of declarations 272 officials are discharged “with a wolfish ticket”]// Web-site of the News agency of Russia of TASS. 2.11.2015 URL: <http://tass.ru/politika/2399750> (accessed 27 March 2016).

Ulianovskiy chinovnik zayavlyayet, chto kvartiry stoimostyu boleye 20 mln rub. kupil na chestno zarabotannyye.. [The Ulyanovsk official declares that apartments by a cost bought a more than 20 million rub on honestly earned] A portal of Club of regions. Federal expert network. URL: <http://club-rf.ru/73/news/39553> (accessed 17 November 2015).

V Khabarovskom kraye 24 sotrudnika Rosimushchestva skryli dokhod v pol-milliona rubley [In the Khabarovsk region 24 employees Rosimushchestvo hid a profit in half a million roubles]. Web-site of TASS, the News agency of Russia. URL: <http://tass.ru/proisshestviya/3249360> (accessed 29 April 2016).

Vlast i dengi — 2010. Reyting dokhodov chinovnikov. [Power and money — 2010. Rating of profits of officials]. URL: <http://www.forbes.ru/rating/novyi-rejting-forbes-dengi-i-vlast/2010>. (accessed 15 October 2015).

Vlast i dengi — 2011. Reyting dokhodov chinovnikov. [Power and money — 2011. Rating of profits of officials]. URL: <http://www.forbes.ru/rating/rejting-dohodov-cemei-chinovnikov-deputatov-senatorov-i-rukovoditelei-goskorporatsii/2011>. (accessed 15 October 2015).

Vlast i dengi — 2012. Reyting dokhodov chinovnikov. [Power and money — 2012. Rating of profits of officials]. URL: <http://www.forbes.ru/rating/vlast-i-dengi-2012-rejting-dohodov-chinovnikov/2012>. (accessed 15 October 2015).

200 gossluzhashchikh lishilis svoikh dolzhnostey posle proverki deklaratsiy o dokhodakh — Ivanov. [200 Officials lost the positions after verification of declarations about profits is Ivanov]// Web-site of TASS , the News agency of Russia, October, 13 2013. URL: <http://tass.ru/glavnie-novosti/713143>. (accessed 26 March 2016).

ВЛАСТЬ И ЭЛИТЫ В ГОРОДСКИХ СООБЩЕСТВАХ

Ледяев В.Г.

ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ ВЛАСТИ В ГОРОДСКИХ СООБЩЕСТВАХ: РОССИЙСКАЯ ПРОЕКЦИЯ¹

Могут ли зарубежные когнитивные модели успешно использоваться в исследованиях российской политики? Данная проблема рассматривается в статье на основе анализа опыта применения американских моделей в изучении власти в городских сообществах европейских стран и России. На протяжении длительного времени американские теории не получали широкого признания за пределами США. Ситуация изменилась с 1990-х гг. с появлением теории «городских режимов», которая сумела преодолеть недостатки более ранних подходов к изучению власти в локальных сообществах и постепенно стала использоваться исследователями стран Западной и Восточной Европы — как в аутентичной (классической) версии, так и (чаще) после определенной модификации. В европейских версиях понятие «городской режим» стало более широким и гибким, что позволило учесть специфику нового политико-институционального контекста. Первые эмпирические исследования власти в российских городах, выполненные в общем русле анализа городских режимов, показали, что, несмотря на существенные отличия российского и западного политического и культурного контекстов, в том числе связанные со слабостью правовых начал и сильной авторитарной составляющей российской политики, зарубежный опыт является, безусловно, востребованным. Его использование необходимо для прояснения проблемного поля, выработки рабочих гипотез, систематизации имеющихся теоретических и концептуальных ресурсов, классификаций форм власти и режимов, помещения исследования власти в российских локальных сообществах в сравнительную перспективу.

Ключевые слова: *власть, социология власти, локальная политика, городские режимы, зарубежный опыт*

¹ Работа поддержана Российским гуманитарным научным фондом (грант 14-03-00151) и Научным Фондом ВШЭ.

Могут ли когнитивные модели, разработанные для исследования политических практик в США, Европе и других странах успешно применены для анализа российской политики? Ответы на данный вопрос варьируются от вполне оптимистического «да, разумеется», до категорического «нет, это невозможно». Но большинство исследователей склонны к поиску возможностей адаптации «чужих» моделей, позволяющей учесть специфику нового контекста и/или сделать их более гибкими.

Богатую пищу для размышлений над проблемой дают история и опыт изучения власти в локальных сообществах. Данное направление исследований, безусловно, является одной из наиболее продвинутых отраслей политической науки и социологии (Harding 2009: 27-39). Начиная с середины XX века были проведены сотни исследований; в них использовались различные методы изучения власти и способы объяснения ее распределения, обобщен гигантский эмпирический материал, позволивший расширить и углубить знание многих важнейших аспектов политической жизни и функционирования социума (Ледяев 2010: 23-52). Результаты исследований интересны не только сами по себе, но и в плане анализа возможностей и перспектив использования теорий и моделей исследования в иных социально-политических и культурных контекстах: эволюция отрасли характеризуется не только ростом числа исследований и совершенствованием методологии, но и расширением их географии, а вопрос о валидности заимствованных моделей исследования постоянно дебатировался.

По различным причинам власть в локальных сообществах длительное время изучалось в основном в США, и уже значительно позднее — в 1990-е годы — американские модели были экспортированы в Европу и другие части света.

Исследования городской политики в европейских странах, разумеется, имели место и раньше, но по своей проблематике и характеру они существенно отличались от того, что наблюдалось в американской политической науке и социологии. В частности, в Великобритании ее исследование фактически совпадало с изучением публичной власти и управления (government) (Leach R., Percy-Smith J. 2001: 1). Для британской политики, подчеркивал К. Ньютон, «вопрос ‘кто правит?’ не является проблемой... Просто начните с избранных и назначенных людей в местных органах власти. Исследование может привести в Уайтхолл, Вестминстер, в местные партийные организации, группы давления,

комитеты городского совета, каким-то чиновникам или к их комбинации» (Newton 1975:12). Такой ракурс исследования власти был обусловлен тем, что в Великобритании «вся политическая система выстроена вокруг Лондона и основных политических партий», а «права и обязанности местной власти жестко заданы центром» (Newton 1976: 3).

Административный фокус, имевший место и в исследованиях городской политики в других европейских странах был вполне оправдан и обусловлен спецификой политических институтов и традиций в европейской городской политике. В их числе: более значимая роль городских политико-административных элит (обусловленная более централизованной системой государственного управления, сравнительно небольшой долей финансирования городских проектов и кампаний из местных источников), наличие сильных политических партий и меньшая политическая мобилизованность бизнеса. Редкие попытки применить американские модели для изучения власти в европейских городах обычно подтверждали явное превалирование акторов публичного сектора в городской политике. Например, сравнительное исследование власти в городских сообществах различных стран, проведенное Делбертом Миллером (Miller 1958:9-15; Miller 1970) показало, что в европейском городе (Бристоль) центральную роль играл Городской совет, в котором активную роль играют комитеты, а решения по основным вопросам принимались на партийной основе (подробнее см. Ледяев 2010: 73-90).

Ситуация существенно изменилась в последние два десятилетия в связи с появлением новых моделей исследования власти в локальных сообществах — теорий «машин роста» и «городских режимов»; последняя в настоящее время стала самой влиятельной теорией городской политики (Davies, Imbrossio 2009:2; Ледяев 2006: 46-68). Популярность теории за пределами США была обусловлена двумя обстоятельствами: 1) в ней были в значительной степени преодолены недостатки более ранних моделей исследования власти; 2) в последние десятилетия произошли существенные изменения в характере городского управления, обозначаемые аналитиками как переход от «urban government» к «urban governance». Они связаны с тем, что появление международных секторов экономики, интернациональных экономических институтов, мобильной системы инвестиций капитала ослабляет возможности городских властей (government) контролировать развитие города. В условиях растущей сложности и многомерности социальной жизни, менее одно-

значных, чем в прошлом связей горожан с территорией их проживания, укрепления тенденций к децентрализации политической жизни в связи с потребностями учета разнообразных и противоречивых местных интересов система принятия политических решений, в которой ранее доминировали публичные политики, трансформируется в более сложный по своему представительству механизм управления, где власть, ресурсы и ответственность принадлежат не только «официальным лицам», но и довольно широкому спектру других участников городской политики, в том числе бизнесу.

Перенос американских моделей на европейскую почву осуществлялся с помощью двух исследовательских стратегий. Наиболее распространенная стратегия заключалась в *адаптации американской модели через коррекцию некоторых ее постулатов и достижение большей флексибельности*. Новые институциональные контексты использования американских теорий вызвали изменения как в самой теории городских режимов, так и в описании режимов, обнаруженных в европейских городах. Прежде всего, произошло расширение понятия «городской режим», которое фактически отождествляется с понятием «городское политико-экономическое управление» (urban governance); оно стало более эластичным в силу того, что исследователи отказались от признаков надежности и длительности, обязательных для американских версий теории городских режимов. Тем самым подразумевается, что всегда есть какой-то уровень кооперации между публичным и частным секторами, а режим имеет место в любом городе. Другое основное отличие европейских версий и аппликаций теории городских режимов заключается в том, что акцент в анализе взаимодействия публичных и частных акторов ставится на публичных структурах и в меньшей степени исследуется роль частного сектора в выстраивании коалиций акторов. При этом в центре внимания оказываются формальные механизмы, структуры и институты, прежде всего, публично-частные партнерства и квазинезависимые неправительственные организации.

Исследования в европейских городах (А. Ди Гаэтано и Дж. Клемански, К. Доудинг, П. Джон и Э. Коул, Э. Стром, Д. Уэллер, Э. Стром и др.) показали определенные отличия городских режимов в европейских городах, обусловленные спецификой политических институтов и традиций в европейской городской политике. Взаимоотношения между публичной властью и группами интересов в европейских странах имеют несколько иной характер, чем в США. Государственная власть переве-

шивает все остальные элементы политического процесса и тем самым ограничивает возможности формирования коалиционной политики; поэтому, несмотря на тенденции к возрастанию влияния бизнеса, ключевые решения по основным вопросам развития городов по-прежнему принимают политические лидеры. Государство остается центром политического притяжения, а наиболее значимую роль играют вертикальные и горизонтальные связи в публичном секторе. Общий вывод, к которому приходит большинство исследователей, состоит в том, что, хотя в Европе городские коалиции, выступающие за экономический рост, и становятся все более значимым фактором городской политики, они не играют доминирующей роли, как в Соединенных Штатах; бизнес участвует в них, но по-прежнему главенствующее место занимает публичная власть (Ледяев 2008: 32-60).

Имели место и *попытки применения аутентичной стоуновской (Stone 1989) модели исследования городских сообществ*. В частности, в исследовании Н. Холман в Портсмуте (Holman 2007: 435-453). Режим в ее понимании — это стабильное взаимодействие акторов публичного и частного секторов на основе формальных и неформальных связей; ресурсы акторов взаимодополняют друг друга и позволяют добиться результата, недостижимого без стабильной коалиции; кооперация основана на доверии; у режима есть определенная повестка дня или набор стратегических целей и др. — всего 10 основных параметров, по которым она определяла наличие/отсутствие режима в Портсмуте. Исследование показало, что в 1990-е гг. в Портсмуте сложился режим — сеть публичных и частных акторов, участвовавших в принятии решений по развитию города и определявших принципы и правила взаимодействия между собой. Формирование сильной кросс-секторальной структуры и наличие харизматических акторов из разных секторов, уже имевших длительные профессиональные и/или персональные связи и общее видение перспектив развития города Холман считает важнейшими предпосылками в целом успешного формирования режима в Портсмуте. Результаты исследования подтвердили значимость нового контекста формирования режимов в Великобритании, связанного с изменением роли местных органов власти, институциональной фрагментацией и переходом от government к governance, усиливающими необходимость кооперации публичного и частного секторов.

Несколько менее оптимистичными в контексте возможностей использования оригинальных американских моделей в европейском кон-

тексте оказались результаты исследования А. Хардинга в Манчестере и Эдинбурге (Harding 2000: 54-71). Однозначно ответить на главный вопрос, сформировались ли в Манчестере и Эдинбурге городские режимы, Хардинг не смог. С точки зрения стоуновской трактовки режима, включающей в качестве обязательных признаков стабильность и длительность, в обоих британских городах не было режима, аналогичного режиму, обнаруженному Стоуном в Атланте. Влияние коалиций развития ограничивалось отдельными стратегиями и проектами, а не общей конфигурацией основных вопросов городской политики. Основная причина заключалась в том, что способность местных властей обеспечивать население услугами в Великобритании в меньшей степени (по сравнению с США) зависит от местных экономических факторов, чем от финансовой поддержки центра. Открытым остался и вопрос о перспективах правящих коалиций в обоих городах, поскольку они, как отмечает Хардинг, очень зависят от конкретных людей, образующих ее основу. Тем не менее, Хардинг считает, что режимная теория дает бóльшие эвристические возможности для анализа и сравнения опыта коалиций в городах, чем иные подходы к изучению городской политики.

Анализ этих и других исследований показывает, что городские режимы (в стоуновской интерпретации) не типичны для западноевропейских городов; источником наиболее существенных отличий американских и европейских городских режимов исследователи называют различия в их институциональной структуре. Акторы публичного сектора по-прежнему доминируют в городском политическом пространстве, хотя глобализация и переход от *government* к *governance* способствуют повышению властного потенциала частного сектора. По сравнению с американской, городская политическая повестка менее сфокусирована на рост, более — на социальные и экологические вопросы. В целом, использование американских моделей в европейском контексте оказалось вполне успешным и способствовало включению исследования власти и локальных режимов в сравнительную перспективу¹.

¹ С этим выводом согласились не все исследователи, особенно на начальном этапе проникновения американских теорий на европейский континент. Некоторые авторы достаточно категорично утверждали, что теория городских режимов (и тем более «машин роста») не может быть использована за предела-

В контексте возможностей использования зарубежного опыта для изучения власти в российских локальных сообществах особый интерес представляют попытки применения рассмотренных подходов в странах, не имеющих длительных и прочных либерально-демократических традиций, в частности в *постсоциалистических странах*. Исследования Л. Кульчара и Т. Домокоша в Венгрии, Ф. Коха и И. Саган в Польше непосредственно опирались на американские и западно-европейские концепции машин роста и городских режимов, а их авторы полагали, что они вполне применимы для изучения власти в Восточной Европе и дают возможность объяснить характер и динамику властных отношений в этих странах (Kulcsar, Domokos 2005:550-563; Koch 2009a:129-139; Koch 2009b:333-357; Sagan 2008:93-109). В частности, в венгерских городах было обнаружено доминирование машин роста, в составе которых превалировали представители местных административных структур. В Польше характер политико-экономического управления и процессы складывания городских режимов в различных городских сообществах заметно различались. В частности, в Варшаве, как показывает исследование Коха, стабильный режим в его классическом понимании не сложился. Однако его отсутствие было обусловлено в основном ситуативными факторами, тогда как в целом постсоциалистические трансформации содействовали появлению условий, способствующих формированию городских режимов. Оценивая эвристический потенциал американских теорий, исследователь полагает, что использование теории городских режимов с ее фокусом на формальных и неформальных властных практиках и взаимоотношениях между частными и публичными акторами может быть особенно плодотворным при изучении политических процессов в постсоциалистических странах, поскольку характер властных отношений в городах Восточной и Центральной

ми США и/или не имеет существенного эвристического потенциала для проведения кросс-национальных исследований. Другие хотя и признавали возможность применения теории за пределами США, призывали к «осторожности» в применении американских моделей, особенно в отношении роли местной власти в решении экономических и социальных проблем. Имели место и еще более пессимистические взгляды на проблему, особенно среди тех авторов, которые ставили под сомнение валидность теории даже в контексте анализа американской городской политики в силу структурных недостатков, заложенных в самой теории. Однако в целом отношение европейских исследователей к американским теориям скорее позитивное (См. Ледяев 2012: 393-395).

Европы остается «менее определенным, чем в западноевропейских городах», а в политической сфере постсоциалистических городов имеет место сочетание типичных европейских (сильное государство) и американских паттернов, обусловленных развитием рыночных механизмов.

Наконец, *изучение городских и региональных политических режимов на основе зарубежного опыта начинается и в России* (См. Gel'man, Ryzhenkov 2012: 449-465; Ледяев 2012: 418-442). На первый взгляд, современные тенденции в российской политике делают городские и региональные режимы маловероятными в силу преобладания административно-политических механизмов управления и укрепления «вертикали власти». Слабость либерально-демократических традиций и институтов гражданского общества, расширение бюрократического контроля и сужение сферы публичной политики, широкое использование «административного ресурса» и отсутствие независимой правоохранительной системы, казалось бы, полностью исключают предпосылки и возможности установления стабильных партнерских (равноправных) отношений между политико-административными элитами и негосударственными акторами. Исследователи подчеркивают, что специфика российского контекста, задающая направление анализа локальных режимов обусловлена модальностью политических институтов общенационального уровня: имевшая место в последнее десятилетие консолидация авторитарного режима во многом предопределила характер становления и развития и локальных режимов.

Этот контекст существенно отличается от стандартных условий становления и развития современных городских режимов на Западе. Однако накладывая ограничения, он полностью не препятствует возникновению режимов в российских городах, поскольку аппарат власти безразличен как к некоторым результатам политического процесса, так и к тем средствам, с помощью которых эти результаты достигаются. Многие вопросы отданы на откуп локальным акторам, хотя центр сохраняет способность селективно применить к ним санкции за нарушение формальных и/или неформальных «правил игры». Более того, «общенациональный режим создает разнообразные, пусть и противоречивые, стимулы для проведения как активного, так и реактивного политического курса на региональном и/или местном уровне, для создания в рамках локальных режимов как распределительных коалиций, так и коалиций роста, и даже допускает элементы, характерные для прогрессистской коалиций». Вместе с тем, траектории функционирования и

развития российских городских режимов принципиально отличаются от режимов в американских и европейских городах, поскольку «там работает другая институциональная логика». Современные западные режимы существуют в условиях политической конкуренции, заставляющей местных политиков действовать и в интересах тех или иных групп городского населения, а невозможность нарушать право частной собственности дает собственникам мощный ресурс влияния на власть. В авторитарных режимах «главный интерес локальных политиков и чиновников заключается в получении «сверху» назначения на должность и сохранение ее в обмен на реализацию целей режима»; при этом «власть может использовать ресурсы частного бизнеса, принуждая частично передавать их в ее руки». Влияние политических институтов федерального и регионального уровней остается неоднозначным: формальные правила, заданные центром «не приобрели — по крайней мере, пока — предписывающей роли. По большей мере они служат «фасадом» для неформальных механизмов согласования интересов, не препятствующим ни одному из возможных исходов конфликтов между политическими и экономическими акторами» (Рыженков 2010: 63-72).

Отечественные исследователи, как и их европейские коллеги, обычно стремятся адаптировать стоуновскую концепцию. В частности, в пилотном исследовательском проекте коллектива под руководством В. Гельмана под локальным режимом понималась «устойчивая констелляция акторов, институтов, ресурсов и стратегий на локальном уровне, обуславливающая характер осуществления местной власти и локального политико-экономического управления, основанного на реализации политического курса на местном уровне». Функционирование режима рассматривалось как результат влияния структурных факторов (природные, географические, демографические, социально-экономические и другие условия жизнедеятельности городских сообществ), политических возможностей (характеристики политической и институциональной среды — конфигурации акторов, их ресурсов и стратегий, «правила игры», формальные и неформальные практики политической деятельности) и механизмов политико-экономического управления, осуществляемого на вышестоящих уровнях власти по отношению к местным акторам и структурам. Базовая типологии городских режимов была построена на основе стоуновской классификации и модифицирована для российского контекста:

- 1) режим поддержания статус-кво, основанный на распределении ресурсов, главным образом в социальной сфере;
- 2) режим роста и развития, предполагающий экспансию бизнеса и ускоренный рост городов;
- 3) прогрессистский режим, ориентированный на ограничение роста, сохранение и улучшение окружающей среды.

Кроме нее, в анализе использовалась типология, уже апробированная для изучения региональных режимов, в соответствии с которой режимы подразделяются на полицентрические (плюралистические) и монополистические в зависимости от наличия или отсутствия доминирующего актора. В рамках последнего, в свою очередь, различаются (1) «режим большого бизнеса» (доминирование бизнеса) и (2) «административный локальный режим» (Гельман 2010: 53-62).

Исследование показало, что в современных российских городах вряд ли имеет место преобладание какого-то одного типа локального режима; скорее можно предположить их мозаичное «соседство» и «существование». При этом некоторые тенденции и закономерности в развитии российских локальных режимов отчасти соотносятся с американскими и европейскими аналогами. В частности, элементы локального режима поддержания статус-кво в наибольшей степени характерны для малых и средних городов, где доминируют коалиции, осуществляющие дележ ограниченного объема бюджетных ресурсов, значительная доля которых распределяется на вышестоящих уровнях власти и управления. В крупных городах экономический рост стимулировал появление «элементов локального режима роста и развития», сопоставимых с «машинами роста» в американских городах, хотя и с несколько иными конфигурациями участников. В ряде крупных городов возникли и локальные общественные движения, хотя нигде они так и не смогли стать частью правящих коалиций.

В ряде исследований режимов в российских городах и регионах использовались концепции режима, существенно отличающиеся от зарубежных аналогов (Туровский 2009: 77-95). В силу специфического характера российского общества многие авторы предпочитают использовать «универсальное» определение политического режима, не связывающее его с четко очерченным набором конкретных характеристик, что, по их мнению, расширяет возможности классификации режимов. Обычно под режимом понимается совокупность акторов политического процесса, институтов политической власти, ресурсов и стратегий

борьбы за достижение и/или удержание власти. Подразумевается, что режим есть в каждом регионе, и он может изменяться. В качестве важнейшего основания классификации режимов обычно рассматривается степень концентрации власти (моноцентрические и полицентрические режимы), характер взаимоотношений между основными акторами («авторитарная ситуация», «гибридный режим», «демократическая ситуация»), уровень «полиархичности» режимов и т.п.

Данный подход также представляется вполне обоснованным и весьма продуктивным для анализа политических процессов в России. В отличие от США и Западной Европы, где демократическая практика имеет длительные традиции, в России городские и региональные политические процессы, как и политические процессы на федеральном уровне, имеют сильную авторитарную составляющую; поэтому сделанный авторами акцент на показателях уровня демократичности политической практики, бесспорно, оправдан и отражает наиболее важные исследовательские предпочтения, задаваемые реальной ситуацией.

Наконец, в последние годы были предприняты попытки изучения власти в городских сообществах, опирающиеся на классические теории локальных режимов (Чирикова, Ледяев, Сельцер 2014: 88-105; Чирикова, Ледяев 2015; Пустовойт 2013: 78-87; Пустовойт 2014: 85-106). В исследовании власти в ряде малых городов Пермской, Ивановской и Тамбовской областей, проведенном в 2011-2014 гг. под руководством автора, специальное внимание уделялось вопросу о валидности зарубежных моделей исследования и возможностях их успешного использования для изучения российской политической практики. Общий вывод относительно эвристического потенциала зарубежных моделей вполне оптимистичен: *имеющиеся модели, безусловно, могут и должны использоваться отечественными исследователями.*

Релевантность и значимость зарубежного опыта изучения власти и режимов в городских сообществах более всего очевидны в контексте обозначения и уточнения проблематики исследования власти, работы рабочих гипотез и систематизации имеющихся теоретических и концептуальных ресурсов. Проведенное нами исследование показало, что основная проблематика изучения власти в любых городских сообществах — американских, европейских или российских — во многом идентична. Исследователей власти всегда интересует конфигурация наиболее влиятельных акторов городской политики, основания и ресур-

сы их власти, характер взаимоотношений и основные эффекты сложившейся системы власти. Именно эти аспекты социально-политической реальности находятся в центре внимания исследователей городских режимов и они являются наиболее актуальными и значимыми для понимания власти в российских городах и регионах. Независимо от того, насколько содержательные выводы проведенного исследования совпали или не совпали с результатами зарубежных исследований, тематические блоки, вокруг которых строился проект, оказались близкими по своему содержанию к тем, которые использовались для изучения американских и европейских городов. В них были включены наиболее влиятельные акторы городской политики; соотношение формальных и неформальных оснований их власти; основные характеристики и особенности коалиций между представителями публичного (государственного и муниципального) и частного (бизнес, НКО, криминал) секторов, а также электоральные коалиции и коалиции акторов публичного сектора; специфика лидерства и отношений между лидерами и их командами; роль различных институтов в формировании властных отношений в городских сообществах; повестка дня и направленность (тип) режима; основные факторы, определяющие особенности городской политики, в том числе внешние; состояние гражданского общества и демократический потенциал городской политики; и др.

Наряду с проблематизацией и логикой исследования, зарубежный опыт изучения городских режимов оказался востребованным и в контексте *использования апробированных концептуальных схем*. В частности, подтвердила свой эвристический потенциал многомерная концепция власти Стоуна, акцентирующая внимание на нескольких взаимосвязанных аспектах (формах) власти и значимых понятийных дистинкциях. Данное исследование подтвердило важность рассмотрения властных отношений во взаимосвязи двух ее базовых (по Стоуну) модусов — «власти над» (аспект социального контроля, связанный с отношениями командования и подчинения) и «власти для» («социальное производство», способность добиваться поставленных целей в результате совместных усилий различных акторов).

В рамках последней крайне важной для объяснения отечественной политической практики представляется стоуновская концепция «власти договариваться» (*bargaining power*), подчеркивающая роль соответствующих умений и навыков акторов городской политики, без которых трудно обеспечить стабильность и эффективность властных отноше-

ний в целом. Это хорошо иллюстрирует эмпирический материал, характеризующий качества и ресурсы лидеров во всех исследуемых городах: в российских локальных сообществах, как и в обществе в целом, власть имеет сильную персоналистскую составляющую; поэтому данный аспект властных отношений имеет едва ли не решающее значение в контексте перспектив складывания режимных коалиций, а наличие/отсутствие данного ресурса, как правило, предопределяет властный потенциал ключевых акторов. Полученные данные свидетельствуют, что все влиятельные акторы, прежде всего, руководители городов и районов, стремились по возможности избегать силовых способов решения проблем, предпочитая договариваться. Аналогичных стратегий придерживались и другие участники городской политики, в том числе бизнес и криминальные структуры.

Исследование подтвердило и продуктивность концепции «экологической власти», которая, по Стоуну, представляет собой способность субъекта обеспечить сохранение благоприятных институциональных правил социального взаимодействия, возможность «формировать контекст» и «вносить изменения в социальное окружение» (Stone 1986: 84). Локальные элиты, как следует из интервью, стремятся выстроить оптимальную для них коммуникативную и институциональную среду; именно в этом они видят гарантию стабильности своего положения и условия достижения поставленных целей. Формирование институциональных правил — формальных и неформальных — часто проявляется не столько во внесении изменений, сколько, как показывает российская практика, в сохранении имеющегося статус-кво, что и отразилось на характере власти (квазирежимов) в исследуемых городах.

Наконец, исследование показало, что *американские и европейские классификации режимов вполне применимы*, хотя некоторые коррекции и новации желательны. В частности, сами респонденты вполне лояльно отнеслись к базовой стоуновской классификации, и она не вызвала у них серьезных возражений. Нам представляется, что для уточнения специфики и особенностей власти в российских локальных сообществах вполне релевантны и европейские классификации режимов, в частности те, которые включают городские режимы, находящиеся в сильной финансовой зависимости от структур власти более высокого уровня (велферный режим по классификации Й. Пьера (Pierre 1999: 377-389), режимы «поддержки сверху» («дистрибутив-

ный»¹, «грантополучатель»², «клиентелистский»³) П. Кантора, Х. Сэвитча и С. Хэддок (Kantor, Savitch, Haddock 1997:348-377) и др.

Гипотеза о релевантности и значимости зарубежного опыта изучения власти и режимов в городских сообществах в значительной мере подтвердилась и содержательными результатами и выводами исследования. Как и предполагалось, многие структурные и процессуальные аспекты власти в локальных сообществах российских городов оказались вполне сопоставимыми с теми, которые были выявлены в американских и европейских исследованиях. В частности, *оказались схожими конфигурации основных акторов городской политики:* как и в американских городах, ключевую роль играют представители наиболее ресурсных групп локального сообщества — политики, чиновники и бизнесмены. Отличия «российской» конфигурации акторов локальной политики скорее касаются акторов второго уровня влияния и не являются настолько существенными, чтобы поставить под сомнение логику и схему режимного анализа.

¹ В этом режиме доминируют политические элиты, использующие публичные ресурсы; гражданский (демократический) контроль ограничен и потому они не очень склонны к представительным коалициям и использованию потенциала бизнеса в интересах широких слоев; сильные партийные машины ограничивают возможности кооперации и тем самым затрудняют принятие и поддержку долгосрочных программ экономического развития, от которых бизнес нередко дистанцируется.

² Движущей силой развития городов выступают гранты (субсидии) — как от центрального правительства, так и от региональных властей. Такие режимы характерны для городских сообществ с достаточно высоким уровнем общественной и политической активности. Правящие коалиции ориентируются на различные формы поддержки сверху для возрождения бизнеса и повышения благосостояния общности, а отношения с государственными структурами и их помощь фактически замещают функцию частного инвестирования. В этих режимах влияние бизнеса более ограничено, чем в других.

³ Данный режим, также как и предыдущий, ориентирован на сохранение привилегий политических элит, которым с помощью ресурсов публичного сектора удается установить и поддерживать патронажные отношения с бизнесом. Это достаточно закрытый режим, формирующийся в условиях слабых демократических традиций, пренебрежения коллективными интересами жителей города и инструментальным отношением к политической власти.

Много общего обнаруживается и в характере, формах и методах осуществления власти. Как в отечественной, так и в зарубежной локальной политике используется весь традиционный набор методов воздействия субъекта на объект (сила, принуждение, убеждение, манипуляция, авторитет), а дискуссионными остаются вопросы о соотношении роли формальных и неформальных практик, команды и торга, публичных и теневых способов осуществления власти. По-видимому, можно утверждать, что в отечественной политической практике (и не только на локальном уровне) более весомую роль играют неформальные способы взаимодействия, а также актуальные и потенциальные угрозы (в силу более слабой правовой системы и защиты индивидуальных свобод и собственности). Но в целом набор ресурсов и практик их использования вполне сопоставим; при этом, судя по зарубежным исследованиям, доля неформального начала велика и в странах с устойчивыми либерально-демократическими традициями. Участниками локальной политики всегда выступают не только лица и группы, имеющие легальный статус (представители региональной и муниципальной власти, партийные структуры, общественно-политические, местные, профессиональные и другие организации), но и неформальные объединения (кланы, команды, клиентелы).

Результаты продемонстрировали, что *умение договариваться* — одно из обязательных условий успешного *выстраивания режимных коалиций* — является крайне важным ресурсом в российской локальной политике. Все реальные лидеры изучаемых городских сообществ обладали данным ресурсом. Наиболее показательной в этом отношении стала ситуация, сложившаяся в одном из городов Пермского края, где наибольшим влиянием в районной администрации обладало не первое лицо, а один из его заместителей — во многом благодаря умению выстраивать отношения с другими субъектами политики. Исследование подтвердило один из основных постулатов Стоуна: лидерство и формирование коалиций в локальном сообществе не бывают автоматически (структурно детерминированными), а становятся результатом сознательных усилий акторов, обладающих соответствующей мотивацией, персональными ресурсами и социальным капиталом.

Данное обстоятельством является косвенным свидетельством *сохранения значительной автономии местных акторов и городской политики в целом*. Как и предполагалось, «вертикаль власти» не стала неодолимым препятствием для самостоятельной деятельности субъек-

тов локальной политики в достаточно широком коридоре возможностей. «Самой политики очень много» — таково мнение представителей местной элиты. Власть более высокого уровня, разумеется, так или иначе присутствует. Если территория представляет для нее интерес, то региональная власть *может* осуществлять формирование городского политического пространства и решить ситуацию в своих интересах (обычно для этого используются административные и финансовые ресурсы). Но, как свидетельствуют наши результаты, региональные элиты отнюдь не всегда прибегают к этому, поскольку издержки вмешательства достаточно очевидны. А главное, многие города районного значения, судя по всему, не вызывают особого интереса регионалов и федералов. Таким образом, сложившаяся ситуация не препятствует разнообразию политических практик, доступных на локальном уровне и не исключает возможности формирования стабильной кооперации акторов.

Нами было продемонстрировано, что *коалиционная составляющая городской политики весьма значительна*. В городах возникли коалиции разного характера — как на преимущественно формальной основе, так и неформальные. Наиболее значимые коалиции естественно возникают между акторами, обладающими существенными ресурсами — руководителями города и района, различными институциональными образованиями публичной власти и наиболее влиятельным бизнесом. Состав, характер и основные параметры коалиции зависят от многих факторов, в том числе структурных. В частности, в моногороде Пермского края практически обязательным участником властвующей коалиции является градообразующее предприятие, без ресурсов которого не только невозможно реализовать какие-либо стратегические планы, но даже успешно поддерживать основные функции управления городом. Однако и в этих условиях коалиция не возникает автоматически. Как и у Стоуна, кооперация является не данностью, а скорее проблемой: она должна быть достигнута в результате совместных усилий зависимых друг от друга акторов.

Исследование показало, что формирующиеся коалиции часто не обладают всеми признаками городского режима, но они в любом случае стимулируют обращение к логике режимного анализа, направленного на выявление факторов, обуславливающих формирование и сохранение правящих коалиций, их стабильность и изменчивость. Кто составляет правящую коалицию? Как формируется коалиция? Каковы последствия

осуществления политики правящей коалиции? Эти вопросы, поставленные Стоуном в его исследовании в Атланте (Stone 1989:6), образовали смысловое ядро и нашего исследования. И хотя мы не обнаружили полноценные (по Стоуну) режимы в городах, ставших предметом исследования, зафиксированные нами отношения между акторами имели немало аналогий с американскими и европейскими паттернами.

В частности, инициаторами коалиций (например, между властью и бизнесом), обычно выступают обе стороны, мотивируемые перспективами достижения выгоды от кооперации. Хотя коалиции и не всегда изначально полностью добровольные, *некоторые из них оказываются довольно прочными и не распадаются вместе с изменениями в составе руководства города или компании*. Это обусловлено тем, что участники коалиции так или иначе получают выгоду из сложившихся отношений (не обязательно одинаковую) и потому в целом заинтересованы в ее сохранении; при этом понимание важности выстраивания стабильных отношений между бизнесом и акторами, представляющими публичную власть, присуще обеим сторонам. Как и в других странах, коалиции обычно строятся на комбинации формальных и неформальных договоренностей, что, по Стоуну, является обязательным условием их прочности и эффективности. Наряду со стабильными коалициями, во многом определяющими ключевые аспекты городской политики, возникает немало эпизодических коалиций, создаваемых для решения отдельных или локальных задач. Они хотя и не играют решающей роли в городском политическом пространстве, тем не менее, во многом определяют общий климат отношений и поддерживают сложившиеся правила игры.

Коалиционные отношения складываются и между различными структурами и акторами публичной власти, что вполне характерно для европейских городов. В российских городах, судя по результатам исследования, распространены коалиции между главой (администрацией) города и локальными легислатурами. Хотя принципы и практики формирования местных органов представительной власти далеки от демократических стандартов (их формирование часто фактически зависит от воли местной администрации), а потому исполнительная власть изначально доминирует в этой паре, *отношения между ними все же не являются чисто отношениями командования/подчинения*. Некие предварительные договоренности между сторонами возникают еще на этапе формирования электоральных коалиций, и многие будущие депутаты изначально согласны не противостоять власти, а поддерживать ее. В то

же время, представители исполнительной власти предпочитают выстраивать отношения, опирающиеся на компромисс и торг, а не прямое давление.

Результаты исследования показали, что *некоторые закономерности формирования и функционирования властных отношений, обнаруженные американскими и европейскими исследователями, имеют место и в пространстве отечественной локальной политики*. Например, это было хорошо заметно по результатам исследования в моногороде Пермского края. Властный потенциал градообразующего предприятия оказался очень высок, а конфигурация форм и механизмов его проявления (и прежде всего скрытый по преимуществу характер влияния заводской элиты на городскую политику через «правление предвиденных реакций» и «второе измерение власти») вызвала очевидные ассоциации с ситуациями, описанными М. Кренсоном и Дж. Гэвентой по результатам известных исследований в Гэри и Клеар Фолк Уэлли, в политической сфере которых также доминировали представители крупнейших экономических субъектов, власть которых осуществлялась не столько через механизмы лоббирования и инициации решений, сколько через выстроенную систему предпочтений и позиционирование их интересов как всеобщих (см. Ледяев 2008: 205-224).

Другая закономерность, выявленная по результатам зарубежных исследований городских режимов и в какой-то мере подтвержденная выводами данного исследования, состоит в том, что *в небольших по численности городских сообществах более вероятно складывание режима (квазирежима) сервиса (статус-кво)*. Элементы режима развития, разумеется, тоже присутствуют, но в меньшей степени. Объяснение совпадает с выводами зарубежных исследователей городских режимов: стратегия роста требует существенно большего объема различных ресурсов; в небольших сообществах их, для данных целей, обычно не хватает — как у самой администрации, так и у местного бизнеса. Поэтому возникновение режимов развития в небольших городках наиболее вероятно в тех случаях, когда они включаются в сферу серьезных экономических программ, финансируемых субъектами власти более высоких уровней.

Эти и другие сюжеты свидетельствуют о том, что зарубежный опыт и модели исследования городских режимов вполне релевантны российскому контексту: многие элементы и ресурсы режимного анализа городской политики работают и при объяснении власти в российских локальных сообществах.

Однако проведенное исследование зафиксировало целый ряд *особенностей в практике функционирования властных отношений* в изучаемых городах. Наиболее существенными отличиями российской локальной политической практики от европейской и американской нам представляются следующие:

- (1) не вполне добровольный характер сотрудничества значительной части бизнеса с местной властью, «социальная ответственность бизнеса» и «кооперация» как условие выживания бизнеса;
- (2) преобладание корыстных (эгоистических, корпоративных) мотивов в реальной повестке дня;
- (3) «двойная идентичность» местной политико-административной элиты: многие местные политики и чиновники являются вполне успешными бизнесменами;
- (4) неформальная составляющая существенно превалирует над формальной;
- (5) бóльшая конгруэнтность неформальных механизмов взаимодействия реальной повестке («распил») и характеру отношений между основными акторами (очевидная асимметрия в пользу административного сектора);
- (6) в городах сформировались скорее элитистские структуры власти, а не режимные коалиции: локальные сообщества фактически управляются узкими элитными группами, состоящими из высших представителей администрации, крупнейших бизнесменов и в меньшей степени представителей локальной (городской и районной) легислатур (Чирикова, Ледяев, Сельцер 2014: 88-105).

Эти особенности не ставят под сомнение валидность зарубежных моделей, но требуют, как уже отмечалось ранее, внесения некоторых корректив в теоретические и концептуальные основания исследования. Представляется очевидной необходимость выработки новых классификаций форм власти (режимов), отличных от предложенной Стоуном и европейскими исследователями: из перечисленных Стоуном типов режимов в российских условиях реально возможны только коалиции (режимы) развития и статус-кво. По аналогии с европейскими модификациями стоуновской модели, российская модель также может быть более гибкой и охватывать не вполне добровольные коалиции акторов, которые представляются вполне типичными для стран с сильной авторитарной составляющей. Специальное место в концепции следует уделить роли федеральных и региональных акторов в локальной

политике, которая, судя по всему, более вариативна, по сравнению политическими практиками в Европе и Америке в силу не только территориального многообразия российского социума, но и особой значимости персонального фактора.

Наконец, зарубежные модели могут использоваться и для изучения власти на региональном уровне, который в отечественной исследовательской практике традиционно превалировал над локальным (городским) (*Россия регионов... 2000; Региональные элиты... 2001*); адаптация концепции к региональному уровню вряд ли вызовет особые затруднения, поскольку российское политическое пространство имеет вполне различимые локусы региональной власти, которые уже стали предметом исследования в отечественной политической науке и социологии.

* * *

Таким образом, история изучения власти в городских сообществах демонстрирует в целом успешный опыт развития одной из отраслей социального знания. Зародившись в США, она постепенно получила признание и в странах с иными социально-политическими и институциональными характеристиками; при этом существенные различия контекстов не помешали исследователям из западной, а позднее центральной и восточной Европы использовать зарубежный опыт, получить интересные результаты и поместить исследования власти в локальных сообществах в сравнительную перспективу. В процессе своего развития теоретические модели корректировались, совершенствовались и адаптировались к новым условиям, что и стало залогом их успешного применения. Их растущая популярность в России свидетельствует о том, что отечественная социальная наука постепенно интегрируется в международное научное сообщество и готова внести вклад в изучение феномена власти.

ЛИТЕРАТУРА

Гельман В. Власть, управление и локальные режимы в России // Неприкосновенный запас. 2010. № 2. С. 53-62.

Ледяев В.Г. Городские политические режимы: теория и опыт эмпирического исследования // Политическая наука. 2008. № 3. С. 32-60.

Ледяев В.Г. Изучение власти в городских сообществах: основные этапы и модели исследования // Неприкосновенный запас. 2010. № 2. С. 23-52.

Ледяев В.Г. Социология власти. Теория и опыт эмпирического исследования власти. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2012. С. 393-395.

Ледяев В.Г. Социология власти: теория городских политических режимов // Социологический журнал. 2006. № 3-4. С. 46-68.

Ледяев В.Г. Сравнительные исследования власти в городских сообществах разных стран: проект Делберта Миллера // Сравнительная политика. 2010. № 1. С. 73-90.

Ледяев В.Г., Ледяева О.М. Многомерность политической власти: опыт эмпирического исследования // Элиты и власть в российском социальном пространстве / Под ред. А.В. Дуки. СПб.: Интерсоцис, 2008. С. 205-224.

Пустовойт Ю.А. Городские политические режимы: координация внутриэлитного взаимодействия в крупных индустриальных городах // Государственное управление. Электронный вестник. 2014. Вып. 46. С. 85-106.

Пустовойт Ю.А. Структуры власти в крупных индустриальных городах: теория и практика эмпирических исследований // Индустриальный город в постиндустриальную эпоху. Новокузнецк: НФИ КемГУ, 2013. С. 78-87

Региональные элиты Северо-Запада России / Под ред. А.В. Дуки. СПб.: Алетей, 2001; Чирикова А.Е. Региональные элиты России. М.: Аспект Пресс, 2010.

Россия регионов: трансформация политических режимов / Под общ. ред. В. Гельмана, С. Рыженкова, М. Бри. М.: Весь мир, 2000.

Рыженков С. Локальные режимы и «вертикаль власти» // Неприкосновенный запас. 2010. № 2. С. 63-72.

Туровский Р.Ф. Региональные политические режимы в России: к методологии анализа // Полис. 2009. № 2. С. 77-95.

Чирикова А.Е., Ледяев В.Г. Власть в малых российских городах: взаимодействие исполнительной и законодательной ветвей власти // Мир России. 2015. № 3.

Чирикова А.Е., Ледяев В.Г., Сельцер Д.Г. Власть в малом российском городе: конфигурация и взаимодействие основных акторов // Полис. 2014. № 2. С. 88-105.

Davies J.S., Imbroscio D.L. Introduction: urban politics in the twenty-first century // Theories of Urban Politics. Second edition / Ed. by Jonathan S. Davies and David L. Imbroscio. London: Sage, 2009. P. 2.

Gel'man V., Ryzhenkov S. Local regimes, sub-national governance and the 'power vertical' in contemporary Russia // Europe-Asia Studies. 2011. Vol. 63. № 3. P. 449-465; Ледяев В.Г. Социология власти. Теория и опыт эмпирического исследования власти. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2012. С. 418-442.

Harding A. Regime formation in Manchester and Edinburgh // The New Politics of British Local Government / Ed. by Gerry Stoker. Basingstoke and London: Macmillan, 2000. P. 54-71.

Harding A. The history of community power // Theories of Urban Politics. Second edition / Ed. by Jonathan S. Davies and David L. Imbroscio. London: Sage, 2009. P. 27-39.

Holman N. Following the signs: applying urban regime analysis to a UK case study // *Journal of Urban Affairs*. 2007. Vol. 29. № 5. P. 435-453.

Kantor P., Savitch H.V., Haddock S.V. The political economy of urban regimes // *Urban Affairs Review*. 1997. Vol. 32. № 3. P. 348-377.

Koch F. A new form of urban governance? The polity, politics and policy of urban development in post-socialist Warsaw // *Living in the 21st Century City*. Contributions to the 13th Berlin-Amsterdam Conference. Amsterdam: Amsterdam Institute for Metropolitan and International Development Studies, 2009b. P. 129-139.

Koch F. Housing Markets and Urban Regime: The Case of Warsaw // *Urban Governance in Europe* /Ed. by Frank Eckardt Frank and Ingemar Elander. Berlin: Berliner Wissenschaftsverlag, 2009a. P. 333-357.

Kulcsar L.J., Domokos T. The post-socialist growth machine: the case of Hungary // *International Journal of Urban and Regional Research*. 2005. Vol. 29. № 3. P. 550-563.

Leach R., Percy-Smith J. Local Governance in Britain. London: Palgrave, 2001. P. 1.

Miller D.C. Industry and community power structure: a comparative study of an American and an English city // *American Sociological Review*. 1958. Vol. 23. № 1. P. 9-15; *Miller D.C.* International Community Power Structure. Comparative Studies of Four World Cities. Bloomington and London: Indiana University Press, 1970.

Newton K. Community politics and decision-making: The American experience and its lessons // *Essays on The Study of Urban Politics* / Ed. by Ken Young. London: Macmillan, 1975. P. 12.

Newton K. Second City Politics. Democratic Processes and Decision-Making in Birmingham. Oxford: Clarendon Press, 1976. P. 3.

Pierre J. Models of urban governance: The institutional dimension of urban politics // *Urban Affairs Review*. 1999. Vol. 34. № 3. P. 377-389.

Sagan I. Regions, New Regionalism and Regime Theory: Deciphering Post-Socialist Institutional Change // *De-coding New Regionalism. Shifting Socio-political Contexts in Central Europe and Latin America* /Ed. by James W. Scott. Ashgate: Aldershot, 2008. P. 93-109.

Stone C.N. Regime Politics: Governing Atlanta, 1946-1988. Lawrence: University Press of Kansas, 1989. P. 6.

Stone C.N. The elite view // *Community Power: Directions for Future Research* / Ed. by Robert J. Wast. Beverly Hills: Sage Publications, 1986. P. 84.

REFERENCES

Chirikova A.E., Ledyayev V.G. Vlast v mal'nykh rossiyskikh gorodakh: vzaimodeystvie ispolnitel'noy i zakonodatel'noy vetvey vlasti [*Chirikova A.E., Ledyayev V.G.* Power in small Russian towns: the interaction of the executive and legislative branches] // *Mir Rossii*. 2015. № 3 (in Russian).

Chirikova A.E., Ledyayev V.G., Seltser D.G. Vlast v malom rossiyskom gorode: konfiguratsiya i vzaimodeystvie osnovnykh aktorov [*Chirikova A.E., Ledyayev V.G.,*

Seltzer D.G. Authorities in a small Russian town: the configuration and interaction of the main actors] // Polis. 2014. № 2. P. 88-105 (in Russian).

Davies J.S., Imbroscio D.L. Introduction: urban politics in the twenty-first century // Theories of Urban Politics. Second edition / Ed. by Jonathan S. Davies and David L. Imbroscio. London: Sage, 2009. P. 2.

Gel'man V., Ryzhenkov S. Local regimes, sub-national governance and the 'power vertical' in contemporary Russia // Europe-Asia Studies. 2011. Vol. 63. № 3. P. 449-465; Ледяев В.Г. Социология власти. Теория и опыт эмпирического исследования власти. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2012. С. 418-442.

Gelman V. Vlast, upravlenie i lokalnyie rezhimy v Rossii [Gelman V. Power, Control and local regimes in Russia] // Neprikosnovennyiy zapis. 2010. № 2. P. 53-62 (in Russian).

Harding A. Regime formation in Manchester and Edinburgh // The New Politics of British Local Government / Ed. by Gerry Stoker. Basingstoke and London: Macmillan, 2000. P. 54-71.

Harding A. The history of community power // Theories of Urban Politics. Second edition / Ed. by Jonathan S. Davies and David L. Imbroscio. London: Sage, 2009. P. 27-39.

Holman N. Following the signs: applying urban regime analysis to a UK case study // Journal of Urban Affairs. 2007. Vol. 29. № 5. P. 435-453.

Kantor P., Savitch H.V., Haddock S.V. The political economy of urban regimes // Urban Affairs review. 1997. Vol. 32. № 3. P. 348-377.

Koch F. A new form of urban governance? The polity, politics and policy of urban development in post-socialist Warsaw // Living in the 21st Century City. Contributions to the 13th Berlin-Amsterdam Conference. Amsterdam: Amsterdam Institute for Metropolitan and International Development Studies, 2009. P. 129-139.

Koch F. Housing Markets and Urban Regime: The Case of Warsaw // Urban Governance in Europe /Ed. by Frank Eckardt Frank and Ingemar Elander. Berlin: Berliner Wissenschaftsverlag, 2009. P. 333-357.

Kulcsar L.J., Domokos T. The post-socialist growth machine: the case of Hungary // International Journal of Urban and Regional Research. 2005. Vol. 29. № 3. P. 550-563.

Leach R., Percy-Smith J. Local Governance in Britain. London: Palgrave, 2001. P. 1.

Ledyayev V.G. Gorodskie politicheskie rezhimy: teoriya i opyt empiricheskogo issledovaniya [Ledyayev V.G. Urban political regimes: Theory and Practice of an Empirical Research] // Politicheskaya nauka. 2008. № 3. P. 32-60 (in Russian).

Ledyayev V.G. Izuchenie vlasti v gorodskih soobschestvah: osnovnyie etapy i modeli issledovaniya [Ledyayev V.G. The study of power in urban communities: the basic stages of research and models] // Neprikosnovennyiy zapis. 2010. № 2. P. 23-52 (in Russian).

Ledyayev V.G. Sotsiologiya vlasti. Teoriya i opyt empiricheskogo issledovaniya vlasti [Ledyayev V.G. Sociology of power. Theory and Empirical Research of power]. Moscow, Izdatelskiy dom Vyisshey shkoly ekonomiki, 2012. P. 393-395 (in Russian).

Ledyayev V.G. Sotsiologiya vlasti: teoriya gorodskih politicheskikh rezhimov [Ledyayev V.G. Sociology of power: theory of urban political regimes] // Sotsiologicheskii zhurnal. 2006. № 3-4. P. 46-68 (in Russian).

Ledyayev V.G. Sravnitelnyie issledovaniya vlasti v gorodskih soobshchestvakh raznykh stran: proekt Delberta Millera [Ledyayev V.G. The comparative study of power in the urban communities of different countries: draft Delbert Miller] // Sravnitel'naya politika. 2010. № 1. P. 73-90 (in Russian).

Ledyayev V.G., Ledyayeva O.M. Mnogomernost politicheskoy vlasti: opyt empiricheskogo issledovaniya [Ledyayev V.G., Ledyayeva O.M. The multidimensionality of the political power: practice of the Empirical study] // Elity i vlast v rossiyskom sotsialnom prostranstve / Pod red. A.V. Duki. SPb.: Intersotsis, 2008. P. 205-224 (in Russian).

Miller D.C. Industry and community power structure: a comparative study of an American and an English city // American Sociological Review. 1958. Vol. 23. № 1. P. 9-15; Miller D.C. International Community Power Structure. Comparative Studies of Four World Cities. Bloomington and London: Indiana University Press, 1970.

Newton K. Community politics and decision-making: The American experience and its lessons // Essays on The Study of Urban Politics / Ed. by Ken Young. London: Macmillan, 1975. P. 12.

Newton K. Second City Politics. Democratic Processes and Decision-Making in Birmingham. Oxford: Clarendon Press, 1976. P. 3.

Pierre J. Models of urban governance: The institutional dimension of urban politics // Urban Affairs Review. 1999. Vol. 34. № 3. P. 377-389.

Pustovoyt Yu.A. Gorodskie politicheskie rezhimy: koordinatsiya vnutrielitnogo vzaimodeystviya v krupnykh industrialnykh gorodakh [Pustovoyt Yu.A. Urban political regimes: the coordination of intra-elite interactions in the major industrial cities] // Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyy vestnik. 2014. Vyip. 46. P. 85-106 (in Russian).

Pustovoyt Yu.A. Strukturyi vlasti v krupnykh industrialnykh gorodakh: teoriya i praktika empiricheskikh issledovaniy [Pustovoyt Yu.A. The power structure in large industrial cities: theory and practice of empirical studies] // Industrialnyi gorod v postindustrialnuyu epokhu. Novokuznetsk, NFI KemGU, 2013. P. 78-87 (in Russian).

Regionalnyie elity Severo-Zapada Rossii [Regional elites in the North-West of Russia] / Ed. A.V. Duka. SPb, Aletyya, 2001; Chirikova A.E. Regionalnyie elity Rossii [Chirikov A.E. The regional elite of Russia]. Moscow, Aspekt Press, 2010 (in Russian).

Rossiya regionov: transformatsiya politicheskikh rezhimov [Regions in Russia: the transformation of the political regimes] / ed. V. Gelmana, S. Ryizhenkova, M. Bri. Moscow, Ves mir, 2000 (in Russian).

Ryizhenkov S. Lokalnyie rezhimyi i «vertikal vlasti» [*Rizhenkov S.* Local modes and the “vertical of power”] // *Neprikosnovennyiy zapas*. 2010. № 2. P. 63-72 (in Russian).

Sagan I. Regions, New Regionalism and Regime Theory: Deciphering Post-Socialist Institutional Change // *De-coding New Regionalism. Shifting Socio-political Contexts in Central Europe and Latin America* / Ed. by James W. Scott. Ashgate: Aldershot, 2008. P. 93-109.

Stone C.N. Regime Politics: Governing Atlanta, 1946-1988. Lawrence: University Press of Kansas, 1989. P. 6.

Stone C.N. The elite view // *Community Power: Directions for Future Research* / Ed. by Robert J. Wast. Beverly Hills: Sage Publications, 1986. P. 84.

Turovskiy R.F. Regionalnyie politicheskie rezhimyi v Rossii: k metodologii analiza [*Turovsky R.F.* Regional political regimes in Russia: a methodology for analyzing] // *Polis*. 2009. № 2. P. 77-95.

Чирикова А.Е.

НЕВИДИМАЯ ВЛАСТЬ В ПРОЕКЦИИ МАЛЫХ РОССИЙСКИХ ГОРОДОВ¹

Статья посвящена выявлению влияния криминала и посткриминального бизнеса на ситуацию в малых городах. Представители криминального мира, представители посткриминального бизнеса не могут быть отнесены к городской элите, но во многих городах они тесно взаимодействуют с ней. Основной массив информации о выраженности криминального влияния на городское сообщество был получен нами на основе глубинных интервью с высшими руководителями городской власти, с ведущими бизнесменами, директорами предприятий, руководителями СМИ, партийными активистами и региональными экспертами двух городов, а также двух районов Пермского Края N и M, и города в Ивановской области. Всего было проведено 54 интервью.

Ключевые слова: *власть, криминал и посткриминал во власти, посткриминальный бизнес и местные элиты*

ВВЕДЕНИЕ

Изучение власти в локальных сообществах является одним из наиболее продвинутых направлений исследования в современной политической науке и социологии (Ледяев 2012). Интерес к теме обусловлен не только тем, что городские сообщества могут выступать в качестве модели анализа власти в социуме. Власть в городе интересна сама по себе; образуя системообразующее ядро городской политики, она во многом определяет характер и особенности его экономической, социальной и духовной жизнедеятельности.

В последнее десятилетие городские сообщества стали объектом исследования и российских политологов (Гельман, Рыженков, Белокурова, Борисова 2002; Гельман 2010; Тев 2006; Такаяя... 2007; Назукина, Сулимов 2008; Панов 2008; Ледяев, Чирикова 2013 и др.). Однако многие важнейшие аспекты функционирования власти в городских сообществах (конфигурация акторов городской политики, отношения между ними и стабильность коалиций, повестка дня и стратегии режимов,

¹ Статья написана в рамках проекта «Власть в малом городе», поддержанного РГНФ. Грант № 14-03-00151

влияние внешних акторов городской политики и др.) пока получили лишь частичное освещение. В том числе и вопрос о криминалитете и посткриминальном бизнесе. Обозначение же позиций именно этого актора в городском пространстве может помочь понять, как соотносятся формальные ресурсы (позиция) и иные инструменты влияния в локальном политическом пространстве. В каких случаях топ позиция в формальной иерархии не обеспечивает лидерства ее носителям? Как распределяются ресурсы различного типа в локальном сообществе? Насколько кумулятивны ресурсы власти? Эти вопросы актуальны в отношении любых уровней политической власти. Особенно интересны они в контексте изучения политической практики в малых городах, где, как нам представляется, информация распространяется быстрее, городское пространство лучше проглядывается, а акторы в процессе интервью более открыты, что дает возможность реально изучить проблему криминалитета, которая в иных случаях является табуированной для чиновников и тем более руководящего уровня чиновников.

На наш взгляд, выявление влияния криминала и посткриминального бизнеса возможно, прежде всего, на основе экспертных оценок тех, кто находится внутри властных структур и хорошо знает ситуацию распределения политических ресурсов в реальной, а не в нормативной проекции. Поэтому основной массив информации о выраженности криминального влияния на городское сообщество был получен нами на основе глубинных интервью с высшими руководителями городской власти, с ведущими бизнесменами, директорами предприятий, руководителями СМИ, партийными активистами и региональными экспертами двух городов и одного района Пермского Края, а также города в Ивановской области. Всего было проведено 54 интервью.

Мы отдаем себе отчет в том, что адекватно оценить реальный расклад сил во властных институтах достаточно сложно. Тем более проследить криминальную составляющую, которая во многих случаях мифологизирована. Однако мы не сомневаемся в том, что мнения действующих властных акторов, городских бизнесменов, экспертов способны лучше прояснить ситуацию, нежели действующие нормативные документы, в которых просто нет места невидимым акторам власти. Полученная картина влияния криминала на ситуацию в малых городах, описанная с помощью оценок элит, может отличаться известной субъективностью, однако выстроить полную объективную картину влияния криминала на власть и ситуацию в городе вряд ли возможно в принципе.

Размышляя о «невидимой власти в городах», мы столкнулись не только с трудностью методического обеспечения исследования, но с той удивительной ситуацией вакуума исследовательской информации об обозначенной проблеме. Интернет заполнен бесконечными разоблачающими материалами, рассказами о конкретных историях, когда криминал бесчинствует на своих территориях, однако научных работ с хорошим исследовательским багажом не оказалось совсем. Именно поэтому мы сочли возможным объединить в этой работе отдельные высказывания о криминальном и посткриминальном влиянии, хорошо осознавая тот факт, что предложенный материал вряд ли является системным. Тем не менее, в силу закрытости темы, и этот материал может представлять интерес для исследователей, хотя бы в качестве материала, который можно использовать «для тонкой настройки гипотез» в будущем эмпирическом анализе.

Начиная свой анализ криминального влияния, мы исходили из того, что говорить об уровне влияния криминальных акторов на власть в городах с полной определенностью трудно, но отрицать ее влияние вряд ли возможно. Представители криминального мира, представители посткриминального бизнеса не могут быть отнесены к городской элите, но во многих городах они тесно взаимодействуют с ней, о чем уже писалось в более ранних наших региональных исследованиях (См., например: Чирикова 2010). В постсоветской России в деятельности криминальных структур прослеживается определенная логика. На первом этапе своего существования они зарабатывают деньги. На втором — пытаются легализовать накопленный капитал. А на третьем — стремятся либо установить контакты с представителями власти, либо приобрести собственную политическую легитимность.

В ходе проведенного эмпирического исследования в 2011-2014 гг. тема влияния посткриминальных структур на городскую политику особенно заметно прослеживалась на примере трех малых городов и двух районов, получивших обозначение X, Y (моногород) и А (Пермский Край и Ивановская область) а также двух районов Пермского Края N. Исследование, как уже говорилось выше, проводилось с помощью метода интервью с ключевыми политическими лидерами и ведущими экономическими акторами в этих малых городах. Заметим, что развернутость полученных нами ответов по этому вопросу была различной, поэтому степень глубины описания ситуации в городах и районах может разниться от случая к случаю.

СЛУЧАЙ Y-ГОРОД И РАЙОН (N) НА РЕКЕ ЧУСОВОЙ

Информация, полученная в ходе интервью с элитами города Y, однозначно позволяет утверждать, что криминал, в том числе посткриминальный бизнес, претендует на влияние не только на экономических игроков, но и на представителей городской и районной власти.

Важно отметить, что свою претензию на особое влияние в городе криминальные структуры начали предъявлять еще в начале 90-х годов. В те годы практически все бизнес-структуры были вынуждены «платить дань» криминалитету в лице ее лидера.

Пик влияния криминалитета на экономическую ситуацию в городе был достигнут к середине 2000-х годов. Недаром опрошенные нами представители городской и районной власти свидетельствуют о том, что практически все сколько-нибудь заметные предприниматели города «обкладывались данью» и были вынуждены делиться своими доходами ради возможности продолжать начатое ими дело. Особенно это затрагивало строительные фирмы: «Всеми строителями в 2000-е годы командовал небыизвестный X, лидер криминальной группировки, умерший в 2005 году. Строительные фирмы и фирмочки были все его. Как они сами выражаются, они все были под ним, и носили ему деньги. В ключевых. Заводу эта система не понравилась, и завод меня направил во власть», - замечает в своем интервью нынешний глава района N.

Характеризуя личность преступного лидера, один из наших экспертов обращает внимание на его уникальные личностные данные: «У него был уникальный дар убеждения. Это была магическая личность... Ему невозможно было не подчиняться. Под его влияние попадал любой, кого он хотел приблизить к себе...».

Завод, в этой ситуации, восстав против городского криминалитета, послал своего человека на баррикады, и война началась. Была она довольно тяжелой, и для некоторых предпринимателей обернулась угрозой для жизни, которая вполне могла бы стать реальностью, если бы лидер криминальной группировки неожиданно для всех не ушел из жизни: «Когда были выборы главы района, наши интересы с преступным лидером столкнулись, в одном из округов. Я тогда занимался выборами. Мне начались звонки с определенными намеками. Мне пришлось семью отправить в другой город. Самому пришлось скрываться. Мне угрожали, на меня бросались с ножницами. Все было серьезно. Это был переломный момент для всего города по части криминального контроля. Я вызвал своих знакомых из спецназа, из города Тольятти, мы

готовились к тому, чтобы дать отпор... Но этой ночью умирает преступный предводитель. Он считал меня отчасти своим человеком. Когда мне надо было развивать свой бизнес, я приходил к нему и платил деньги. Это делали все предприниматели, не только я. Иначе бизнесу было не выжить», — замечает в своем интервью известный в городе предприниматель.

Особенностью этого периода является не только стремление криминалитета контролировать и подчинять себе городской бизнес, но и стремление стянуть на себя властные функции в городе, взяв под контроль тогдашнего городского голову и заставляя его изменять свои решения в пользу криминальных сил: «С главой администрации была такая история. Это были, наверное, 2000-е годы. Он тогда был бессменным градоначальником. Отношения между главой и заводом были в то время ровные и спокойные. Но в какой-то момент становится ясно, что глава человек не очень самостоятельный, в плане принятия решения. За ним стоят некие силы. Поэтому решения, которые хотел получить от него завод, не всегда выполнялись с его стороны. Объяснение простое, — он человек зависимый... Естественно, что отношения между ним и заводом постепенно шли к разрыву. В 2005 году нам деваться было некуда, мы благословили своего кандидата и направили его во власть. Причем уговаривать его пришлось довольно долго. Мы были заинтересованы во вменяемом человеке. Поэтому мы решили поставить во власть человека реального и спокойного. За которым не было бы криминальных сил», — замечает один из респондентов.

В последние годы тогдашний глава вновь работает на посту главы города Y и вновь пользуется поддержкой завода, так как его руководители убеждены — опытному городскому лидеру удалось уйти из под контроля криминальных структур.

Случилось это не только потому, что завод победил в этой борьбе, вытеснив криминал на периферию городских политических процессов, а прежде всего из-за того, что новому лидеру криминальных групп не удастся держать город и его основных экономических и властных игроков в прежнем страхе: «Криминальные группы в городе после смерти преступного лидера потеряли свое влияние. Прежде всего, в его лице они потеряли руководителя, который мог собрать всех воедино. И всех держать. Правая рука X, который считался авторитетом, потому что он сидел, сунулся было командовать городом, но у него не получилось. Он и сегодня есть. Он достаточно грамотный человек. Обладает опреде-

ленным ресурсом, имеет определенный авторитет в городе. Но с прежним лидером ему не сравниться», — замечает один из наших респондентов.

Некоторые из опрошенных респондентов даже убеждены, что нынешний криминальный лидер отходит от прежних правил, а его сегодняшний статус вообще нельзя назвать в чистом виде криминальным: «Нынешний лидер на самом деле не криминален. Это некий антураж, который вокруг него был создан. Даже не вокруг него, а вокруг Х в свою бытность. Я не слышал в последние пять лет ничего криминального, чтобы предпринял он сам или его люди. Я точно знаю строителей, которые ему не подвластны. У него есть подконтрольная структура, как у любого бизнесмена. В том числе и в строительном бизнесе. От этого никуда не деться, так исторически сложилось. Эта фирма раньше выигрывала конкурсы. Они раньше выигрывала все подряды по городу. За прошедшее время образовалось несколько фирм, которые им не подконтрольны и не подвластны, но он пытается с ними разговаривать. Я убежден, откровенный криминал остался в прошлом. Такого влияния у нынешнего лидера, какое было у умершего, нет. А нынешний лидер и его сторонники ушли от открытого криминального бизнеса, и достаточно давно. Про их реальные дела я не слышу уже в течение, наверное, 10 лет. Но этот антураж пока остается».

К схожей позиции склоняется и другой наш хорошо информированный респондент: «Прежний лидер был серьезный человек, но он умер. А нынешний лидер просто смотрящий», — убеждена политолог-эксперт.

Самое главное, что не удастся новому лидеру, — это «воссоздать криминальную семью, которая была раньше», — убежден нынешний генеральный директор градообразующего предприятия.

Весьма характерно, что несостоявшийся до конца лидер криминального мира пытается договариваться с бизнесом по модели торга, что очень сближает криминалитет с властными институтами, которые весьма часто находят взаимопонимание с бизнесом, используя именно эту модель договоренностей: «Нынешний лидер никогда не переходит на открытый криминал. Он всегда пытается договариваться по типу: ты мне, я тебе. Это всегда некая сделка. Если люди ему идут навстречу, то только потому, что он им что-то дает взамен. Ему вполне можно сказать нет. Но когда он приглашает людей к себе на встречу, то некоторые могут и сломаться. Страх остается. Однако с теми, кто говорит ему нет, ничего не происходит, и это все знают».

Однако позицию ограниченного влияния криминального и посткриминального бизнеса на ситуацию в городе разделяют далеко не все эксперты. Некоторые из респондентов говорят о перегруппировке сил среди криминальных структур, что позволяет воскликнуть: «Король умер, да здравствует король!» Новый король имеет многоликое лицо, и, похоже, не собирается отказываться от своих честолюбивых планов в будущем: «Есть сейчас один. Есть другой, который в свое время с первым воевал. Теперь они с другой стороны лезут, и не намерены прекращать свои попытки любой ценой восстановить свой контроль над городом».

У городской и районной власти в сложившейся ситуации остается одна задача — «перекрыть криминалу денежные потоки, которые они собирают в виде дани с тех, кто не их», — и это хорошо осознает нынешний лидер районной власти.

Именно он говорит о необходимости закрытия фирм, находящихся под влиянием криминала, что он в действительности и делает, хорошо осознавая, при этом, что при такой стратегии путь во власть криминалу будет существенно затруднен: «Пусть все не думают, что глава района и его команда в представлениях о возможностях криминала, просто Никитки. Я всю жизнь был производственником, и прямой как луч лазера. Если по-крупному говорить, то выборы — это видимая сторона айсберга. А невидимая — она гораздо больше. До сих пор продолжают попытки криминала влезть во власть и подмять под себя бизнес. В ответ мы продолжаем эти фирмочки гнобить».

Несмотря на то, что новый глава администрации города не связан с криминалитетом, тем не менее, посткриминальный бизнес не оставляет надежды проникнуть во власть.

Еще во времена правления прежнего лидера криминального мира наступление на власть было предпринято не только с помощью подчинения городского главы администрации, но и путем проникновения в Земское собрание криминальных фигур, которое, по мнению некоторых, увенчалось успехом: «Когда у нас были выборы в 2005 году и мы выбирали Земское собрание, вот тогда уже все были лидеру подконтрольны. В том числе и заводское руководство. Но беспредела не было. Чтобы начать работать, надо было к нему придти и заплатить. Если ты не будешь платить, тебя или посадят или застрелят. Или еще что-то с тобой сделают. В этой ситуации стать депутатом Земского собрания, если тебя поддерживал всесильный, не представляло труда. И все это понимали, но молчали...». Таким образом, во власти оказыва-

лись не только те, кто непосредственно принадлежал к криминальной группе, но те, которые под страхом физической или моральной расправы были согласны проводить интересы криминала в представительной власти города или района.

Сегодня, по мнению экспертов, криминальные силы представлены двумя группами лиц — спортсменами и бандитами, которые ведут себя инициативно и даже втягивают в свою орбиту недовольных властью предпринимателей. Цели у них вполне амбициозные — захватить ресурс, который есть у городской и районной администрации: «Спортсмены и бандиты представляют тех, кто хочет управлять городом... Они самодостаточны, у них есть свой бизнес, связанный с игровыми автоматами. Их контролируют наши пермские авторитеты. Они растут, они принимают в свою коалицию крупных предпринимателей. Тех, которые ссорятся с властью. Так что спортивно-криминальная группировка сегодня активно лезет во власть. И через определенное время она может захватить часть политического ресурса», — убежден один из наших респондентов.

В сегодняшней ситуации особенно активны эти силы в период предвыборной борьбы: «Криминал очень серьезно заявил о себе. Организация выборов с их стороны была настолько хорошо организована, что они за два месяца смогли раскрутить человека и набрать приличный процент. Речь в данном случае идет о посткриминальном бизнесе, который очень опасен и опасность проникновения его во власть пока плохо осознается нынешними властными фигурами», — полагает заместитель главы администрации района N, курирующий политические процессы в районе.

Несмотря на это, он убежден: бороться против криминала необходимо, иначе их «поход во власть» может дать непредсказуемые результаты: «Мне дорого обошлись эти выборы. Я играл на поле главы района, потому что другого не криминального поля просто не было. Я ищу сейчас другие способы решения этой проблемы. Я потратил много сил против криминала, у меня появились седые волосы, но я хорошо понимаю, что такие люди не должны быть у власти сегодня».

Убеждение в том, что приход криминала во власть в городе и районе — это вполне реальная опасность, которая может стать осязаемой в ближайшие два года, разделяет и предприниматель города Y, занимающийся выборными технологиями: «Спортсмены и бандиты пытаются влиять на решения власти в городе и районе. Последние выборы пока-

зали, что они наращивают свой контроль в городе. Криминала там не так много, но он есть, что естественно. Они пытаются влиять на власть. Пока у них нет мест в представительной власти, но в 2013 году они рванут во власть с необычайной силой».

Весьма показательно, что глава администрации города У, бывший предприниматель, хорошо осознает криминальную опасность, и со своей стороны убежден, что в последующие годы «невидимая сила в городе» обязательно себя проявит публично. Поэтому надо учиться с ней договариваться. Ради сохранения политической и экономической стабильности в городе: «Моя позиция — на будущих выборах пытаться договориться со всеми. В том числе и с криминально-спортивной группировкой. Они все равно сила в городе. К 2013 году, когда будут первые муниципальные выборы, спортивно-криминальная коалиция выдвинет своего кандидата и даст фору району... Надо быть к этому готовыми».

СЛУЧАЙ X — ГОРОД И РАЙОН (М) НА РЕКЕ ИРЕНЬ

В городе X влияние на городскую ситуацию криминальных и посткриминальных сил прослеживается не столь отчетливо. По мнению экспертов, «нежелание криминала в открытую соваться в политику», обусловлено тем, что они в городской политике уже присутствуют, но через «своих людей». К таким своим людям некоторые эксперты относят лиц, пришедших на высшие посты в городскую и районную власть из милиции, где они долгое время занимали высокие милицмейские посты начальника городского УВД, заместителя начальника УВД и др. Именно они, по некоторым оценкам, в настоящее время взаимодействуют с криминальными структурами и в известной мере представляют их интересы во власти: «Трудно сказать, что происходит и как на самом деле, но ходят разговоры о том, что милицмейские не зря потянулись во власть. У них простроенные отношения с криминалом по принципу «ты мне — я тебе». Насколько криминал силен в городе сказать трудно, но то, что он стремится влиять на власть по «невидимым каналам» — это точно», — убежден один из наших респондентов.

Описывая ресурсы влияния главы района М, один из экспертов замечает в своем интервью: «Если говорить о коалициях, то у нового руководителя района коалиция, по-русски говоря, связана с бандитами, несмотря на то, что он из силовых структур. Получается, по факту, что одно другому не мешает. Там очень сильный криминал. Но эти связи не такие гласные и явные. Не исключено, что связь с криминалом есть

и у первого заместителя главы города. Но связи главы района с криминалом, они более явные. Он сейчас создает очень мощную команду. Они перетягивают хороших специалистов из администрации города. Он при всем при этом, очень мудрый человек, не исключено, что это единственно возможный выход в сложившейся ситуации».

Даже в том случае, если эксперты преувеличивают влияние криминалитета на городскую и районную власть, а вышеназванные фигуры связаны с криминалитетом благодаря своей прежней работе, все же нельзя исключить тот факт, что готовность криминальных структур проникать во власть, и с помощью своих людей реализовывать свои цели, весьма высока. В любом случае городская власть всегда была «лакомым кусочком» для людей со сложным прошлым, а их стремление перетянуть всю власть на себя, безусловно, имеет не только политические, но и прежде всего экономические основания. Нельзя не признать, что обладание политической властью расширяет возможности «экономического захвата» предпринимательского слоя, который бывает тем послушнее, чем большими политическими и силовыми ресурсами обладают их оппоненты.

СЛУЧАЙ А — ГОРОД НА ВОЛГЕ

В городе А посткриминал как игрок городской политики является вполне заметной фигурой, хотя и не занимает политических постов.

Причина усиления криминала в городе — объединение ресурсов влияния посткриминала и исполнительной власти в городе. Результат не замедлил сказаться — криминальные фигуры заняли руководящие посты.

Как такое стало возможным? Одна из основных причин — слабость городской власти и низкий контроль со стороны области. Нельзя не отметить, что лидеры городской власти за последний год сменились четыре раза. Это расшатало власть. И позволило криминальным фигурам фактически в открытую вести переговоры о совместном выгодном сотрудничестве с замом главы администрации, которая оставалась во власти на протяжении последних 10 лет. Эксперты уверены, — нужные связи формировались в открытую, но сама заместитель настаивала на том, что подобных связей с криминалом у нее нет, и быть не может: «Есть некая криминальная фигура. Он некоторое время просто не вылезал из ее кабинета... Все спрашивали, а что происходит? Она в ответ: «Ну что Вы спрашиваете, какие у меня с ним могут быть дела? Хватит

разговоры разговаривать...». Когда транспортный проект был внесен в Думу, один из депутатов ее прямо спросил: «А сколько Вы с этого иметь будете? Зачем Вы меня обвиняете неизвестно в чем, — вот был ее ответ...»

Длительность пребывания во власти позволила ей выстроить устойчивые взаимовыгодные отношения по одной версии с этническим криминалом, по другой — с русской мафией. По крайней мере, именно так считает один из наших информантов, работающий пресс-секретарем в городской думе, и утверждающий, что никакие сигналы о ее связях не доходят до верха, и беспредел продолжается: «У первого заместителя главы транспорт и бизнес строительный, связанный с нерусскими. Это армяне и дагестанцы, которые занимаются строительными подрядами... Они из ее кабинета не вылезали, и сейчас это продолжается... Что они там делают, эти люди с большими носами?... Не знаю, у меня если честно, унылость то в чем?.. Весь город знает и видит, что происходит. Я лично общался с федеральной службой безопасности... Лично показывал фотографии... Это знают все... Но никто ничего не делает. Если уж ФСБ ничего не делает, тогда я не знаю... Наверное, это совсем высоко, крыша которая у нее есть».

С ним согласен и новый глава администрации, который успел разобраться со сложившейся ситуацией в городе, хотя и пробыл пока во власти всего полгода и даже предпринял некоторые действия, чтобы в перспективе с полным основанием снять ее с занимаемой должности: «Да, она связана с криминалом Я ей специально, когда пришел отдал под контроль вопросы достаточно лакомые, чтобы ее можно было поймать с поличным... Я взял ее действия под контроль... Все знают, что она связана с криминалом, даже в области. Транспорт и рынки, это все у нее... Я это хорошо знаю...».

С чем связано такое ее долголетие во власти? Почему при смене первых лиц ей удавалось сохранять властные позиции, несмотря на все курсирующие слухи про связи с криминалом? Ответ прост — городская мифология иногда оказывается сильнее реальности и предопределяет действия лиц, принимающих решения: «Здесь существует две непонятные легенды. Одна — в том, что ее поддерживает народ. Это миф. Ее поддерживают на самом деле несколько бабушек. И никакие общественные организации за ней не стоят... Никакого контроля за общественными организациями она не осуществляет. В общественном совете — там на 90% коммунисты. Некоторые думают, что существенную

роль она играет в выборном процессе. Но это не так. У меня жена в избирательной комиссии... Она знает эту систему изнутри... Да, она там есть... Может быть этот миф предопределяет поведение тех, кто решает. А вдруг без нее все рухнет, в смысле настроений населения... Она умеет создать вокруг себя ощущение своей нужности и незаменимости... Организовать чаепитие с бабушками. Да и у азербайджанских диаспор она курирует только одну их часть, которая занимается строительством. А остальных — нет. Это очередной миф», — убежден пресс-секретарь городской думы.

Размышляя о том, какие черты характера предопределяют ее длительное время нахождения во власти, лидер коммунистов в городской думе обращает внимание на следующие особенности личности первого заместителя: «Все педагоги умеют находить подход к людям. А она педагог. Она нашла ключ к общественным организациям. Что общественным организациям надо? Подарочек купили, стол организовали... Особенно людям преклонного возраста надо показать уважение и понимание. Этим она и взяла... У нее не отнимешь душевности и способностей педагогических. Она может пойти на встречу с коммунистами, когда все отказываются. У нас с ней никогда не было столкновений. Предложили ей возложить цветы к памятнику Ленина, она согласилась и сделала. Она никогда не шла поперек коммунистов. Был назначен автопробег. Она попросила меня его отменить. Я не согласилась. Она приняла это, и злобы у нее на меня не было. Она восприняла это как должное. В тоже время человек она со скрытыми пружинами. И это не только я говорю».

Важно то, что пользуясь своей договороспособностью, в последние годы ей удалось связать с криминалом не только удержать, но и развить. При этом она открыто рискует, никого не боится, несмотря на то, что в таком небольшом городе жизнь человека проглядывается весьма просто: «Я не знаю, не могу понять, откуда такая власть у нее... Хотя при прежнем губернаторе она не вылезала... Правда стоит сказать, что до такого уровня не спускался. Она в последние годы совсем обнаглела. Дала декларацию о доходах. Там указано: 800 тыс рублей она заработала за год. Это официальный документ, его прокуратура проверяет... У нее согласно декларации нет ничего: ни дивидендов, ни доли, ни акций... А сын ее ездит на мерседесе Jk-100 за три миллиона... Вторая машина за 2 млн. Откуда такие деньги? И главное, что она не боится, ничего не боится... И это все помещается в красивую обо-

лочку, мы общаемся с бабушками и дедушками...», — убежден наш информант.

Нельзя сказать, что криминалитет оживился исключительно в последние годы, хотя сегодня, благодаря связям с властью он получил дополнительные, весьма серьезные позиции в городе: «Криминалитет в городе был всегда. Особенно в середине 90-х. Потом они исчезли, кого посадили, кто сам не вылезал... Сейчас они снова вылезли. Сейчас они в лице мадам, о которой мы говорим, имеют очень серьезные позиции в городе. Они контролируют тот же рынок, что здесь говорить... Они в транспорте, они в торговле... Это трудно отследить. Видимо она очень умная или очень хитрая, такой мозг должен быть, чтобы всем этим вертеть... Но самое главное — наверху все знают, и не остановят. Пусть они у себя в областной столице не замечают, но здесь город маленький, здесь все видно... Здесь сто метров до рынка и 100 метров до транспорта... Мы все на одном пяточке...».

В период безвременья, за шесть месяцев до интервью, когда искалась подходящая кандидатура для занятия поста главы администрации областной властью, именно она на период четыре месяца оказалась исполняющей обязанности главы администрации города, несмотря на то, что некоторые независимые депутаты настаивали на ее снятии: «Мы по ее поводу о ее связях с криминалом всем сигнализировали... Председателю областной думы, заму областной думы, вице-губернатору... Мы им говорили, давайте мы проголосуем в городской думе и освободим ее от работы... Нет, мы не можем, она руководит партией. Она была секретарем партии ЕР. Все в одних руках... Нас уговаривали, Вы не шумите, губернатор идет на выборы. Давили по всем позициям... В это время как раз провели конкурс по рынкам... Она этим воспользовалась, решила тут свой личный корыстный интерес. Ничего у нас не получилось и пока не получается», — замечает в своем интервью депутат, бывший мэр города.

Вице губернатор, в свою очередь, убежден, что снять ее было бы нужно, тем более, что область пыталась остановить ее некоторые назначения, но политическая ситуация не позволила этого сделать: «Да, я не дал ее увольнять, потому что в данной ситуации важно было контролировать крупные фигуры конфликта. Если бы мы пообещали ее снять, то дума не проголосовала за нашу кандидатуру главы администрации. Часть депутатов были за нее. Тут надо было приоритеты расставлять, хотя она реально работала с бандитами, и мы это знали».

Размышляя о конфликте элит, который следовало погасить, вице-губернатор считал возможным говорить о том, что на самом деле в исполнительной власти города было два заместителя главы администрации, связанных с криминалом, и они конфликтовали между собой¹. Но не это главное. Главное было в том, что за каждой из конфликтующих групп стояли свои силы в области, и этот конфликт следовало остановить любой ценой: «В городе раскол элит произошел даже не по политическому признаку. Там сошлись экономические интересы, причем было две группы. В одной из них фигура, которая исполняла обязанности главы четыре месяца. С другой стороны, — еще один заместитель главы. Там сошлись также большие областные интересы... Одна группа областной элиты поддерживала одних, там даже дошло до поддержки криминальных структур, а другая — их оппонентов. Наша фигурантка, опираясь на нашу русскую мафию, заручившись поддержкой председателя областной думы. Он сейчас признает, что он совершал ошибку, их поддерживая. С другой стороны, находились люди, которые опирались на этническую преступность. На чеченцев. Для нас же самый главный вопрос для города был — не пустить туда этническую преступность. Поэтому пришлось лавировать».

Цена промедления оказалась достаточно высокой. Нарушая все формальные правила, отлично понимая, что о ее связях знают в области, она, тем не менее, поставила своего человека на «хлебное место», вызвав следующую волну возмущения у городских элит: «Когда сюда назначали нового главу администрации, то на встрече с общественностью вице-губернатор прямо сказал, что сигналов на нее очень много... У нас есть информация, и мы не можем ее здесь оставить.. Он публично подтвердил, что им это известно... Он сказал это на камеры, он интервью давал... Сам губернатор говорил, что слишком много на нее сигналов... Но тем не менее. Она продолжает действовать. Назначила руководителем муниципального рынка своего человека... Против него было правительство, которое сказала, что его ни в коем случае нельзя назначать... Она его все равно продавала. Это самое сладкое место в городе, рынок... Это человек, которого с прежнего места работы уволили за полчаса...», — замечает один из наших информантов.

¹ Информации о связях другого заместителя с криминалом в наших интервью получено не было.

Сама история появления этого кандидата на пост руководителя рынка остается весьма непрозрачной. По крайней мере, так считает один из депутатов, бывший мэр: «Проводят конкурс. На место претендует начальник автовокзала областной столицы. Причем в конкурсной документации пишут, что этому человеку разрешена работа по совместительству. Наши местные, которые пришли на конкурс, сразу пролетели... Мы задаем вопрос, этот человек работает в областной столице, как он будет руководить нашим рынком? Ему разрешено это делать по совместительству, отвечают нам. Вот и разберись, какие у них там сцепки? Но они, очевидно, есть, не без выгоды для заместителя главы, которая сделала все, чтобы именно его назначили».

И произошло это вопреки тому, что в области ее предупредили, назначенную кандидатуру она ни в коем случае не должна поставить на руководство рынком.

Но, видимо, она уже не могла поступить иначе «Судя по всему, ее пригласил вице-губернатор и сказал, что этого человека ставить на это место нельзя. Правительство области ей дало прямую команду этого не делать. А у нее как у главы администрации было право вынести решение: можно работать по совместительству. Она так и сделала, несмотря на запрет. Раз поставила, значит, не могла поступить иначе. Здесь есть два момента Первый — ее прижали. Там есть определенная группировка. Или дали ей столько денег, чтобы она приняла это решение и не могла поступить иначе», — замечает один из депутатов, который много занимался тем, чтобы донести нужную информацию о союзе криминала и власти в городе до области.

Возникает вопрос, так ли незаменима эта фигура на поле городской политики? Так ли она эффективна на своем месте? Кто именно должен принять необходимые шаги, чтобы отодвинуть ее от власти?

На вопрос об эффективности действий первого заместителя главы, если не учитывать ее связей с криминалом, элиты дают скорее негативный, нежели позитивный ответ. По крайней мере, так считает заместитель председателя городской думы, представляющая в думе коммунистов: «Этого недостаточно, как она сегодня работает. Она уже была заместителем по организационным вопросам. Но ведь нам нужен человек, который не просто организатор. Нам нужен хозяйственник, который разбирается во многих вопросах. У нас первый заместитель всегда был помощником главы. Он разбирался во всех вопросах. Хозяйственных, административных, управленческих. Ему все это было доверено.

А сейчас непонятно, почему была сделана такая перестановка. Некоторые говорят, что она нужна, чтобы провести выборы... Я понимаю, что выборы — это главное. Но это с другой стороны не главное. Главное — это город. А ей власть нужна. Человек она очень непрозрачный. И она не будет довольствоваться обычными выгодами от власти. Она всегда найдет свою нишу ради получения выгоды... Она умеет поворачивать власть себе на пользу. Это так и есть».

На вопрос о возможности перераспределении власти в команде также дается весьма определенный ответ: это возможно и необходимо. Но пока лидер городской власти по разным причинам, среди которых немалую роль играют выборы губернатора и позиция областной власти, этого сделать не может: «Новый глава администрации взял замом по экономике человека из областной столицы. Я его пока не видел. Если он ему передаст от скандального заместителя земельные и имущественные отношения, тогда опасность будет меньше. Я бы у нее еще и транспорт забрал...и отдал бы в отдел экономики. Или передал это другому заму, у которого не так много обязанностей. Сидела бы она на общих вопросах — канцелярия, кадры... Пусть работает, ей этого достаточно. И всем спокойнее», — замечает один из информантов.

На вопрос о характере взаимоотношений нового главы администрации и первого заместителя хорошо информированные лица отвечают однозначно: «Глава администрации хочет подставить ее, а она его».

Тем не менее, представители законодательной власти в городе подтверждают тот факт, что пока криминал до власти представительной в городе не дошел. По крайней мере, так считает заместитель председателя городской думы: «Влияние криминала на город проглядывается, но в представительной власти их пока нет. Слава богу. Если бы они были, мы бы это знали».

Однако слабые следы влияния криминала на представительную власть все же прослеживаются: «У нашего первого зама есть муж-водитель. Так он встретил депутата и стал ему объяснять, как он должен голосовать, по тем или иным вопросам. Спросите, причем тут муж? Это фигурное лицо большую роль играло в нашем городе. Просто муж, но мы не знаем всех тонкостей ...»

Несмотря на явное отсутствие криминала в представительной власти, сегодня не исключено, что завтра все может измениться: «Слава богу, что сегодня в думе их нет. Но уже сейчас они через известную мадам начинают компанию по выборам в думу осенью. Им мало иметь

деньги, им надо сидеть во власти. Она ведь сама занимается выборами, у нее участки, у нее общественные организации. Так что шансы у них есть, если эту женщину не остановить», — считает пресс-секретарь городской думы.

Таким образом, проведенный анализ позволяет говорить о том, что соединение, пусть частичное, ресурсов исполнительной власти и криминального бизнеса является весьма опасным и открывает криминалу новые ниши городского бизнеса, в которые проникнуть, при другом раскладе сил, им было бы просто невозможно.

Поражает явная нерешительность и нежелание всех действующих фигур во власти разбираться со сложившейся ситуацией. Хотя очевидно, что промедление, может привести к оккупации не только власти исполнительной, но и представительной.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, проведенное исследование позволяет однозначно утверждать — следы криминальной экспансии во власть, продемонстрированные на эмпирических примерах, вряд ли можно назвать явлением уникальным. Скорее, это достаточно развитые практики, которые редко описываются социологами и политологами, так как информация о подобных процессах чаще всего хранится в архивах определенных силовых структур. Однако это не означает, что стратегии криминала в борьбе за власть нельзя изучать, тем более что нет никаких явных сигналов о том, что в ближайшие годы он откажется от своих намерений и притязаний на власть в российских городах.

Почему криминалу и посткриминалу так важно завоевать власть в городе или районе? Как минимум можно выделить два ценностных основания для подобной экспансии. Первое — экономическое. Больше власти — больше ресурсов. Второе, скорее, связано с желанием изменить свой статус в социуме, который, тем не менее, никак не хочет меняться. Виной всему незавершенность и противоречивость ценностной структуры этих людей. Ведь криминальный и посткриминальный бизнес в России сегодня уже не хвастается галстуками, но еще не имеет той системы ценностей, которая позволяла бы отнести их к законопослушным гражданам своей страны. Приоритет ценности силы на фоне низкой ценности жизни этому не способствует.

Как бы ни был похож обычный бизнес на посткриминальный, между тем и другим все же существует одно ключевое различие: посткри-

минальный бизнес постоянно находится на распутье. Он способен жить одновременно по законам цивилизованного рынка и по законам рынка криминального, руководствуясь соответственно двумя разными системами ценностей. Это усложняет прогноз его будущего поведения. На какую из них он будет ориентироваться завтра, какие соблазны способны привести к внутреннему переключению с одних ценностей на другие, остается неясно. Эта неопределенность обуславливает высокий уровень недоверия к подобному бизнесу, хотя иногда он действует социально активно, проявляя, может быть даже бóльшую социальную и политическую активность, чем все остальные. В свою очередь, стремление к политической легализации скорее сближает этот бизнес со всеми остальными экономическими субъектами определенного масштаба, чем разъединяет их.

ЛИТЕРАТУРА

Гельман В. Власть, управление и локальные режимы в России // Неприкосновенный запас. 2010. № 2. С. 53-62.

Гельман В., Рыженков С., Белокурова Е., Борисова Н. Автономия или контроль? Реформа местной власти в городах России, 1991-2001. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2002.

Ледяев В.Г. Социология власти. Теория и опыт эмпирического исследования власти в городских сообществах. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2012.

Ледяев В.Г., Чирикова А.Е. Губернатор и его команда в пространстве городской политики малых российских городов // Вестник Пермского университета. 2013. № 3. С. 4-25.

Назукина М.В., Сулимов К.А. Символическая репрезентация локальных политических сообществ: Пермский край и Свердловская область // Политическая наука. 2008. № 3. С. 158-174.

Панов П.В. Локальная политика в разных измерениях // Политическая наука. 2008. № 3. С. 9-31.

Такая разная Россия. Политические процессы и местные сообщества в малых городах / Ред. О.Б. Подвинцев. Пермь: Издательский дом «Типография купца Тарасова», 2007.

Тев Д. Политэкономический подход в анализе местной власти. К вопросу о коалиции, правящей в Санкт-Петербурге // Политекс. 2006. Т. 2. № 2. С. 99-121.

Чирикова А.Е. Региональные элиты России. М. Аспект-Пресс. 2010.

REFERENCES

Chirikova A.E. Regionalnyye elity Rossii [Chirikova A.E. The regional elite of Russia]. M. Aspekt-Press. 2010.

Gelman V. Vlast. upravleniye i lokalnyye rezhimy v Rossii [Gelman V. Power, control, and local regimens in Russia]. // Neprikosnovennyi zapas. 2010. № 2. Pp. 53-62.

Gelman V., Ryzhenkov S., Belokurova E., Borisova N. Avtonomiya ili kontrol? Reforma mestnoy vlasti v gorodakh Rossii. 1991-2001. [Gelman V., Ryzhenkov S., Belokurova E., Borisova N. Autonomy or control? The reform of local government in the cities of Russia, 1991-2001]. SPb: Evropeyskiy universitet v Sankt-Peterburge. 2002.

Ledyayev V.G. Sotsiologiya vlasti. Teoriya i opyt empiricheskogo issledovaniya vlasti v gorodskikh soobshchestvakh. [Ledyayev V.G. Sociology of power. Theory and Empirical Research of power in urban communities]. M.: Izdatelskiy dom Vyshey shkoly ekonomiki. 2012.

Ledyayev V.G., Chirikova A.E. Gubernator i ego komanda v prostranstve gorodskoy politiki malyykh rossiyskikh gorodov [Ledyayev V.G., Chirikova A.E. The governor and his team in the space of the city policy of small Russian towns]. // Vestnik Permskogo universiteta. 2013. № 3. Pp. 4-25.

Nazukina M.V., Sulimov K.A. Simvolicheskaya reprezentatsiya lokalnykh politicheskikh soobshchestv: Permskiy kray i Sverdlovskaya oblast [Nazukina M.V., Sulimov K.A. Symbolic representation of local political communities: Perm Territory and Sverdlovsk region] // Politicheskaya nauka. 2008. № 3. Pp. 158-174.

Panov P.V. Lokalnaya politika v raznykh izmereniyakh [Panov P.V. Local policies in different dimensions] // Politicheskaya nauka. 2008. № 3. Pp. 9-31.

Takaya raznaya Rossiya. Politicheskiye protsessy i mestnyye soobshchestva v malyykh gorodakh [Such different Russia. Political processes and the local communities in small towns] / Red. O.B. Podvintsev. Perm: Izdatelskiy dom «Tipografiya kuptsa Tarasova». 2007.

Tev D. Politekonomicheskiy podkhod v analize mestnoy vlasti. K voprosu o koalitsii, pravayashchey v Sankt-Peterburge [Tev D. Political economy approach in the analysis of the local authorities. On the question of the coalition ruling in St. Petersburg] // Politeks. 2006. T. 2. № 2. Pp. 99-121.

ABSTRACTS

A. Duka. Preface

PROBLEMS OF THE ELITE STUDIES

A. Duka. Reasons for Power Elites' Functioning

The paper offers a conceptual frame for an explanation of reasons for power elites' functioning. Reasons are elements of societal reality without which the very existence and functioning of elites is impossible. Three sorts of such reasons are structural, institutional, and cultural ones. Structural reasons deal with social structure of society. Complex societies need a stratified hierarchical government that is a product of a division of labor. A membership of specific individuals in a given group is linked to a multi-factor and multilevel process of social differentiation. Nevertheless, being formed as a certain entity, an elite strives to anchor its position and to become stable as a group in the course of time. Temporal reproduction, inclusion into social relationships, and a fulfilling of functions in a social system in its depersonalized form is linked to elite's institutional characteristics. Elites are longer and larger than are persons who form them. Due to their position in the society power groups aspire to assign characteristic for all the society and to set frames of existence for individuals and social groups. Elites play institutionalization part for the society and its groups. At the same time elites are exposed to normalization by the society. However fixed in normative acts norm asymmetry as a principle of hierarchical distribution for possibilities and subordinations stays a significant institutional difference. Cultural reasons for elites' existence define their meaning and importance in social space and time. (Self)-identification, drawing of group boundaries, and building of social distances are an important part of elite identity. Apart from internal cultural certainty elites presents themselves within a frame of an integrated cultural space as a part of people, nation, or ethnicity. This is one of reasons for legitimating of their social status. On the other hand, simultaneously elites strive to define public discourse; they define and re-define meaning of public symbols in order to provide themselves with a dominant position.

Keywords: power elites, identity, identification, hierarchies, social disproportions, institutions, social orders, institutional orders

A. Zotkin. The Information Dominance of Elites in the Conditions of the Weakening of National States

The article analyzes the trends of the transformation of power relations. The attention is focused on the meaning-formation function of the ruling elites. The coercion and the threat of sanctions as the main tools of authorities in the context of dominance of technology and information in the social life are used less. Influence, beliefs, correction of values and symbolic world of the individual become more effective governance mechanisms.

Keywords: power, the ruling elite, information, influence, meanings, values

POLITICAL ELITES IN THE INTERNATIONAL CONTEXT

N. Lapina. The Peculiarities of the French Political Elite

Public has fallen under the impression that there is a special national elite model in France. The scientific literature characterize this model by having of the privileged “big school’s” diploma by the elite members, a high degree of homogeneity of elite community, the closeness of elites, and their belonging to the higher strata of society. The author verifies the relevance of existing claims and studies out whether there is still France’s national model of elite in the beginning of the XXI century. The composition of the French political elite, both formal and informal features of belonging to the elite strata are under the investigation in the article. The research is based on interviews with French politicians and experts that were conducted by the author in France (2012-2014). It is shown that the main formal features of the French political elite are big pool of recruitment and broad social base, training in exclusive educational institutions, local/party rootedness, and endurance in the elite status, ties between politics, policy and public service, loyalty to the Republican Pact, respect for the French culture. There are the knowledge of elite codes, language skills, the ability to create closed social networks and accumulate social capital among the informal attributes of belonging to the elite.

Keywords: France, elites, recruitment, staff career, public service, profession of politician, formal features of the elite, informal attributes of the elite.

O. Malinova. Making use of the foreign ‘Others’: comparative analysis of representations of the USA and the PRC in the rhetoric of the Russian presidents (2000-2015).

The article presents the results of a study of the use of images of the United States and China, held on the material of the speeches of the Presidents

of the Russian Federation from 2000 to 2015. The aim of the analysis was to identify and classify the main frames of representation of the American and Chinese Other and also to follow the dynamics of their use in the context of the legitimation of the political course. The analysis showed that the images of the American and Chinese Other - a symbolic resource that president of Russia actively used in this context. The author concludes that in spite of the obvious differences in evaluations (Chinese Other more often mentioned in a positive way, than the American), the image of the Chinese Other bears almost no “existential” load. Desecuritization strategy is actively used in his representation. In contrast, American Other, despite the fact that he is often represented with a negative evaluation, and as a threat to Our security, retains considerable “existential” potential.

Keywords: Significant Other, the US, China, legitimation, President.

THE MECHANISMS AND PRACTICES OF POWER

A. Soloviev. Russian Ruling Elite: the mechanisms and the technologies of political domination

In the article on the basis of objective understanding of the location of the elite in the system of state power and management, it shows the specificity of the performance of its political and administrative functions of the Russian ruling class. In this regard, highlights the factors contributing to the gradual forfeiting domestic elite talent for professional and equitable allocation of public resources. It is shown that this situation ultimately leads to the formation of political orders, showing that the ruling class of unjustified privileges in obtaining community resources, legal rights, social opportunities, etc. Classify this situation as a form of political domination of the ruling elite, the author reveals the basic political, legal and information technology, allowing it to hold a dominant position in the Russian society and to preserve the distribution of public goods in their favor.

Keywords: the ruling elite, political domination, social interests, the interests of the ruling elite, the balance of political power, representation of civil interests, political, legal mechanisms and information and technology holding power of the ruling elite.

O. Podvintsev. Attempt of the Formation of New Political Elites in Russia's Regions: goals, mechanisms, outcomes (2012-2014)

Abstract: The article considers the policy of the Federal center to build additional support in the regions of Russia by recruitment of the authority

figures from not-political fields, as well as “men of the people” into the political elite. Its main mechanisms were Vladimir Putin’s “trustees” and ONF (People’s Front for Russia). Due to a number of reasons, according to the author, such a policy was doomed to fail.

Keywords: regional elites, federal centre, elections, political recruitment, electoral potential.

A. Sungurov. Authorities and Expert Community: the institutions and practices of cooperation in the Russian regions

The article focuses on comparative analyses of different organizational forms and practices of the communication between the power structures and expert community in Russian regions. In addition, essential tendencies and variations of such communication in 1990s years and in the first 15 years of the current century were analyzed. This investigation is based on the information presented in the Internet, materials of printed and electronic mass media, as well as that of 70 interviews with representatives of four groups of respondents — representatives of the power, community organizations, and mass media and of the scientific community. Three basic modes of emergence and development of “think tanks” as well as other self-organization forms in Russian regions are characteristic for the 1990s years. At the beginning of this century, we can find seven forms of surviving such organizations.

Key words: power, authorities, expert communities, think tanks, communication of regional authorities and expert communities, survival models of expert communities.

ETHNO-POLITICAL CONFLICTS

V. Achkasov. The role of elites in provoking and escalating ethno-political conflicts.

The article analyzes the role of “ethnic entrepreneurs” in the escalation of ethnic conflicts and their transformation into ethno-political one. In addition, the aim of these actors in their activity in systematic ethnization of political and social issues is under the investigation. Consequently, the author studies out conflicts that emerged while the struggle for access to power and scarce resources, and interprets them as a manifestation of the mutual incompatibility of the ethnic groups. Therefore, in a case the official institutions do not try to prevent the politicization of ethnicity or do not have

the capacity and resources to do it and there is no civil society organizations and institutions or they are too weak to take part in the decision-making process, the question of security dilemma for ethnic groups emerges.

Key words: Ethnicity, ethno-political conflicts, politicization of ethnicity, “ethnic entrepreneurs”, security dilemma, nationalism.

A. Magomedov. The Kremlin and the Post-Soviet “Trench Heroes”: The history of the instrumental use of political charisma from Shamanov to Strelkov

The article analyzes the history of the instrumental use of the political charisma of the post-Soviet «trench heroes» on the example of Vladimir Shamanov and Igor Strelkov. It is noted that in the post-Soviet period the relationship of the Kremlin and «trench heroes» has always been difficult in the sense that the Kremlin saw in the last challenge to its own political and ideological monopoly. The author examines various aspects of the difficulty of Strelkov as a heroic figure to the Kremlin. It has been shown that he is problematic as Putin’s rival for the role of leader of the «Russian world», and as a potential rival of Putin in the upcoming presidential election of 2018; that charisma of Strelkov represents a challenge to Putin’s charisma; that Strelkov is problematic as the person who stands out sharply from the «power vertical»; finally, Strelkov especially dangerous as the ideologist and the spokesman of Donbas political and social alternative. In conclusion of the article the two directions of integration of Strelkov in regime are analyzed.

Keywords: Strelkov, Shamanov, the Kremlin, «trench heroes», charisma.

ADMINISTRATIVE ELITES

A. Tev. Elite Higher Education: The main “forges” of senior administrators abroad and in Russia

The article is devoted to the institutions of higher education, which is the main forge of elite administrative cadres abroad and in Russia. The author shows that in some major developed countries a small group of elite universities plays an important role in the preparation and recruitment of senior administrators. In particular, in Japan — first of all, the University of Tokyo, in the US — universities of “Ivy League” located on the east coast of the country’s. The system of elite higher education in developed countries performs a number of functions, promoting intergenerational reproduction of the privileged and ruling groups in society, integration and legitimation of the elite.

Next, the author examines the question of what universities are recruiting channels federal administrative elite of Russia. The findings are based on results of an empirical study of educational characteristics of the administrative elite of the Russian Federation (total 575 persons) as of November — December 2013. It is noted that in Russia a central place in the preparation of the administrative elite occupied universities located in the capital, Moscow, whose graduates are overrepresented among senior officials, especially members of the government. This trend may be due to several factors: a disproportionately high share of the natives of Moscow in the elite; high quality and prestige of education that metropolitan universities provide; as well as the positive relationship between the graduation of the capital's educational institutions and employment opportunities in Moscow, where the central apparatus of the federal authorities is located. Essential as the site of the first higher education of administrative elite are higher educational institutions of Leningrad — St. Petersburg, whose contribution to the higher education of future administrators a much greater than their role in the preparation of the specialists with higher education as a whole.

The author shows that among the universities in which federal administrative elite has received the first higher education, there is a group of educational institutions — above all, the Moscow State University, St. Petersburg State University and Moscow State Institute of International Relations, which play a leading role in the preparation of power persons, especially government members and officials of the presidential administration, and, in this sense, can be called “elite” universities. Among the structural units of these universities the law faculty of St. Petersburg State University and the faculty of Economics of Moscow State University are prominent forges of elite personnel. Joint training of future members of the elite in the same high schools, favoring the forming of friendly relations between them, may further contribute to the intra-elite cohesion and act to “pull” factor of elite recruitment.

Keywords: administrative elite, elite education, universities, recruitment, intra-elite integration.

A. Bystrova. Ownership and Power: declarations of regional upper bureaucrats

In the article the role of income and equity declarations of regional bureaucrats is analyzed for the completion of public control over revenues

and spending's of public service men, the prevention of corruption. The lawfully defined rules and procedures of presentation and making public through upper service people do not provide enough information about their incomes and spending's. Nevertheless the publishing of these documents enlarges the public control possibilities over persons with power functions. The comparison of official incomes of regional upper servicemen with average incomes of regions people shows well the social distance and the incomes inequality. These kinds of distances are also observed by the comparison of upper region servicemen with ordinary bureaucrats.

Key words: regional elites, ownership and power, income declarations, corruption, inequality.

POWER AND ELITES IN URBAN COMMUNITIES

V. Ledyayev. The Study of Power in Urban Communities: the Russian perspective

Can foreign cognitive models be successfully applied to the study of Russian politics? This issue is discussed via the analysis of the application of American research models for the study of power in European and Russian urban communities. For a long time the US theories has not been widely recognized outside of the US. The situation has changed since the 1990s with the emergence of the "urban regime theory" which overcame the shortcomings of earlier approaches to the study of power in local communities and gradually began to be used by researchers of Western and Eastern Europe in the authentic (classic) version and (more often) after certain modifications. In the European versions the concept of "urban regime" has become wider and more flexible that has allowed to take into account the specifics of the new political and institutional context. The first empirical studies of power in Russian urban communities performed in the tradition of urban regime analysis showed that despite the significant differences between Russian and western political and cultural contexts including those associated with the weakness of the legal framework and the strong authoritarian component of the Russian policy, the international experience is definitely relevant. It helps to clarify research issues, develop working hypotheses, systematize existing theoretical and conceptual resources, classify power forms and regimes, put the Russian power studies in a comparative perspective.

Keywords: power, small town, local politics, urban regimes, foreign experience

A. Chirikova. Invisible Power in the Russian Small Towns

The article focuses on the impact of crime and post-criminal business at the situation in small towns. Representatives of the criminal world and the representatives of post-criminal business cannot be attributed to the urban elite, but in many towns they have worked closely with power structures. The bulk of the information about the crime impact on the urban community was obtained in depth interviews with top leaders in local government, with leading businessmen, directors of enterprises, heads of the media, party activists and regional experts in two towns and one district of the Perm Region, and the towns in the Ivanovo region. Altogether 54 in depth interviews were conducted.

Keywords: power, authorities, crime in power, post-criminal business, local elites.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Ачкасов Валерий Алексеевич, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой международных политических процессов факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета (val-achkasov@yandex.ru).

Быстрова Алла Сергеевна, кандидат экономических наук, ученый секретарь Социологического института РАН (abc_46@mail.ru).

Дука Александр Владимирович, кандидат политических наук, заведующий сектором социологии власти и гражданского общества Социологического института РАН, доцент кафедры теории и философии политики факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета (alexander-duka@yandex.ru).

Зоткин Андрей Алексеевич, кандидат социологических наук, ученый секретарь Института социологии Национальной академии наук Украины (and-zotkin@yandex.ru).

Лапина Наталья Юрьевна, доктор политических наук, главный научный сотрудник Отдела глобальных проблем Института научной информации по общественным наукам РАН (lapina_n@mail.ru).

Ледяев Валерий Георгиевич, Ph.D. (Manchester, Government), доктор философских наук, профессор кафедры анализа социальных институтов Государственного университета — Высшей школы экономики (valeri_ledyaev@mail.ru).

Магомедов Арбахан Курбанович, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой «Связи с общественностью» Ульяновского государственного университета (magom@mv.ru).

Малинова Ольга Юрьевна, доктор философских наук, главный научный сотрудник отдела политической науки Института научной информации по общественным наукам РАН; профессор кафедры сравнительной политологии Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России (МГИМО) (malinova@rapn.ru).

Подвинцев Олег Борисович, доктор политических наук, директор Пермского филиала Института философии и права Уральского отделения РАН по исследованию политических институтов и процессов; профессор Пермского государственного университета (podvintsev2009@yandex.ru).

Соловьев Александр Иванович, доктор политических наук, профессор кафедры политической теории факультета Политологии МГИМО (У) МИД России; заведующий кафедрой политического анализа факультета государственного управления МГУ им. Ломоносова (alesol@mail.ru).

Сунгуров Александр Юрьевич, доктор политических наук, профессор, зав. департаментом прикладной политологии Национального исследовательского университета — Высшей школы экономики (Санкт-Петербургский филиал) (asungurov@mail.ru).

Тев Денис Борисович, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник сектора социологии власти и гражданского общества Социологического института РАН (denis_tev@mail.ru).

Чирикова Алла Евгеньевна, доктор социологических наук, главный научный сотрудник Сектора исследований личности Института социологии РАН (chirikova_a@mail.ru).

CONTRIBUTORS

Achkasov, Valeriy, Dr. of Sc. (Political Sc.), Prof., Head of the International Politics department, St. Petersburg State University, Faculty of Political Science (val-achkasov@yandex.ru).

Bystrova, Alla, Candidate of Sc. (Economics), Research officer. Sociological Institute, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg) (abc_46@mail.ru).

Chirikova, Alla, Dr. of Sc. (Sociology), main researcher Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow) (chirikova_a@mail.ru).

Duka, Aleksandr, Candidate of Sc. (Political sc.), Head of the Department of Sociology of authority, power structures and civil society, Sociological Institute, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg). Assistant Professor of the Department of Theory and Philosophy of Politics, St. Petersburg State University, Faculty of Political science (alexander-duka@yandex.ru).

Lapina, Natalia, Dr. of Sc. (Political Sc.), main researcher of the Global Problems department, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (Moscow) (lapina_n@mail.ru).

Ledyaev, Valeriy, PhD, Dr. of Sc. (Political Sc.), Professor of the Department of the Analysis of Social Institutions (Moscow) (valeri_ledyaev@mail.ru).

Magomedov, Arbahan, Dr. of Sc. (Political Sc.), Prof., Public relations department, Ulyanovsk state university (magom@mv.ru).

Malinova, Olga, Dr. of Sc. (Philosophy), main researcher of the Department of political science, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (Moscow); professor of the Comparative Politics department, MGIMO-University (malinova@rapn.ru).

Podvintsev, Oleg, Dr. of Sc. (Political Sc.), director of the Perm branch of the Institute of Philosophy and Law of the Ural department of the Russian Academy of Sciences; professor of the Perm State University (podvintsev2009@yandex.ru).

Soloviev, Aleksandr, Dr. of Sc. (Political Sc.), Prof., Head of the Political Analysis department, Moscow State University, Faculty of Public administration (alesol@mail.ru).

Sungurov, Aleksandr, Dr. of Sc. (Political Sc.), Prof., Head of the Department of Applied Political Science, Higher School of Economics (St.Petersburg branch) (asungurov@mail.ru).

Tev, Denis, Candidate of Sc. (Sociology), senior researcher of the Department of Sociology of authority, power structures and civil society, Sociological Institute, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg) (denis_tev@mail.ru).

Zotkin, Andrey, Candidate of Sc. (Sociology), Research officer. Institute of Sociology of the Ukrainian National Academy of Sciences (Kiev, Ukraine) (and-zotkin@yandex.ru).

Научное издание

ВЛАСТЬ И ЭЛИТЫ

ТОМ 2

Под редакцией А.В. Дуки

Редактор *Д.В. Ткачук*
Компьютерный макет *Н.И. Пашиковской*

Подписано в печать 18.12.2015.
Формат 60×84/16. Усл. п. л. 27,2. Уч.-изд. л. 28,2.
Печать офсетная. Тираж 300 экз. Заказ № .

Издательство «Интерсоцис».
191060, Санкт-Петербург, ул. Смольного, д. 1/3, 9-й подъезд.

Отпечатано с диапозитивов в типографии «Ренومه».
192007, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 40